

СОЧИНЕНІЯ

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО

ТОМЪ II

Издание Н. А. Основскаго

МОСКВА

1860.

СОЧИНЕНІЯ

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

МОСКВА.

Въ типографіи Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Москва, 29 Января 1860 года.

Ценсоръ *А. Драшусовъ.*

ДЯДЮШКИНЪ СОНЪ.

(Изъ Мордасовскихъ лѣтописей)

ГЛАВА I.

Марья Александровна Москалева, конечно, первая дама въ Мордасовѣ, и въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Она держитъ себя такъ, какъ будто ни въ комъ не нуждается, а, напротивъ, всѣ въ ней нуждаются. Правда, ее почти никто не любитъ и даже очень многіе искренно ненавидятъ; но за то ее всѣ боятся, а этого ей и надобно. Такая потребность есть уже признакъ высокой политики. Отчего, напримѣръ, Марья Александровна, которая ужасно любитъ сплетни и не заснетъ всю ночь, если наканунѣ не узнала чего-нибудь новенькаго, — отчего она, при всемъ этомъ, умѣетъ себя держать такъ, что, глядя на нее, въ голову не прійдетъ, чтобъ эта сановитая дама была первая сплетница въ мірѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Мордасовѣ? Напротивъ, кажется: сплетни должны исчезнуть въ ея присутствіи; сплетники краснѣть и дрожать, какъ школьники передъ господиномъ учителемъ; и разговоръ долженъ пойти не иначе, какъ о самыхъ высокихъ матеріяхъ. Она знаетъ, напримѣръ, про койкого изъ Мордасовцевъ такія капитальныя и скандалѣзныя

вещи, что расскажи она ихъ, при удобномъ случаѣ, и докажи ихъ такъ, какъ она умѣетъ доказывать, то въ Мордасовѣ будетъ лиссабонское землетрясеніе. А между тѣмъ она очень молчалива на всѣ эти секреты, и расскажетъ ихъ развѣ ужъ въ крайнемъ случаѣ и то не иначе, какъ самымъ короткимъ пріятельницамъ. Она только пугнетъ, намекнетъ — что знаетъ, и лучше любить держать человѣка или даму въ непрерывномъ страхѣ, чѣмъ поразить окончательно. Это умъ, это тактика! — Марья Александровна всегда отличалась между нами своимъ безукоризненнымъ *comme-il-faut*, съ котораго всѣ берутъ образецъ. На счетъ *comme-il-faut* она не имѣетъ соперницъ въ Мордасовѣ. Она, напримѣръ, умѣетъ убить, растерзать, уничтожить какимъ-нибудь однимъ словомъ соперницу, чему мы свидѣтели; а между тѣмъ покажетъ видъ, что и не замѣтила, какъ выговорила это слово. А извѣстно, что такая тонкая черта есть уже принадлежность самаго высшаго общества. Вообще во всѣхъ такихъ фокусахъ она перецеголяетъ самаго Пинетти. Связи у ней огромныя. Многіе изъ посѣщавшихъ Мордасовъ уѣзжали въ восторгѣ отъ ея пріема и даже вели съ ней потомъ переписку. Ей даже кто-то написалъ стихи, и Марья Александровна съ гордостію ихъ всѣмъ показывала. Одинъ заѣзжій литераторъ посвятилъ ей свою повѣсть, которую и читалъ у ней на вечерѣ, что произвело чрезвычайно пріятный эффектъ. Одинъ нѣмецкій ученый, нарочно пріѣзжавшій изъ Карльсруэ, изслѣдовать особенный родъ червячка съ рожками, который водится въ нашей губерніи, и написавшій объ этомъ червячкѣ четыре тома *in-quarto*, такъ былъ обвороженъ пріемомъ и любезностію Марьи Александровны, что до сихъ поръ ведетъ съ ней почтительную и нравственную переписку изъ самаго Карльсруэ. Марью Александровну сравнивали даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, съ Наполеономъ. Разумѣется, это дѣлали въ шутку, ея враги, болѣе для каррикатуры, чѣмъ для истины. Но, признавая вполне всю странность такого сравненія, я осмѣлюсь однакоже сдѣлать одинъ невинный вопросъ: отчего,

скажите, у Наполеона закружилась, наконецъ, голова, когда онъ забрался уже слишкомъ высоко? Защитники стараго дома приписывали это тому, что Наполеонъ, не только не былъ изъ королевскаго дома, но даже былъ и не *gentilhomme* хорошей породы; а потому, естественно, испугался наконецъ своей собственной высоты и вспомнилъ свое настоящее мѣсто. Не смотря на очевидное остроуміе этой догадки, напоминающее самыя блестящія времена древняго французскаго двора, я осмѣлюсь прибавить въ свою очередь: отчего у Марьи Александровны никогда и ни въ какомъ случаѣ не закружится голова, и она всегда останется первой дамой въ Мордасовѣ? Бывали, на примѣръ, такіе случаи, когда всѣ говорили: «Ну какъ-то теперь поступить Марья Александровна, въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ?» Но наступали эти затруднительныя обстоятельства, проходили и — ничего! Все оставалось благополучно, по прежнему, и даже почти лучше прежняго. Всѣ, на примѣръ, помнятъ, какъ супругъ ея, Афанасій Матвѣичъ, лишился своего мѣста, за неспособностію и слабоуміемъ, возбудивъ гнѣвъ пріѣхавшаго ревизора. Всѣ думали, что Марья Александровна падетъ духомъ, унижится, будетъ просить, умолять, однимъ словомъ опуститъ свои крылышки. Ничуть не бывало: Марья Александровна поняла, что уже ничего больше не выпросишь и обдѣлала свои дѣла такъ, что нисколько не лишилась своего вліянія на общество и домъ ея все еще продолжаетъ считаться первымъ домомъ въ Мордасовѣ. Прокурорша Анна Николаевна Антипова, заклятой врагъ Марьи Александровны, хотя и другъ по наружности, уже трубила побѣду. Но когда увидѣли, что Марью Александровну трудно сконфузить, то догадались, что она гораздо глубже пустила корни, чѣмъ думали прежде.

Кстати, такъ какъ ужъ объ немъ упомянули, скажемъ нѣсколько словъ и объ Афанасіѣ Матвѣичѣ, супругѣ Марьи Александровны. Во первыхъ, это весьма представительный человѣкъ по наружности и даже очень порядочныхъ правилъ; но въ критическихъ случаяхъ онъ какъ-то теряется и смот-

рить, какъ баранъ, который увидалъ новыя ворота. Онъ необыкновенно сановитъ, особенно на именинныхъ обѣдахъ, въ своемъ бѣломъ галстухѣ. Но вся эта сановитость и представительность—единственно до той минуты, когда онъ заговорить. Тутъ ужъ, извините, хоть уши заткнуть. Онъ рѣшительно не достоинъ принадлежать Марьѣ Александровнѣ; это всеобщее мнѣніе. Онъ и на мѣстѣ сидѣлъ единственно только черезъ геніальность своей супруги. По моему крайнему разумѣнію, ему бы давно пора въ огородъ пугать воробьевъ. Тамъ, и единственно только тамъ, онъ бы могъ приносить настоящую, несомнѣнную пользу своимъ соотечественникамъ. И потому Марья Александровна превосходно поступила, сославъ Афанасія Матвѣича въ подгородную свою деревню, въ трехъ верстахъ отъ Мордасова, гдѣ у нея сто двадцать душъ,—мимоходомъ сказать, все состояніе, всѣ средства, съ которыми она такъ достойно поддерживаетъ благородство своего дома. Всѣ поняли, что она держала Афанасія Матвѣича при себѣ единственно за то, что онъ служилъ и получалъ жалованье и... другіе доходы. Когда же онъ пересталъ получать жалованье и доходы, то его тотчасъ же и удалили за негодность и совершенную бесполезность. И всѣ похвалили Марью Александровну за ясность сужденія и рѣшимость характера. Въ деревнѣ Афанасій Матвѣичъ живетъ припѣваючи. Я заѣзжалъ къ нему и провелъ у него цѣлый часъ довольно пріятно. Онъ примѣряетъ бѣлые галстуки, собственноручно чиститъ сапоги, не изъ нужды, а единственно изъ любви къ искусству, потому-что любить, чтобъ сапоги у него блестѣли; три раза въ день пьетъ чай, чрезвычайно любить ходить въ баню и — доволенъ. Помните-ли, какая гнусная исторія заварила у насъ, года полтора назадъ, по поводу Зинаиды Афанасьевны, единственной дочери Марьи Александровны и Афанасія Матвѣича? Зинаида, безспорно, красавица, превосходно воспитана, но ей двадцать три года, а она до сихъ поръ не замужемъ. Между причинами, которыми объясняютъ почему до-сихъ-поръ Зина не замужемъ, — одною изъ глав-

ныхъ считаютъ эти темные слухи о какихъ-то странныхъ ея связяхъ, полтора года назадъ, съ уѣзднымъ училищкой, слухи, не умолкнувшіе и понынѣ. До сихъ поръ говорятъ о какой-то любовной запискѣ, написанной Зиной, и которая, будто-бы, ходила по рукамъ въ Мордасовѣ, но скажите: кто видѣлъ эту записку? Если она ходила по рукамъ, то куда-жъ она дѣлась? Всѣ объ ней слышали, но никто ея не видалъ. Я, по крайней мѣрѣ, никого не встрѣтилъ, кто-бы своими глазами видѣлъ эту записку. Если вы намекнете объ этомъ Марьѣ Александровнѣ, она васъ, просто, не пойметъ. Теперь предположите, что дѣйствительно что-нибудь было и Зинѣ написала записочку (я даже думаю, что это было непременно такъ): какова же ловкость со стороны Марьи Александровны! каково замято, затушено неловкое, скандалѣзное дѣло! Ни слѣда, ни намѣка! Марья Александровна и вниманія не обращаетъ теперь на всю эту низкую клевету; а между тѣмъ, можетъ быть, Богъ знаетъ какъ работала, чтобъ спасти неприкосновенную честь своей единственной дочери. А что Зина не замужемъ, такъ это понятно: какіе здѣсь женихи? Зинѣ только развѣ быть за владѣтельнымъ принцемъ. Видали-ль вы гдѣ такую красавицу изъ красавиць? Правда, она горда, слишкомъ горда. Говорятъ, что сватается Мозгляковъ, но врядъ-ли быть сватьбѣ. Что-же такое Мозгляковъ? Правда—молодъ, не дуренъ собою, франтъ, полтораства незаложенныхъ душъ, петербургскій. Но вѣдь, во первыхъ, въ головѣ не всѣ дома. Вертопрахъ, болтунъ, съ какими-то новѣйшими идеями! Да и что такое полтораства душъ, особенно при новѣйшихъ идеяхъ? Не бывать этой сватьбѣ!

Все, что прочелъ теперь благосклонный читатель, было написано мною мѣсяцевъ пять тому назадъ, единственно изъ умиленія. Признаюсь заранѣе, я нѣсколько пристрастенъ къ Марьѣ Александровнѣ. Мнѣ хотѣлось написать что-нибудь въ родѣ похвального слова этой великолѣпной дамѣ и изобразить все это въ формѣ игриваго письма къ пріятелю, по примѣру

писемъ, печатавшихся когда-то въ старое, золотое, но, слава Богу, невозвратное время, къ Сѣверной пчелѣ и въ прочихъ повременныхъ изданіяхъ. Но такъ какъ у меня нѣтъ никакого пріятеля, и, кромѣ того, есть нѣкоторая врожденная литературная робость, то сочиненіе мое и осталось у меня въ столѣ, въ видѣ литературной пробы пера и въ память мирнаго развлеченія въ часы досуга и удовольствія. Прошло пять мѣсяцевъ и, вдругъ, въ Мордасовѣ случилось удивительное происшествіе: рано утромъ въ городъ вѣхалъ князь К. и остановился въ домѣ Марьи Александровны. Послѣдствія этого пріѣзда были неизчислимы. Князь провелъ въ Мордасовѣ только три дня, но эти три дня оставили по себѣ роковыя и неизгладимыя воспоминанія. Скажу болѣе: князь произвелъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, переворотъ въ нашемъ городѣ. Разсказъ объ этомъ переворотѣ, конечно, составляетъ одну изъ многозначительнѣйшихъ страницъ въ Мордасовскихъ лѣтописяхъ. Эту-то страницу я и рѣшилъ, наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, обработать литературнымъ образомъ и представить на судъ многоуважаемой публики. Повѣсть моя заключаетъ въ себѣ полную и замѣчательную исторію возвышенія, славы и торжественнаго паденія Марьи Александровны и всего ея дома въ Мордасовѣ: тема достойная и соблазнительная для писателя. Разумѣется, прежде всего, нужно объяснить: чтò удивительнаго въ томъ, что въ городъ вѣхалъ князь К. и остановился у Марьи Александровны, а для этого, конечно, нужно сказать нѣсколько словъ и самомъ князѣ К. Такъ я и сдѣлаю. Къ тому же біографія этого лица совершенно необходима и для всего дальнѣйшаго хода нашего разсказа. И такъ, приступаю.

ГЛАВА II.

Начну съ того, что Князь К. былъ еще не Богъ знаетъ какой старикъ, а между тѣмъ, смотря на него, нередко приходила мысль, что онъ сію минуту развалится: до того онъ обветшалъ или, лучше сказать, износился. Въ Мордасовѣ объ этомъ князь всегда рассказывались чрезвычайно странныя вещи, самаго фантастическаго содержанія. Говорили даже, что старичекъ помѣшался. Всѣмъ казалось особенно страннымъ, что помѣщикъ четырехъ тысячъ душъ, человѣкъ съ извѣстнымъ родствомъ, которой-бы могъ имѣть, еслибъ захотѣлъ, значительное вліяніе въ губерніи, живетъ въ своемъ великолѣпномъ имѣніи уединенно, ссвершеннымъ затворникомъ. Многіе знавали князя назадъ тому лѣтъ шесть или семь, во время его пребыванія въ Мордасовѣ, и увѣряли, что онъ, тогда, терпѣть не могъ уединенія и отнюдь былъ не похожъ на затворника.

Вотъ однакоже все, что я могъ узнать о немъ достовѣрнаго:

Когда-то, въ свои молодые годы, что, впрочемъ, было очень давно, князь блестящимъ образомъ вступилъ въ жизнь, жуировалъ, волочился, нѣсколько разъ проживался за границей, пѣлъ романсы, каламбурилъ и никогда не отличался блестящими умственными способностями. Разумѣется, онъ разстроилъ все свое состояніе и, въ старости, увидѣлъ себя вдругъ почти безъ копѣйки. Кто-то посоветовалъ ему отправиться въ его деревню, которую уже начали продавать съ публичнаго торга. Онъ отправился и пріѣхалъ въ Мордасовъ, гдѣ и прожилъ ровно шесть мѣсяцевъ. Губернская жизнь ему чрезвычайно понравилась и, въ эти шесть мѣсяцевъ, онъ ухлопалъ все, что у него оставалось, до послѣднихъ поскребковъ, продолжая жуировать и заводя разныя интимности съ губер-

скими барынями. Человѣкъ онъ былъ къ тому-же добрѣйшій, разумѣется, не безъ нѣкоторыхъ особенныхъ княжескихъ замашекъ, которыя, впрочемъ, въ Мордасовѣ считались принадлежностію самаго высшаго общества, а потому, вмѣсто досады, производили даже эффектъ. Особенно дамы были въ постоянномъ восторгѣ отъ своего милаго гостя. Сохранилось много любопытныхъ воспоминаній. Рассказывали, между прочимъ, что князь проводилъ больше половины дня за своимъ туалетомъ и, казалось, былъ весь составленъ изъ какихъ-то кусочковъ. Никто не зналъ, когда и гдѣ онъ успѣлъ такъ разсыпаться. Онъ носилъ парикъ, усы, бакенбарды и даже эспаньолку, — все, до послѣдняго волоска, накладное и великолѣпнаго чернаго цвѣта. Бѣлился и румянился ежедневно. Увѣряли, что онъ какъ-то расправлялъ пружинками морщины на своемъ лицѣ и что эти пружины были, какимъ-то особеннымъ образомъ, скрыты въ его волосахъ. Увѣряли еще, что онъ носитъ корсетъ, потому что лишился гдѣ-то ребра, неловко выскочивъ изъ окошка, во время одного своего любовнаго похода, въ Италиі. Онъ хромалъ на лѣвую ногу; утверждали, что эта нога поддѣльная, а что настоящую сломали ему при какомъ-то другомъ походе, въ Парижѣ, за то приставили новую, какую-то особенную, пробочную. Впрочемъ мало-ли чего не расскажутъ? Но вѣрно было однакоже то, что правый глазъ его былъ стеклянный, хотя и очень искусно поддѣланный. Зубы тоже были изъ композиціи. Цѣлые дни онъ умывался разными патентованными водами, душился и помадился. Помнить, однакоже, что князь тогда уже начиналъ примѣтно дряхлѣть и становился невыносимо болтливымъ. Казалось, что карьера его оканчивалась. Всѣ знали, что у него уже не было ни копѣйки. И вдругъ въ это время, совершенно неожиданно, одна изъ ближайшихъ его родственницъ, чрезвычайно ветхая старуха, проживавшая постоянно въ Парижѣ, и отъ которой онъ никакимъ образомъ не могъ ожидать наслѣдства, — умерла, похоронивъ ровно за мѣсяць до своей смерти своего законнаго наслѣдника. Князь, совер-

шенно неожиданно, сдѣлался ея законнымъ наслѣдникомъ. Четыре тысячи душъ великолѣпнѣйшаго имѣнія, ровно въ шестидесяти верстахъ отъ Мордасова, достались ему одному, безраздѣльно. Онъ немедленно собрался для окончанія своихъ дѣлъ въ Петербургъ. Провожая своего гостя, наши дамы дали ему великолѣпный обѣдъ, по подпискѣ. Помнятъ, что князь былъ очаровательно веселъ на этомъ послѣднемъ обѣдѣ, каламбурилъ, смѣшилъ, рассказывалъ самые необыкновенные анекдоты, обѣщался какъ можно скорѣе пріѣхать въ Духаново (свое новопріобрѣтенное имѣніе) и давалъ слово, что по возвращеніи его, у него будутъ непрерывные праздники, пикники, балы, фейерверки. Цѣлый годъ послѣ его отъѣзда, дамы толковали объ этихъ обѣщанныхъ праздникахъ, ожидая своего милаго старичка съ ужаснымъ нетерпѣніемъ. Въ ожиданіи-же составлялись даже поѣздки въ Духаново, гдѣ былъ старинный барскій домъ и садъ, съ выстриженными изъ акацій львами, съ насыпными курганами, съ прудами, по которымъ ходили лодки съ деревянными турками, игравшими на свирѣляхъ, съ бесѣдками, съ павильонами, съ монплезирами и другими затѣями.

Наконецъ князь воротился, но, къ всеобщему удивленію и разочарованію, даже и не заѣхалъ въ Мордасовъ, а поселился въ своемъ Духановѣ совершеннымъ затворникомъ. Распространились странные слухи и, вообще, съ этой эпохи исторія князя становится туманною и фантастическою. Во первыхъ рассказывали, что въ Петербургѣ ему не совсѣмъ удалось, что нѣкоторые изъ его родственниковъ, будущіе наслѣдники, хотѣли, по слабоумію князя, выхлопотать надъ нимъ какую-то опеку, вѣроятно изъ боязни, что онъ опять все промотаетъ. Мало того: иные прибавляли, что его хотѣли даже посадить въ сумасшедшій домъ, но что какой-то изъ его родственниковъ, одинъ важный баринъ, будто-бы за него заступился, доказавъ ясно всѣмъ прочимъ, что бѣдный князь, вполнину умершій и поддѣльный, вѣроятно скоро и весь умретъ и тогда имѣніе достанется имъ и безъ сумасшедшаго дома. Повторяю опять: мало-ли чего не наскажуть, особенно

у насъ въ Мордасовѣ? Все это, какъ рассказывали, ужасно испугало князя, до того, что онъ совершенно измѣнился характеромъ и обратился въ затворника. Нѣкоторые изъ Мордасовцевъ изъ любопытства поѣхали къ нему съ поздравленіями, но—или не были приняты, или приняты чрезвычайно-страннымъ образомъ. Князь даже не узнавалъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Утверждали, что и не хотѣлъ узнавать. Посѣтилъ его и губернаторъ.

Онъ воротился съ извѣстіемъ, что, по его мнѣнію, князь дѣйствительно немного помѣшанъ и всегда потомъ дѣлалъ кислую мину, при воспоминаніи о своей поѣздкѣ въ Духаново. Дамы громко негодовали. Узнали, наконецъ, одну, капитальную вещь, именно: что княземъ овладѣла какая-то неизвѣстная Степанида Матвѣевна, Богъ знаетъ какая женщина, пріѣхавшая съ нимъ изъ Петербурга, пожилая и толстая, которая ходитъ въ ситцевыхъ платьяхъ и съ ключами въ рукахъ. Что князь слушается ее во всемъ, какъ ребенокъ и не смѣетъ ступить шагу безъ ея позволенія; что она даже моетъ его своими руками; бадуетъ его, носитъ и тѣшить, какъ ребенка; что, наконецъ, она-то и отдаляетъ отъ него всѣхъ посѣтителей и, въ особенности, родственниковъ, которые начали-было понемногу заѣзжать въ Духаново, для развѣдокъ. Въ Мордасовѣ много разсуждали объ этой непонятной связи, особенно дамы. Ко всему этому прибавляли, что Степанида Матвѣевна управляетъ всѣмъ имѣніемъ князя, безгранично и самовластно; отрѣшаетъ управителей, прикащиковъ, прислугу; собираетъ доходы; но что управляетъ она хорошо, такъ-что крестьяне благословляютъ судьбу свою. Что же касается до самаго князя, то узнали, что дни его проходятъ почти сплошь за туалетомъ, въ примѣриваніи париковъ и фраковъ; что остальное время онъ проводитъ съ Степанидой Матвѣевной, играетъ съ ней въ свои козыри, гадаетъ на картахъ, изрѣдка выѣзжая погулять верхомъ на смирной англійской кобылкѣ, причемъ Степанида Матвѣевна непремѣнно сопровождаетъ его въ крытыхъ дрожкахъ, на

всякій случай; потому что князь ѣздитъ верхомъ болѣе изъ кокетства, а самъ чуть держится на сѣдлѣ. Видѣли его иногда и пѣшкомъ, въ пальто и въ соломенной, широкополой шляпкѣ, съ розовымъ дамскимъ платочкомъ на шеѣ, съ стеклышкомъ въ глазу и съ соломенной карзинкой на лѣвой рукѣ, для собиранія грибковъ, полевыхъ цвѣтовъ, васильковъ; Степанида-же Матвѣевна всегда при этомъ сопровождаетъ его, а сзади идутъ два саженные лакея и ѣдутъ, на всякій случай, коляска. Когда-же встрѣчается съ нимъ мужикъ и, остановясь въ сторонѣ, снимаетъ шапку, низко кланяется и приговариваетъ: «Здравствуй, батюшка князь, ваше сіятельствд, наше красное солнышко!» — то князь немедленно наводитъ на него свой лорнетъ, привѣтливо киваетъ головой и ласково говоритъ ему: «Bonjour, mon ami, bonjour!» и много подобныхъ слуховъ ходило въ Мордасовѣ; князя никакъ не могли забыть: онъ жилъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ! Какого-же было всеобщее изумленіе, когда, въ одно прекрасное утро, разнесся слухъ, что князь, затворникъ, чудакъ, своею собственною особою пожаловалъ въ Мордасовъ и остановился у Марьи Александровны! Все переполошилось и взволновалось. Всѣ ждали объясненій, всѣ спрашивали другъ у друга: что это значитъ? Иные собирались уже ѣхать къ Марьѣ Александровнѣ. Всѣмъ пріѣздъ князя казался диковинкой. Дамы пересылались записками, собирались съ визитами, посылали своихъ горничныхъ и мужей на развѣдки. Особенно страннымъ казалось, отчего именно князь остановился у Марьи Александровны, а не у кого другаго? Всѣхъ болѣе досадовала Анна Николаевна Антипова, потому что князь приходился ей какъ-то очень дальней родней. Но, чтобъ разрѣшить всѣ эти вопросы, нужно непременно зайти къ самой Марьѣ Александровнѣ, къ которой милости просимъ пожаловать и благосклоннаго читателя. Теперь, правда, еще только десять часовъ утра, но я увѣренъ, что она не откажется принять своихъ короткихъ знакомыхъ. Насъ, по крайней мѣрѣ, приметъ она непременно.

ГЛАВА Ш.

Десять часовъ утра. Мы въ домѣ Марьи Александровны, на Большой улицѣ, въ той самой комнатѣ, которою хозяйка, въ торжественныхъ случаяхъ, называетъ своимъ салономъ. У Марьи Александровны есть тоже и будуаръ. Въ этомъ салонѣ порядочно выкрашены полы и недурны выписные обои. Въ мебели, довольно неуклюжей, преобладаетъ красный цвѣтъ. Есть каминъ, надъ каминомъ зеркало, передъ зеркаломъ бронзовые часы съ какимъ-то амуромъ, весьма дурнаго вкуса. Между окнами, въ простѣнкахъ, два зеркала, съ которыхъ успѣли уже снять чехлы. Передъ зеркалами, на столикахъ, опять часы. У задней стѣны — превосходный рояль, выписанный для Зины; Зина — музыкантша. Около затопленнаго камина разставлены кресла, по возможности въ живописномъ беспорядкѣ; между ними маленькій столикъ. На другомъ концѣ комнаты другой столъ, накрытый скатертью ослѣпительной бѣлѣзны; на немъ кипитъ серебряный самоваръ и собранъ хорошенькій чайный приборъ. Самоваромъ и чаемъ завѣдуетъ одна дама, проживающая у Марьи Александровны въ качествѣ дальней родственницы, Настасья Петровна Зяблова. Два слова объ этой дамѣ. Она вдова, ей за тридцать лѣтъ, брюнетка, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица и съ живыми темнокариими глазами. Вообще, не дурна собою. Она веселаго характера и большая хохотунья, довольно хитра, разумѣется, сплетница и умѣетъ обдѣлывать свои дѣлишки. У ней двое дѣтей, гдѣ-то учатся. Ей-бы очень хотѣлось выйти еще разъ замужъ. Держитъ она себя довольно независимо. Мужъ ея былъ военный офицеръ. — Сама Марья Александровна сидитъ у камина въ превосходнѣйшемъ распо-

ложеніи духа и въ свѣтлозеленомъ платьѣ, которое къ ней очень идетъ. Она ужасно обрадована пріѣздомъ князя, который въ эту минуту сидитъ наверху за своимъ туалетомъ. Она такъ рада, что даже не старается скрывать свою радость. Передъ ней, стоя, рисуется молодой человекъ и что-то съ одушевленіемъ рассказываетъ. По глазамъ его видно, что ему хочется угодить своимъ слушательницамъ. Ему двадцать пять лѣтъ. Манеры его были бы недурны, но онъ часто приходитъ въ восторгъ и, кромѣ того, съ большою претензіей на юморъ и остроу. Одѣтъ отлично, бѣлокуръ, недурень собою. Но мы уже говорили объ немъ: это господинъ Мозгляковъ, подающій большія надежды. Марья Александровна находитъ про себя, что у него немного пусто въ головѣ, но принимаетъ его прекрасно. Онъ искатель руки ея дочери Зины, въ которую, по его словамъ, влюбленъ до безумія. Онъ поминутно обращается къ Зинѣ, стараясь сорвать съ ея губъ улыбку своимъ остроуміемъ и веселостью. Но та съ нимъ видимо холодна и небрежна. Въ эту минуту она стоитъ въ сторонѣ, у рояля и перебираетъ пальчиками календарь. Это одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя производятъ всеобщее восторженное изумленіе, когда являются въ обществѣ. Она хороша до невозможности: росту высокаго, брюнетка, съ чудными, почти совершенно черными глазами, стройная, съ могучею, дивною грудью. Ея плечи и руки — античныя, ножка соблазнительная, поступь королевская. Она сегодня немного блѣдна; но за то ея пухленькія, алыя губки, удивительно обрисованныя, между которыми свѣтятся, какъ нанизанный жетмугъ, ровные маленькіе зубы, будутъ вамъ три дня снится во снѣ, если хоть разъ на нихъ взглянете. Выраженіе лица ея серьезно и строго. Мосье Мозгляковъ какъ будто боится ея пристѣльнаго взгляда; по крайней мѣрѣ его какъ-то коробитъ, когда онъ осмѣливается взглянуть на нее. Движенія ея свысока-небрежны. Она одѣта въ простое, бѣлое; кисейное платье. Бѣлый цвѣтъ къ ней чрезвычайно идетъ впрочемъ, къ ней все идетъ. На ея пальчикѣ кольцо, спав-

тенное изъ чьихъ-то волосъ, судя по цвѣту, — не изъ маменькиныхъ; Мозгляковъ никогда не смѣлъ спросить ее: чьи это волосы? Въ это утро Зина какъ-то особенно молчалива и даже грустна, какъ-будто чѣмъ-то озабочена. За то Марья Александровна готова говорить безъ умолку, хотя изрѣдка тоже взглядываетъ на дочь какимъ-то особеннымъ, подозрительнымъ взглядомъ, но впрочемъ дѣлаетъ это украдкой, какъ-будто и она тоже боится ея.

— Я такъ рада, такъ рада, Павелъ Александровичъ, щебечетъ она, что готова кричать объ этомъ всѣмъ и каждому изъ окошка. Не говорю ужъ о томъ миломъ сюрпризѣ, который вы сдѣлали намъ, мнѣ и Зинѣ, пріѣхавъ двумя недѣлями раньше обѣщаннаго; это ужъ само собой! Я ужасно рада тому, что вы привезли сюда этого милаго князя. Знаете-ли, какъ я люблю этого очаровательнаго старичка! Но нѣтъ, нѣтъ! вы не поймете меня! вы, молодежь, не поймете моего восторга, какъ-бы я ни увѣряла васъ! Знаете-ли чѣмъ онъ былъ для меня въ прежнее время, лѣтъ шесть тому назадъ, помнишь Зина? Впрочемъ я и забыла: ты тогда гостила у тѣтки... Вы не повѣрите, Павелъ Александровичъ: я была его руководительницей, сестрой, матерью! Онъ слушался меня, какъ ребенокъ! было что-то наивное, нѣжное и облагороженное въ нашей связи; что-то даже, какъ-будто пастушеское... Я ужъ и не знаю какъ и назвать! Вотъ почему онъ и помнитъ теперь только объ одномъ моемъ домѣ съ благодарностію, се раувге ргінсе! Знаете-ли Павелъ Александровичъ, что вы, можетъ-быть, спасли его тѣмъ, что завезли его ко мнѣ! Я съ сокрушеніемъ сердца думала о немъ эти шесть лѣтъ. Вы не повѣрите: онъ мнѣ снился даже во снѣ. Говорятъ, эта чудовищная женщина околдовала, погубила его! Но наконецъ-то вы его вырвали изъ этихъ клещей! Нѣтъ! надобно воспользоваться случаемъ и спасти его совершенно! Но расскажите мнѣ еще разъ, какъ удалось вамъ все это? Опишите мнѣ подробнѣйшимъ образомъ всю вашу встрѣчу. Давеча я, впопыхахъ, обратила только вниманіе на главное

дѣло, тогда какъ всѣ эти мелочи, мелочи и составляютъ, такъ сказать, настоящей сокъ! Я ужасно люблю мелочи, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ прежде всего обращаю вниманіе на мелочи... и... покамѣстъ онъ еще сидитъ за своимъ туалетомъ...

— Да все тоже, что я уже рассказывалъ, Марья Александровна! съ готовностію подхватываетъ Мозгляковъ, готовый рассказывать хоть въ десятый разъ, — это составляетъ для него наслажденіе. Ъхалъ я всю ночь, разумѣется, всю ночь не спалъ, — можете себя представить, какъ я спѣшилъ! прибавляетъ онъ, обращаясь къ Зинѣ, — однимъ словомъ, бранился, кричалъ, требовалъ лошадей, даже буянилъ изъ-за лошадей на станціяхъ; еслибъ напечатать вышла-бы цѣлая поэма въ новѣйшемъ вкусѣ! Впрочемъ, это въ сторону! Ровно въ шесть часовъ утра, пріѣзжаю на послѣднюю станцію, въ Игишево. Издрогъ, не хочу и грѣться, кричу: лошадей! Испугалъ смотрительницу съ груднымъ ребенкомъ: теперь, кажется, у ней пропало молоко... Восходъ солнца очаровательный. Знаете, эта морозная пыль алѣетъ, серебрится! Не обращаю ни на что вниманія; однимъ словомъ, спѣшу напропалую! Лошадей взялъ съ собою: отнял у какого-то коллежскаго совѣтника и чуть не вызвалъ его на дуэль. Говорятъ мнѣ, что, четверть часа тому, съѣхалъ со станціи какой-то князь, ѣдетъ на своихъ, ночевалъ. Я едва слушаю, сажусь, лечу, точно съ цѣпи сорвался. Есть что-то подобное у Фета, въ какой-то элегій. Ровно въ девяти верстахъ отъ города, на самомъ поворотѣ въ Свѣтозерскую пустынь, вижу произошло удивительное событіе. Огромная дорожная карета лежитъ на боку; кучеръ и два лакея стоятъ передъ нею въ недоумѣніи, а изъ кареты, лежащей на боку, несутся раздирающіе душу крики и вопли. Думалъ проѣхать мимо: лежи-себѣ на боку; не здѣшняго прихода! Но превозмогло челоуѣколюбіе, которое, какъ выражается Гейне, вездѣ суется съ своимъ носомъ. Останавливаюсь. Я, мой Семенъ, ямщикъ — тоже русская душа, спѣшимъ на подмогу, и такимъ образомъ, въ шесте-

ромъ, подымаемъ наконецъ экипажъ, ставимъ его на ноги, которыхъ у него правда и нѣтъ, потому что онъ на ползьяхъ. Помогли еще мужики съ дровами, ѣхали въ городъ, получили отъ меня на водку. Думаю: вѣрно это тотъ самый князь! Смотрю: Боже мой! онъ самый и есть, князь Гаврила! Вотъ встрѣча! Кричу ему: князь! дядюшка! Онъ, конечно, почти не узналъ меня съ перваго взгляда; впрочемъ, тотчасъ же почти узналъ... со втораго взгляда. Признаюсь вамъ однако-же, что едва-ли онъ и теперь понимаетъ — кто я таковъ, и, кажется, принимаетъ меня за кого-то другаго, а не за родственника. Я видѣлъ его лѣтъ семь назадъ въ Петербургѣ; ну, разумѣется, я тогда былъ мальчишка. Я-то его запомнилъ; онъ меня поразилъ; ну а ему-то гдѣ-жъ меня помнить! Рекомендуюсь; онъ въ восхищеніи, обнимаетъ меня, а между тѣмъ самъ весь дрожитъ отъ испуга и плачетъ, ей Богу плачетъ, я видѣлъ это собственными глазами! То да сѣ, — уговорилъ его, наконецъ, пересѣсть въ мой возокъ и хоть на одинъ день заѣхать въ Мордасовъ, ободриться и отдохнуть. Онъ соглашается безпрекословно... Объявляетъ мнѣ, что ѣдетъ въ Свѣтозерскую пустынь, къ іеромонаху Мисаилу, котораго чтить и уважаетъ; что Степанида Матвѣевна, — а ужъ изъ насъ, родственниковъ, кто не слыхалъ про Степаниду Матвѣевну? — она меня прошлаго года, изъ Духанова, помеломъ прогнала, что эта Степанида Матвѣевна получила письмо, такого содержанія, что у ней, въ Москвѣ, кто-то при послѣднемъ издыханіи: отецъ или дочь, не знаю кто именно, да и не интересуюсь знать; можетъ-быть и отецъ и дочь вмѣстѣ; можетъ-быть еще съ прибавкою какого-нибудь племянника, служащаго по питейной части... Однимъ словомъ, она до того была оконфужена, что, дней на десять, рѣшилась распространиться съ своимъ княземъ и полетѣла въ столицу, украсить ее своимъ присутвіемъ. Князь сидѣлъ день, сидѣлъ другой, примѣрялъ парики, помадился, фабрился, загадалъ-было на картахъ (можетъ быть даже и на бобахъ); но стало не въ мочь безъ Степаниды Матвѣевны! приказалъ

лошадей и покатишь въ Свѣтозерскую пустынь. Кто-то изъ домашнихъ, боясь невидимой Степаниды Матвѣевны, осмѣлился-было возразить; но князь настоялъ. Выѣхалъ вчера послѣ обѣда, ночевалъ въ Игишевѣ, со станціи съѣхалъ на зарѣ и, на самомъ поворотѣ къ іеромонаху Мисаилу, полетѣлъ съ каретой чуть не въ оврагъ. Я его спасаю, уговариваю заѣхать къ общему другу нашему, многоуважаемой Марьѣ Александровнѣ; онъ говоритъ про васъ, что вы очаровательнѣйшая дама изъ всѣхъ, которыхъ онъ когда-нибудь знаетъ, и вотъ мы здѣсь, а князь поправляетъ теперь на верху свой туалетъ, съ помощію своего камердинера, котораго не забылъ взять съ собою, и котораго никогда и ни въ какомъ случаѣ не забудетъ взять съ собою, потому что согласится скорѣе умереть, чѣмъ явиться къ дамамъ безъ нѣкоторыхъ приготовленій, или лучше сказать — исправленій... Вотъ и вся исторія! Eine allerliebste Geschichte!

— Но какой онъ юмористъ, Зина! вскрикиваетъ Марья Александровна, выслушавъ, какъ онъ это мило рассказываетъ! Но послушайте, Поль, одинъ вопросъ: объясните мнѣ хорошенько ваше родство князю! Вы называєте его дядей?

— Ей Богу не знаю, Марья Александровна, какъ и чѣмъ я родня ему: кажется седьмая вода, можетъ-быть даже и не на киселѣ, а на чемъ-нибудь другомъ. Я тутъ не виноватъ нисколько; а виновата во всемъ этомъ тетушка Аглая Михайловна. Впрочемъ, тетушкѣ Аглаѣ Михайловнѣ больше и дѣлать нечего, какъ пересчитывать по пальцамъ родню; она-то и протурила меня ѣхать къ нему, прошлаго лѣта, въ Духаново. Съѣздила-бы сама! Просто за просто я называю его дядюшкой; онъ откликается. Вотъ вамъ и все наше родство, на сегодняшній день по крайней мѣрѣ...

— Но я все-таки повторяю, что только одинъ Богъ могъ васъ надоумить привезти его прямо ко мнѣ! Я трепещу, когда воображу себѣ, что бы съ нимъ было, бѣдняжкой, еслибъ онъ попалъ къ кому-нибудь другому, а не ко мнѣ? Да его-бы здѣсь расхватили, разобрали ко косточкамъ, съѣли! Бросп-

лись-бы на него какъ на рудникъ, какъ на розсыпь,— пожалуй обокрали-бъ его? Вы не можете представить себѣ какіе здѣсь жадные, низкіе и коварные людишки, Павелъ Александровичъ!...

— Ахъ, Боже мой, да къ кому-жъ его и привезти какъ не къ вамъ, какія вы, Марья Александровна! подхватываетъ Настасья Петровна вдова, разливающая чай. Вѣдь не къ Аннѣ-же Николаевнѣ везти его, какъ вы думаете?

— Но однако-жъ, что онъ такъ долго не выходитъ? Это даже странно,—говоритъ Марья Александровна, въ нетерпѣніи вставая съ мѣста.

— Дядюшка-то? Да я думаю онъ еще пять часовъ будетъ тамъ одѣваться! Ктому-же, такъ-какъ у него совершенно нѣтъ памяти, то онъ можетъ-быть и забылъ, что пріѣхалъ къ вамъ въ гости. Вѣдь это удивительнѣйшій человѣкъ, Марья Александровна!

— Ахъ полноте, пожалуйста, что вы!

— Вовсе не что вы, Марья Александровна, а суцая правда! Вѣдь это полуконпозиція, а не человѣкъ! Вы его видѣли шесть лѣтъ назадъ, а я часъ тому назадъ его видѣлъ. Вѣдь это полупокойникъ! Вѣдь это только воспоминаніе о человѣкѣ; вѣдь его забыли похоронить! Вѣдь у него глаза вставные, ноги пробочныя, онъ весь на пружинахъ, онъ и говорить на пружинахъ!

— Боже мой, какой вы однакоже вѣтренникъ, какъ я васъ послушаю! восклицаетъ Марья Александровна, принимая строгій видъ. И какъ не стыдно вамъ, вамъ, молодому человѣку, родственнику, говорить такъ про этого почтеннаго старичка! Не говоря уже о его безпримѣрной добротѣ — и голосъ ея принимаетъ какое-то трогательное выраженіе — вспомните что это остатокъ, такъ сказать обломокъ нашей аристократіи! Другъ мой, mon ami! Я понимаю, что вы вѣтреничаете изъ какихъ-то тамъ вашихъ новыхъ идей, о которыхъ вы безпрерывно толкуете. Но Боже мой! Я и сама — вашихъ новыхъ идей! Я понимаю, что основаніе ва-

шего направленія благородно и честно. Я чувствую, что въ этихъ новыхъ идеяхъ есть даже что-то возвышенное; но все это не мѣшаетъ мнѣ видѣть и прямую, такъ-сказать, практическую сторону дѣла. Я жила на свѣтѣ, я видѣла больше васъ и, наконецъ, я мать, а вы еще молоды! Онъ старичекъ и потому на ваши глаза смѣшонъ! Мало того: вы прошлый разъ говорили даже, что намѣрены отпустить вашихъ крестьянъ на волю, и что надобно же что-нибудь сдѣлать для вѣка и все это оттого, что вы начитались тамъ какого-нибудь вашего Шекспира! Повѣрьте, Павелъ Александровичъ, вашъ Шекспиръ давнымъ давно уже отжилъ свой вѣкъ и еслибъ воскресъ, то, со всѣмъ своимъ умомъ, не разобралъ бы въ нашей жизни ни строчки! Если есть что-нибудь рыцарское и величественное въ современномъ намъ обществѣ, такъ это именно въ высшемъ сословіи. Князь и въ кулькѣ князь, князь и въ лачугѣ будетъ какъ во дворцѣ! А вотъ мужъ Натальи Дмитриевны чуть ли не дворецъ себѣ выстроилъ, — и все-таки онъ только мужъ Натальи Дмитриевны и ничего больше! Да и сама Наталья Дмитриевна, хоть пятьдесятъ кринолиновъ на себя налѣпи — все-таки останется прежней Натальей Дмитриевной, и нисколько не прибавитъ себѣ. Вы тоже, отчасти, представитель высшаго сословія, потому что отъ него происходите. Я тоже себя считаю не чужою ему, а дурное то дитя, которое мараешь свое гнѣздо! Но впрочемъ вы сами дойдете до всего этого лучше меня, mon cher Paul, и забудете вашего Шекспира. Предрекаю вамъ. Я увѣрена, что вы даже и теперь не искренны, а такъ только, модничаете. Впрочемъ, я заболталась. Побудьте здѣсь, mon cher Paul, я сама схожу наверхъ и узнаю о князѣ. Можетъ-быть, ему надо чего-нибудь, а вѣдь съ моими людишками.

И Марья Александровна поспѣшно вышла изъ комнаты, вспомня о своихъ людишкахъ.

— Марья Александровна кажется очень рады, что князь не достался этой франтихѣ, Аннѣ Николаевнѣ. А вѣдь увѣ-

ряла все, что родня ему. То-то разрывается, должно-быть, теперь отъ досады! — замѣтила Настасья Петровна; но замѣтивъ, что ей не отвѣчаютъ и взглянувъ на Зину и на Павла Александровича, г-жа Зяблова тотчасъ догадалась и вышла, какъ-будто за дѣломъ, изъ комнаты. Она, впрочемъ, немедленно вознаградила себя, остановилась у дверей и стала подслушивать. Она ужасно любила подслушивать.

Павель Александровичъ тотчасъ же обратился къ Зинѣ. Онъ былъ въ ужасномъ волненіи; голосъ его дрожалъ.

— Зинаида Афанасьевна, вы не сердитесь на меня? проговорилъ онъ съ робкимъ и умоляющимъ видомъ.

— На васъ? За что же? сказала Зина, слегка покраснѣвъ и поднявъ на него чудные глаза.

— За мой ранній пріѣздъ, Зинаида Афанасьевна! Я не вытерпѣлъ, я не могъ дожидаться еще двѣ недѣли... Вы мнѣ снились даже во снѣ. Я прилетѣлъ узнать мою участь. Но вы хмуритесь, вы сердитесь! Неужели и теперь я не узнаю ничего рѣшительнаго?

Зинаида дѣйствительно нахмурилась.

— Я ожидала, что вы заговорите объ этомъ, — отвѣчала она снова опустивъ глаза, голосомъ твердымъ и строгимъ, но въ которомъ слышалась досада. — И такъ-какъ это ожиданіе было для меня очень тяжело, то чѣмъ скорѣе оно разрѣшилось, тѣмъ лучше. Вы опять требуете, т. е. просите отвѣта. Извольте, я повторю вамъ его, потому что мой отвѣтъ все тотъ же, какъ и прежде: подождите! Повторяю вамъ, — я еще не рѣшилась и не могу вамъ дать общаго отвѣта. Этого не требуютъ насильно, Павель Александровичъ. Но, чтобы успокоить васъ, прибавляю, что я еще не отказываю вамъ окончательно. Замѣьте еще: обнадеживая васъ теперь на благоприятное рѣшеніе, я дѣлаю это единственно потому, что снисходительна къ вашему нетерпѣнію и безпокойству. Повторяю, что хочу остаться совершенно свободно въ своемъ рѣшеніи и если я вамъ скажу, наконецъ, что я не согласна, то вы и не должны

обвинять меня, что я васъ обнадеживала. И такъ, знайте это.

— И такъ, что же, что же это! вскричалъ Мозгляковъ жалобнымъ голосомъ. — Неужели это надежда! Могу ли я извлечь хоть какую-нибудь надежду изъ вашихъ словъ, Зинаида Афанасьевна?

— Припомните все, что я вамъ сказала, и извлекайте все, что вамъ угодно. Ваша воля! Но я больше ничего не прибавлю. Я вамъ еще не отказываю, я говорю только: ждите. Но повторяю вамъ, я оставляю за собой полное право отказать вамъ, если мнѣ вздумается. Замѣчу еще одно, Павелъ Александровичъ: если вы пріѣхали раньше положеннаго для отвѣта срока, чтобъ дѣйствовать окольными путями, надѣясь на постороннюю протекцію, напримѣръ хоть на вліяніе маменьки, то вы очень ошиблись въ расчетѣ. Я тогда прямо откажу вамъ, слышите-ли это? А теперь довольно и, пожалуйста, до извѣстнаго времени, не поминайте мнѣ объ этомъ ни слова.

Вся эта рѣчь была произнесена сухо, твердо и безъ запинки, какъ-будто заранѣе заученная. Мсье Поль почувствовалъ, что остался съ носомъ. Въ эту минуту воротилась Марья Александровна. За нею почти тотчасъ же госпожа Зяблова.

— Онъ кажется сейчасъ сойдетъ, Зина! Настасья Петровна, скорѣе заварите новаго чаю! Марья Александровна была даже въ маленькомъ волненіи.

— Анна Николаевна уже прислала навѣдаться. Ея Анютка прибѣгала на кухню и разспрашивала. То-то злитъ теперь! — возвѣстила Настасья Петровна, бросаясь къ самовару.

— А мнѣ какое дѣло! сказала Марья Александровна, отвѣчая черезъ плечо госпожѣ Зябловой. — Точно я интересуюсь знать что думаетъ ваша Анна Николаевна? Повѣрьте, не буду никого подсылать къ ней на кухню. И удивляюсь, рѣшительно удивляюсь, почему вы все считаете меня врагомъ этой бѣдной Анны Николаевны, да и не вы одна, а всѣ въ городѣ? Я на васъ пошлюсь, Павелъ Александровичъ!

Вы знаете насъ обѣихъ, — ну изъ чего я буду врагомъ ея? За первенство? Но я равнодушна къ этому первенству. Пусть ее, пусть будетъ первая! Я первая готова поѣхать къ ней поздравить ее съ ея первенствомъ. И наконецъ все это несправедливо. Я заступлюсь за нее, я обязана за нее заступиться! На нее клеветаютъ. За что вы все на нее нападаете? Она молода и любитъ наряды, — за это что-ли? Но по моему ужъ лучше наряды, чѣмъ что-нибудь другое, вотъ какъ Наталья Дмитриевна, которая такое любитъ, что и сказать нельзя. За то ли, что Анна Николаевна ѣздитъ по гостямъ и не можетъ посидѣть дома? Но, Боже мой! Она не получила никакого образованія и ей, конечно, тяжело раскрыть, напримѣръ, книгу или заняться чѣмъ-нибудь двѣ минуты сряду. Она кокетничаетъ и дѣлаетъ изъ окна глазки всѣмъ, кто ни пройдетъ по улицѣ. Но зачѣмъ же увѣряютъ ее, что она хорошенькая, когда у ней только бѣлое лицо и больше ничего? она смѣшитъ въ танцахъ, — соглашаюсь! Но зачѣмъ же увѣряютъ ее, что она прекрасно полькируетъ? На ней невозможныя наколки и шляпки, — но чѣмъ же виновата она, что ей Богъ не далъ вкуса, а напротивъ далъ столько легковѣрія. Увѣрьте ее, что хорошо приколотъ къ волосамъ конфетную бумажку, она и приколетъ. Она сплетница, — но эта здѣшняя привычка: кто здѣсь не сплетничаетъ? Къ ней ѣздитъ Сушиловъ съ своими бакенбардами и утромъ и вечеромъ и чуть ли не ночью. Ахъ, Боже мой! еще бы мужъ козырялъ въ карты до пяти часовъ утра! Ктому же здѣсь столько дурныхъ примѣровъ! Наконецъ это еще, *можетъ-быть*, и клевета. Словомъ, я всегда, всегда заступлюсь за нее! Но Боже мой! вотъ и князь! Это онъ, онъ! Я узнаю его! Я узнаю его изъ тысячи! Наконецъ-то я вижу, *mon prince!* — вскричала Марья Александровна и бросилась на встрѣчу вошедшему князю.

ГЛАВА IV

Съ перваго, бѣлаго взгляда, вы вовсе не сочтете этого князя за старика, и, только взянувъ поближе и пристальнѣе, увидите, что это какой-то мертвецъ на пружинахъ. Всѣ средства искусства употреблены, чтобъ заостюмировать эту мумію въ юношу. Удивительные парикъ, бакенбарды, усы и эспаньолка, превосходнѣйшаго чернаго цвѣта, закрываютъ половину лица. Лицо набѣленное и нарумяненное необыкновенно искусно и на немъ почти нѣтъ морщинъ. Куда онѣ дѣлись? — неизвѣстно. Одѣтъ онъ совершенно по модѣ, точно вырвался изъ модной картинки. На немъ какая-то визитка, или что-то подобное, ей Богу не знаю, что именно, но только что-то чрезвычайно модное и современное, созданное для утреннихъ визитовъ. Перчатки, галстухъ, жилетъ, бѣлье и все прочее, — все это ослѣпительной свѣжести и изящнаго вкуса. Князь немногo прихрамываетъ; но прихрамываетъ такъ ловко, какъ-будто и это необходимо по модѣ. Въ глазу его стеклышко, въ томъ самомъ глазу, который и безъ того стеклянный. — Князь пропитанъ духами. Разговаривая, онъ какъ-то особенно протягиваетъ нныя слова, — можетъ быть отъ старческой немощи, можетъ быть оттого, что всѣ зубы вставные, можетъ быть и для пущей важности. Нѣкоторые слоги онъ произноситъ необыкновенно сладко, особенно напирая на букву *э*. *Да*, у него какъ-то выходитъ *ддэ*, но только еще немного послаще. Во всѣхъ манерахъ его что-то небрежное, заученное въ продолженіе всей франтовской его жизни. Но вообще, если и сохранилось что-нибудь отъ этой прежней, франтовской его жизни, то сохранилось уже какъ-то безсознательно, въ видѣ какого-то неяснаго воспоминанія,

въ видѣ какой-то пережитой отпѣтой старины, которую, увы не воскресятъ никакіе косметики, корсеты, парфюмеры и парикмахеры. И потому лучше сдѣлаемъ, если заранѣ признаемся, что старичскъ, если и не выжилъ еще изъ ума, то давно уже выжилъ изъ памяти и поминутно сбивается, повторяется и даже совсѣмъ замираетъ. Нужно даже умѣнье, чтобъ съ нимъ говорить. Но Марья Александровна надѣется на себя и при видѣ князя приходитъ въ неизрѣченный восторгъ.

— Но вы ничего, ничего не перемѣнились! — восклицаетъ она, хватая гостя за обѣ руки и усаживая его въ покойное кресло. — Садитесь, садитесь, князь! Шестъ лѣтъ, цѣлыхъ шесть лѣтъ не видались, и ни одного письма, даже ни строчки во все это время! О, какъ вы виноваты передо мною, князь! Какъ я зла была на васъ, *mon cher prince!* Но чаю, чаю! Ахъ, Боже мой! Настасья Петровна, чаю!

— Благодарю, благо-дарю, вин-новать! шепелявить князь, (мы забыли сказать, что онъ немного шепелявить, но впрочемъ и это дѣлаетъ какъ будто по модѣ.) — Ви-но-вать! и представьте себѣ, еще прошлаго года непре-мѣнно хотѣлъ сюда ѣхать, — прибавляетъ онъ, лорнируя комнату: — да напугали. Тутъ, говорятъ, хо-ле-ра была....

— Нѣтъ, князь, у насъ не было холеры, говоритъ Марья Александровна.

— Здѣсь былъ скотскій надежъ, дядюшка! — вставляетъ Мозгляковъ, желая отличиться. Марья Александровна обмѣриваетъ его строгимъ взглядомъ.

— Ну да, скотскій па-дежъ, или что-то въ этомъ родѣ.... Я и остался. Ну, какъ вашъ мужъ, моя милая Анна Николаевна? Все по своей проку-рорской части?

— Н-нѣтъ, князь, говоритъ Марья Александровна, немного заикаясь. — Мой мужъ не про-ку-роръ....

— Бьюсь объ закладъ, что дядюшка сбился и принимаетъ васъ за Анну Николаевну Антипову: — вскрикиваетъ догад-

ливый Мозгляковъ, но тотчасъ спохватывается, замѣчая, что и безъ этихъ поясненій Марью Александровну какъ будто всю покоробило.

— Ну да, да, Анну Николаевну, и-и- (я все забываю!) Ну да, Антиповну, именно Анти-повну, — подтверждаетъ князь.

— Н-нѣтъ, князь, вы очень ошиблись, — говоритъ Марья Александровна, съ горькой улыбкой. — Я вовсе не Анна Николаевна и, признаюсь, никакъ, никакъ не ожидала, что вы меня не узнаете! Вы меня удивили, князь! Я вашъ бывший другъ, Марья Александрова Москалева. Помните, князь, Марью Александровну?...

— Марью А-лекс-анд-ровну! представьте себѣ! а я именно по-ла-галъ, что вы то и есть (какъ ее!) — ну да! Анна Васильевна.... *C'est délicieux!* Значить я не туда заѣхалъ. А я думалъ, мой другъ, что ты именно ве-зешь меня къ этой Аннѣ Матвѣевнѣ. *C'est charmant!* Впрочемъ, это со мной часто случается.... Я часто не туда заѣзжаю. Я вообще доволенъ, всегда доволенъ, чтобъ не случилось. Такъ вы не Настасья Васильевна? Это инте-ресно....

— Марья Александровна, князь, Марья Александровна! О какъ вы виноваты передо мной! Забыть своего лучшаго, лучшаго друга!

— Ну да, лучшаго друга.... *pardon, pardon!* — шепелявить князь, заглядываясь на Зину.

— А это дочь моя, Зина. Вы еще незнакомы, князь. Ее не было въ то время, когда вы были здѣсь, помните въ—мъ году?

— Это ваша дочь! *Charmante, charmante!* бормочетъ князь, съ жадностію лорнируя Зину. — *Mais quelle beauté!* — шепчетъ онъ, видимо пораженный.

— Чаю, князь, — говоритъ Марья Александровна, привлекая вниманіе князя на казачка, стоящаго передъ нимъ съ подносомъ въ рукахъ. Князь беретъ чашку и засматривается на мальчика, у котораго пухленькія и розовыя щечки.

— А-а-а, это вашъ мальчикъ? — говоритъ онъ. — Какой хо-ро-шень-кой мальчикъ!... и-и-и вѣрно хо-ро-шо.... ведетъ себя?

— Но, князь, — поспѣшно перебиваетъ Марья Александровна, — я слышала объ ужаснѣйшемъ происшествіи! Признаюсь, я была внѣ себя отъ испуга... Не ушиблись-ли вы? Смотрите! этимъ пренебрегать невозможно...

— Вывалилъ! вывалилъ! кучеръ вывалилъ! — восклицаетъ князь съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. — Я уже думалъ, что наступаетъ свѣто-представленіе или что-нибудь въ этомъ родѣ, и такъ, признаюсь, испугался, что, — прости меня угодникъ! — небо съ овчинку показалось! Не ожидалъ, не ожидалъ! совѣмъ не о-жи-далъ! И во всемъ этотъ мой кучеръ Фе-о-филь виноватъ! Я ужъ на тебя во всемъ надѣюсь, мой другъ: распорядись и розыщи хорошенько. — Я увѣренъ, что онъ на жизнь мою по-ку-шался.

— Хорошо, хорошо, дядюшка! отвѣчаетъ Павелъ Александровичъ, все розыщу! Только послушайте, дядюшка! Простите-ка его для сегодняшняго дня, а? Какъ вы думаете?

— Ни-за-что не прощу! Я увѣренъ, что онъ на жизнь мою поку-шался! Онъ и еще Лаврентій, котораго я дома оставилъ. Вообразите: нахватался, знаете, какихъ-то новыхъ идей! Отрицаніе какое-то въ немъ явилось... Однимъ словомъ: коммунистъ, въ полномъ смыслѣ слова! Я ужъ и встрѣчаться съ нимъ боюсь!

— Ахъ какую вы правду сказали, князь, восклицаетъ Марья Александровна. Вы не повѣрите, какъ я сама страдаю отъ этихъ негодныхъ людишекъ! Вообразите: я теперь перемѣнила двухъ изъ моихъ людей и, признаюсь, они такъ глупы, что я просто бьюсь съ ними съ утра до вечера. Вы не повѣрите, какъ-они глупы, князь!

— Ну да, ну да! Но признаюсь вамъ, я даже люблю, когда лакей отчасти глупъ, — замѣчаетъ князь, который, какъ и всѣ старички, радъ, когда болтовню его слушаютъ съ подобострастіемъ. Къ лакею это какъ-то идетъ и даже

составляет его достоинство, если онъ чистосердеченъ и глупъ. Разумѣется въ иныхъ только случа-яхъ. Са-но-ви-тости въ немъ оттого какъ-то больше, тор-жественность ка-кая-то въ лицѣ у него является, однимъ словомъ благово-спитанности больше, а я прежде всего требую отъ *человѣка* бла-го-вос-питан-ности. Вотъ у меня Те-рен-тій есть. Вѣдь ты помнишь, мой другъ, Те-рен-тій? Я какъ взглянулъ на него, такъ и предрекъ ему, съ перваго раза: быть тебѣ въ швейцарахъ! Глупъ фе-но-менально! смотреть какъ баранъ на воду! Но какая са-но-витость, какая тор-жественность! Кадыкъ такой, свѣтло-розовый! Ну, а вѣдь это, въ бѣломъ галстухѣ, и во всемъ парадѣ, составляетъ эффектъ. Я ду-шевно его полюбилъ. Иной разъ смотрю на него и засмат-риваюсь: рѣшительно диссертацию сочиняетъ, — такой важ-ный видъ! однимъ словомъ, настоящій, нѣмецкій философъ Кантъ, или, еще вѣрнѣе, откормленный жирный индюкъ. Совершенный *сomme-il-faut* для служащаго человѣка!..

Марья Александровна хохочетъ съ самымъ восторженнымъ увлеченіемъ и даже хлопаетъ въ ладошки. Павелъ Александровичъ вторитъ ей отъ всего сердца: его чрезвычайно зани-маетъ дядя. Захохотала и Настасья Петровна. Улыбнулась даже и Зина.

— Но сколько юмору, сколько веселости, сколько въ васъ остроумія, князь! — восклицаетъ Марья Александровна. — Какая драгоценная способность подмѣтить самую тонкую, самую смѣшную черту!.. И исчезнуть изъ общества, запре-реться на цѣлыхъ пять дѣтъ! Съ такимъ талантомъ! Но вы бы могли писать, князь! Вы бы могли повторить фон-Визина, Грибоѣдова, Гоголя!..

— Ну да, ну да! — говорить вседовольный князь, — я могу пов-то-рять.. и, знаете, я былъ необыкновенно остроуменъ въ прежнее время. Я даже для сцены во-де-виль написалъ... Тамъ было нѣсколько вос-хи-ти-тельныхъ куплетовъ! Впро-чемъ, его никогда не играли!..

— Ахъ, какъ-бы это мило было прочесть! И знаешь, Зина,

вотъ теперь-бы кстати! У насъ-же собираются составить театръ, — для патріотическаго пожертвованія, князь, въ пользу раненыхъ... вотъ-бы вашъ водевиль!

— Конечно! Я даже опять готовъ написать... впрочемъ, я его совершенно за-былъ. Но помню тамъ было два-три каламбура такихъ, что (и князь поцаловалъ свою ручку)... И вообще, когда я былъ за гра-ни-цей, я производилъ насто-ящій fu-go-ge. лорда Байрона помню. Мы были на дружеской но-гѣ. Восхитительно танцовалъ краковякъ на Вѣнскомъ конгрессѣ.

— Лордъ Байронъ, дядюшка! помилуйте, дядюшка, что вы?

— Ну да, лордъ Байронъ. Впрочемъ, можетъ быть, это былъ и не лордъ Байронъ, а кто-нибудь другой. Именно не лордъ Байронъ, а одинъ полякъ! Я теперь совершенно при-поминаю. И пре-ори-ги-нальный былъ этотъ по-лякъ: выдалъ себя за графа, а потомъ оказалось, что онъ былъ какой-то кухмистеръ. Но только вос-хи-ти-тельно танцовалъ краковякъ и наконецъ сломалъ себѣ ногу. Я еще тогда, на этотъ слу-чай, стихи сочинилъ:

Нашъ по-лякъ
Танцовалъ краковякъ...

А тамъ... а тамъ вотъ-ужь дальше и не припомню...

— А какъ ногу сломалъ
Танцовать пересталъ.

— Ну ужь вѣрно такъ, дядюшка? — восклицаетъ Мозгляковъ, все болѣе и болѣе приходя во вдохновенье.

— Кажется, что такъ, другъ мой, — отвѣчаетъ дядюшка, — или что-нибудь по-добное. Впрочемъ можетъ быть и не такъ, но только преудачные вышли стихи... Вообще я теперь забылъ нѣкоторыя происшествія. Это у меня отъ занятій.

— Но скажите, князь, чѣмъ же вы, все это время, занимались въ вашемъ уединеніи, — интересуется Марья Александровна. — Я такъ часто думала о васъ, mon cher prince,

что, признаюсь, на этотъ разъ сгораю нетерпѣніемъ узнать объ этомъ подробнѣе...

— Чѣмъ занимался? Ну, вообще, знаете, много за-ня-тій. Когда — отдыхаешь; а иногда, знаете, хожу, воображаю разныя вещи...

— У васъ, должно-быть, чрезвычайно сильное воображеніе, дядюшка?

— Чрезвычайно сильное, мой милый. Я иногда такое воображу, что даже самъ себѣ, потомъ, удивляюсь. Когда я былъ въ Кадуевѣ... А ргорòs! вѣдь ты, кажется, кадуевскимъ вицегубернаторомъ былъ?

— Я, дядюшка! Помилуйте, что вы! восклицаетъ Павелъ Александровичъ.

— Представь себѣ, мой другъ! а я тебя все принималъ за вицегубернатора, да и думаю: что-жъ это у него, какъ-будто-бы вдругъ, стало совсѣмъ другое ли-цо?... У того, знаешь, было лицо такое о-са-нистое, умное. Не-о-бык-новенно умный былъ человѣкъ, и все стихи со-чи-нялъ, на разные случаи. Немного, этакъ, съ-боку, на бубноваго короля былъ похожъ...

— Нѣтъ, князь, — перебиваетъ Марья Александровна, — клянусь, вы погубите себя такой жизнію! Затвориться на пять лѣтъ въ уединеніе, никого не видать, ничего не слышать! Но вы погибшій человѣкъ, князь! Кого хотите спросите изъ тѣхъ, кто вамъ преданъ, и вамъ всякій скажетъ, что вы — погибшій человѣкъ!

— Неужели? восклицаетъ князь.

— Увѣряю васъ; я говорю вамъ какъ другъ, какъ сестра ваша! Я говорю вамъ потому, что вы мнѣ дороги, потому что память о прошломъ для меня священна! Какая выгода была-бы мнѣ лицемѣрить? Нѣтъ, вамъ нужно до основанія измѣнить вашу жизнь, — иначе вы заболѣете, вы истощите себя, вы умрете...

— Ахъ, Боже мой! Неужели такъ скоро умру! — восклицаетъ испуганный князь — и, представте себѣ, вы угадали:

меня чрезвычайно мучить геморрой, особенно съ нѣкотораго времени... И когда у меня бываютъ припадки, то вообще у-ди-ви-тельные при этомъ симптомы (я вамъ подробнѣйшимъ образомъ ихъ опишу)... Во первыхъ...

— Дядюшка, это вы въ другой разъ расскажете, — подхватываетъ Павелъ Александровичъ, а теперь... не пора-ли намъ ѣхать?

— Ну да! пожалуй, въ другой разъ. Это, можетъ-быть, и не такъ интересно слушать. Я теперь соображаю... Но все-таки это чрезвычайно любопытная болѣзнь. Есть разные эпизоды... Напомни мнѣ, мой другъ, я тебѣ ужъ-вечеромъ расскажу одинъ случай въ под-роб-ности...

— Но послушайте, князь, вамъ-бы попробовать лечиться за границей, — перебиваетъ еще разъ Марья Александровна.

— За границей! Ну да, ну да! Я непременно поѣду за границу. Я помню, когда я былъ за границей въ двадцатыхъ годахъ, тамъ было у-ди-ви-тельно весело. Я чуть-чуть не женился на одной виконтессѣ, французенкѣ. Я тогда былъ чрезвычайно влюбленъ и хотѣлъ посвятить ей всю свою жизнь. Но, впрочемъ, женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовалъ, одинъ нѣмецкій баронъ; онъ еще потомъ, нѣкоторое время, въ сумасшедшемъ домѣ сидѣлъ..

— Но, cher prince, я къ тому говорила, что вамъ надо серьезно подумать о своемъ здоровьи. За границей такіе медики... и, сверхъ того, чего стоитъ ужъ одна перемѣна жизни! Вамъ рѣшительно надо бросить хоть на время ваше Духаново.

— Неп-ре-мѣнно! Я уже давно рѣшился, и, знаете, намѣренъ лѣчиться гид-ро-па-тіей.

— Гидропатіей?

— Гидропатіей. Я уже лечился разъ гид-ро-па-тіей. Я былъ тогда на водахъ. Тамъ была одна московская барыня, я ужъ фамилью забылъ, но только чрезвычайно поэтическая женщина, лѣтъ семидесяти была. При ней еще находилась дочь,

лѣтъ пятидесяти, вдова съ бѣльмомъ на глазу. Та тоже чуть-чуть не стихами говорила. Потомъ еще съ ней несчастный случай вы-шелъ: свою дворовую дѣвку, осердясь, убила и за то подъ-судомъ была. Вотъ и вздумали онѣ меня водой лѣчить. Я, признаюсь, ничемъ не былъ болѣнъ; ну пристали ко мнѣ: «лѣчись да лѣчись!» Я, изъ деликатности и началъ пить воду, думаю: и въ самомъ-дѣлѣ легче едѣ-лается. Пилъ-пилъ, пилъ-пилъ, выпилъ цѣлый водопадъ, и, знаете, эта гидротатія полезная вещь и ужасно много пользы мнѣ принесла, такъ что, еслибъ я наконецъ не забо-лѣлъ, то, увѣряю васъ, что былъ-бы совершенно здоровъ...

— Вотъ это совершенно справедливое заключенье, дядюшка! Скажите, дядюшка, вы учились логикѣ?

— Боже мой! какіе вы вопросы задаете!—строго замѣчаетъ скандализированная Марья Александровна.

— Учился, другъ мой, но только очень давно. Я и философіи обучался въ Германіи, весь курсъ прошелъ, но только тогда-же все совершенно забылъ. Но... признаюсь вамъ... вы меня такъ испугали этими болѣзнями, что я... весь разстроенъ. Впрочемъ, я сейчасъ ворочусь...

— Но куда-жъ вы, князь? — вскрикиваетъ удивленная Марья Александровна.

— Я сейчасъ, сейчасъ... Я только записать одну новую мысль... au revoir...

— Каковъ? — вскрикиваетъ Павелъ Александровичъ и заливается хохотомъ.

Марья Александровна теряетъ терпѣнье.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю, чему вы смѣетесь! начинается она съ горячностію. — Смѣяться надъ почтеннымъ старичкомъ, надъ родственникомъ, подымать насмѣхъ каждое его слово, пользуясь ангельской его добротою! — Я краснѣла за васъ, Павелъ Александровичъ! Но, скажите, чѣмъ онъ смѣшонъ по вашему? Я ничего не нашла въ немъ смѣшнаго.

— Что онъ не узнаетъ людей, что онъ иногда заговаривается?

— Но это слѣдствіе ужасной жизни его, ужаснаго пятилѣтняго заключенія, подъ надзоромъ этой адской женщины. Его надо жалѣть, а не смѣяться надъ нимъ. Онъ даже меня не узналъ; вы были сами свидѣтелемъ. Это уже, такъ-сказать, — вопіеть! Его рѣшительно надо спасти! Я предлагаю ему ѣхать за границу, единственно въ надеждѣ, что онъ, можетъ-быть, броситъ эту... торговку!

— Знаете-ли что? его надо женить, Марья Александровна! восклицаетъ Павелъ Александровичъ.

— Опять! Но вы неисправимы послѣ этого, мсье Мозгляковъ!

— Нѣтъ, Марья Александровна, нѣтъ! Въ этотъ разъ я говорю совершенно серьезно! Почему-жъ не женить? Это тоже идея! *C'est une idée comme une autre!* Чѣмъ можетъ это повредить ему; скажите, пожалуйста? Онъ, напротивъ, въ такомъ положеніи, что подобная мѣра можетъ только спасти его! По закону онъ еще можетъ жениться. Во первыхъ, онъ будетъ избавленъ отъ этой пройдохи (извините за выраженіе). Во вторыхъ и, главное — представьте себѣ, что онъ выберетъ дѣвушку, или, еще лучше, вдову, милую, добрую, умную, нѣжную и, главное, бѣдную, которая будетъ ухаживать за нимъ, какъ дочь, и пойметъ, что онъ ее облагодѣтельствовалъ, назвавъ своею женою. А что-же ему лучше, какъ не родное, какъ не искренное и благородное существо, которое непрерывно будетъ подлѣ него, вмѣсто этой... бабы? Разумѣется, она должна быть хорошенькая: потому что дядюшка до сихъ поръ еще любитъ хорошенькихъ. Вы замѣтили, какъ онъ заглядывался на Зинаиду Афанасьевну?

— Да гдѣ же вы найдете такую невѣсту? — спрашиваетъ Настасья Петровна, придежно слушавшая.

— Вотъ такъ сказали: да хоть бы вы, если только угодно! Позвольте спросить: чѣмъ вы не невѣста князю? Во первыхъ — вы хорошенькая, во вторыхъ — вдова, въ третьихъ — благо-

родная, въ четвертыхъ — бѣдная (потому что вы дѣйствительно небогатая), въ пятыхъ — вы очень благоразумная дама, слѣдственно будете любить его, держать его въ хлопоткахъ, прогоните ту барыню въ толчки, повезете его за границу, будете кормить его манной кашкой и конфетами, все это ровно до той минуты, когда онъ оставитъ сей бранный міръ, что будетъ ровно черезъ годъ, а можетъ быть и черезъ два мѣсяца съ половиною. Тогда вы княгиня, вдова, богачка и въ награду за вашу рѣшимость, выходите замужъ за маркиза или за генераль-интеданта! *C'est jolі*, не правда-ли?

— Фу ты, Боже мой! да я бы мнѣ кажется влюбилась въ него, голубчика, изъ одной благодарности, еслибъ онъ только сдѣлалъ мнѣ предложеніе! восклицаетъ г-жа Зяблова и темные, выразительные глаза ея засверкали: — только все это — вздоръ!

— Вздоръ? хотите это будетъ не вздоръ? Попросите-ка меня хорошенько и потомъ палецъ мнѣ отрѣжьте, если сегодня-же не будете его невѣстою! Да нѣтъ ничего легче уговорить или сманить на что-нибудь дядюшку! Онъ все говоритъ: «Ну да, ну да!» — сами слышали. Мы его женимъ такъ, что онъ и не услышитъ. Пожалуй обманемъ и женимъ; да вѣдь для его же пользы, помилосердуйте!... Хоть бы вы принарядились на всякій случай, Настасья Петровна!

Восторгъ м-сье Мозглякова переходитъ даже въ азартъ. У г-жи Зябловой, какъ ни разсудительна она, потекли одна-коже слюнки.

— Да ужь я и безъ васъ знаю, что сегодня совсѣмъ замарашка, — отвѣчаетъ она. Совсѣмъ опустилась; давно не мечтаю. Вотъ и выѣхала такая мадамъ Грибусье... А что, въ самомъ дѣлѣ я кухаркой кажусь?

Все это время Марья Александровна сидѣла съ какой-то странной миною въ лицѣ. Я не ошибусь, если скажу, что она слушала странное предложеніе Павла Александровича съ какимъ-то испугомъ, какъ-то оторопѣвъ... Наконецъ она опомнилась.

— Все это, положимъ, очень хорошо, но все это вздоръ и нелѣпость, а, главное, совершенно некстати, — рѣзко прерываетъ она Мозглякова.

— Но почему же, добрѣйшая Марья Александровна, почему же это вздоръ и некстати?

— По многимъ причинамъ, а главное потому, что вы у меня въ домѣ, что князь — мой гость, и что я никому не позволю забыть уваженіе къ моему дому. Я принимаю ваши слова не иначе какъ за шутку, Павелъ Александровичъ. Но, слава Богу! вотъ и князь!

— Вотъ и я! — кричитъ князь, входя въ комнату. — Удивительно, cher ami, сколько у меня сегодня разныхъ идей. А другой разъ, можетъ быть ты и не повѣришь тому, какъ будте ихъ совсѣмъ не бы-ваетъ. Такъ и сижу себѣ цѣлый день.

— Это, дядюшка, вѣроятно отъ сегодняшняго паденія. Это потрясло ваши нервы и вотъ...

— Я и самъ, мой другъ, этому же приписываю и нахожу этотъ случай даже по-лез-нымъ; такъ что я рѣшился простить моего Тео-фи-ла. Знаешь что? мнѣ кажется, онъ не покушался на мою жизнь; ты думаешь? Притомъ же онъ и безъ того былъ недавно наказанъ, когда ему бороду сбрили.

— Бороду сбрили, дядюшка! Но у него борода съ нѣмецкое государство?

— Ну да, съ нѣмецкое государство. Вообще, мой другъ, ты совершенно справедливъ въ своихъ заклю-ченіяхъ. Но это искусственная. И представьте себѣ какой случай; вдругъ присылаютъ мнѣ преись-курантъ. Получены вновь изъ-за границы превосходнѣйшіе кучерскія и господскія бо-ро-ды, равномѣрно бакенбарды, эспаньолки, усы и проч., и все это лучшаго ка-чес-тва, и по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Дай, думаю, выпишу бо-ро-ду, хоть поглядѣть — что такое? Вотъ и выписалъ я бороду кучерскую, дѣйствительно борода загляднѣе! Но оказывается, что у Теофила своя собственная чуть не въ два раза больше. Разумѣется, возникло недо-

умѣніе: сбрить-ли свою, или присланную назадъ отослать, а носить натуральную? Я думалъ-думалъ и рѣшилъ, что ужь лучше носить искусственную.

— Вѣроятно потому, что искусство выше природы, дядюшка!

— Именно потому. И сколько ему страданій стоило, когда ему бороду брили? Какъ будто со всей своей карьерой съ бородой разставался... Но не пора-ли намъ ѣхать, мой милый?

— Я готовъ, дядюшка.

— Но я надѣюсь, князь, что вы только къ одному губернатору! — въ волненіи восклицаетъ Марья Александровна. Вы теперь *мой*, князь, и принадлежите моему семейству на цѣлый день. Я, конечно, ничего вамъ не буду говорить про здѣшнее общество. Можетъ быть вы пожелаете быть у Анны Николаевны, и я не въ правѣ васъ разочаровывать: къ тому же я вполне увѣрена, что время покажетъ свое. Но помните одно, что я ваша хозяйка, сестра, мамка, нянька на весь этотъ день и, признаюсь, я трепещу за васъ, князь! Вы не знаете, нѣтъ, вы не знаете вполне этихъ людей, покрайней мѣрѣ до времени!...

— Положитесь на меня, Марья Александровна. Все какъ я вамъ обѣщалъ, такъ будетъ, — говоритъ Мозгляковъ.

— Ужъ вы, вѣтренникъ! положишь на васъ! Я васъ жду къ обѣду, князь. Мы обѣдаемъ рано. И какъ я жалѣю, что на этотъ случай мужъ мой въ деревнѣ! какъ бы радъ онъ былъ васъ увидѣть! Онъ такъ васъ уважаетъ, такъ душевно васъ любить!

— Вашъ мужъ? А у васъ есть и мужъ? спрашиваетъ князь.

— Ахъ, Боже мой! какъ вы забывчивы, князь! Но вы совершенно, совершенно забыли все прежнее! Мой мужъ, Афанасій Матвѣичъ, неужели вы его не помните? Онъ теперь въ деревнѣ, но вы тысячу разъ его видѣли прежде. Помните князь: Афанасій Матвѣичъ?...

— Афанасій Матвѣичъ! въ деревнѣ! представьте себѣ, *mais c'est délicieux!* Такъ у васъ есть и мужъ? Какой странный однако же случай! Это точь-въ-точь какъ есть одинъ водевиль: мужъ въ дверь, а жена въ... позвольте, вотъ и забылъ! только куда-то и жена тоже поѣхала, кажется въ Тулу или въ Ярославль, однимъ словомъ выходитъ какъ-то очень смѣшно.

— Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, дядюшка! — подсказываетъ Мозгляковъ.

— Ну - ну! да - да! благодарю тебя, другъ мой, именно въ Тверь, *charmant, charmant!* такъ что оно и складно выходитъ. Ты всегда въ рифму попадаешь, мой милый! То-то я помню: въ Ярославль или въ Кострому, но только куда - то и жена тоже поѣхала! *Charmant, charmant!* Впрочемъ я немного забылъ, о чемъ я началъ говорить... да! и такъ мы ѣдемъ, другъ мой. *Au revoir, madame, adieu, ma charmante demoiselle,* — прибавилъ князь, обращаясь къ Зинѣ и цалуя кончики своихъ пальцевъ.

— Обѣдать, обѣдать, князь! Не забудьте возвратиться скорѣе! — кричитъ вслѣдъ Марья Александровна.

ГЛАВА V.

Вы бы, Настасья Петровна, взглянули на кухнѣ, — говоритъ она, проводивъ князя. — У меня есть предчувствіе, что этотъ извергъ Никитка непременно испортитъ обѣдъ! Я увѣрена, что онъ уже пьянъ...

Настасья Петровна повинуется. Уходя она подозрительно взглядываетъ на Марью Александровну и замѣчаетъ въ ней

какое-то необыкновенное волненіе. вмѣсто того, чтобъ идти присмотрѣть за извергомъ Никиткой, — Настасья Петровна проходитъ въ залъ, оттуда коридоромъ, въ свою комнату, оттуда въ темную комнатку, въ родѣ чуланчика, гдѣ стоятъ сундуки, развѣшена кой-какая одежда и сохраняется въ узлахъ черное бѣлье всего дома. Она на цыпочкахъ подходитъ къ запертымъ дверямъ, скрадываетъ свое дыханіе, нагибается, смотритъ въ замочную скважинку и подслушиваетъ. Эта дверь — одна изъ трехъ дверей той самой комнаты, гдѣ остались теперь Зина и ея маменька — всегда наглухо заперта и заколочена.

Марья Александровна считаетъ Настасью Петровну плутоватой, но чрезвычайно легкомысленной женщиной. Конечно, ей приходила иногда мысль, что Настасья Петровна не поцеремонится и подслушать. Но въ настоящую минуту госпожа Москалева такъ занята и взволнована, что совершенно забыла о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ. Она садится въ кресла и значительно взглядываетъ на Зину. Зина чувствуетъ на себѣ этотъ взглядъ и какая-то неприятная тоска начинаетъ щемить ея сердце.

— Зина!

— Зина медленно оборачиваетъ къ ней свое блѣдное лицо и подымаетъ свои черные, задумчивые глаза.

— Зина, я намѣрена поговорить съ тобой о чрезвычайно важномъ дѣлѣ.

Зина оборачивается совершенно къ своей маменькѣ, складываетъ свои руки и стоитъ въ ожиданіи. Въ лицѣ ея досада и насмѣшка, что, впрочемъ, она старается скрыть.

— Я хочу тебя спросить, Зина, какъ показался тебѣ, сегодня, *этотъ* Мозгляковъ?

— Вы уже давно знаете, какъ я о немъ думаю, — нехотя отвѣчаетъ Зина.

— Да, *mon enfant*; но мнѣ кажется онъ становится какъ-то ужъ слишкомъ навязчивымъ съ своимми... исканіями.

— Онъ говоритъ, что влюбленъ въ меня и навязчивость его извинительна.

— Странно! Ты прежде не извиняла его такъ... охотно. Напротивъ, всегда на него нападала, когда я заговорю объ немъ.

— Странно и то, что вы всегда защищали и непременно хотѣли, чтобъ я вышла за него замужъ, а теперь первая на него нападаете.

— Почти. Я не запираюсь, Зина; я желала тебя видѣть за Мозгляковымъ. Мнѣ тяжело было видѣть твою непрерывную тоску, твои страданія, которыя я въ состояніи понять (что бы ты ни думала обо мнѣ!) и которыя отравляютъ мой сонъ по ночамъ. Я увѣрилась наконецъ, что одна только значительная перемѣна въ твоей жизни можетъ спасти тебя! И перемѣна эта должна быть замужество. Мы небогаты и не можемъ ѣхать, напримѣръ, за границу. — Здѣшніе ослы удивляются, что тебѣ двадцать три года и ты не замужемъ и сочиняютъ объ этомъ исторіи. Но неужели-жъ я тебя выдамъ за здѣшняго совѣтника или за Ивана Ивановича, нашего стряпчаго? Есть ли для тебя здѣсь мужья? Мозгляковъ конечно пусть, но онъ все таки лучше ихъ всѣхъ. Онъ порядочной фамиліи, у него есть родство, у него есть полтора ста душъ; это все таки лучше, чѣмъ жить крючками, да взятками, да Богъ знаетъ какими приключеніями; потому я и бросила на него мои взгляды. Но, клянусь тебѣ, я никогда не имѣла настоящей къ нему симпатіи. Я увѣрена, что самъ Всевышній предупредалъ меня. И еслибы Богъ послалъ, хоть теперь, что-нибудь лучше — о! какъ хорошо тогда, что ты еще не дала ему слова! ты вѣдь сегодня ничего не сказала ему навѣрно, Зина?

— Къ чему такъ кривляться, маменька, когда все дѣло въ двухъ словахъ? — раздражительно проговорила Зина.

— Кривляться, Зина, кривляться! и ты могла сказать такое слово матери? Но что я! Ты давно уже не вѣришь своей ма-

тери! Ты давно уже считаешь меня своимъ врагомъ, а не матерью.

— Э, полноте, маменька! Намъ-ли съ вами за слово спорить! Развѣ мы не понимаемъ другъ друга? Было, кажется, время повяты!

— Но ты оскорбляешь меня, дитя мое! Ты не вѣришь, что я готова рѣшительно на все, на все, чтобъ устроить судьбу твою!

Зина взглянула на мать насмѣшливо и съ досадою.

— Ужъ не хотите-ли вы меня выдать за этого князя, чтобъ *устроить* судьбу мою? — спросила она съ странной улыбкой.

— Я ни слова не говорила объ этомъ, но къ слову скажу, что еслибъ случилось тебѣ выйдти за князя, то это было-бы счастьемъ твоимъ, а не безуміемъ...

— А я нахожу, что это просто вздоръ! Запальчиво воскликнула Зина. — Вздоръ! вздоръ! Я нахожу еще, маменька, что у васъ слишкомъ много поэтическихъ вдохновеній, вы женщина-поэтъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; васъ здѣсь и называютъ такъ. У васъ непрерывно проэскты. Невозможность и вздорность ихъ васъ не останавливаютъ. Я предчувствовала, когда еще князь здѣсь сидѣлъ, что у васъ это на умѣ. Когда дурачился Мозгляковъ и увѣрялъ, что надо жить этого старика, я прочла всѣ мысли ваши на вашемъ лицѣ. Я готова биться объ закладъ, что вы объ этомъ думаете, и теперь съ этимъ-же ко мнѣ подѣзжаете. Но такъ какъ ваши непрерывные проэскты на счетъ меня начинаютъ мнѣ до смерти надоѣдать, начинаютъ мучить меня, то прошу васъ не говорить мнѣ объ этомъ ни слова, слышите-ли, маменька, — ни слова, и я бы желала, чтобъ вы это запомнили! Она задыхалась отъ гнѣва.

— Ты дитя, Зина, — раздраженное, больное дитя! — отвѣчала Марья Александровна, растроганнымъ, слезящимся голосомъ. — Ты говоришь со мной непочтительно и оскорбляешь меня. Ни одна мать не вынесла бы того, что я выношу отъ тебя ежедневно! Но ты раздражена, ты больна, ты страдаешь,

а я мать и, прежде всего, христіанка. Я должна терпѣть и прощать. Но одно слово, Зина: еслибъ я и дѣйствительно мечтала объ этомъ союзѣ, — почему именно ты считаешь все это вздоромъ? По моему, Мозгляковъ никогда не говорилъ умнѣе давшняго, когда доказывалъ, что князю необходимъ женитьба, — конечно, не на этой чумичкѣ Настасьѣ. Тутъ ужъ онъ заврался.

— Послушайте, маменька! скажите прямо: вы это спрашиваете только такъ, изъ любопытства, или съ намѣреніемъ?

— Я спрашиваю только: почему это кажется тебѣ такимъ вздоромъ?

— Ахъ досада! вѣдь достанется-же такая судьба! — восклицаетъ Зина, топнувъ ногою отъ нетерпѣнія. Вотъ почему, если это вамъ до сихъ поръ неизвѣстно: не говоря уже о всѣхъ другихъ недѣлностяхъ, — воспользоваться тѣмъ, что старикашка выжилъ изъ ума, обмануть его, выйти за него, за калѣку, чтобъ вытащить у него его деньги и потомъ каждый день, каждый часъ, желать его смерти, по моему это не только вздоръ, но сверхъ того такъ низко, такъ низко, что я не поздравляю васъ съ такими мыслями, маменька!

Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Зина! а помнишь-ли, что было два года назадъ?—спросила вдругъ Марья Александровна.

Зина вздрогнула.

— Маменька!—сказала она строгимъ голосомъ,—вы торжественно обѣщали мнѣ никогда не поминать объ этомъ!

— А теперь торжественно прошу тебя, дитя мое, чтобъ ты позволила мнѣ одинъ только разъ нарушить это обѣщаніе, которое я никогда до сихъ поръ не нарушала. Зина! пришло время полного объясненія между нами. Эти два года молчанія были ужасны! Такъ не можетъ продолжаться!.

Я готова на колѣнахъ молить тебя, чтобъ ты мнѣ позволила говорить. Слышишь Зина: родная мать умоляетъ тебя на колѣнахъ! вмѣстѣ съ этимъ даю тебѣ торжественное слово мое — слово несчастной матери, обожавшей свою дочь,

что никогда, ни подъ какимъ видомъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, даже еслибъ шло о спасеніи жизни моей, я уже не буду болѣе говорить объ этомъ. Это будетъ въ послѣдній разъ, но теперь — это необходимо!

Марья Александровна рассчитывала на полный эффектъ.

— Говорите, — сказала Зина, замѣтно блѣднѣя.

— Благодарю тебя, Зина. Два года назадъ, къ покойному Митѣ, твоему маленькому брату, ходилъ учитель...

— Но зачѣмъ вы такъ торжественно начинаете, маменька! Къ чему все это краснорѣчіе, всѣ эти подробности, которыя совершенно не нужны, которыя тяжелы и которыя намъ обѣимъ слишкомъ извѣстны?—съ какимъ-то злобнымъ отвращеніемъ прервала ее Зина.

— Къ тому, дитя мое, что я, твоя мать, принуждена теперь оправдываться передъ тобою! Къ тому, что я хочу представить тебѣ это-же все дѣло совершенно съ другой точки зрѣнія, а не съ той, ошибочной точки, съ которой ты привыкла смотрѣть на него. Къ тому, наконецъ, чтобъ ты лучше поняла заключеніе, которое я намѣрена изъ всего этого вывести — Не думай, дитя мое, что я хочу играть твоимъ сердцемъ! Нѣтъ, Зина, ты найдешь во мнѣ настоящую мать и, можетъ быть, обливаясь слезами, у ногъ моихъ, у ногъ *низкой женщины*, какъ ты сейчасъ назвала меня, сама будешь просить примиренія, которое ты такъ долго, такъ надменно, до—сихъ—поръ отвергала. Вотъ почему я хочу высказать все, Зина, все съ самаго начала; иначе я молчу!

— Говорите,—повторила Зина, отъ всего сердца проклинающая потребность краснорѣчія своей маменьки.

Я продолжаю, Зина: этотъ учитель уѣзднаго училища, почти еще мальчикъ, производитъ на тебя совершенно непонятное для меня впечатлѣніе. Я слишкомъ надѣялась на твое благоразуміе, на твою благородную гордость и, главное, на его ничтожество (потому что надо же все говорить), чтобы хоть что нибудь подозрѣвать между вами. И вдругъ

ты приходишь ко мнѣ и рѣшительно объявляешь, что намѣрена выйти за него замужъ. Зина! Это былъ кинжалъ въ мое сердце! Я вскрикнула и лишилась чувствъ. Но... ты все это помнишь! Разумѣется, я сочла за нужное употребить всю свою власть, которую ты называла тиранствомъ. Подумай: мальчикъ, сынъ дьячка, получающій двѣнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованія, кропатель дрянныхъ стишонковъ, которые, изъ жалости, печатаютъ въ Библіотекѣ для Чтенія, и умѣющій только толковать объ этомъ проклятомъ Шекспирѣ, — этотъ мальчикъ — твой мужъ! мужъ Зинаиды Москалевой! Но это достойно Флоріана и его пастушковъ! Прости меня, Зина, но одно уже воспоминаніе выводитъ меня изъ себя! Я отказала ему, но никакая власть не можетъ остановить тебя. Твой отецъ, разумѣется, только хлопалъ глазами и даже не понялъ, что я начала ему объяснять. Ты продолжаешь съ этимъ мальчикомъ сношенія, даже свиданія, но что всего ужаснѣе, ты рѣшаешься съ нимъ переписываться. По городу начинаютъ уже распространяться слухи. Меня начинаютъ колоть намеками; уже обрадовались, уже затрубили во все рога и вдругъ все мои предсказанія сбываются самымъ торжественнымъ образомъ. Вы за что-то ссоритесь; онъ оказывается самымъ недостойнымъ тебя... мальчишкой (я никакъ не могу назвать его человѣкомъ!) и грозитъ тебѣ распространить по городу твои письма. При этой угрозѣ, полная негодованія, ты выходишь изъ себя и даешь пощечину. Да, Зина, мнѣ извѣстно и это обстоятельство! Мнѣ все, все извѣстно! Несчастный, въ тотъ же день, показываетъ одно изъ твоихъ писемъ негодю Заушину и, черезъ часъ, это письмо уже находится у Натальи Дмитріевны, у смертельнаго врага моего. Въ тотъ-же вечеръ этотъ сумасшедшій, въ раскаяніи, дѣлаетъ нелѣпую попытку чѣмъ-то отравить себя. Однимъ словомъ, скандалъ выходитъ ужаснѣйшій! Эта чумичка Настасья прибѣгаетъ ко мнѣ испуганная, съ страшнымъ извѣстіемъ: уже цѣлый часъ письмо въ рукахъ у Натальи Дмитріевны; черезъ два часа весь городъ будетъ

знать о твоём позорѣ! Я пересилила себя, я не упала въ обморокъ, — но какими ударами ты поразила мое сердце, Зина! Эта безстыдная, этотъ извергъ, Настасья требуетъ двѣсти рублей серебромъ и за это клянется достать обратно письмо. Я сама, въ легкихъ башмакахъ, по снѣгу, бѣгу къ жиду Бумштейну и закладываю мой фермуаръ — память праведницы моей матери! Черезъ два часа письмо въ моихъ рукахъ. Настасья украла его. Она взломала шкатулку и — честь твоя спасена, — доказательствъ нѣтъ! Но въ какой тревогѣ ты заставила меня прожить тотъ ужасный день! На другой же день я замѣтила, въ первый разъ въ жизни, нѣсколько сѣдыхъ волосъ въ головѣ моей. Зина! ты сама рассудила теперь о поступкѣ этого мальчика. Ты сама теперь соглашаешься и, можетъ быть, съ горькою улыбкою, что было-бы вѣрхомъ неблагоразумія довѣрить ему судьбу свою. Но съ тѣхъ поръ ты терзаешься, ты мучаешься, дитя мое; ты не можешь забыть его, или, лучше сказать, не его — онъ всегда былъ недостойнъ тебя, — а призракъ своего прошедшаго счастья. Этотъ несчастный теперь на смертномъ одрѣ; говорятъ онъ въ чахоткѣ, а ты, — ангелъ доброты! — ты не хочешь, при жизни его, выходить замужъ, чтобъ не растерзать его сердце, потому что онъ досихъ-поръ еще мучится ревностью, хотя я увѣрена, что онъ никогда не любилъ тебя настоящимъ, возвышеннымъ образомъ! Я знаю, что, услышавъ про исканія Мозглякова, онъ шпионилъ, подсылалъ, выспрашивалъ. Ты щадишь его, дитя мое, я угадала тебя, и, Богъ видитъ, какими горькими слезами обливала я подушку мою!...

— Да оставьте все это, маменька! — прерываетъ Зина, въ невыразимой тоскѣ. — Очень понадобилась тутъ ваша подушка, — прибавляетъ она съ колкостью. — Нельзя безъ декламаций, да вывертовъ!

— Ты не вѣришь мнѣ, Зина! Не смотри на меня враждебно, дитя мое! Я не осушала глазъ эти два года, но скрывала отъ тебя мои слезы, и, клянусь тебѣ, я во многомъ

измѣнилась сама въ это время! Я давно поняла твои чувства, и, каюсь, только теперь узнала всю силу твоей тоски. Можно-ли обвинять меня, другъ мой, что я смотрѣла на эту привязанность, какъ на романтизмъ, навѣянный этимъ проклятымъ Шекспиромъ, который какъ нарочно, суетъ свой носъ вездѣ, гдѣ его не спрашиваютъ. Какая мать осудить меня за мой тогдашній испугъ, за принятія мѣры, за строгость суда моего? Но теперь, теперь, видя твои двухлѣтнія страданія, я понимаю и цѣню твои чувства. Повѣрь, что я поняла тебя, можетъ быть, гораздо лучше, чѣмъ ты сама себя понимаешь. Я увѣрена, что ты любишь не его, этого неестественнаго мальчика, а золотыя мечты свои, свое потерянное счастье, свои возвышенные идеалы. Я сама любила и, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ ты. Я сама страдала; у меня тоже были свои возвышенные идеалы. И потому, кто можетъ обвинить меня теперь и, прежде всего, можешь ли ты обвинить меня за то, что я нахожу союзъ съ княземъ самымъ спасительнымъ, самымъ необходимымъ для тебя дѣломъ, въ теперешнемъ твоёмъ положеніи?

Зина съ удивленіемъ сласала всю эту длинную декламацию, отлично зная, что маменька никогда не впадетъ въ такой тонъ безъ причины. Но послѣднее, неожиданное заключеніе, совершенно изумило ее.

— Такъ неужели вы серьезно положили выдать меня за этого князя? — вскричала она, съ изумленіемъ, чуть не съ испугомъ смотря на мать свою. Стало-быть это уже не однѣ мечты, не проэскты, а твердое ваше намѣреніе? Стало-быть я угадала? И... и.... какимъ образомъ это замужество спасетъ меня и необходимо въ настоящемъ моемъ положеніи? И... и... какимъ образомъ все это вяжется съ тѣмъ, что вы теперь наговорили, — со всей этой исторіей?... Я рѣшительно не понимаю васъ, маменька!

— А я удивляюсь, *mon ange*, какъ можно не понимать всего этого! — восклицаетъ Марья Александровна, одушевляясь въ свою очередь. — Во первыхъ — ужь одно то, что

ты переходишь въ другое общество, въ другой міръ! Ты оставлешь навсегда этотъ отвратительный городишка, полный для тебя ужасныхъ воспоминаній, гдѣ нѣтъ у тебя ни привѣта, ни друга; гдѣ оклеветали тебя; гдѣ всѣ эти сороки ненавидятъ тебя за твою красоту. Ты можешь даже ѣхать этой-же весной за границу, въ Италію, въ Швейцарію, въ Испанію, Зина, въ Испанію, гдѣ Альгамра, гдѣ Гвадалкивиръ, а не здѣшняя скверная рѣченка, съ неприличнымъ названіемъ....

— Но позвольте, маменька, вы говорите такъ, какъ-будто я уже замужемъ или, по крайней мѣрѣ, князь сдѣлалъ мнѣ предложеніе?

— Не безпокойся объ этомъ, мой ангель, я знаю, что я говорю. Но, — позволь мнѣ продолжать. Я уже сказала *первое*, теперь *второе*: я понимаю, дитя мое, съ какимъ отвращеніемъ ты отдала-бы руку этому Мозглякову. ..

— Я и безъ вашихъ словъ знаю, что никогда не буду его женою! — отвѣчала съ горячностью Зина, и глаза ея засверкали.

— И еслибъ ты знала, какъ я понимаю твое отвращеніе, другъ мой! Ужасно поклясться передъ алтаремъ Божиимъ въ любви къ тому, кого не можешь любить! Ужасно принадлежать тому, кого даже не уважаешь! А онъ потребуетъ, твоей любви; онъ для того и жениться; я это знаю по взглядамъ его на тебя, когда ты отвернешься. Каково-жъ притворяться! Я сама двадцать пять лѣтъ это испытываю. Твой отецъ погубилъ меня. Онъ, можно сказать, высосалъ всю мою молодость, и сколько разъ ты видѣла слезы мои!..

— Папенька въ деревнѣ, не трогайте его, пожалуйста, — отвѣчала Зина.

— Знаю, ты всегдашняя его заступница, Ахъ, Зина! У меня все сердце замрало, когда я, изъ расчета, желала твоего брака съ Мозгляковымъ. А съ княземъ тебѣ притворяться нечего. Само собою разумѣется, что ты не можешь его

любить.... любовью, да и онъ самъ *неспособенъ* потребовать такой любви....

— Боже мой, какой вздоръ! Но увѣряю васъ, что вы ошиблись въ самомъ началѣ, въ самомъ первомъ, главномъ! Знайте, что я не хочу собою жертвовать, неизвѣстно для чего! Знайте, что я вовсе не хочу замужъ, ни за кого, и останусь въ дѣвкахъ! Вы два года ѣли меня за то, что я не выхожу замужъ. Ну чтожь? придется съ этимъ вамъ примириться. Не хочу, да и только! Такъ и будетъ!

— Но, душечка, Зиночка, не горячись, ради Бога, не выслушавъ! И что у тебя за головка горячая, право! Позволь мнѣ посмотрѣть съ моей точки зрѣнія, и ты тотчасъ-же со мной согласишься. Князь проживетъ годъ, много два, п, по моему, лучше ужь быть молодой вдовой, чѣмъ перезрѣлой дѣвой, не говоря ужь о томъ, что ты, по смерти его, — княгиня, свободна, богата, независима! Другъ мой, ты, можешь-быть, съ презрѣніемъ смотришь на всѣ эти расчеты, — расчеты на смерть его! Но — я мать, а какая мать осудить меня за мою дальновидность? Наконецъ, если ты, ангелъ доброты, жалѣешь до-сихъ-поръ этого мальчика, жалѣешь до такой степени, что не хочешь даже выйти замужъ при его жизни (какъ я догадываюсь), то подумай, что, выйдя за князя, ты заставишь его воскреснуть духомъ, обрадоваться! Если въ немъ есть хоть капля здраваго смысла, то онъ, конечно, пойметъ, что ревность къ князю неумѣстна, смѣшна; пойметъ, что ты вышла по расчету, по необходимости. Наконецъ, онъ пойметъ.... то есть я просто хочу сказать, что, по смерти князя, ты можешь опять выйти за-мужъ, за кого хочешь....

— По просту выходитъ: выйти за мужъ за князя, обобратъ его и рассчитывать потомъ на его смерть, чтобъ выйти потомъ за любовника. Хитро вы подводите ваши итоги! Вы хотите соблазнить меня, предлагая мнѣ.... Я понимаю васъ, маменька, вполне понимаю! Вы никакъ не можете воздержаться отъ выставки благородныхъ чувствъ, даже въ гадкомъ

дѣлѣ. Сказали-бы лучше прямо и просто: «Зина, это подлость, но она выгодна, и потому согласишься на нее!» Это по прайней мѣрѣ было-бы откровеннѣе.

— Но зачѣмъ-же, дитя мое, смотрѣть непременно съ этой точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія обмана, коварства и корыстолюбія. Ты считаешь мои расчеты за низость, за обманъ? Но, ради всего святаго, гдѣ-же тутъ обманъ, какая тутъ низость? Взгляни на себя въ зеркало; ты такъ прекрасна, что за тебя можно отдать королевство! И вдругъ ты, — ты, красавица, жертвуешь старику свои лучшіе годы! Ты, какъ прекрасная звѣзда, освѣтишь закатъ его жизни; ты, какъ зеленый плющъ, обовьешься около его старости, ты, а не эта крапива, эта гнусная женщина, которая околдовала его и, съ жадностію, сосеть его соки! Неужели-жъ его деньги, его княжество стоятъ дороже тебя? Гдѣ-же тутъ обманъ и низость? Ты сама не знаешь, чтó говоришь, Зина!

— Вѣрно стоятъ, коли надо выходить за колѣвку! Обманъ — всегда обманъ, маменька, какія-бы ни были цѣли.

— Напротивъ, другъ мой, напротивъ! на это можно взглянуть даже съ высокой, даже съ христіанской точки зрѣнія, дитя мое! Ты сама, однажды, въ какомъ-то изступленіи, сказала мнѣ, что хочешь быть сестрою милосердія. Твое сердце страдало, ожесточилось. Ты говорила (я знаю это), что оно уже не можетъ любить. Если ты не вѣришь въ любовь, то обрати свои чувства на другой болѣе возвышенный предметъ, обрати искренно, какъ дитя, со всею вѣрою и святостію — и Богъ благословитъ тебя. Этотъ старикъ тоже страдалъ, онъ несчастенъ, его гонять; я уже нѣсколько лѣтъ его знаю и всегда питала къ нему непонятную симпатію, родъ любви, какъ будто что-то предчувствовала. Будь-же его другомъ, будь его дочерью, будь, пожалуй, хоть игрушкой его, — если ужъ все говорить! — но согрѣй его сердце и ты сдѣлаешь это для Бога, для добродѣтели! Онъ смѣшонъ, — не смотри на это. Онъ получеловѣкъ, — пожалѣй его; ты христіанка! Принудь себя; такіе подвиги нудятся. На нашъ

взглядъ тяжело перевязывать раны въ больницѣ; отвратительно дышать зараженнымъ лазаретнымъ воздухомъ. Но есть ангелы Божіи, исполняющіе это и благословляющіе Бога за свое назначеніе. Вотъ лѣкарство твоему оскорбленному сердцу, занятіе, подвигъ — и ты залѣчишь раны свои. Гдѣ-же тутъ эгоизмъ, гдѣ тутъ подлость? Но ты мнѣ не вѣришь! Ты, можетъ-быть, думаешь, что я притворяюсь, говоря о долгѣ, о подвигахъ. Ты не можешь понять, какъ я, женщина свѣтская, суетная, могу имѣть сердце, чувства, правила? Что-жь? не вѣрь, оскорбляй свою мать, но согласись, что слова ея разумны, спасительны. Вообрази, пожалуй, что говорю не я, а другой; закрой глаза, обернись въ уголъ, представь, что тебѣ говоритъ какой-нибудь невидимый голосъ.... Тебя главное смущаетъ, что все это будетъ за деньги, какъ будто это какая-нибудь продажа или купля? Такъ откажись, наконецъ, отъ денегъ, если деньги такъ для тебя ненавистны! Оставь себѣ необходимое и все раздай бѣднымъ. Помоги хоть, напримѣръ, ему, этому несчастному на смертномъ одрѣ.

— Онъ не приметъ никакой помощи, — проговорила Зина тихо, какъ-бы про себя.

— Онъ не приметъ, но мать его приметъ, — отвѣчала торжествующая Марья Александровна; — она приметъ тихонько отъ него. Ты продала же свои серьги, теткинъ подарокъ, и помогла ей, полгода назадъ; я это знаю. Я знаю, что старуха стираетъ бѣлье на людей, чтобъ кормить своего несчастнаго сына.

— Ему скоро не нужна будетъ помощь!

— Знаю и это, на что ты намекаешь, — подхватила Марья Александровна, и вдохновеніе, настоящее вдохновеніе осѣнило ее: — знаю про что ты говоришь. Говорятъ, онъ въ чухоткѣ и скоро умретъ. Но кто-же это говоритъ? Я, на дняхъ, нарочно спрашивала о немъ Каллиста Станиславича; я интересовалась о немъ, потому-что у меня есть сердце, Зина. Каллистъ Станиславичъ отвѣчалъ мнѣ, что болѣзнь, конечно, опасна, но что онъ до-сихъ-поръ увѣренъ, что бѣдный не въ чухоткѣ а, такъ только, довольно сильное грудное раз-

стройство. Спроси хоть сама. Онъ навѣрно говорилъ мнѣ, что при другихъ обстоятельствахъ, особенно при измѣненіи климата и впечатлѣній, больной могъ-бы выздороветь. Онъ сказалъ мнѣ, что въ Испаніи, — и это я еще прежде слышала, даже читала, — что въ Испаніи есть какой-то необыкновенный островъ, кажется Малага, — однимъ словомъ похоже на какое-то вино, — гдѣ не только грудные, но даже настоящіе чахоточные совсѣмъ выздоравливали отъ одного климата, и что туда нарочно ѣздить лѣчиться, разумѣется, только одни вельможи, или даже, пожалуй, и купцы, но только очень богатые. Но ужь одна эта волшебная Альгамбра, эти мирты, эти лимоны, эти Испанцы на своихъ мулахъ! — одно это произведетъ уже необыкновенное впечатлѣніе на патуру поэтическую. Ты думаешь, что онъ не приметъ твоей помощи, твоихъ денегъ, для этого путешествія? Такъ обмани его, если тебѣ жаль! Обманъ простителецъ для спасенія человѣческой жизни. Обнадежь его, обѣщай ему, наконецъ, любовь свою; скажи, что выйдешь за него замужъ, когда овдовѣешь. Все на свѣтѣ можно сказать благороднымъ образомъ. Твоя мать не будетъ учить тебя неблагородному, Зина; ты сдѣлаешь это для спасенія жизни его и потому — все позволительно! Ты воскресишь его надеждою; онъ самъ начнетъ обращать вниманіе на свое здоровье, лѣчиться, слушаться медиковъ. Онъ будетъ стараться воскреснуть для счастья. Если онъ выздоровѣетъ, то ты, хоть и не выйдешь за него, — все-таки онъ выздоровѣлъ, все-таки ты спасла, воскресила его! Наконецъ, можно и на него взглянуть съ состраданіемъ! Можетъ-быть судьба научила и измѣнила его къ лучшему и, если только онъ будетъ достоинъ тебя, — пожалуй и выйди за него, когда овдовѣешь. Ты будешь богата, независима. Ты можешь, вылечивъ его, доставить ему положеніе въ свѣтѣ, карьеру. Бракъ твой съ нимъ будетъ тогда извинительнѣе, чѣмъ теперь, когда онъ невозможенъ. Что ожидаетъ васъ обоихъ, если-бы вы теперь рѣшились на такое безумство? Всеобщее презрѣніе, нищета, дранье за уши маль-

чишекъ, потому что это сопряжено съ его должностью, взаимное чтеніе Шекспира, вѣчное пребываніе въ Мордасовѣ и, наконецъ, его близкая, неминуемая смерть. Тогда какъ, воскресивъ его, — ты воскресишь его для полезной жизни, для добродѣтели; прости въ ему — ты заставишь его обожать себя. Онъ терзается своимъ гнуснымъ поступкомъ, а ты, открывъ ему новую жизнь, прости въ ему, дашь ему надежду и примиришь его съ самимъ собою. Онъ можетъ вступить въ службу, войти въ чины. Наконецъ, если даже онъ и не выздоровѣетъ, то умретъ счастливый, примиренный съ собою, на рукахъ твоихъ, потому что ты сама можешь быть при немъ въ эти минуты, увѣренный въ любви твоей, прощенный тобою, подъ сѣнью миртъ, лимоновъ, подъ лазуревымъ, экзотическимъ небомъ! О Зина! все это въ рукахъ твоихъ! Всѣ выгоды на твоей сторонѣ — и все это чрезъ замужество съ княземъ.

Марья Александровна кончила. Наступило довольно долгое молчаніе. Зина была въ невыразимомъ волненіи.

Мы не беремся описывать чувства Зины; мы не можемъ ихъ угадать. Но, кажется, Марья Александровна нашла настоящую дорогу къ ея сердцу. Не зная въ какомъ состояніи находится теперь сердце дочери, она перебрала всѣ случаи, въ которыхъ она могла находиться и, наконецъ, догадалась, что попала на истинный путь. Она грубо дотрогивалась до самыхъ больныхъ мѣстъ сердца Зины, и, разумѣется, по привычкѣ, не могла обойтись безъ выставки благородныхъ чувствъ, которыя, конечно, не ослѣпили Зину. «Но что за нужда, что она мнѣ не вѣритъ», думала Марья Александровна, «столько-бы ее заставить задуматься! только бы ловче намекнуть, о чемъ мнѣ прямо нельзя говорить!» — Такъ она думала и достигла цѣли. Эффектъ былъ произведенъ. Зина жадно слушала. Щеки ея горѣли, грудь водновалась.

— Послушайте, маменька, — сказала она наконецъ рѣшительно, хотя внезапно наступившая блѣдность въ лицѣ ея

показывала ясно, чего стоила ей эта рѣшимость. — Послушайте, маменька....

Но въ это мгновеніе внезапный шумъ, раздавшійся изъ передней и рѣзкій, крикливый голосъ, спрашивавшій Марью Александровну, заставилъ Зину вдругъ остановиться. Марья Александровна вскочила съ мѣста.

— Ахъ Боже мой! — вскричала она, — чертъ несетъ эту сороку, полковницу! Да вѣдь я-жъ ее почти выгнала двѣ недѣли назадъ! — прибавила она, чуть не въ отчаяніи. — Но... но не возможно теперь не принять ее! Не возможно! Она, навѣрно, съ вѣстями, иначе не посмѣла-бы и явиться. Это важно, Зина! Мнѣ надо знать.... Ничѣмъ теперь не надо пренебрегать! — Но какъ я вамъ благодарна за вашъ визитъ! закричала она, бросаясь на встрѣчу вошедшей гостьѣ! — Какъ это вамъ вздумалось вспомнить обо мнѣ, безцѣнная Софья Петровна? Какой о-ча-ро-ва-тельный сюрпризъ!

Зина убѣжала изъ комнаты.

ГЛАВА VI.

Полковница, Софья Петровна Фарпухина, только нравственно походила на сороку. Физически она скорѣе походила на воробья. Это была маленькая, пятидесяти-лѣтняя дама, съ остренькимъ носикомъ, съ быстрыми глазками, въ веснушечкахъ и въ желтыхъ пятнахъ по всему лицу. На маленькомъ, изсохшемъ тѣльцѣ ея, помѣщенномъ на тоненькихъ, крѣпкихъ воробьиныхъ ножкахъ, было шелковое темное платье, всегда шумѣвшее, потому что полковница двухъ секундъ не могла пробыть въ покоѣ. Это была злобѣщая и

мстительная сплетница. Она была помѣшана на томъ, что она полковница. Съ ѳтставнымъ полковникомъ, своимъ мужемъ, она очень часто дралась и царапала ему лицо. Сверхъ того выпивала по четыре рюмки водки утромъ и по стольку же вечеромъ и до помѣшательства ненавидѣла Анну Николаевну Антонову, прогнавшую ее на прошлой недѣлѣ изъ своего дома, равно какъ и Наталью Дмитріеву Паскудинну, тому способствовавшую.

— Я къ вамъ только на минутку, *mon ange*, — защебетала она. — Я вѣдь напрасно и сѣла. Я захала только рассказать, какія чудеса у насъ дѣлаются. Просто весь городъ съ ума сошелъ отъ этого князя! Наши прохожи, — *vous comprenez!* — его ловить, ищутъ, тащутъ его на расхватъ, шампанскимъ поить, — вы не повѣрите, не повѣрите! Да какъ это вы рѣшились его отпустить отъ себя? Знаете-ли, что онъ теперь у Натальи Дмитріевны?

— У Натальи Дмитріевны! — вскричала Марья Александровна, привскакнувъ на мѣстѣ. — Да вѣдь онъ къ губернатору только поѣхалъ, а потомъ, можетъ быть, къ Аннѣ Николаевнѣ, и то не надолго!

— Ну да, не надолго; вотъ и ловите его теперь! Онъ губернатора дома не засталъ, потомъ къ Аннѣ Николаевнѣ поѣхалъ, далъ слово обѣдать у ней, а Наташка, которая теперь отъ нея не выходитъ, затащила его къ себѣ до обѣда завтракать. Вотъ вамъ и князь!

— А чтожь... Мозгляковъ? Вѣдь онъ общался...

— Дался вамъ этотъ Мозгляковъ! хваленый-то вашъ... Да и онъ съ ними туда-же! Посмотрите, если его въ картишки тамъ не засадятъ, опять проиграется, какъ прошлый годъ проигрался! Да и князя тоже засадятъ; облупятъ какъ липку! А какія она вещи про васъ распускаетъ, Наташка-то! Вслухъ кричитъ, что вы заклекаете князя, ну тамъ... для извѣстныхъ цѣлей, — *vous comprenez?* Сама ему толкуетъ объ этомъ. Онъ, конечно, ничего не понимаетъ, сидитъ какъ мокрый котъ, да на всякое слово: «ну да! ну да!»

А сама-то, сама-то! выведа свою Соньку — вообразите пятнадцатъ лѣтъ, а все еще въ коротенькомъ платьѣ водить! все это только до колѣнъ, какъ можете себѣ представить. Послали за этой сироткой Машкой, та тоже въ коротенькомъ платьѣ, только еще выше колѣнъ. — я въ лорнетъ смотрѣла... На голову имъ надѣли какія-то красныя шапочки съ перьями, — ужъ не знаю, что это изображаетъ! — и подь фортепяно заставила обѣихъ пиглицъ передь княземъ плясать казачка! Ну вы знаете слабость этого князя? Онъ такъ и растаялъ: «формы,» говоритъ «формы!» Въ лорнетку на нихъ смотреть, а онѣ-то отличаются, двѣ сороки! раскраси́лись, ноги вывертываютъ, такой монплезиръ пошолъ, что люди да и только! тьфу! Это — танецъ! Я сама танцевала съ шалью при выпускѣ изъ благороднаго пансіона мадамъ Жарни — такъ я благородный эффектъ произвела! Миѣ сенаторыя плодировали! Тамъ княжескія и графскія дочери воспитывались! А вѣдь это просто канканъ! Я сгорѣла со стыда, сгорѣла, сгорѣла! Я просто не высидѣла!...

— Но... развѣ вы сами были у Натальи Дмитриевны? вѣдь вы...

— Ну да, она меня оскорбила на прошлой недѣлѣ. Я это прямо всѣмъ говорю. Mais, ma chère, миѣ захотѣлось хоть въ щелочку посмотрѣть на этого князя, я и пріѣхала. А то гдѣ-жъ бы я его увидала? Поѣхала-бы я къ ней, кабы не этотъ скверный князишка! Представьте себѣ: всѣмъ шеколатъ подаютъ, а миѣ нѣтъ, и все время со мной хоть-бы слово. Вѣдь это она нарочно... Кадушка этакая! Вотъ я-жъ ей, теперь! Но прощайте, mon ange, я теперь спѣшу, спѣшу... Миѣ надо непременно застать Акулину Панфиловну и ей рассказать... Только вы теперь такъ и проститесь съ княземъ! Онъ ужъ у васъ больше не будетъ. Знаете — памяти-то у него нѣтъ, такъ Анна Николаевна непременно къ себѣ его перетащитъ! Онѣ всѣ боятся, чтобъ вы не того... понимаете? на счетъ Заны...

— Quelle horreur!

— Ужь это я вамъ говорю! Весь городъ объ этомъ кричить. Анна Николаевна непременно хочетъ оставить его обѣдать, а потомъ и совсѣмъ. Это она вамъ въ пику дѣлаетъ, *mon ange*. Я къ ней на дворъ въ щелочку заглянула. Такая тамъ суетня; обѣдъ готовятъ, ножами стучать... за шампанскимъ послали. Спѣшите, спѣшите и перехватите его на дорогѣ, когда онъ къ ней поѣдетъ. Вѣдь онъ къ вамъ первый обѣщался обѣдать! Онъ вашъ гость, а не ея! Чтобъ надъ вами смѣялась эта пройдоха, эта каверзница, эта сопля! Да она подошвы моей не стоитъ, хоть и прокурорша! Я сама полковница! Я въ благородномъ пансионѣ мадамъ Жарни воспитывалась... тѣфу! *Mais adieu, mon ange!* У меня свои сани, а то-бы я съ вами вмѣстѣ поѣхала...

Ходячая газета исчезла, Марья Александровна затрепетала отъ волненія, но совѣтъ полковницы былъ чрезвычайно ясенъ и практиченъ. Медлить было нечего, да и некогда. Но оставалось еще самое главное затрудненіе. Марья Александровна бросилась въ комнату Зины.

Зина ходила по комнатѣ взадъ и впередъ, сложивъ на крестъ руки, понуривъ голову, блѣдная и разстроенная. Въ глазахъ ея стояли слезы; но рѣшимость сверкала во взглядѣ, который она устремила на мать. Она поспѣшно скрыла слезы и саркастическая улыбка появилась на губахъ ея.

— Маменька, — сказала она, предупреждая Марью Александровну: — сейчасъ вы истратили со мною много вашего краснорѣчія, слишкомъ много. Но вы не ослѣпили меня. Я не дитя. Убѣждать себя, что дѣлаю подвигъ сестры милосердія, не имѣя къ нему ни малѣйшаго призванія, оправдывать свои низости, которыя дѣлаешь для одного эгоизма, благородными цѣлями, — все это такое іезуитство, которое не могло обмануть меня. Слышите: это не могло меня обмануть, и я хочу, чтобъ вы это непременно знали!

— Но, *mon ange!*... — вскрикнула оробѣвшая Марья Александровна.

— Молчите, маменька! Имѣйте терпѣніе выслушать меня

до конца. Не смотря на полное сознание того, что все это только одно иезуитство; не смотря на полное мое убѣжденіе въ совершенномъ неблагородствѣ такого поступка, — я принимаю ваше предложеніе вполнѣ, слышите: *вполнѣ*, и объявляю вамъ, что готова выйти за князя и даже готова помогать всѣмъ вашимъ усиліямъ, чтобъ заставить его на мнѣ жениться. Для чего я это дѣлаю? — вамъ не надо знать. Довольно и того, что я рѣшилась. Я рѣшилась на все: я буду подавать ему сапоги, я буду его служанкой, я буду плясать для его удовольствій, чтобъ загладить передъ нимъ мою низость; я употреблю все на свѣтѣ, чтобъ онъ не раскаявался въ томъ, что женился на мнѣ! Но въ замѣнъ моего рѣшенія, я требую, чтобъ вы откровенно сказали мнѣ: какимъ образомъ вы все это устроите? Если вы начали такъ настойчиво говорить объ этомъ, то — я васъ знаю — вы не могли начать, не имѣя въ головѣ какого-нибудь опредѣленнаго плана. Будьте откровенны, хоть разъ въ жизни; откровенность непремѣнное условіе! Я не могу рѣшиться, не зная положительно, какъ вы все это сдѣлаете?

Марья Александровна была такъ озадачена неожиданнымъ заключеніемъ Зины, что, нѣкоторое время, стояла передъ ней нѣмая и неподвижная отъ изумленія и глядѣла на нее во всѣ глаза. Приготовившись воевать съ упорнымъ романтизмомъ своей дочери, суроваго благородства которой она постоянно боялась, она вдругъ слышитъ, что дочь совершенно согласна съ нею и готова на все, даже вопреки своимъ убѣжденіямъ! Слѣдственно, дѣло принимало необыкновенную прочность, — и радость засверкала въ глазахъ ея.

— Зиночка! — воскликнула она въ увлеченіи, — Зиночка! ты плоть и кровь моя!

Больше она ничего не могла выговорить и бросилась обнимать свою дочь.

— Ахъ Боже мой! я не прошу вашихъ объятій, маменька, — вскричала Зина съ нетерпѣливымъ отвращеніемъ; мнѣ не

надо вашихъ восторговъ! я требую отъ васъ отвѣта на мой вопросъ и больше ничего.

— Но, Зина, вѣдь я люблю тебя! Я обожаю тебя, а ты меня отталкиваешь... вѣдь я для твоего-же счастья стараюсь...

И непритворныя слезы заблестали въ глазахъ ея. Марья Александровна дѣйствительно любила Зину, *по своему*, а въ этотъ разъ, отъ удачи и отъ волненія, чрезвычайно разчувствовалась. Зина, не смотря на нѣкоторую ограниченность своего настоящаго взгляда на вещи, понимала, что мать ее любить и — тяготилась этой любовью. Ей, даже, было-бы легче, еслибъ мать ее ненавидѣла...

— Ну, не сердитесь, маменька, я въ такомъ волненіи, — сказала она, чтобъ успокоить ее.

— Не сержусь, не сержусь, мой ангельчикъ! — зашебетала Марья Александровна, мигомъ оживляясь, — вѣдь я и сама понимаю, что ты въ волненіи. Вотъ видишь, другъ мой, ты требуешь откровенности... Изволь, я буду откровенна, вполнѣ откровенна, увѣрю тебя! Только-бы ты-то мнѣ вѣрила! И во первыхъ скажу тебѣ, что вполнѣ опредѣленнаго плана, то есть — во всѣхъ подробностяхъ, у меня еще нѣтъ, Зиночка, да и не можетъ быть: ты, какъ умная головка, поймешь почему. Я даже предвижу нѣкоторыя затрудненія... Вотъ и сейчасъ эта сорока натрещала мнѣ всякой всячины... (Ахъ Боже мой! спѣшить-бы надо!) Видишь, я вполнѣ откровенна! Но, клянусь тебѣ, я достигну цѣли! — прибавила она въ восторгѣ. — Увѣренность моя вовсе не поэзія, какъ ты давеча говорила, мой ангелъ; она основана на дѣлѣ. Она основана на совершенномъ слабоуміи князя. — а вѣдь это такая канва, по которой вышивай, что угодно. Главное — чтобъ не помѣшали! Да эпитъ-ли дурамъ перехитрить меня, вскричала она, стукнувъ рукой по столу, и сверкая глазами: — ужъ это мое дѣло! А для этого всего нужнѣе какъ можно скорѣй начинать, даже чтобъ сегодня и кончить все главное, если только возможно.

— Хорошо, маменька, только послушайте еще одну... *от-*

кровеннсть: знаете-ли почему я такъ интересуюсь о вашемъ планѣ и не довѣряю ему? Потому что на себя не надѣюсь. Я сказала уже, что рѣшилась на эту низость; но если подробности вашего плана будутъ уже слишкомъ отвратительны, слишкомъ грязны, то объявляю вамъ, что я не выдержу и все брошу. Знаю, что это новая низость: рѣшиться на подлость и бояться грязи, въ которой она плаваетъ, но что дѣлать? Это непремѣнно такъ будетъ!..

— Но, Зиночка, какая-же тутъ особенная подлость, *mon ange*? — робко возразила-было Марья Александровна. — Тутъ только одинъ выгодный бракъ, а вѣдь это всѣ дѣлаютъ! Только надобно съ этой точки взглянуть и все очень благородно покажется...

— Ахъ, маменька, ради Бога не хитрите со мной! Вы видите я на все, на все согласна! — ну чего-жъ вамъ еще? Пожалуйста не бойтесь, если я называю вещи ихъ именами. Можетъ быть это, теперь, — единственное мое утѣшеніе!

И горькая улыбка показалась на губахъ ея.

— Ну, ну, хорошо, мой ангельчикъ, можно быть не согласными въ мысляхъ и все-таки взаимно уважать другъ друга. Только если ты безпокоишься о подробностяхъ и боишься, что онѣ будутъ грязны, то предоставь всѣ эти хлопоты мнѣ; клянусь, что на тебя не брызнетъ ни капельки грязи. Я-ли захочу тебя компрометировать передъ всѣми? Положись только на меня и все превосходно, благородно уладится, главное — благородно! Скандалу не будетъ никакого, а если и будетъ какой-нибудь маленькій, необходимейшій скандальчикъ, — такъ... какъ-нибудь! — такъ вѣдь мы ужъ будемъ тогда далеко! вѣдь ужъ здѣсь не останемся! Пусть ихъ кричатъ во все горло, наплевать на нихъ! Сами-же будутъ завидовать. Да и стоитъ того, чтобъ о нихъ заботиться! Я даже удивляюсь тебѣ, Зиночка (только ты не сердись на меня) — какъ это ты съ твоей гордостью ихъ боишься?

— Ахъ, маменька, я вовсе не ихъ боюсь! вы совершенно меня не понимаете! — отвѣчала раздражительно Зина.

— Ну-ну, душка, не сердись! Я только къ тому, что они сами каждый Божій день пакости строятъ, а тутъ ты всего-то какой-нибудь одинъ разочекъ въ жизни... да и что я, дура! Вовсе не пакость! Какая тутъ пакость? Напротивъ, это даже преблагородно. Я рѣшительно докажу тебѣ это, Зиночка. Во первыхъ, повторяю, все отъ-того съ какой точки зрѣнья смотрѣть...

— Да полноте, маменька, съ вашими доказательствами!— съ гнѣвомъ вскрикнула Зина и нетерпѣливо топнула ногою.

— Ну, душка, не буду, не буду! я опять завралась...

Наступило маленькое молчаніе. Марья Александровна смиренно ходила за Зиной и съ безпокойствомъ смотрѣла ей въ глаза, какъ маленькая, провинившаяся собачка смотреть въ глаза своей барынь.

— Я даже не понимаю, какъ вы возметесь за дѣло, — съ отвращеніемъ продолжала Зина. — Я увѣрена, что вы наткнетесь на одинъ только стыдъ. Я презираю ихъ мнѣніе, но для васъ это будетъ позоромъ.

— О если только это тебя безпокоитъ, мой ангелъ, — пожалуста не безпокойся! прошу тебя, умоляю тебя! Только-бы мы согласились, а обо мнѣ не безпокойся. Охъ, если-бы ты только знала, изъ какихъ я передрыгъ суха выходила? Такія-ли дѣла мнѣ случалось обдѣлывать! ну да позволь хоть только попробовать! — Во всякомъ случаѣ, прежде всего, нужно какъ можно скорѣе быть на единѣ съ княземъ. Это самое первое! а все остальное будетъ зависѣть отъ этого! Но ужь я предчувствую и остальное. Они всѣ возстанутъ, но... это ничего! я ихъ сама отдѣлаю! Пугаетъ меня еще Мозгляковъ...

— Мозгляковъ? — съ презрѣніемъ проговорила Зина.

— Ну да, Мозгляковъ; только ты не бойся, Зиночка! клянусь тебѣ, я его до того доведу, что онъ-же будетъ намъ помогать! Ты еще не знаешь меня, Зиночка! ты еще не знаешь, какая я въ дѣлѣ! Ахъ Зиночка, душечка! давеча какъ я услышала объ этомъ князѣ, у меня ужь и загорѣлась

мысль въ головѣ! Меня какъ-будто разомъ всю освѣтило. И кто-жъ, и кто-жъ могъ ожидать, что онъ къ намъ прїѣдетъ? Да вѣдь въ тысячу лѣтъ не будетъ такой okazji! Зиночка! ангельчикъ! Не въ томъ безчестіе, что ты выйдешь за старика и калѣку, а въ томъ, если выйдешь за такого, котораго терпѣть не можешь, а между тѣмъ *дѣйствительно* будешь женой его! А вѣдь князю ты не будешь настоящей женой. Это вѣдь и не бракъ! Это просто домашній контрактъ! Вѣдь ему-жъ дураку будетъ выгода, ему-же дураку даютъ такое неопѣненное счастье! Ахъ какая ты сегодня красавица, Зиночка! раскрасавица, а не красавица! Да я-бы, еслибъ была женщиной, я-бы тебѣ полцарства достала, еслибъ ты захотѣла! Ослы они всѣ! Ну, какъ не поцѣловать эту ручку? — И Марья Александровна горячо поцѣловала руку у дочери. — Вѣдь это мое тѣло, моя плоть, моя кровь! да хоть насильно женить его, дурака! А какъ заживемъ-то мы съ тобой, Зиночка! Вѣдь ты не разлучишься со мной, Зиночка! Вѣдь ты не прогонишь свою мать, какъ въ счастье попадешь? Мы хоть и ссорились, мой ангельчикъ, а все-таки у тебя не было такого друга, какъ я; все-таки...

— Маменька! если ужъ вы рѣшились, то, можетъ-быть, вамъ пора... что-нибудь и дѣлать. Вы здѣсь только время теряете! — въ нетерпѣніи сказала Зина.

— Пора, пора, Зиночка, пора! ахъ! я заболталась! — схватилась Марья Александровна. — Онъ тамъ хотя бы совсѣмъ сманить князя. Сейчасъ-же сажусь и ѣду! Подѣду, вызову Мозглякова, а тамъ... Да я его силой увезу, если надо! Прощай, Зиночка, прощай голубчикъ, не тужи, не сомнѣвайся, не грусти, главное не грусти! все прекрасно, преблагогородно обдѣляется! Главное съ какой точки смотрѣть... ну прощай, прощай!...

Марья Александровна перекрестила Зину, выскочила изъ комнаты, съ минутку повертѣлась у себя передъ зеркаломъ, а черезъ двѣ минуты катилась по мордасовскимъ улицамъ въ своей каретѣ на полозьяхъ, которая ежедневно запряга-

лась около этого часу, въ случаѣ выѣзда. Марья Александровна жила en grand.

— Нѣтъ не вамъ перехитрить меня! думала она, сидя въ своей каретѣ. Зина согласна, значить половинна дѣла сдѣлала и тутъ—оборваться! вздоръ! Ай да, Зина! Согласилась-таки наконецъ! Значить и на твою головку дѣйствуютъ иные расчетцы! Перспективу-то я выставила ей заманчивую! Тронула! Но только ужасъ, какъ она хороша сегодня! Да я-бы, съ ея красотой полъ-Европы перевернула по своему! Ну да подождемъ... Шекспиръ-то слетить, когда княгиней сдѣлается, да-кой съ чѣмъ познакомится. Чтò она знаетъ? Мордасовъ, да своего учителя! Гм... Только какая-же она будетъ княгиня! Люблю я въ ней эту гордость, смѣлость, недоступная какая! взглянетъ — королева взглянула. Ну какъ, ну какъ не понимать своей выгоды? Поняла-жъ наконецъ! Пойметъ и остальное... Я вѣдь все-таки буду при ней! Согласится-же, наконецъ, со мной во всѣхъ пунктахъ! А безъ меня не обойдется! Я сама буду княгиня; меня и въ Петербургѣ узнаютъ. Прощай, городишка! Умретъ этотъ князь, умретъ этотъ мальчишка и тогда я ее за владѣтельнаго принца выдамъ! одного боюсь: не слишкомъ-ли я ей довѣрилась? Не слишкомъ-ли откровенничала, не слишкомъ-ли я разчувствовалась? Пугаетъ она меня, охъ пугаетъ!

И Марья Александровна погрузилась въ свои размышленія. Нечего сказать: они были хлопотливы. Но вѣдь говорится же, что охота пуще неволи.

Оставшись одна, Зина долго ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, скрестивъ руки, задумавшись. О многомъ она передумала. Часто и почти бессознательно повторяла она: «пора, пора, давно пора!» Чтò значило это отрывочное восклицаніе? Не разъ слезы блистали на ея длинныхъ, шелковистыхъ рѣсницахъ. Она не думала отирать ихъ, ихъ останавливать. Но напрасно безпокоилась ся маменька и старалась проникнуть въ мысли своей дочери: Зина совершенно рѣшилась и приготовилась ко всѣмъ послѣдствіямъ...

— Посто́й-же! думала Настасья Петровна, выбираясь изъ своего чуланчика, по отъѣздѣ полковницы. А я было и бантикъ розовый хотѣла приколоть для этого князюшки! И повѣрила-же дура, что онъ на мнѣ женится! Вотъ тебѣ и бантикъ! А, Марья Александровна! Я у васъ чумичка, я нищая, я взятки по двѣсти цѣлковыхъ беру. Еще-бы съ тебя упустить не взять, франтиха ты этакая! Я взяла благороднымъ образомъ; я взяла на сопряженные съ дѣломъ расходы. Можетъ, мнѣ самой пришлось-бы взятку дать! Тебѣ какое дѣло, что я не побрезгала, своими руками замокъ взломала? Для тебя-же работала, бѣлоручка ты этакая! Тебѣ бы только по канвѣ вышивать! Погоди-жь, я тебѣ покажу канву. Я покажу вамъ обѣимъ, какова я чумпчка! Узнаете Настасью Петровну и всю ея кротость!

Г Л А В А VII.

Но Марью Александровну увлекать ея геній. Она замыслила великій и смѣлый проэктъ. Выдать дочь за богача, за князя и за калѣку, выдать украдкой отъ всѣхъ, воспользо-вавшись слабоуміемъ и беззащитностью своего гостя, выдать воровскимъ образомъ, какъ сказали бы враги Марьи Александровны, было не только смѣло, но даже и дерзко. Конечно, проэктъ былъ выгоденъ, но, въ случаѣ неудачи, покрывалъ изобрѣтательницу необыкновеннымъ позоромъ. Марья Александровна это знала, но не отчаявалась. «Изъ такихъ-ли передрягъ я суха выходила!» говорила она Зинѣ и говорила справедливо. Не то какая-жь бы она была героиня?

Безспорно, что все это походило нѣсколько на разбой на большой дорогѣ; но Марья Александровна и на это не слиш-

комъ-то обращала вниманіе. На этотъ счетъ у ней была одна, удивительно вѣрная, мысль: «обвѣнчаютъ, такъ ужъ не развѣнчаются» — мысль простая, но соблазнявшая воображеніе такими необыкновенными выгодами, что Марью Александровну, отъ одного уже представленія этихъ выгодъ, бросало въ дрожь и кололо мурашками. Вообще, она была въ ужасномъ волненіи и сидѣла въ своей каретѣ, какъ на иголкахъ. Какъ женщина вдохновенная, одаренная несомнѣннымъ творчествомъ, она уже успѣла создать планъ своихъ дѣйствій. Но планъ этотъ былъ составленъ вчернѣ, вообще, en grand, и еще какъ-то тускло просвѣчивалъ передъ нею. Предстояла бездна подробностей и разныхъ непредвидимыхъ случаевъ. Но Марья Александровна была увѣрена въ себѣ: она волновалась не страхомъ неудачи — нѣтъ! ей хотѣлось только поскорѣе начать, поскорѣе въ бой. Нетерпѣніе, благородное нетерпѣніе сожигало ее при мысли о задержкахъ и остановкахъ. Но, сказавъ о задержкахъ, мы попросимъ позволенія нѣсколько пояснить нашу мысль. Главную бѣду предчувствовала и ожидала Марья Александровна отъ благородныхъ своихъ согражданъ, мордасовцевъ, и, преимущественно, отъ благороднаго общества мордасовскихъ дамъ. Она на опытѣ знала всю ихъ непримиримую къ себѣ ненависть. Она, напримѣръ, твердо знала, что въ городѣ, въ настоящую минуту, можетъ быть уже знаютъ все изъ ея намѣреній, хотя объ нихъ еще никто, никому не рассказывалъ. Она знала, по неоднократному печальному опыту, что не было случая, даже самаго секретнаго въ ея домѣ, который, случившись утромъ, не былъ-бы уже извѣстенъ къ вечеру послѣдней торговкѣ на базарѣ, послѣднему сидѣльцу въ лавкѣ. Конечно, Марья Александровна еще только предчувствовала бѣду, но такія предчувствія никогда ее не обманывали. Не обманывалась она и теперь. Вотъ что случилось на самомъ дѣлѣ и чего еще не знала она положительно. Около полудня, то есть ровно три часа по приѣздѣ князя въ Мордасовъ, по городу распространились странные слухи. Гдѣ начались они—

неизвѣстно, но разошлись они почти мгновенно. Всѣ вдругъ стали увѣрять другъ друга, что Марья Александровна уже просватала за князя свою Зину, свою безприданную, двадцатитрехлѣтнюю Зину; что Мозгляковъ въ отставкѣ и что все это уже рѣшено и подписано. Чтò было причиною такихъ слуховъ? Неужели всѣ до такой степени знали Марью Александровну, что разомъ попали въ самое сердце ея завѣтныхъ мыслей и идеаловъ? Ни несообразность такого слуха съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей, потому что такіа дѣла очень рѣдко могутъ обдѣлываться въ одинъ часъ, ни очевидная неосновательность такого извѣстія, потому что никто не могъ добиться откуда оно началось, — не могли разувѣрить мордасовцевъ. Слухъ разросался и укоренился съ необыкновеннымъ упорствомъ. Всего удивительнѣе, что онъ началъ распространяться, именно въ то самое время, когда Марья Александровна приступила къ своему давишнему разговору съ Зиной объ этомъ же самомъ предметѣ. Таково-то чутье провинціаловъ! Инстинктъ провинціальныхъ вѣстовщиковъ доходить иногда до чудеснаго и, разумѣется, тому есть причины. Онъ основанъ на самомъ близкомъ, интересномъ и многолѣтнемъ изученіи другъ друга. Всякій провинціалъ живетъ какъ будто подъ стекляннымъ колпакомъ. Нѣтъ рѣшительно никакой возможности хоть что-нибудь скрыть отъ своихъ почтенныхъ согражданъ. Васъ знаютъ наизусть, знаютъ даже то, чего вы сами про себя не знаете. Провинціалъ уже по натурѣ своей, кажется, долженъ-бы быть психологомъ и сердецвѣдомъ. Вотъ почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встрѣчая въ провинціи, вмѣсто психологовъ и сердецвѣдовъ, чрезвычайно много ословъ. Но это въ сторону; это мысль лишняя. Вѣсть была громовая. Бракъ съ княземъ казался всякому до того выгоднымъ, до того блестятельнымъ, что даже странная сторона этого дѣла никому не бросалась въ глаза. Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Зину ненавидѣли почти еще больше Марьи Александровны, — за что? — неизвѣстно. Можетъ-быть красота Зины была отъ-

части тому причиною. Можетъ-быть и то, что Марья Александровна все-таки была какъ-то своя всѣмъ мордасовцамъ, *своего поля ягода*. Изчезни она изъ города и, — кто знаетъ? объ ней-бы, можетъ быть, пожалѣли. Она оживляла общество непрерывными исторіями. Безъ нея было-бы скучно. Напротивъ того, Зина держала себя такъ, какъ будто жила въ облакахъ, а не въ городѣ Мордасовѣ. Была она этимъ людямъ какъ-то не пара, не ровня и, можетъ быть, сама не замѣчая того, веда себя передъ ними невыносимо надменно. И вдругъ теперь эта-же самая Зина, про которую даже ходили скандальныя исторіи, эта надменная, эта гордячка Зина становится милліонеркой, княгиней, войдетъ въ знать. Года черезъ два, когда овдовѣтъ, выйдетъ за какого-нибудь герцога, можетъ-быть даже за генерала; чего добраго — пожалуй еще за губернатора (а мордасовскій губернаторъ, какъ нарочно, вдовецъ и чрезвычайно иѣженъ къ женскому полу). Тогда она будетъ первая дама въ губерніи, и, разумѣется, одна эта мысль уже была невыносима и никогда никакая вѣсть не возбудила бы такого негодованія въ Мордасовѣ, какъ вѣсть о выходѣ Зины за князя. Мгновенно поднялись яростные крики со всѣхъ сторонъ. Кричали, что это грѣшно, даже подло; что старикъ не въ своемъ умѣ; что старика обманули, надули, облапошили, пользуясь его слабоуміемъ; что старика надо спасти отъ кровожадныхъ когтей; что это, наконецъ, разбой и безнравственность; что, наконецъ, чѣмъ же другіе хуже Зины? и другія могли бы точно также выйти за князя. Всѣ эти толки и возгласы Марья Александровна еще только предполагала, но для нея довольно было и этого. Она твердо знала, что всѣ, рѣшительно всѣ, готовы будутъ употребить все, что возможно и что даже невозможно, чтобы воспрепятствовать ея намѣреніямъ. Вѣдь хотятъ-же теперь конфисковать князя, такъ что приходится его возвращать чуть не съ бою. Наконецъ, хоть и удастся поймать и заманить князя обратно, нельзя-же будетъ держать его вѣчно на привязи. Наконецъ, кто поручится, что сегодня, что черезъ

два же часа, весь торжественный хоръ мордасовскихъ дамъ не будетъ въ ея салонѣ, да еще подь такимъ предлогомъ, что невозможно будетъ и отказать? Откажи въ дверь, войдутъ въ окно: случай почти невозможный, но бывавшій въ Мордасовѣ. Однимъ словомъ, нельзя было терять ни на часъ, ни на каплю времени, а между тѣмъ дѣло было еще и не начато. Вдругъ гениальная мысль блеснула и мгновенно созрѣла въ головѣ Марьи Александровны. Объ этой новой идеѣ мы не забудемъ сказать въ своемъ мѣстѣ. Скажемъ только теперь, что, въ эту минуту, наша героиня летѣла по мордасовскимъ улицамъ, грозная и вдохновенная, рѣшившись даже на настоящій бой, еслибъ только представилась надобность, чтобъ овладѣть княземъ обратно. Она еще не знала, какъ это сдѣлается и гдѣ она встрѣтитъ его, но за то она знала навѣрно, что скорѣе весь Мордасовъ провалится сквозь землю, чѣмъ не исполнится хоть одна іота изъ теперешнихъ ея замысловъ.

Первый шагъ удался какъ нельзя лучше. Она успѣла перехватить князя на улицѣ и привезла къ себѣ обѣдать. Если спросить: какимъ образомъ, не смотря на всѣ козни враговъ, ей удалось-таки настоять на своемъ и оставить Анну Николавну съ довольно большимъ носомъ? — то я обязанъ объявить, что считаю такой вопросъ даже обиднымъ для Марьи Александровны. Ей-ли не одержать побѣду надъ какой нибудь Анной Николаевной Антиповой? Она просто арестовала князя, уже подѣжавшаго къ дому ея соперницы и, не смотря ни на что, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на доводы самого Мозглякова, испугавшагося скандалу, пересадила старичка въ свою карету. Тѣмъ-то и отличалась Марья Александровна отъ своихъ соперницъ, что, въ рѣшительныхъ случаяхъ, не задумывалась даже передъ скандаломъ, принимая за аксіому, что успѣхъ все оправдываетъ. Разумѣется, князь не оказалъ значительнаго сопротивленія и, по своему обыкновенію, очень скоро забылъ обо всемъ и остался очень доволенъ. За обѣдомъ онъ болталъ безъ умолку, былъ чрезвычайно веселъ,

острилъ, каламбурилъ, рассказывалъ анекдоты, которые не доканчивалъ, или съ одного перескакивалъ на другой, самъ не замѣчая того. У Натальи Дмитріевны онъ выпилъ три бокала шампанскаго. За обѣдомъ онъ выпилъ еще и закружился окончательно. Тутъ ужъ подливала сама Марья Александровна. Обѣдъ былъ очень порядочный. Извергъ Никитка не подгадилъ. Хозяйка оживляла общество самой очаровательной любезностью. Но остальные присутствующіе, какъ нарочно, были необыкновенно скучны. Зина была какъ-то торжественно молчалива. Мозгляковъ былъ видимо не въ своей тарелкѣ и мало ѣлъ. Онъ объ чемъ-то думалъ и, такъ какъ это случалось съ нимъ довольно рѣдко, то Марья Александровна была въ большемъ безпокойствѣ. Настасья Петровна сидѣла угрюмая и даже, укадкой, дѣлала Мозглякову, какіе-то странные знаки, которыхъ тотъ совершенно не примѣчалъ. Не будь очаровательно-любезной хозяйки, обѣдъ походилъ-бы на похороны.

А между тѣмъ Марья Александровна была въ невыразимомъ волненіи. Одна уже Зина пугала ее ужасно своимъ грустнымъ видомъ и заплаканными глазами. А тутъ и еще затрудненіе: надо спѣшить, торопиться, а этотъ «проклятый Мозгляковъ» сидитъ себѣ, какъ болванъ, которому мало заботы, и только мѣшаетъ! Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, начинать такое дѣло при немъ! Марья Александровна встала изъ за стола въ страшномъ безпокойствѣ. Каково-же было ея изумленіе, радостный испугъ, если можно такъ выразиться, когда Мозгляковъ, только-что встали изъ-за стола, самъ подошелъ къ ней и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, объявилъ, что ему, разумѣется, къ его величайшему сожалѣнію, необходимо сейчасъ же отправиться.

— Куда это? — спросила, съ необыкновеннымъ соболѣзнованіемъ, Марья Александровна.

— Вотъ видите, Марья Александровна, — началъ Мозгляковъ съ безпокойствомъ и даже нѣсколько путаясь, — со мной

престранная исторія. Я ужь и не знаю какъ вамъ сказать... дайте мнѣ, ради Бога, совѣтъ!

— Что, что такое?

— Крестный отецъ мой, Бородуевъ, вы знаете, — тотъ купецъ... встрѣтился сегодня со мной. Старикъ рѣшительно сердится, упрекаетъ, говоритъ мнѣ, что я загордился. Вотъ уже третій разъ я въ Мордасовѣ, а къ нему и носу не показалъ. — «Пріѣзжай, говоритъ, сегодня на чай.» — Теперь ровно четыре часа, а чай онъ пьетъ по старинному, какъ проснется, въ пятомъ часу. Чтò мнѣ дѣлать? Оно, Марья Александровна, конечно, — но подумайте! Вѣдь онъ моего отца-покойника отъ петли избавилъ, когда тотъ казенныя деньги проигралъ. Онъ и крестилъ-то меня по этому случаю. Если состоится мой бракъ съ Зинаидой Афанасьевной, у меня все-таки только полтора года душъ. А вѣдь у него миллионъ, люди говорятъ, даже больше. Бездѣтень. Угодишь ему — сто тысячъ по духовной оставить. Семдесятъ лѣтъ — подумайте!

— Ахъ Боже мой! такъ что-жъ это вы! что-же вы медлите? — вскричала Марья Александровна, едва скрывая свою радость. Поѣзжайте, поѣзжайте! этимъ нельзя шутить. То-то я смотрю за обѣдомъ — вы такой скучный! Поѣзжайте, топ ами, поѣзжайте! Да вамъ-бы слѣдовало давеча утромъ съ визитомъ отправиться, показать, что вы дорожите, что вы цѣните его ласку! Ахъ, молодежь, молодежь!

— Да вѣдь вы-же сами, Марья Александровна, — въ изумленіи вскричалъ Мозгляковъ, — вы-же сами нападали на меня за это знакомство! Вѣдь вы-же говорили, что онъ мужикъ, борода, въ роднѣ съ кабаками, съ подвальными, да повѣренными?

— Ахъ, топ ами Мало-ли мы чтò говоримъ необдуманнаго! Я тоже могу ошибиться, я — не святая. Я, впрочемъ, не помню, но я могла быть въ такомъ расположеніи духа... Наконецъ, вы тогда еще не сватались къ Зиночкѣ... Конечно, это эгоизмъ съ моей стороны, но теперь я поневоля-должна

смотреть съ другой точки зрѣнія, и — какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ? Пользжайте, ни минуты не медлите! Даже вечеръ у него посидите.... да послушайте! Заговорите какъ-нибудь обо мнѣ. Скажите, что я его уважаю, люблю, почитаю, да этакъ половче, получше! Ахъ, Боже мой! П у меня вѣдь это изъ головы вышло! Мнѣ бы надо самой догадаться, васъ-же надоумить!

— Воскресли вы меня, Марья Александровна! — вскричалъ восхищенный Мозгляковъ. — Тсперь, клянусь, буду во всемъ васъ слушаться! А то вѣдь я вамъ просто боялся сказать!... Ну, прощайте, я и въ путь! Извините меня передъ Зинаидой Афанасьевной. Впрочемъ, непремѣнно сюда....

— Благословляю васъ, mon ami! Смотрите-же обо мнѣ-то поговорите съ нимъ! Онъ дѣйствительно премилый старичокъ. Я давно уже перемѣнила о немъ мои мысли.... Я и всегда, впрочемъ, любила въ немъ все это старинное русское, не поддѣльное.... Au revoir, mon ami, au revoir!

— Да какъ это хорошо, что его чортъ несетъ! Нѣтъ это самъ Богъ помогаетъ! — подумала она, задыхаясь отъ радости.

Павель Александровичъ вышелъ въ переднюю и надѣвалъ уже шубу, какъ вдругъ, откуда ни возмись, Настасья Петровна. Она поджидала его.

— Куда вы? — сказала она, удерживая его за руку,

— Къ Бородаеву, Настасья Петровна! Крестный отецъ мой; удостоился меня крестить.... Богатый старикъ, оставитъ что-нибудь, надо польстить!...

Павель Александровичъ былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа.

Къ Бородаеву! ну такъ и проститесь съ невѣстой, — рѣзко сказала Настасья Петровна.

— Какъ-такъ, «проститесь»?

— Да такъ! Вы думали она ужъ и ваша! А вонъ ее за князя выдавать хотять. Сама слышала?

— За князя? помилосердуйте, Настасья Петровна!

— Да чего, помилосердуйте! Вотъ не угодно-ли самимъ посмотрѣть и послушать? Бросьте-ка шубу, подите-ка сюда!

Ошеломленный Павелъ Александровичъ бросилъ шубу и на цыпочкахъ отправился за Настасьей Петровной. Она привела его въ тотъ самый чуланчикъ, откуда утромъ подглядывала и подслушивала.

— Но помилуйте, Настасья Петровна, я рѣшительно ничего не понимаю!...

— А вотъ поймете, какъ нагнетесь и послушаете. Комедія вѣрно сейчасъ начнется.

— Какая комедія?

— Тс! не говорите громко! Комедія въ томъ, что васъ просто надувають. Давича, какъ вы отправились съ княземъ, Марья Александровна цѣлый часъ уговаривала Зину выйти замужъ за этого князя, говорила, что нѣтъ ничего легче его облапошить и заставить жениться, и такіе крючки выводила, что даже мнѣ тошно стало. Я все отсюда подслушала. Зина согласилась. Какъ овѣ васъ-то овѣ честили! просто за дурака почитаютъ, а Зина прямо сказала, что ни за что не выйдетъ за васъ. Я-то дура! Красный бантикъ приколотъ хотѣла! Послушайте-ка, послушайте-ка!

— Да вѣдь это безбожнѣйшее коварство, если такъ! — прошепталъ Павелъ Александровичъ, глупѣйшимъ образомъ смотря въ глаза Настасьѣ Петровнѣ.

— Да вы только послушайте, и не то еще услышите.

— Да гдѣ-же слушать?

— Да вотъ нагнитесь, вотъ въ эту дырочку....

— Но, Настасья Петровна, я.... я не способенъ подслушивать.

— Экъ, когда хватились! Тутъ, батюшка, честь-то въ карманъ, пришли, такъ ужь слушайте!

— Но, однакоже....

— А не способны, такъ и оставайтесь съ носомъ! Васъ-же жалѣютъ, а онъ-то куражится! Мнѣ что! вѣдь я не для себя. Я и до вечера здѣсь не останусь!

Павелъ Александровичъ, скрѣпя сердце, нагнулся къ щечкѣ. Сердце его билось, въ вискахъ стучало. Онъ почти не понималъ, что съ нимъ происходитъ....

ГЛАВА VIII.

— Такъ вамъ очень было весело, князь, у Натальи Дмитриевны? — спросила Марья Александровна, плотояднымъ взглядомъ окидывая поле предстоящей битвы и желая самымъ невиннымъ образомъ начать разговоръ. Сердце ея билось отъ волненія и ожиданія.

Послѣ обѣда князя тотчасъ-же перевели въ «салонъ», въ которомъ принимали его утромъ. Всѣ торжественные случаи и приемы происходили у Марьи Александровны въ этомъ салонѣ. Она гордилась этой комнатою. Старичокъ съ шести бакаловъ какъ-то весь раскисъ и некрѣпко держался на ногахъ. За то болталъ безъ умолку. Болтовня въ немъ даже усилилась. Марья Александровна понимала, что эта вспышка минутная и что отяжелѣвшему гостю скоро захочется спать. Надо было ловить минуту. Оглядѣвъ поле битвы, она съ наслажденіемъ замѣтила, что сластолюбивый старичокъ какъ-то особенно лакомо поглядывалъ на Зину и родительское сердце ея загрепетало отъ радости.

— Чрез-вы-чайно весело, — отвѣчалъ князь; — и, знаете, безпо-добнѣй-шая женщина, Наталья Дмитриевна, безпо-добнѣйшая женщина!

Какъ ни занята была Марья Александровна своими великими планами, но такая звонкая похвала соперницѣ уколола ее въ самое сердце.

— Помилуйте, князь! — вскричала она, сверкая глазами: — если ужь ваша Наталья Дмитриевна безподобная женщина, такъ ужь я и не знаю, что послѣ этого! Но послѣ этого вы совершенно не знаете здѣшняго общества, совершенно не знаете! Вѣдь это только одна выставка своихъ небывалыхъ достоинствъ, своихъ благородныхъ чувствъ, одна комедія, одна наружная золотая кора. Приподымите эту кору и вы увидите цѣлый адъ подъ цвѣтами, цѣлое осиное гнѣздо, гдѣ васъ съѣдятъ и косточекъ не оставятъ!

— Неужели! воскликнулъ князь: — удивляюсь.

— Но я клянусь вамъ въ этомъ! Ah, mon prince. Послушай, Зина, я должна, я обязана рассказать князю это смѣшное и низкое происшествіе съ этой Натальей, на прошлой недѣлѣ, — помнишь? Да, князь это, про ту самую вашу хваленую Наталью Дмитриевну, которою вы такъ восхищаетесь. О милѣйшій мой князь! Клянусь я не шлетница! Но я непременно расскажу это, единственно для того, чтобъ разсмѣшить, чтобъ показать вамъ въ живомъ образчикѣ, такъ сказать въ оптическое стекло, что здѣсь за люди? Двѣ недѣли назадъ пріѣзжаетъ ко мнѣ эта Наталья Дмитриевна. Подали кофе, а я за чѣмъ-то вышла. Я очень хорошо помню сколько у меня осталось сахара въ серебрянной сахарницѣ: она была совершенно полна. Возвращаюсь, смотрю: лежатъ на донушкѣ только три кусочка. Кромѣ Натальи Дмитриевны въ комнатѣ никого не оставалось. Какова! У ней свой каменный домъ и денегъ безсчетно! Этотъ случай смѣшной, комическій, но судите послѣ этого о благородствѣ здѣшняго общества!

— Не-у-же-ли! воскликнулъ князь, искренно удивляясь.— Какая, однакоже, неестественная жадность! Неужели-жъ она все одна съѣла?

— Такъ вотъ какая она *безподобнѣйшая* женщина, князь! какъ вамъ нравится этотъ позорный случай? Да я-бы, кажется, умерла въ ту-же минуту, въ которую-бы рѣшилась на такой отвратительный поступокъ?

— Ну да, да... Только, знаете, она все-таки такая *belle-femme*....

— Наталья-то Дмитриевна! помилуйте, князь, да это просто кадушка! Ахъ, князь, князь! что́ это вы сказали! Я ожидала въ васъ гораздо побольше вкусу....

— Ну да, кадушка... только, знаете, она такъ сложена.... Ну а эта дѣвочка, которая тан-цо-ва-ла, она тоже.... сложена....

— Соничка-то? да вѣдь она еще ребенокъ, князь! ей всего четырнадцать лѣтъ!

— Ну да ...только, знаете, такая ловкая, и у ней тоже.... такія формы.... формируются. Ми-лень-кая такая! и другая, что съ ней тан-цо-ва-ла, тоже.... формируется....

— Ахъ, это — несчастная сирота, князь! Они ее часто берутъ.

— Си-ро-та. Грязная, впрочемъ, такая, хоть-бы руки вымыла... А, впрочемъ, тоже за-ман-чи-вая...

Говоря это, князь съ какою-то возрастающею жадностью разсматривалъ Зину въ лорнетъ.

— *Mais guelle charmante personne!* — бормоталъ онъ въ полголоса, тая отъ наслажденія.

— Зина! сыграй намъ что-нибудь, или нѣтъ, лучше, спой! Какъ она поетъ, князь! Она, можно сказать, виртуозка, настоящая виртуозка! И еслибъ вы знали, князь, — продолжала Марья Александровна вполголоса, когда Зина отошла къ роялю, ступая своею тихою, павною поступью, отъ которой чуть не покорило бѣднаго старичка, — еслибъ вы знали, какая она дочь! Какъ она умѣетъ любить, какъ нѣжна со мной! Какія чувства, какое сердце!

— Ну да.... чувства.... и, знаете-ли, я только одну женщину зналъ, во всю мою жизнь, съ которой она могла-бы сравниться по-кра-со-тѣ, — перебилъ князь, глатая слюнки. — Это покойная графиня Наинская, умерла лѣтъ тридцать тому назадъ. Вос-хи-ти-тельная была женщина, неопи-сан-ной красоты, потомъ еще за своего повара вышла....

— За своего повара, князь!

— Ну да, за своего повора.... за француза, за границу. Она ему за гра-ни-цей графскій титулъ доставила. Видный былъ собой человѣкъ и чрезвычайно образованный, съ маленькими такими у-си-ка-ми.

— И — и.... какъ же они жили, князь?

— Ну да, они хорошо жили. Впрочемъ, они скоро потомъ разошлись. Онъ ее обобралъ и уѣхалъ. За какой-то соусъ поссорились....

— Маменька, что мнѣ играть? — спросила Зина.

— Да ты бы лучше спѣла намъ, Зина. Какъ она поетъ, князь! Вы любите музыку?

— О, да! *Charmant, charmant* Я очень люблю му-зы-ку. Я за границей съ Бетховеномъ былъ знакомъ.

— Съ Бетховеномъ! Вообрази, Зина, князь былъ знакомъ съ Бетховеномъ! — кричить въ восторгѣ Марья Александровна. — Ахъ, князь! неужели вы были знакомы съ Бетховеномъ?

— Ну да. мы были съ нимъ на дру-жес-кой но-гѣ. И вѣчно у него носъ въ табакѣ. Такой смѣшной!

— Бетховенъ?

— Ну да, Бетховенъ. Впрочемъ, можетъ-быть, это и не Бет-хо-венъ, а какой-нибудь другой нѣ-мецъ. Тамъ очень много нѣм-цевъ.... Впрочемъ я, кажется, сби-ва-юсь.

— Что-же мнѣ пѣть, маменька? спросила Зина.

— Ахъ, Зина! спой тотъ романсъ, въ которомъ, помнишь, много рыцарскаго, гдѣ еще эта владѣтельница замка и ея трубадуръ.... Ахъ, князь! Какъ я люблю все это рыцарское! Эти замки, замки! Эта средневѣковая жизнь! Эти трубадуры, герольды, турниры.... Я буду акомпанировать тебѣ, Зина. Пересядьте сюда, князь, поближе! Ахъ эти замки, замки!

— Ну да.... замки. Я тоже люблю зам-ки, — бормочетъ князь въ восторгѣ, впиваясь въ Зину единственнымъ своимъ глазомъ. Но.... Боже мой! восклицаетъ онъ:—это романсъ!..

Но.... я знаю этот ро-мансъ! Я давно уже слышалъ этотъ романсъ.... Это такъ мнѣ на-по-ми-наетъ.... Ахъ, Боже мой!

Я не берусь описывать, что сдѣлалось съ княземъ, когда зашла Зина. Пшла она старинный французскій романсъ, бывшій когда-то въ большой модѣ. Зина пшла его прекрасно. Ея чистый, звучный контральто проникалъ до сердца. Ея прекрасное лицо, чудные глаза, ея точеные дивные пальчики, которыми она переворачивала ноты, ея волосы, густые, черные, блестящіе, волнующаяся грудь, вся фигура ея, гордая, прекрасная, благородная, — все это околдовало бѣднаго старичка окончательно. Онъ не отрывалъ отъ нея глазъ, когда она пшла, онъ захлебывался отъ волненія. Его старческое сердце, подогрѣтое шампанскимъ, музыкой и воскреснувшими воспоминаніями (а у кого нѣтъ любимыхъ воспоминаній?) — стучало чаще и чаще, какъ уже давно не билось оно. Онъ готовъ былъ опуститься на колѣни передъ Зиной и почти плакалъ, когда она кончила.

— O, ma charmante enfant — вскричалъ онъ, цалуя ея пальчики: — vous me garissez! Я теперь, теперь только вспомнилъ.... Но.... но.... о, ma charmante enfant....

И князь даже не могъ докончить.

Марья Александровна почувствовала, что наступила ея мпнута.

— Зачѣмъ-же вы губите себя, князь? — воскликнула она торжественно. — Столько чувства, столько жизненной силы, столько богатствъ душевныхъ и зарыться на всю жизнь въ уединеніе! убѣжать отъ людей, отъ друзей! Но это не простительно! Одумайтесь, князь! взгляните на жизнь, такъ-сказать, яснымъ окомъ! Воззовите изъ сердца своего воспоминанія прошедшаго, — воспоминанія золотой вашей молодости, золотыхъ, беззаботныхъ дней, — воскресите ихъ, воскресите себя! Начните опять жить въ обществѣ межъ людей! Поѣзжайте за границу, въ Италію, въ Испанію — въ Испанію, князь!.... Вамъ нужно руководителя, сердце, которое-бы любило, уважало васъ, вамъ сочувствовало? Но у васъ есть

друзья! Позовите ихъ, кликните ихъ и они прибѣгутъ толпами! Я первая брошу все и прибѣгу на вашъ вызовъ. Я помню нашу дружбу, князь; я брошу мужа и пойду за вами... и даже, еслибъ я была еще моложе, еслибъ я была также хороша и прекрасна, какъ дочь моя, я-бы стала вашей спутницей, подругой, женой вашей, еслибъ вы того захотѣли!

— И я увѣренъ, что вы были une charmante personne въ свое время, — проговорилъ князь, сморкаясь въ платокъ. Глаза его были омочены слезами.

— Мы живемъ въ нашихъ дѣтяхъ, князь, — съ высокимъ чувствомъ отвѣчала Марья Александрова. — У меня тоже есть свой ангелъ хранитель! И это — она, моя дочь, подруга моихъ мыслей, моего сердца, князь! Она отвергла уже семь предложеній, не желая разставаться со мною.

— Стало-быть она съ вами поѣдетъ, когда вы будете, сопро-вож-дать меня за гра-ницу? Въ такомъ случаѣ, я непре-мѣнно поѣду за границу — вскричалъ князь одушевляясь.

Неп-ре-мѣнно поѣду! И еслибъ я могъ льстить себя на-деж-дою... Но она очаровательное, очаро-ва-тельное дитя! О, ma charmante enfant!... — И князь снова началъ цаловать ея руки. Бѣдняжка! ему хотѣлось стать передъ ней на колѣни.

— Но... но, князь, вы говорите: можете-ли вы льстить себя надеждою? — Подхватила Марья Александровна, почувствовать новый приливъ краснорѣчія. — Но-вы странны, князь! Неужели вы считаете себя уже недостойнымъ вниманія женщинъ? Не молодость составляетъ красоту. Вспомните, что вы, такъ-сказать, обломокъ аристократіи! вы — представитель самыхъ утонченныхъ, самыхъ рыцарскихъ чувствъ и... манеръ! Развѣ Марія не полюбила старика Мазепу? Я помню, я читала, что Лозѣнъ, этотъ очаровательный маркизь двора Людовика... я забыла котораго, — уже въ преклонныхъ лѣтахъ, уже старикъ, побѣдилъ сердце одной изъ первѣйшихъ придворныхъ красавицъ!... И кто сказалъ вамъ, что вы старикъ? Кто научилъ васъ этому! Развѣ люди, какъ вы, ста-

рѣются? Вы, съ такимъ богатствомъ чувствъ, мыслей, веселости, остроумія, жизненной силы, блестящихъ манеръ! Но появитесь гдѣ-нибудь теперь, за границей, на водахъ, съ молодою женой, съ такой-же красавицей, какъ, напримѣръ, моя Зина, — я не объ ней говорю, я говорю только такъ, для сравненія, — и вы увидите какой колоссальный будетъ эффектъ! Вы — обломокъ аристократіи, она — красавица изъ красавицъ; вы ведете ее торжественно подъ руку; она поетъ въ блестящемъ обществѣ, вы, съ своей стороны, сыплете остроуміемъ, — да всѣ воды сбѣгутся смотрѣть на васъ! Вся Европа закричитъ, потому-что всѣ газеты, всѣ фельетоны на водахъ, заговорятъ въ одинъ голосъ... Князь, князь! И вы говорите: можете-ли вы льстить себя надеждою?

— Фельетоны... ну да, ну да!... Это въ газетахъ... — бормочетъ князь, вполовину не понимая болтовню Марьи Александровны, и раскисая все болѣе и болѣе. — Но... дитя мое, если вы не ус-тали, — повторите еще разъ тотъ романсъ, который вы сейчасъ пѣли!

— Ахъ, князь! Но у ней есть и другіе романсы еще лучше... Помните, князь, *L'hirondelle*? вы вѣроятно слышали?

— Да, помню... или, лучше сказать, я за-былъ. — Нѣтъ, нѣтъ, прежній, прежній романсъ, тотъ самый, который она сейчасъ пѣ-ла! Я не хочу *L'hirondelle*! Я хочу тотъ романсъ... — говорилъ князь, умоляя, какъ ребенокъ.

Зина пропѣла еще разъ. Князь не могъ удержаться и опустился передъ ней на колѣна. Онъ плакалъ.

— *O, ma belle châtelaine!* — восклицалъ онъ своимъ дребезжащимъ отъ старости и волненія голосомъ. — *O, ma charmante châtelaine!* О милое дитя мое! вы мнѣ такъ много напомнили... изъ того, что давно прошло... Я тогда думалъ, что все будетъ лучше, чѣмъ оно потомъ было. Я тогда пѣлъ дуэты... съ виконтессой... этотъ самый романсъ... а теперь.. Я и не знаю, что ужъ те-перь...

Всю эту рѣчь князь произнесъ задыхаясь и захлебываясь. Языкъ его примѣтно одервенѣлъ. Нѣкоторыхъ словъ почти

совсѣмъ нельзя было разобрать. Видно было только, что онъ въ сильнѣйшей степени разчувствовался. Марья Александровна немедленно подлила масла въ огонь.

— Князь! Но вы, пожалуй, влюбитесь въ мою Зину! — вскричала она, почувствовавъ, что минута была торжественная.

Отвѣтъ князя превзошелъ ся лучшія ожиданія.

— Я до безумія влюбленъ въ нее! — вскричалъ старичокъ, вдругъ весь оживляясь, все еще стоя на колѣнахъ и весь дрожа отъ волненія. — Я ей жизнь готовъ отдать! И еслибъ я только могъ на-дѣ-яться... Но подымите меня, я не-мно-го ослабъ... Я... еслибъ только могъ надѣяться предложить ей мое сердце, то... я... она-бы мнѣ каждый день пѣла романсы, а я-бы все смотрѣлъ на нее... все смотрѣлъ... Ахъ, Боже мой!

— Князь, князь! вы предлагаете ей свою руку! вы хотите ее взять у меня, мою Зину! мою милую, моего ангела, Зину! Но я не пущу тебя, Зина! Пусть вырвутъ ее изъ рукъ моихъ, изъ рукъ матери! — Марья Александровна бросилась къ дочери и крѣпко сжала ее въ объятіяхъ, хотя чувствовала, что ее довольно сильно отталкивали... Маменька немного пересаливала. Зина чувствовала это всѣмъ существомъ своимъ и, съ невыразимымъ отвращеніемъ, смотрѣла на всю комедію. Однакожь она молчала, а это все, что было надо Марьѣ Александровнѣ.

— Она девять разъ отказывала, чтобъ только не разлучаться съ своею матерью! кричала она. — Но теперь — мое сердце предчувствуетъ разлуку. Еще давеча я замѣтила, что она такъ смотрѣла на васъ... Вы поразили ее своимъ аристократизмомъ, князь, этой утонченностью!... О! вы разлучите насъ; я это предчувствую!...

— Я о-бо-жаю ее! — пробормоталъ князь, все еще дрожа какъ осиновый листикъ.

— И такъ ты оставляешь мать свою! — воскликнула Марья Александровна, еще разъ бросаясь на шею дочери.

Зина торопилась кончить тяжелую сцену. Она молча протянула князю свою прекрасную руку и даже заставила себя улыбнуться. Князь съ благоговѣніемъ принялъ эту ручку и покрылъ ее поцалуями.

— Я только теперь на-чи-наю жить, — бормоталъ онъ, захлебываясь отъ восторга.

— Зина! — торжественно проговорила Марья Александровна, — взгляни на этого человѣка! Это самый честнѣйшій, самый благороднѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ, которыхъ я знаю! Это рыцарь среднихъ вѣковъ! Но она это знаетъ, князь, она знаетъ на горе моему сердцу... О! зачѣмъ вы пріѣхали! Я передаю вамъ мое сокровище, моего ангела. Берегите ее, князь! Васъ умоляетъ мать и какая мать осудить меня за мою горестъ!

— Маменька, довольно! — прошептала Зина.

— Вы защитите ее отъ обиды, князь? Ваша шпага блеснетъ въ глаза клеветнику или дерзкому, который осмѣлится обидѣть мою Зину?

— Довольно, маменька, или я...

— Ну да, блеснетъ...—бормоталъ князь.—Я только теперь начинаю жить... Я хочу чтобы сейчасъ-же, сію ми-нуту была свадьба... я... Я хочу послать сейчасъ же въ Ду-ха-ново. Тамъ у меня брил-лі-янты. Я хочу по-до-жить ихъ къ ея но-гамъ...

— Какой пылъ! какой восторгъ! какое благородство чувствъ!—воскликнула Марья Александровна. — И вы могли, князь, вы могли губить себя, удаляясь отъ свѣта? Я тысячу разъ буду это говорить! Я виѣ себя, кагда вспомню объ этой адской...

— Что-жь мнѣ дѣ-лать, я такъ бо-ялся! — Бормоталъ князь, хныча и разчувствовавшись. — Они меня въ су-мас-шед-шій домъ посадить хо-тѣ-ли... Я и испугался.

— Въ сумасшедшій домъ! О изверги! о безчеловѣчные люди! О низкое коварство! Князь, — я это слышала! Но это сумасшествіе со стороны этихъ людей! Но за что же, за что?!

— А я и самъ не знаю за что! — отвѣчалъ старичекъ, отъ

слабости садясь на кресло. — Я, знаете, на ба-лѣ былъ и, какой-то анекдотъ раз-ска-залъ; а имъ не понра-ви-лось. Ну и вышла исторія?

— Неуже-ли только за это, князь?

— Нѣтъ. Я еще по-томъ въ карты иг-ралъ, съ княземъ Петромъ Демен-тъи-чемъ, и безъ шести ос-тал-ся. У меня было два ко-ро-ля и три дамы... или, лучше сказать, три дамы и два ко-ро-ля... Нѣтъ! одинъ ко-ро-ль, а потомъ ужъ были и да-мы...

— И за это? за это! о, адское бозчеловѣчіе! вы плачете, князь! Но теперь этого не будетъ! Теперь я буду подлѣ васъ, мой князь; я не разстанусь съ Зиной и посмотримъ какъ они осмѣлятся сказать слово!.. И даже знаете, князь, вашъ бракъ поразитъ ихъ. Онъ пристыдитъ ихъ! Они увидятъ, что вы еще способны... то есть они поймутъ, что не вышла бы за сумасшедшаго такая красавица! Теперь вы гордо можете поднять голову. Вы будете смотрѣть имъ прямо въ лицо...

— Ну да, я буду смотрѣть имъ пря-мо въ ли-цо, — про-бормоталъ князь, закрывая глаза.

— Однако онъ совсѣмъ раскисъ, подумала Марья Александровна. Только слова терять!

— Князь, вы встревожены, я вижу это; вамъ непремѣнно надо успокоиться, отдохнуть отъ этого волненія, — сказала она, матерински нагибаясь къ нему.

— Ну да, я бы хотѣлъ не мно-го по-ле-жать, — сказалъ онъ.

— Да, да! успокойтесь, князь! Эти волненія... Пойдите, я сама провожу васъ... Я уложу васъ сама, если надо.

Что вы такъ смотрите на этотъ портретъ, князь? Это портретъ моей матери, — этого ангела, а не женщины! О зачѣмъ ее нѣтъ теперь между нами! Это была праведница, князь, праведница! — иначе я не называю ее!

— Пра-вед-ни-ца? *c'est jol!*... У меня тоже была мать... *princesse*... и — вообразите — нео-бык-новен-но полная была жен-щина... Впрочемъ, я не то хотѣлъ ска-зать... Я не-мно-го

ослабъ. Adieu, ma charmante enfant!.. Я съ наслажде-ніемъ... я сегодня .. завтра... Ну да все рав-но! au revoir, au revoir!— тутъ онъ хотѣлъ сдѣлать ручкой, но поскользнулся и чуть не упалъ на порогъ.

— Осторожиѣе, князь! Обопритесь на мою руку, — кричала Марья Александровна.

— Charmant, charmant! — бормоталъ онъ уходя. — Я теперь только на-чи-наю жить...

Зина осталась одна. Невыразимая тягость давила ея душу. Она чувствовала отвращеніе до тошноты. Она готова была презирать себя. Щеки ея горѣли. Съ сжатыми руками, стиснувъ зубы, опустивъ голову, стояла она не двигаясь съ мѣста. Слезы стыда покатались изъ глазъ ея... Въ эту минуту отворилась дверь, и Мозгляковъ вбѣжалъ въ комнату.

ГЛАВА IX.

Онъ слышалъ все, все!

Онъ дѣйствительно не вошелъ, а вбѣжалъ, блѣдный отъ волненія и отъ ярости. Зина смотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Такъ-то вы! — вскричалъ онъ, задыхаясь. — Наконецъ-то я узналъ кто вы такая!

— Кто я такая! — повторила Зина, смотря на него какъ на сумасшедшаго, и вдругъ глаза ея заблестали гнѣвомъ.

— Какъ смѣли вы такъ говорить со мной! — вскричала она, подступая къ нему.

— Я слышалъ все! — повторилъ Мозгляковъ торжественно, но какъ-то невольно отступилъ шагъ назадъ.

— Вы слышали? вы подслушивали? — сказала Зина, съ презрѣніемъ смотря на него.

— Ну да! я подслушивалъ! да, я рѣшился на подлость, но за то я узналъ, что вы самая... Я даже не знаю какъ и выразиться, чтобъ сказать вамъ... какая вы теперь выходите!— отвѣчалъ онъ, все болѣе и болѣе робѣя передъ взглядомъ Зины.

— А хоть-бы и слышали, въ чемъ-же вы можете обвинить меня? Какое право вы имѣете обвинять меня? Какое право имѣете такъ дерзко говорить со мной?

— Я? Я какое имѣю право? И вы можете это спрашивать? Вы выходите за князя, а я не имѣю никакого права!.. да вы мнѣ слово дали, вотъ что!

— Когда?

— Какъ когда?

— Но еще сегодня утромъ, когда вы приставали ко мнѣ, я рѣшительно отвѣчала, что не могу сказать ничего положительнаго.

— Но, однако же, вы не прогнали меня, вы не отказали мнѣ совсѣмъ; значитъ, вы удерживали меня про запасъ! значитъ, вы завлекали меня.

Въ лицѣ раздраженной Зины показалось болѣзненное ощущеніе, какъ будто отъ острой, пронзительной внутренней боли; но она перемогла свое чувство.

— Если я васъ не прогоняла, отвѣчала она ясно и съ разстановкой, хотя въ голосѣ ея слышалось едва замѣтное дрожаніе, — то единственно изъ жалости. Вы сами умоляли меня повременить, не говорить вамъ — «нѣтъ», но разглядѣть васъ поближе и «тогда» сказали вы, «тогда, когда вы увѣритесь, что я человекъ благородный, можетъ-быть, вы мнѣ не откажете». Это были ваши собственныя слова въ самомъ началѣ вашихъ исканій. Вы не можете отъ нихъ отпереться! Вы осмѣлились сказать мнѣ теперь, что я завлекала васъ. Но вы сами видѣли мое отвращеніе, когда я увидѣлась съ вами сегодня, двумя недѣлями раньше, чѣмъ вы общались, и

это отвращеніе я не скрала передъ вами, напротивъ я его обнаружила. Вы это сами замѣтили, потому что сами спрашивали меня: не сержусь ли я за то, что вы раньше пріѣхали? Знайте, что того не увлекаютъ, передъ кѣмъ не могутъ и *не хотятъ* скрыть своего къ нему отвращенія. Вы осмѣлились выговорить, что я берегла васъ про запасъ. На это отвѣчу вамъ, что я разсуждала про васъ такъ: «если онъ и не одаренъ умомъ, очень большимъ, то все-таки можетъ-быть человѣкомъ добрымъ и потому можно выйти за него». Но теперь, убѣдясь къ моему счастью, что вы дуракъ, и еще, въ добавокъ, злой дуракъ, — мнѣ остается только пожелать вамъ полнаго счастья и счастливаго пути. Прощайте!

Сказавъ это, Зина отвернулась отъ него и медленно пошла изъ комнаты.

Мозгляковъ, догадавшись, что все потеряно, закипѣлъ отъ ярости.

— А! такъ я дуракъ, кричалъ онъ, — такъ я теперь ужъ дуракъ! Хорошо! Прощайте! Но прежде чѣмъ уѣду, всему городу разскажу, какъ вы съ маменькой облапошили князя, напоивъ его до-пьяна! Всѣмъ разскажу! Узнаете Мозглякова.

Зина вздрогнула и остановилась-было отвѣчать, но, подумавъ съ минуту, только презрительно пожала плечами и захлопнула за собою дверь.

Въ это мгновеніе на порогѣ показалась Марья Александровна. Она слышала восклицаніе Мозглякова, въ одну минуту догадалась, въ чемъ дѣло и вздрогнула отъ испуга. Мозгляковъ еще не уѣхалъ, Мозгляковъ около князя, Мозгляковъ раззвонить по городу, а тайна, хотя бы на самое малое время, была необходима! У Марьи Александровны были свои расчеты. Она мигомъ сообразила всѣ обстоятельства и планъ усмиренія Мозглякова былъ уже созданъ.

— Что съ вами, *mon ami*? — сказала она, подходя къ нему и дружески протягивая ему свою руку.

— Какъ: *mon ami!* вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ, — послѣ того, что вы натворили, да еще: *mon ami*. Моргенъ-

фри, милостивая государыня! И вы думаете, что обманете меня еще разъ?

— Мнѣ жаль, мнѣ очень жаль, что вижу васъ въ такомъ *странномъ* состояніи духа, Павелъ Александровичъ. Какія выраженія! вы даже не удерживаете словъ вашихъ передъ дамой.

— Передъ дамой! Вы... вы все что хотите, а не дама! — вскричалъ Мозгляковъ. — Не знаю, что именно хотѣлось ему выразить своимъ восклицаніемъ, но, вѣроятно, что-нибудь очень громовое.

Марья Александровна кротко поглядѣла ему въ лицо.

— Сядьте! грустно проговорила она, показывая ему на кресла, въ которыхъ, четверть часа тому, поконлся князь.

— Но послушайте, наконецъ, Марья Александровна! вскричалъ озадаченный Мозгляковъ. — Вы смотрите на меня такъ, какъ-будто вы вовсе не виноваты, а какъ-будто я же виноватъ передъ вами! Вѣдь это нельзя же-съ!.. такой тонъ!.. вѣдь это, наконецъ, превышаетъ мѣру человѣческаго терпѣнія... знаете ли вы это?

Другъ мой! отвѣчала Марья Александровна, — вы позвольте мнѣ все еще называть васъ этимъ именемъ, потому что у васъ нѣтъ лучшаго друга, какъ я; другъ мой! вы страдаете, вы измучены, вы уязвлены въ самое сердце — и потому неудивительно, что вы говорите со мной въ такомъ тонѣ. Но я рѣшаюсь открыть вамъ все, все мое сердце, тѣмъ скорѣе, что я сама себя чувствую нѣсколько виноватой передъ вами. Садитесь же, поговоримъ.

Голосъ Марьи Александровны былъ болѣзненно-мягкій.

Въ лицѣ выражалось страданіе. Изумленный Мозгляковъ сѣлъ подлѣ нея въ кресла.

— Вы подслушивали? продолжала она, укоризненно глядя ему въ лицо.

— Ну да, я подслушивалъ! еще бы не подслушивать; вотъ бы олухъ-то былъ! По крайней мѣрѣ узналъ все, что вы

противъ меня затѣваете, — грубо отвѣчалъ Мозгляковъ, ободряя и подзадоривая себя собственнымъ гнѣвомъ.

— И вы, и вы, съ вашимъ воспитаніемъ, съ вашими правилами, могли рѣшиться на такой поступокъ? — О Боже мой!

Мозгляковъ даже вскочилъ со стула.

— Но, Марья Александровна! вскричалъ онъ, — это, наконецъ, невыносимо слушать! вспомните, на что вы-то рѣшились, съ вашими правилами, а тогда осуждайте другихъ!

— Еще вопросъ, сказала она, не отвѣчая на его вопросы: кто васъ надумилъ подслушивать, кто разсказалъ, кто тутъ шпионилъ? — вотъ что я хочу знать.

— Ну ужъ извините — этого не скажу-съ.

— Хорошо. Я сама узнаю. Я сказала, Поль, что я передъ вами виновата. Но, если вы разберете все, всѣ обстоятельства, то увидите, что если я и виновата, то единственно тѣмъ, что вамъ же желала возможно больше добра.

— Мнѣ? добра? Это ужъ изъ рукъ вонъ! Увѣрю васъ, что больше не надуете! Не таковъ мальчикъ!

И онъ повернулся въ креслахъ такъ, что они затрещали.

— Пожалуйста, мой другъ, будьте хладнокровнѣе, если можете. Выслушайте меня внимательно и вы сами во всемъ согласитесь. Во-первыхъ, я хотѣла немедленно вамъ объяснить все, все, и вы узнали бы отъ меня все дѣло, до малѣйшей подробности, не унижаясь подслушиваніемъ. Если же не объяснилась съ вами заранѣе, давеча, то единственно потому, что все дѣло еще было въ проэктѣ. Оно могло и не состояться. Видите: я съ вами вполне откровенна. Во-вторыхъ, не вините дочь мою. Она васъ до безумія любитъ и мнѣ стоило невѣроятныхъ успій отвлечь ее отъ васъ и согласить ее принять предложеніе князя.

— Я сейчасъ имѣлъ удовольствіе слышать самое полное доказательство этой любви *до безумія*, — пронически проговорилъ Мозгляковъ.

— Хорошо. А вы какъ съ ней говорили? Такъ ли дол-

женъ говорить влюбленный? Такъ ли говорить, наконецъ, челоѣкъ хорошаго тона? Вы оскорбили и раздражили ее.

— Ну, не до тону теперь, Марья Александровна! А давеча, когда вы обѣ дѣлали мнѣ такія сладкія мины, я поѣхалъ съ княземъ, а вы меня ну-честить! Вы чернили меня, — вотъ что я вамъ говорю-сь! Я это все знаю, все!

— И, вѣрно, изъ того же грязнаго источника? — замѣтила Марья Александровна, презрительно улыбаясь. — Да, Павелъ Александровичъ, я чернила васъ, я наговорила на васъ и, признаюсь, не мало билась. Но ужь одно то, что я принуждена была васъ чернить передъ нею, можетъ-быть, даже клеветать на васъ, — ужь одно это доказываетъ, какъ тяжело было мнѣ исторгнуть изъ нея согласіе васъ оставить! Недалновидный челоѣкъ! Еслибъ она не любила васъ, нужно-ли-бъ было мнѣ васъ чернить, представлять васъ въ смѣшномъ, недостойномъ видѣ, прибѣгать къ такимъ крайнимъ средствамъ? Да вы еще не знаете всего! Я должна была употребить власть матери, чтобъ исторгнуть васъ изъ ея сердца и, послѣ невѣроятныхъ усилій, достигла только наружнаго согласія. Если вы теперь насъ подслушивали, то должны же были замѣтить, что она ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ не поддержала меня передъ княземъ. Во всю эту сцену, она почти не сказала ни слова; пѣла, какъ автоматъ. Вся ея душа ныла въ тоскѣ и я, изъ жалости къ ней, увела, наконецъ, отсюда князя. Я увѣрена, что она плакала, оставшись одна. Войдя сюда, вы должны были замѣтить ея слезы.

— Мозгляковъ дѣйствительно вспомнилъ, что, вбѣжавъ въ комнату, онъ замѣтилъ Зину въ слезахъ.

— Но вы, вы, за что вы-то были противъ меня, Марья Александровна? — вскричанъ онъ. — За что вы чернили меня, клеветали на меня, — въ чемъ сами признаетесь теперь?

— А, это другое дѣло! Вотъ еслибъ вы сначала благо-разумно спрашивали, то давно бы получили отвѣтъ. Да, вы правы! Все это сдѣлала я и я одна. Зину не мѣшайте сюда.

Для чего я сдѣлала? отвѣчаю: во-первыхъ, для Зины. Князь богатъ, знатенъ, имѣеть связи и, выйдя за него, Зина сдѣлаетъ блестящую партію. Наконецъ, если онъ и умретъ, — можетъ быть, даже скоро, потому что мы всѣ болѣе или менѣе смертны, тогда Зина — молодая вдова, княгиня, въ вышемъ обществѣ, и, можетъ быть, очень богата. Тогда она можетъ выйти замужъ за кого хочетъ, можетъ сдѣлать богатѣйшую партію. Но, разумѣется, она выйдетъ за того, кого любитъ, за того, кого любила прежде, чье сердце растерзала, выйдя за князя. Одно уже раскаяніе заставило бы ее заглядить свой проступокъ передъ тѣмъ, кого прежде любила.

— Гм! — промычалъ Мозглаковъ, задумчиво смотря на свои сапоги.

— Во вторыхъ, — и объ этомъ я упомяну только вкратцѣ, — продолжала Марья Александровна — потому что вы этого, можетъ быть, даже и не поймете. Вы читаете вашего Шекспира, черпаете изъ него всѣ свои высокія чувства, а на дѣлѣ вы хоть и *очень добры*, но еще слишкомъ молоды, — а я мать, Павелъ Александровичъ! Слушайте же: я выдаю Зину, аз князя, отчасти и для самого князя, потому что хочу спасти его этимъ бракомъ. Я любила и прежде этого благороднаго, этого добрѣйшаго, этого рыцарски-честнаго старика. Мы были друзьями. Онъ несчастенъ въ когтяхъ этой адской женщины. Она доведетъ его до могилы. Богъ видитъ, что я согласила Зину на бракъ съ нимъ, единственно выставивъ передъ нею всю святость ея подвига самоотверженія. Она увлеклась благородствомъ чувствъ, обояніемъ подвига. Въ ней самой есть что-то рыцарское. Я представила ей, какъ дѣло высоко-христіанское, быть опорой, утѣшеніемъ, другомъ, дитятей, красавицей, идоломъ того, кому, можетъ быть, остается жить всего одинъ годъ. Не гадкая женщина, не страхъ, не уныніе окружали бы его въ послѣдніе дни его жизни, а свѣтъ, дружба, любовь. Расмъ показались-бы ему эти послѣдніе закатные дни! Гдѣ же тутъ эгоизмъ, — ска-

жите, пожалуйста? Это, скорѣе, подвигъ сестры милосердія, а на эгоизмъ?

— Такъ вы.... такъ вы сдѣлали это только для князя, для подвига сестры милосердія? — промычалъ Мозгляковъ насмѣпливымъ голосомъ.

— Понимаю и этотъ вопросъ, Павелъ Александровичъ; онъ довольно ясенъ. Вы, можетъ быть, думаете, что тутъ, іезуитски сплетена выгода князя съ собственными выгодами? Что-жь? можетъ быть, въ головѣ моей и были эти расчеты, только не іезуитскіе, а невольные. Знаю, что вы изумляетесь такому откровенному признанію, но объ одномъ прошу васъ, Павелъ Александровичъ: не мѣшайте въ это дѣло Зину! Она чиста, какъ голубь; она не рассчитываетъ; она только умѣетъ любить, — милое дитя мое! Если кто и рассчитывалъ, то это я и я одна! Но, во-первыхъ, спросите строго свою совѣсть и скажите: кто не рассчитывалъ-бы на моемъ мѣстѣ, въ подобномъ случаѣ? Мы рассчитываемъ наши выгоды даже въ великодушнѣйшихъ, даже въ безкорыстнѣйшихъ дѣлахъ нашихъ, рассчитываемъ непримѣтно, невольно! Конечно, почти всѣ себя-же обманываютъ, увѣряя себя самихъ, что дѣйствуютъ изъ одного благородства. Я не хочу себя обманывать: я сознаюсь, что при всемъ благородствѣ моихъ цѣлей, — я рассчитывала. Но спросите, для себя ли я рассчитываю? Мнѣ уже ничего не нужно, Павелъ Александровичъ! я отжила свой вѣкъ. Я рассчитывала для нея, для моего ангела, для моего дитяти, и—какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ?

Слезы заблестали въ глазахъ Марьи Александровны. Павелъ Александровичъ въ изумленіи слушалъ эту откровенную исповѣдь и, въ недоумѣніи, хлопалъ глазами.

— Ну да, какая мать....—проговорилъ онъ, наконецъ. — Вы хорошо поете, Марья Александровна, — но.... но вѣдь вы мнѣ дали слово! Вы обнадеживали и меня. Мнѣ-то какъ? подумайте! Вѣдь я теперь, знаете, съ какимъ носомъ?

— Но неужели вы полагаете, что я объ васъ не поду-

мала, mon cher Paul! Напротивъ: во всѣхъ этихъ расчетахъ была для васъ такая огромная выгода, что она-то и понудила меня, главнымъ образомъ, исполнить все это предприятие.

— Моя выгода! вскричалъ Мозглаковъ, на этотъ разъ совершенно ошеломленный. — Это какъ?

— Боже мой! Неужели же можно быть до такой степени простымъ и недалекимъ? — вскричала Марья Александровна, возводя глаза къ небу. — О молодость! молодость! Вотъ что значитъ погрузиться въ этого Шекспира, мечтать, воображать, что мы живемъ, — живя чужимъ умомъ и чужими мыслями! Вы спрашиваете, *добрый* мой Павелъ Александровичъ, въ чемъ тутъ заключается ваша выгода? Позвольте мнѣ, для ясности, сдѣлать одно отступленіе: Знаю васъ любить, — это несомнѣнно! Но я замѣтила, что, не смотря на ея очевидную любовь, въ ней таится какая-то недовѣрчивость къ вамъ, къ вашимъ добрымъ чувствамъ, къ вашимъ наклонностямъ. Я замѣтила, что иногда она, какъ-бы нарочно, удерживаетъ себя и холодна съ вами — плодъ раздумья и недовѣрчивости. Не замѣтили-ли вы это сами, Павелъ Александровичъ?

— За-мѣ-чалъ; и даже сегодня.... Но, однако, что же вы хотите сказать, Марья Александровна?

— Вотъ видите, вы сами замѣтили это. Стало-быть, я не ошиблась. Въ ней именно есть какая-то странная недовѣрчивость къ постоянству вашихъ добрыхъ наклонностей. Я мать — и мнѣ-ли не угадать сердца моего дитяти? Вообразите же теперь, что вмѣсто того, чтобъ вбѣжать въ комнату съ упреками и даже съ ругательствами, раздражить, обидѣть, оскорбить ее, чистую, прекрасную, гордую, и тѣмъ, поневолѣ, утвердить ее въ подозрѣніяхъ на счетъ вашихъ дурныхъ наклонностей, — вообразите, что вы-бы приняли эту вѣсть кротко, со слезами сожалѣнія, пожалуй, даже отчаянія, но и съ возвышеннымъ благородствомъ души...

— Гм!..

—Нѣтъ, не прерывайте меня, Павелъ Александровичъ. Я хочу изобразить вамъ всю картину, которая поразитъ ваше воображеніе. Вообразите, что вы пришли къ ней и говорите: «Зинаида! Я люблю тебя болѣе жизни моей, но фамиліи причины разлучаютъ насъ. Я понимаю эти причины. Онѣ для твоего же счастья и я уже не смѣю возставать противъ нихъ, Зинаида! я прощаю тебя. Будь счастлива, если можешь!» и тутъ бы вы устремили на нее взоръ,—взоръ за-калаемаго агнца, если можно такъ выразиться,—вообразите все это и подумайте, какой эффектъ произвели бы эти слова на ея сердце!

—Да, Марья Александровна, положимъ, все это такъ; я это все понимаю... но что же,—я-то бы сказалъ, а все-таки ушелъ-бы безъ ничего....

—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Не перебивайте меня! Я непремѣнно хочу изобразить всю картину, со всѣми послѣдствіями, чтобы благородно поразить васъ. Вообразите же, что вы встрѣчаетесь съ ней потомъ, чрезъ нѣсколько времени, въ высшемъ обществѣ; встрѣчаетесь гдѣ-нибудь на балѣ, при блистательномъ освѣщеніи, при упоительной музыкѣ, среди великолѣпнѣйшихъ женщинъ и, среди всего этого праздника, вы одни грустный, задумчивый, блѣдный, гдѣ-нибудь опершись на колонну (но такъ, что васъ видно), слѣдите за ней въ вихрѣ бала. Она танцуетъ. Около васъ льются упоительные звуки Штрауса, сыплется остроуміе высшаго общества — а вы одинъ, блѣдный и убитый вашею страстію! Что тогда будетъ съ Зинаидой, подумайте? Какими глазами будетъ она глядѣть на васъ? «И я, — подумаетъ она, — я сомнѣвалась въ этомъ человѣкѣ, который мнѣ пожертвовалъ всѣмъ, всѣмъ, и растерзалъ для меня свое сердце!» Разумѣется, прежняя любовь воскресла бы въ ней съ неудержимою силою!

Марья Александровна остановилась перевести духъ. Мозгляковъ повернулся въ креслахъ съ такою силою, что они еще разъ затрещали. Марья Александровна продолжала.

— Для здоровья князя Зина ѣдетъ за границу, въ Ита-
лію, въ Испанію, — въ Испанію, гдѣ мирты, лимоны, гдѣ
голубое небо, гдѣ Гвадалквивиръ, — гдѣ страна любви, гдѣ
нельзя жить и не любить; гдѣ розы и поцалуи, такъ ска-
зать, носятся въ воздухѣ! Вы ѣдете туда-же, за ней; вы
жертвуете службой, связями, всѣмъ! Тамъ начинается ваша
любовь съ неустойчивою силой; любовь, молодость, Испанія,
— Боже мой! Разумѣется, ваша любовь непорочная, святая;
но вы, наконецъ, *томитесь*, смотря другъ на друга. Вы
меня понимаете, *mon ami*! Конечно, найдутся низкіе, ковар-
ные люди, изверги, которые будутъ утверждать, что вовсе
не родственное чувство къ страждущему старику повлекло
васъ за границу. Я нарочно назвала вашу любовь непороч-
ною, потому что эти люди, пожалуй, придадутъ ей совсѣмъ
другое значеніе. Но я мать, Павелъ Александровичъ, и я-ли
научу васъ дурному!... Конечно, князь не въ состояніи бу-
детъ смотрѣть за вами обоими, но,—что до этого! Можно-ли
на этомъ основывать такую гнусную клевету? Наконецъ, онъ
умираетъ, благословляя судьбу свою. Скажите: за кого-жъ
выйдетъ Зина, какъ не за васъ? Вы такой дальній рѣдствен-
никъ князю, что препятствій къ браку не можетъ быть ни-
какихъ. Вы берете ее, молодую, богатую, знатную, — и въ
какое же время? — когда бракомъ съ ней могли-бы гор-
диться знатнѣйшіе изъ вельможъ! Черезъ нее вы станови-
тесь свой въ самомъ высшемъ кругу общества; черезъ нее
вы получаете вдругъ значительное мѣсто, входите въ чины.
Теперь у васъ полтараста душъ, а тогда вы богаты; князь
устроитъ все въ своемъ завѣщаніи; я берусь за это. И, на-
конецъ, главное, она уже вполне увѣрена въ васъ, въ ва-
шемъ сердце, въ вашихъ чувствахъ, и вы, вдругъ, стано-
витесь для нея героемъ добродѣтели и самоотверженія!...
И вы, и вы спрашиваете, послѣ этого, въ чемъ ваша вы-
года? Но вѣдь нужно, наконецъ, быть слѣпымъ, чтобъ не
замѣчать, чтобъ не сообразить, чтобъ не рассчитать эту вы-
году, когда она стоитъ въ двухъ шагахъ передъ вами, смо-

трить на васъ, улыбається вамъ, а сама говоритъ: «это я, твоя выгода!» Павелъ Александровичъ, помилуйте!

— Марья Александровна! — вскричалъ Мозгляковъ въ необыкновенномъ волненіи: — теперь я все понялъ! я поступилъ грубо, низко и подло!

Онъ вскочилъ со стула и схватилъ себя за волосы.

— И не расчетливо, — прибавила Марья Александровна, — главное: не расчетливо!

— Я осель, Марья Александровна! — вскричалъ онъ почти въ отчаяніи. — Теперь все погибло, потому что я до безумія любилъ ее!

— Можетъ-быть, и не все погибло, — проговорила госпожа Москалева тихо, какъ-будто что-то обдумывая.

— О, еслибъ это было возможно! Помогите! научите! спасите!

И Мозгляковъ заплакалъ.

— Другъ мой! — съ состраданіемъ сказала Марья Александровна, подавая ему руку: — вы это сдѣлали отъ излишней горячки, отъ кипѣнія страсти, стало-быть, отъ любви же къ ней! Вы были въ отчаяніи, вы не помнили себя! вѣдь должна-же она понять все это...

— Я до безумія люблю ее и всѣмъ готовъ для нея пожертвовать! — кричалъ Мозгляковъ.

— Послушайте, я оправдаю васъ передъ нею...

— Марья Александровна!

— Да, я берусь за это! Я сведу васъ. Вы выскажете ей все, все, какъ я вамъ сейчасъ говорила!

— О, Боже! какъ вы добры, Марья Александровна!... Но... нельзя-ли это сдѣлать сейчасъ!

— Оборони Богъ! О, какъ вы неопытны, другъ мой! Она, такая гордая! Она приметъ это за новую грубость, за нахальность! Завтра-же, завтра-же я устрою все, а теперь — уйдите куда-нибудь, хоть къ этому купцу пожалуй, приходите вечеромъ; но я бы вамъ не совѣтовала!

— Уйду, уйду! Боже мой! вы меня воскрешаете! но еще одинъ вопросъ: ну, а если князь не такъ скоро умретъ?

— Ахъ, Боже мой, какъ вы наивны, mon cher Paul. Напротивъ, намъ надобно молить Бога о его здоровьи. Надобно всѣмъ сердцемъ желать долгихъ дней этому милому, этому доброму, этому рыцарски-честному старичку! Я первая, со слезами, и день и ночь буду молиться за счастье моей дочери. Но, увы! кажется, здоровье князя ненадежно! Къ тому же придется теперь посѣтить столицу, вывозить Зину въ свѣтъ. Боюсь, охъ боюсь, чтобъ это окончательно не довершило его! Но — будемъ молиться, cher Paul, а остальное — въ рудѣ Божіей!... Вы уже идете! Благословляю васъ, mon ami! Надѣйтесь, терпите, мужайтесь, главное — мужайтесь! Я никогда не сомнѣвалась въ благородствѣ чувствъ вашихъ....

Она крѣпко пожала ему руку и Мозгляковъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

— Ну, проводила одного дурака! — сказала она съ торжествомъ. — Остались другіе....

Дверь отворилась и вошла Зина. Она была блѣднѣе обыкновеннаго. Глаза ея сверкали.

— Маменька! — сказала она, — кончайте скорѣе, или я не вынесу! Все это до того низко, до того грязно и подло, что я готова бѣжать изъ дому. Не томите же меня, не раздражайте меня! Меня тошнить, слышите-ли: меня тошнить отъ всей этой грязи!

— Зина! что съ тобою, мой ангелъ? Ты.... ты подслушивала! — вскричала Марья Александровна, пристально и съ безпокойствомъ вглядываясь въ Зину.

— Ну да, подслушивала. Не хотите-ли вы стыдить меня, какъ этого дурака? Послушайте, клянусь вамъ, что если вы еще будете меня такъ мучить и назначать мнѣ разныя низкія роли въ этой низкой комедіи, то я брошу все и покончу все разомъ. Довольно уже того, что я рѣшилась на глав-

ную низость! Но.... я не знала себя! Я задохнусь отъ этого смрада!... — И она вышла, хлопнувъ дверями.

Марья Александровна пристально посмотрѣла ей въ слѣдъ и задумалась.

— Спѣшить, спѣшить!—вскричала она встрепенувшись.— Въ ней главная бѣда, главная опасность, а если всѣ эти мерзавцы насъ не оставятъ однихъ, раззвонятъ по городу,— что ужъ вѣрно и сдѣлано, — то все пропало! Она не выдержать этой всей кутерьмы и откажется. Во что бы то ни стало и немедленно надо увезти князя въ деревню! Слетаю сама сперва, вытащу моего болвана и привезу сюда. Долженъ-же онъ хоть на что-нибудь наконецъ пригодиться! А тамъ тотъ выспится — и отправимся! — она позвонила.

— Что-жь лошади? — спросила она вошедшаго человѣка.

— Давно готовы-сь, — отвѣчалъ лакей.

Лошади были заказаны въ ту минуту, когда Марья Александровна уводила на верхъ князя.

Она одѣлась, но прежде забѣжала къ Зинѣ, чтобъ сообщить ей въ главныхъ чертахъ свое рѣшеніе и нѣкоторыя инструкціи. Но Зина не могла ее слушать. Она лежала въ постели, лицомъ въ подушкахъ; она обливалась слезами и рвала свои-длинные чудные волосы своими бѣлыми руками, обнаженными до локтей. Изрѣдка вздрагивала она, какъ-будто холодъ, въ одно мгновеніе, проходилъ по всѣмъ ея членамъ. Марья Александровна начала было говорить, но Зина не подняла даже и головы.

Постоявъ надъ ней нѣкоторое время, Марья Александровна вышла въ смущеніи и, чтобъ вознагражить себя съ другой стороны, сѣла въ карету и велѣла гнать что-есть-мочи.

— Скверно то, что Зина подслушивала! — думала она сидя въ каретѣ. — Я уговорила Мозглякова почти тѣми-же словами, какъ и ее. Она горда и, можетъ-быть, оскорбилась.... Гм! Но главное, главное успѣть все обдѣлать, по-

камѣсть не пронюхали! Бѣда! Ну, если на грѣхъ моего дурака нѣту дома!...

И при одной этой мысли ея овладѣло бѣшенство, не предвѣщавшее ничего счастливаго Афанасію Матвѣичу, она вочалась на своемъ мѣстѣ отъ нетерпѣнія. Лошади мчали ее во всю прыть.

ГЛАВА X.

Карета летѣла. Мы сказали уже, что въ головѣ Марьи Александровны, еще утромъ, въ то время, когда она гонялась за княземъ по городу, блеснула гениальная мысль. Объ этой мысли мы обѣщали упомянуть въ своемъ мѣстѣ. Но читатель уже знаетъ ее. Эта мысль была: въ свою очередь конфисковать князя и, какъ можно скорѣе, увезти его въ подгородную деревню, гдѣ безмятежно процвѣталъ блаженный Афанасій Матвѣичъ. Не скроемъ, что на Марью Александровну все болѣе и болѣе находило какое-то необъяснимое безпокойство. Это бываетъ даже съ настоящими героями, именно въ то время, когда они достигаютъ цѣли. Какой-то инстинктъ подсказываетъ ей, что опасно оставаться въ Мордасовѣ. «А ужь разъ въ деревнѣ, разсуждала она, такъ тутъ хоть весь городъ ходи вверхъ ногами!» Конечно и въ деревнѣ нельзя было терять времени. Все могло случиться, все, рѣшительно все, хотя мы, конечно, не вѣримъ слухамъ, распространеннымъ въ послѣдствіи про мою героиню ея злоумышленниками, что она, въ эту минуту, боялась даже полиціи. Однимъ словомъ, она видѣла, что надо какъ можно скорѣе обвѣнчать Зину съ княземъ. Средства-же были подѣ

руками. Обвѣнчать могъ на-дому и деревенскій священникъ. Можно было обвѣнчать даже послѣ завтра; въ самомъ крайнемъ случаѣ даже и завтра. Вѣдь бывали же свадьбы, которыя въ два часа обдѣлывались! Князю представить эту поспѣшность, это отсутствіе всякихъ праздниковъ, сговоровъ, дѣвишниковъ, за необходимое *comme-il-faut*; внушить ему, что это будетъ приличнѣе, грандіознѣе. Наконецъ, можно было все выставить какъ романическое приключеніе и затронуть такимъ-образомъ самую чувствительную струну въ сердцѣ князя. Въ крайнемъ случаѣ можно даже и напоить его или, еще лучше, держать его постоянно пьянымъ. А потомъ, что бы ни случилось, Зина все-таки будетъ княгиней! Еслиже не обойдется потомъ безъ скандалу, на примѣръ, хоть въ Петербургѣ или въ Москвѣ, гдѣ у князя были родные, то и тутъ было свое утѣшеніе. Во-первыхъ, все это еще впереди; а во-вторыхъ, Марья Александровна вѣрила, что въ высшемъ обществѣ почти никогда не обходится безъ скандалу, особенно въ дѣлахъ свадебныхъ; что это даже въ тонѣ, хотя скандалы высшаго общества, по ея понятіямъ, должны быть всегда какіе-нибудь особенные, грандіозные, что-нибудь въ родѣ Монте-Кристо или *Memoires du Diable*. Что, наконецъ, стоило только показаться въ высшемъ обществѣ Зинѣ, а маменькѣ поддержать ее, то всѣ, рѣшительно всѣ, будутъ въ ту-же минуту побѣждены и что никто, изъ всѣхъ этихъ графинь и княгинь, не въ состояніи будетъ выдержать той мордасовской головомойки, которую способна задать имъ одна Марья Александровна, всѣмъ вмѣстѣ или по одиночкѣ. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній Марья Александровна и летѣла теперь въ свое помѣстье за Афанасемъ Матвѣвичемъ, въ которомъ, по ея расчету, предстояла теперь необходимая надобность. Дѣйствительно: везти князя въ деревню, значило везти его къ Афанасію Матвѣичу, съ которымъ князь, можетъ-быть, и не захотѣлъ бы знакомиться. Если-же самъ Афанасій Матвѣичъ произнесетъ приглашеніе, тогда дѣло принимало совсѣмъ другой

видъ. Къ тому-же явленіе пожилаго и сановитаго отца семейства, въ бѣломъ галстухѣ и во фракѣ, со шляпой въ рукѣ, пріѣхавшаго нарочно изъ дальнихъ странъ по первому слуху о князѣ, могло произвести чрезвычайно пріятный эффектъ, могло даже польстить самолюбію князя. Отъ такого настойчиваго и параднаго приглашенія трудно и отказаться, думала Марья Александровна. Наконецъ карета пролетѣла три версты и кучеръ Сафронъ осадилъ своихъ коней у подъѣзда длиннаго, одноэтажнаго деревяннаго строенія, довольно ветхаго и почернѣвшаго отъ времени, съ длиннымъ рядомъ оконъ и обставленнаго со всѣхъ сторонъ старыми липами. Это былъ деревенскій домъ и лѣтняя резиденція Марьи Александровны. Въ домѣ уже горѣли огни

— Гдѣ болванъ? — закричала Марья Александровна, какъ ураганъ врываясь въ комнаты. — Зачѣмъ тутъ это полотенцо? А! онъ утирался! Опять былъ въ банѣ? И вѣчно-то хлещетъ свой чай! Ну, что на меня глаза выпучилъ, отпѣтый дуракъ? Зачѣмъ у него волосы не выстрижены? Гришка! Гришка! Гришка! Зачѣмъ ты не обстригъ барина, какъ я тебѣ на прошлой недѣлѣ приказывала?

Марья Александровна, входя въ комнаты, собиралась поздороваться съ Афанасіемъ Матвѣичемъ гораздо мягче. Но увидѣвъ, что онъ изъ бани и съ наслажденіемъ попиваетъ чай, она не могла удержаться отъ самага горькаго негодованія. Въ самомъ дѣлѣ: столько хлопотъ и заботъ съ ея стороны и столько самага блаженнаго квіетизма со стороны, ни къ чему не нужнаго и неспособнаго къ дѣлу, Афанасія Матвѣича; такой контрастъ немедленно ужалилъ ее въ самое сердце. Между тѣмъ болванъ, или, если сказать учтивѣе, тотъ, котораго называли болваномъ, сидѣлъ за самоваромъ и, въ безмысленномъ испугѣ, раскрывъ ротъ и выпуча глаза, глядѣлъ на свою супругу, почти окаменившую его своимъ появленіемъ. Изъ передней выставилась заспанная и неуклюжая фигура Гришки, хлопавшаго глазами на всю эту сцену.

— Да не даются, отъ того и не стригъ, — проговорилъ онъ

ворчливымъ и осиплымъ голосомъ. — Десять разъ съ ножницами подходилъ, — вотъ, говорю, барыня ужотка прѣдетъ, — намъ обонимъ достанется, тогда чего станемъ дѣлать? Нѣтъ, говорятъ, подожди, я къ воскресенью завьюсь; мнѣ надо, чтобъ волосы длинные были.

— Какъ? такъ онъ завиваться! такъ ты еще выдумалъ безъ меня завиваться? Это что за фасоны? Да идетъ - ли это къ тебѣ, къ твоей глупой башкѣ? Боже, какой здѣсь безпорядокъ! Чѣмъ это пахнетъ? Я тебя спрашиваю, извергъ, чѣмъ это здѣсь пахнетъ? — кричала супруга, накидываясь все болѣе и болѣе на невиннаго и совершенно уже ошалѣвшаго Афанасья Матвѣича.

— Ма-матушка!— пробормоталъ запуганный супругъ, не вставая съ мѣста и смотря умоляющими глазами на свою повелительницу, — ма-ма-матушка!...

— Сколько разъ я вбивала въ твою ослиную голову, что я тебѣ вовсе не матушка? Какая я тебѣ матушка, пигмей ты этакой! Какъ смѣешь ты давать такое названіе благородной дамѣ, которой мѣсто въ высшемъ обществѣ, а не подлѣ такого осла, какъ ты!

— Да да вѣдь ты, Марья Александровна, все-же законная жена моя, такъ вотъ я и говорю.... посупружески.... — возразилъ было Афанасій Матвѣичъ и, въ ту же минуту, поднесъ обѣ руки свои къ головѣ, чтобъ защитить свои волосы.

— Ахъ, ты харя! ахъ, ты осиновый колъ! Ну слыхано-ли что-нибудь глупѣе такого отвѣта? Законная жена! Да какія теперь законныя жены? Употребить - ли теперь хоть кто-нибудь въ высшемъ обществѣ это глупое, это семинарское, это отвратительно-низкое слово: «законная»? и какъ смѣешь ты напоминать мнѣ, что я твоя жена, когда я стараюсь забыть объ этомъ всѣми силами, всѣми средствами моей души? Что руками-то голову закрываешь? Посмотрите какіе у него волосы? совсѣмъ, совсѣмъ мокрые! Въ три часа не обсохнуть! Какъ теперь везти его? Какъ теперь людямъ показать? Что теперь дѣлать?

И Марья Александровна ломала свои руки отъ бѣшенства, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ. Бѣда, конечно, была не большая и исправимая; но дѣло въ томъ, что Марья Александровна не могла совладать со всепобѣждающимъ и властолюбивымъ своимъ духомъ. Она находила потребность въ безпрерывномъ изліяніи своего гнѣва на Афанасья Матвѣевича, потому что тиранія есть привычка, обращающаяся въ потребность. Да и наконецъ всемъ извѣстно къ какому контрасту способны нѣкоторыя самыя утонченныя дамы извѣстнаго общества, у себя за кулисами, и мнѣ именно хотѣлось изобразить этотъ контрастъ. Афанасій Матвѣичъ съ трепетомъ слѣдилъ за эволюціями своей супруги и даже вспотѣлъ на нее глядя.

— Гришка! — вскричала наконецъ она, — тотчасъ-же барину одѣваться! фракъ, брюки, бѣлый галстухъ, жилетъ, — живѣе! Да гдѣ его головная щетка, гдѣ щетка?

— Матушка! да вѣдь я изъ бани; простудиться могу, если въ городъ ѣхать....

— Не простудишься!

— Да вотъ и волосы мокрые....

— А вотъ мы ихъ, сейчасъ, высушимъ! Гришка, бери головную щетку, три его до-суха; крѣпче! крѣпче! крѣпче! вотъ такъ! вотъ такъ!

Подъ эту команду усердный и преданный Гришка что-есть-силы началъ оттирать волосы своего барина, для большого удобства схвативъ его за плечо и нѣсколько принагнувъ къ дивану. Афанасій Матвѣичъ морщился и чуть не плакалъ.

— Теперь пошелъ сюда! подыми его, Гришка! гдѣ помада? Нагнись, нагнись, негодяй, — нагнись, дармоѣдъ!

И Марья Александровна собственноручно принялась помадить своего супруга, белжалостно теребя его густые съ просѣдью волосы, которые онъ, на бѣду свою, не остригъ. Афанасій Матвѣичъ кряхтелъ, вздыхалъ, но не вскрикнулъ и съ покорностію выдержалъ всю операцію.

— Соки ты мои высосалъ, пачкунъ ты такой! — прогово-

рила Марья Александровна. — Да нагнись еще больше, нагнись!

— Чѣмъ-же я, матушка, высосалъ твои соки? — жалобно промямлилъ супругъ, нагибая, какъ только могъ болѣе, голову.

— Болванъ! аллегоріи не понимаетъ! Теперь причешись; а ты одѣвай его, да живѣе!

Геронья наша усѣлась въ кресла и инквизиторски наблюдала весь церемоніаль облаченія Афанасія Матвѣича. Между тѣмъ онъ успѣлъ нѣсколько отдохнуть и собраться съ духомъ, и когда дѣло дошло до повязки бѣлаго галстука, то даже осмѣлился изъяснить какое-то собственное мнѣніе на счетъ формы и красоты узла. Наконецъ, надѣвая фракъ, почтенный мужъ совершенно ободрился и началъ поглядывать на себя въ зеркало съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Куда-жь это ты везешь меня, Марья Александровна? проговорилъ онъ охорашиваясь.

Марья Александровна не повѣрила-было ушамъ своимъ.

— Слышите! ахъ, ты чучело! Да какъ ты смѣешь спрашивать меня, куда я везу тебя!

— Матушка, да вѣдь надо-же знать.....

— Молчать! Вотъ только назови еще разъ меня матушкой, особенно тамъ, куда теперь ѣдемъ! Цѣлый мѣсяцъ просидишь безъ чаю.

Испуганный супругъ умолкъ.

— Ишь! ни одного креста вѣдь не выслужилъ, чумичка ты этакая, — продолжала она съ презрѣніемъ смотря на черный фракъ Афанасія Матвѣича.

Афанасій Матвѣичъ наконецъ обидѣлся.

— Кресты, матушка, начальство даетъ, а я совѣтникъ, а не чумичка, — проговорилъ онъ, въ благородномъ негодованіи.

— Что, что, что? Да ты здѣсь разсуждать научился! ахъ ты, мужикъ ты этакой! ахъ ты соплякъ! Ну, жаль, некогда мнѣ теперь съ тобой возиться, а то бы я.... Ну да потомъ припомню! Давай ему шляпу, Гришка! Давай ему шубу! Здѣсь,

безъ меня, всѣ эти три комнаты прибрать: да зеленую угловую комнату тоже прибрать. Мигомъ щетки въ руки! Съ зеркалъ снять чехлы, съ часовъ тоже, да чтобъ черезъ часъ все было готово. Да самъ надѣнь фракъ, людямъ выдай перчатки, слышишь, Гришка, слышишь!

Сѣли въ карету. Афанасій Матвѣичъ недоумѣвалъ и удивлялся. Между-тѣмъ Марья Александровна думала про себя, — какъ-бы понятнѣе вбить въ голову своего супруга нѣкоторыя наставленія, необходимыя въ теперешнемъ его положеніи. Но супругъ предупредилъ ее.

— А я вотъ, Марья Александровна, сегодня сонъ преоригинальный видѣлъ, — возвѣстилъ онъ, совсѣмъ неожиданно, посреди обоюднаго молчанія.

— Тѣфу ты, проклятое чучело! Я думала и Богъ знаетъ что! Какой-то сонъ! да какъ ты смѣешь лѣзть ко мнѣ съ своими мужицкими снами! Оригинальный! понимаешь-ли еще, что такое оригинальный? Слушай, говорю въ послѣдній разъ, если ты у меня сегодня осмѣлишься только слово упомянуть про сонъ или про что-нибудь другое, то я, — я ужъ и не знаю, чтò съ тобой сдѣлаю! Слушай хорошенько: ко мнѣ пріѣхалъ князь К. Помнишь князя К?

— Помню, матушка, помню. Зачѣмъ-же это онъ пожаловалъ?

— Молчи, не твое дѣло! Ты долженъ, съ особенною любовью, какъ хозяинъ, просить его сейчасъ-же къ намъ въ деревню. За тѣмъ я и везу тебя. Сегодня-же сядемъ и уѣдемъ. Но если ты только осмѣлишься хоть одно слово сказать въ цѣлый вечеръ, или завтра, или послѣ-завтра, или когда-нибудь, то я тебя цѣлый годъ заставлю гусей пасти! Ничего не говори, ни единого слова. Вотъ вся твоя обязанность, понимаешь?

— Ну, а если что-нибудь спросятъ?

— Все равно, молчи.

— Но вѣдь нельзя-же все молчать, Марья Александровна.

— Въ такомъ случаѣ отвѣчай односложно, что-нибудь эта-

кое, напимѣръ: *Гм!* или что-нибудь такое-же, чтобъ показать, что ты умный человекъ и обсуживаешь, прежде чѣмъ отвѣчаешь.

— Гм

— Пойми ты меня! Я тебя везу для того, что ты услышалъ о князѣ и тотчасъ-же, въ восторгѣ отъ его посѣщенія, прилетѣлъ къ нему засвидѣтельствовать свое почтеніе и просить къ себѣ въ деревню; понимаешь?

— Гм.

— Да ты не теперь гумкай, дуракъ! ты мнѣ-то отвѣчай.

— Хорошо, матушка, все будетъ по твоему; только зачѣмъ я приглашать-то буду князя?

— Что, что? опять разсуждать! А тебѣ какое дѣло: зачѣмъ? да какъ ты смѣешь объ этомъ спрашивать?

— Да я все къ тому, Марья Александровна: какъ-же я приглашать-то его буду, коли ты мнѣ велѣла молчать?

— Я буду говорить за тебя, а ты только кланяйся, слышишь, только кланяйся, а шляпу въ рукахъ держи. Понимаешь?

— Понимаю, мат.... Марья Александровна.

— Князь чрезвычайно остроумецъ. Если что-нибудь онъ скажетъ, хоть и не тебѣ, то ты на все отвѣчай добродушной и веселой улыбкой, слышишь?

— Гм.

— Опять загумкалъ! Со мной не гумкать! Прямо и просто отвѣчай; слышишь или нѣтъ?

— Слышу, Марья Александровна, слышу, какъ не услышать, а гумкаю для того, что приучаюсь, какъ ты велѣла. Только я все про то-же, матушка, какъ-же это: если князь что скажетъ, то ты приказываешь глядѣть на него и улыбаться. Ну а все-таки, если что меня спросить?

— Экой непонятливый балбесъ! Я уже сказала тебѣ: молчи. Я буду за тебя отвѣчать, а ты только смотри да улыбайся.

— Да вѣдь онъ подумаетъ, что я нѣмой, — проворчалъ Афанасій Матвѣичъ.

— Велика важность! пусть думаетъ; за то скроешь, что ты дуракъ.

— Гм.... Ну, а если другіе объ чемъ-нибудь спрашивать будутъ?

— Никто не спроситъ, никого не будетъ. А если на случай, — чего Боже сохрани! — кто и пріѣдетъ, да если что тебя спроситъ или что-нибудь скажетъ, то немедленно отвѣчай саркастической улыбкой. Знаешь, что такое саркастическая улыбка?

— Это остроумная, что-ли матушка?

— Я тебѣ дамъ, болванъ, остроумная! Да кто съ тебя, дурака, будетъ спрашивать остроумія? Это насмѣшливая улыбка, понимаешь, — насмѣшливая и презрительная.

— Гм.

— Охъ боюсь я за отого болвана! — шептала про себя Марья Александровна. Рѣшительно онъ поклялся высосать всѣ мои соки! Право-бы лучше было его совсѣмъ не брать!

Разсуждая такимъ-образомъ, безпокоюсь и сѣтуя, Марья Александровна безпрерывно выглядывала пзъ окошка своего экипажа и погоняла кучера. Лошади летѣли, но ей все казалось тихо. Афанасій Матвѣичъ молча сидѣлъ въ своемъ углу и мысленно повторялъ свои уроки. Наконецъ карета вѣхала въ городъ и остановилась у дома Марьи Александровны. Но только-что успѣла наша героиня выпрыгнуть на крыльцо, какъ вдругъ увидѣла, подъѣзжавшія къ дому, парныя двумѣстныя сани съ верхомъ, тѣ самыя, въ которыхъ обыкновенн разѣѣжала Анна Николавна Антипова. Въ саняхъ сидѣли двѣ дамы. Одна изъ нихъ была, разумѣется, сама Анна Николавна, а другая — Наталья Дмитріевна, съ недавняго времени ся искренній другъ и послѣдователь. У Марьи Александровны упало сердце. Но не успѣла она вскрикнуть, какъ подъѣхалъ экипажъ, возокъ, въ которомъ, очевидно, заключалась еще какая-то гостя. Раздались радостныя восклицанія:

— Марья Александровна! и вмѣстѣ съ Афанасіемъ Матвѣи-

чемъ! прїѣхали! откуда? Какъ кстати, а мы къ вамъ, на весь вечеръ! Какой сюрпризъ!

Гости выпрыгнули на крыльцо и защебетали, какъ ласточки. Марья Александровна не вѣрила своимъ глазамъ и ушамъ своимъ.

— Провалились-бы вы! — подумала она про себя. Это пахнетъ заговоромъ! Надо изслѣдовать! Но... не вамъ, сорокамъ, перехитрить меня!... Подождите!...

Г Л А В А X I.

Мозгляковъ вышелъ отъ Марьи Александровны, повидимому, вполне утѣшенный. Она совершенно воспламенила его. Къ Бородуеву онъ не пошелъ, чувствуя нужду въ уединеніи. Чрезвычайный наплывъ героическихъ и романическихъ мечтаній не давалъ ему покоя. Ему мечталось торжественное объясненіе съ Зиной, потомъ благородныя слезы всепрощающаго его сердца, блѣдность и отчаяніе на петербургскомъ блистательномъ балѣ, Испанія, Гвадалквивиръ, любовь и умирающій князь, соединяющій ихъ руки передъ смертнымъ часомъ. Потомъ красавица жена, ему преданная и постоянно удивляющаяся его героизму и возвышеннымъ чувствамъ; мимоходомъ, подъ шумокъ, — вниманіе какой-нибудь графини изъ «высшаго общества», въ которое онъ непременно попадетъ черезъ бракъ свой съ Зиной, вдовой князя К.; вице-губернаторское мѣсто, денежки, — однимъ словомъ, все, такъ краснорѣчиво расписанное Марьей Александровной, еще разъ перешло черезъ его вседозвольную душу, лаская, привлекая ее и, главное, дѣлая его самолюбію. Но вотъ — и не знаю, право, какъ это объяснить, — когда уже онъ началъ уставать отъ

всѣхъ этихъ восторговъ, ему вдругъ пришла предосадная мысль: что вѣдь, во всякомъ случаѣ, все это еще въ будущемъ, а теперь-то онъ, все-таки съ предлиннѣйшимъ носомъ. Когда пришла къ нему эта мысль, онъ замѣтилъ, что забрелъ куда-то очень далеко, въ какой-то уединенный и незнакомый ему форштатъ Мордасова. Становилось темно. По улицамъ, оставленнымъ маленькими, вросшими въ землю домишками, ожесточенно лаяли собаки, которыя въ провинціальныхъ городахъ разводятся въ ужасающемъ количествѣ, именно въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ нечего стеречь и нечего украсть. Начиналъ падать мокрый снѣгъ. Изрѣдка встрѣчался какой-нибудь запоздавшій мѣщанинъ, или баба въ тулупѣ и въ сапогахъ. Все это, неизвѣстно почему, начало сердить Павла Александровича, — признакъ очень дурной, потому-что, при хорошемъ оборотѣ дѣлъ, все, напротивъ, кажется намъ въ миломъ и радужномъ видѣ. Павелъ Александровичъ невольно припомнилъ, что онъ, до-сихъ-поръ, постоянно задавалъ тону въ Мордасовѣ; очень любилъ, когда во всѣхъ домахъ ему намекали, что онъ женихъ и поздравляли его съ этимъ достоинствомъ. Онъ даже гордился тѣмъ, что онъ жёнихъ. И вдругъ онъ явится теперь передъ всѣми — въ отставку! Подыметъ смѣхъ. Вѣдь не разувѣрятъ-же ихъ всѣхъ, въ самомъ-дѣлѣ, не рассказывать-же о петербургскихъ балахъ съ колонами и о Гвадалквивирѣ! Разсуждая, тоскуя и сѣтуя, онъ набрелъ, наконецъ, на мысль, которая уже давно непримѣтно скребла ему сердце: «Да правда-ли это все? Да сбудется-ли это все такъ, какъ Марья Александровна расписывала?» Тутъ онъ, кстати, припомнилъ, что Марья Александровна чрезвычайно хитрая дама, что она, какъ ни достойна всеобщаго уваженія, но все-таки сплетничаетъ и лжетъ съ утра до вечера. Что теперь, удаливъ его, она, вѣроятно, имѣла къ тому свои особыя причины и что, наконецъ, расписывать — всякій мастеръ. Думалъ онъ и о Зинѣ; припомнился ему прощальный взглядъ ея, далеко не выразившій затаенной страстной любви; да ужь вмѣстѣ съ тѣмъ, кстати,

припомнилъ, что онъ все-таки, часъ тому, съѣлъ отъ нея дурака. При этомъ воспоминаніи, Павелъ Александровичъ вдругъ остановился, какъ вкопанный и покраснѣлъ до слезъ отъ стыда. Какъ нарочно, въ слѣдующую-же минуту, съ нимъ случилось непріятное происшествіе: онъ оступился и слетѣлъ съ деревяннаго тротуара въ сугробъ снѣга. Пока-мѣстъ онъ барахтался въ снѣгу, стая собакъ, уже давно преслѣдовавшая его своимъ лаемъ, налетѣла на него со всѣхъ сторонъ. Одна изъ нихъ, самая маленькая и задорная, даже повисла на немъ, ухватившись зубами за полу его шубы. Отбиваясь отъ собакъ, ругаясь въ слухъ и даже проклиная судьбу свою, Павелъ Александровичъ, съ разорванной полою и съ невыносимой тоской на душѣ, добрелъ, наконецъ, до угла улицы и тутъ-только замѣтилъ, что заблудился. Извѣстно, что человѣкъ, заблудившійся въ незнакомой части города, особенно ночью, никакъ не можетъ идти прямо по улицѣ; его поминутно подталкиваетъ какая-то невѣдомая сила непремѣнно сворачивать во всѣ, встрѣчающіеся на пути, улицы и переулки. Слѣдуя этой системѣ, Павелъ Александровичъ заблудился окончательно. «А чтобы чертъ побралъ всѣ эти высокія идеи!» — говорилъ онъ про себя, плюя отъ злости. — «А чтобы самъ дьяволъ васъ всѣхъ побралъ, съ вашими высокими чувствами, да съ Гвадалквивирами!» Не скажу, что Мозгляковъ былъ привлекателенъ въ эту минуту. Наконецъ, усталый, измученный, проплутавъ два часа, дошелъ онъ до подъѣзда дома Марьи Александровны. Увидѣвъ много экипажей — онъ удивился. «Неужели-же гости, неужели званый вечеръ?» — подумалъ онъ. — «Съ какою-же цѣлью?» Справившись у повстрѣчавшагося слуги и узнавъ, что Марья Александровна была въ деревнѣ и привезла съ собою Афанасія Матвѣича, въ бѣломъ галстухѣ, и что князь уже проспулся, но еще не выходилъ внизъ къ гостямъ, Павелъ Александровичъ, не говоря ни слова, поднялся на верхъ къ дядюшкѣ. Въ эту минуту онъ былъ именно въ томъ расположеніи духа, когда человѣкъ слабого характера, въ состоя-

ни рѣшиться на какую-нибудь ужасную, злѣйшую пакость, изъ мщениа, не думая о томъ, что, можетъ-быть, придется всю жизнь въ томъ раскаяваться.

Войдя на верхъ, онъ увидѣлъ князя, сидящаго въ креслахъ, передъ дорожнымъ своимъ туалетомъ и съ совершенно голою головою, но уже въ эспаньолкѣ и въ бакенахъ. Парикъ его былъ въ рукахъ сѣдаго, стариннаго каммердинера и любимца его, Ивана Пахомыча. Пахомычъ глубокомысленно и почтительно его расчесывалъ. Что-же касается до князя, то онъ представлялъ изъ себя очень жалкое зрѣлище, еще не очнувшись послѣ давишей попойки. Онъ сидѣлъ, какъ-то весь опустившись, хлопая глазами, измятый и раскисшій, и глядѣлъ на Мозглякова, какъ-будто не узнавая его.

— Какъ ваше здоровье, дядюшка? — спросилъ Мозгляковъ.

— Какъ.... это ты? — проговорилъ, наконецъ, дядюшка. — А я, братъ, немножко заснулъ. Ахъ, Боже мой! — вскрикнулъ онъ, весь оживившись: — вѣдь я.... безъ па-рика!

— Не безпокойтесь, дядюшка! я.... я вамъ помогу, если вамъ угодно.

— А вотъ ты и узналъ теперь мой секретъ! Я вѣдь говорилъ, что надо дверь за-пи-рать. Ну, мой другъ, ты долженъ, не-мед-ленно, дать мнѣ свое честное сло-во, что не воспользуешься моимъ секретомъ и никому не скажешь, что у меня волосы на-к-лад-ные.

— О, помируйте, дядюшка! неужели вы меня считаете способнымъ на такую низость! — вскричалъ Мозгляковъ, желая угодить старику для.... дальнѣйшихъ цѣлей.

— Ну да, ну да! И такъ-какъ я вижу, что ты благородный человѣкъ, то ужъ такъ и быть, я тебя удив-лю.... и открою тебѣ всѣ всѣ мои тай-ны. Какъ тебѣ нравятся, мой милый, мои у-сы?

— Превосходные, дядюшка! удивительные! какъ могли вы ихъ сохранить такъ долго?

— Разувѣрься, мой другъ, они на-к-лад-ные! — проговорилъ князь, съ торжествомъ смотря на Павла Александровича.

— Неужели? Повѣрить трудно. Ну, а бакенбарды? Признай тесь, дядюшка, вы, вѣрно, черните ихъ?

— Черню? Не только не черню, но и они совершенно искусственные!

— Искусственные? Нѣтъ, дядюшка, воля ваша, не вѣрю. Вы надо мною смѣтесь!

— *Parole d'honneur, mon ami!* — вскричалъ торжествующій князь: — и представъ себѣ, всѣ, рѣшительно всѣ, такъ же, какъ и ты, обма-ны-ваются! Даже Степанида Матвѣевна не вѣритъ, хотя сама иногда ихъ на-кла-ды-ваетъ. Но я увѣренъ, мой другъ, что ты сохранишь мою тайну. Дай мнѣ честное слово....

— Честное слово, дядюшка, сохраню. Повторяю вамъ: неужели, вы меня считаете способнымъ на такую низость?

— Ахъ, мой другъ, какъ я упалъ безъ тебя сегодня! Теофиль меня опять изъ кареты вы-ва-лилъ.

— Вывалилъ опять! когда-же?

— А вотъ мы уже къ мо-нас-тырю подѣзжали....

— Знаю, дядюшка, давеча.

— Нѣтъ, нѣтъ, два часа тому назадъ, не-бо-лѣе. Я въ монастырь поѣхалъ, а онъ меня взялъ, да и вывалилъ; такъ на-пу-галъ, — даже теперь сердце не на мѣстѣ.

— Но, дядюшка, вѣдь вы почивали! — съ изумленіемъ проговорилъ Мозгляковъ.

— Ну да, почивалъ... а потомъ и по-ѣ-халъ.... впрочемъ, я... впрочемъ, я это, можетъ-быть.... ахъ, какъ это странно!

— Увѣряю васъ, дядюшка, что вы видѣли это во снѣ! Вы преспокойно себѣ почивали, съ самаго послѣ-обѣда.

— Неужели? — И князь задумался.

— Ну да, я и въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ-быть, это видѣлъ во-снѣ. Впрочемъ, я все помню, что я видѣлъ во-снѣ. Сначала мнѣ приснился какой-то пристрашный быкъ съ рогами; а потомъ приснился какой-то про-ку-роръ, тоже, какъ-будто, съ ро-гами...

— Это, вѣрно, Николай Васильчъ Антиповъ, дядюшка.

— Ну да, можетъ-быть, и онъ. А потомъ Наполеона Бона-парте видѣлъ. Знаешь, мой другъ, мнѣ всѣ говорятъ, что я на Наполеона Бона-парте похожъ.... а въ профиль будто я разительно похожъ на одного стариннаго папу? Какъ ты находишь, мой милый, похожъ я на па-пу?

— Я думаю, что вы больше похожи на Наполеона, дядюшка.

— Ну да, это en-face. Я, впрочемъ, и самъ тоже думаю, мой милый. И приснился онъ мнѣ, когда уже на островѣ сидѣлъ, и, знаешь, какой разговорчивый, разбитной, ве-сельчакъ такой, такъ-что онъ чрез-вы-чайно меня позабавилъ.

— Это вы про Наполеона, дядюшка? — проговорилъ Павелъ Александровичъ, задумчиво смотря на дядю. Какая-то странная мысль начинала мелькать у него въ головѣ, мысль, въ которой онъ не могъ еще себѣ самому дать отчета.

— Ну да, про На-по-леона. Мы съ нимъ все про философію разсуждали. А знаешь, мой другъ, мнѣ даже жаль, что съ нимъ такъ строго поступили.... анг-ли-чане. Конечно, не держи его на цѣпи, онъ бы опять на людей сталъ бросаться. Бѣшенный былъ человѣкъ! Но все-таки жалко. Я бы не такъ поступилъ. Я-бы его посадилъ на не-о-би-таемый островъ....

— Почему-же на необитаемый? — спросилъ Мозгляковъ разсѣянно.

— Ну, хоть и на о-би-таемый, только не иначе, какъ благо-разумными жителями. Ну и разныя разв-ле-ченія для него устроить: театръ, музыку, балетъ и все на казенный счетъ. Гулять-бы его выпускалъ, разумѣется, подъ присмотромъ, а то-бы онъ сейчасъ у-лиз-нулъ. Пирожки какіе-то онъ очень любилъ. Ну, и пирожки ему каждый день стряпать. Я-бы его, такъ-сказать, о-те-чески содержалъ. Онъ-бы у меня и рас-ка-ялся....

Мозгляковъ разсѣяно слушалъ болтовню полупроснувшагося старика и грызъ ногти отъ нетерпѣнія. Ему хотѣлось навести разговоръ на женитьбу; — онъ еще самъ не зналъ

зачѣмъ; но безграничная злоба кипѣла въ его сердцѣ. Вдругъ старичокъ вскрикнулъ отъ удивленія.

— Ахъ, mon ami! Я вѣдь тебѣ и забылъ ска-зать. Пред-ставь себѣ, я вѣдь сдѣлалъ сегодня пред-ло-женіе.

— Предложеніе, дядюшка? — вскричалъ Мозгляковъ, ожи-вляясь.

— Ну да, пред-ло-женіе. Пахомычъ, ты ужь идешь? Ну, хорошо. C'est une charmante personne... Но... признаюсь тебѣ, милый мой, я поступилъ необ-ду-манно. Я только теперь это ви-жу. Ахъ, Боже мой!

— Но позвольте, дядюшка, когда-же вы сдѣлали предло-женіе?

— Признаюсь тебѣ, другъ мой, я даже и не знаю навѣрно когда. Не во-снѣ-ли я видѣлъ и это? Ахъ, какъ это, од-на-ко-же стран-но!

Мозгляковъ вздрогнулъ отъ восторга. Новая идея блеснула въ его головѣ.

— Но кому, когда вы сдѣлали предложеніе, дядюшка? — повторилъ онъ въ нетерпѣніи.

— Хозяйской дочери, mon ami.... cette belle personne.... впрочемъ, я забылъ, какъ ее зо-вуть. Только, видишь-ли, mon ami, я вѣдь никакъ не могу же-нить-ся. Что-же мнѣ теперь дѣлать?

— Да, вы, конечно, погубите себя, если женитесь. Но поз-вольте мнѣ вамъ сдѣлать еще одинъ вопросъ, дядюшка. Точ-но-ли вы увѣрены, что дѣйствительно сдѣлали предло-женіе?

— Ну да.... я увѣренъ.

— А если все это вы видѣли во-снѣ, такъ-же, какъ и то, что вы другой разъ вывалились изъ кареты?

— Ахъ, Боже мой! И въ-самомъ-тѣлѣ, можетъ-быть, я и это тоже видѣлъ во-снѣ! Такъ-что я теперь и не знаю, какъ туда по-ка-заться. Какъ бы это, другъ мой, узнать на-вѣр-но, какимъ-нибудь по-сто-рон-нимъ образомъ; дѣлалъ я пред-

положеніе или нѣтъ? А то, представь, каково теперь мое положеніе?

— Знаете что, дядюшка? Я думаю, и узнавать нечего.

— А что?

— Я навѣрно думаю, что вы видѣли это во-снѣ.

— Я самъ тоже думаю, мой милый, тѣмъ болѣе, что мнѣ часто снятся по-доб-ные сны.

— Вотъ видите, дядюшка. Представьте-же себѣ, что вы не много выпилъ за завтракомъ, потомъ за обѣдомъ и наконецъ...

— Ну да, мой другъ; именно, можетъ быть отъ э-то-го.

— Тѣмъ болѣе, дядюшка, что какъ-бы вы ни были разгорячены, вы все-таки никакимъ образомъ не могли сдѣлать такого безразсуднаго предложенія на яву. Сколько я васъ знаю, дядюшка, вы человѣкъ въ высшей степени разсудительный и...

— Ну-да, ну-да.

— Представьте только одно: если-бъ узнали это ваши родственники, которые и безъ того дурно расположены къ вамъ, — что бы тогда было?

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнулъ испуганный князь, — а что бы тогда было?

— Помилуйте! да они закричали-бы всѣ въ одинъ голосъ, что вы сдѣлали это не въ своемъ умѣ, что вы сумасшедшій, что васъ надо подъ опеку, что васъ обманули и, пожалуй, посадили-бы васъ куда-нибудь подъ надзоръ.

Мозгляковъ зналъ, чѣмъ можно было напугать старика.

— Ахъ, Боже мой! — вскричалъ князь, дрожа какъ листъ. — Неужели-бы посадили?

— И потому разсудите, дядюшка: могли-ли-бы вы сдѣлать такое безразсудное предложеніе на яву? Вы сами понимаете свои выгоды. Я торжественно утверждаю, что вы все это видѣли во снѣ.

— Непремѣнно во снѣ, пер-ре-мѣнно во снѣ! — повторялъ напуганный князь. — Ахъ, какъ ты умно разсудилъ все это,

мой ми-лый! Я душевно тебѣ благодаренъ, что ты меня вра-зу-миль.

— А я ужасно радъ, дядюшка, что съ вами сегодня встрѣ-тился. Представте себѣ: безъ меня вы бы дѣйствительно могли сбиться, подумать, что вы женихъ и сойти туда же-нихомъ. Представьте, какъ это опасно!

— Ну да.... да, опасно.

— Вспомните только, что этой дѣвицѣ дватцать три года; ее никто не хочетъ брать замужъ, и вдругъ вы, богатый, знатный, являетесь женихомъ! да они тотчасъ ухватятся за эту идею, увѣрятъ васъ, что вы и въ самомъ дѣлѣ женихъ и женятъ васъ, пожалуй, насильно. А тамъ и будутъ раз-считывать, что, можетъ быть, вы скоро умрете....

— Неужели?

— И, наконецъ, вспомните, дядюшка: человекъ съ вашими достоинствами....

— Ну да, съ моими достоинствами....

— Съ вашимъ умомъ, съ вашею любезностію....

— Ну да, съ моимъ умомъ, да!...

— И наконецъ, вы — князь. Такую-ли партію вы-бы могли себѣ сдѣлать, еслибъ, дѣйствительно, почему-нибудь, нужно было жениться? Подумайте только, что скажутъ ваши род-ственники?

— Ахъ, мой другъ, да вѣдь они меня совсѣмъ заѣдятъ! Я ужъ испыталъ отъ нихъ столько коварства и злобы.... Пред-ставь себя, я подозреваю, что они хотѣли посадить меня въ су-мас-шедшій домъ. Ну, помилуй, мой другъ, сообразно-ли это? Ну, чтобъ я тамъ сталъ дѣлать.... въ су-мас-шедшемъ-то домѣ?

— Разумѣется, дядюшка, и потому я теперь не отойду отъ васъ, когда вы сойдете внизъ. Тамъ теперь гости.

— Гости? Ахъ, Боже мой!

— Не безпокойтесь, дядюшка, я буду при васъ.

— Но какъ я тебѣ благо-да-ренъ, мой милый, ты просто спаситель мой!... Но знаешь-ли что? Я лучше уѣду.

— Завтра, дядюшка, завтра, утромъ въ семь часовъ. А сегодня вы при всѣхъ откланяйтесь и скажите, что уѣзжаете.

— Непремѣнно уѣду... къ отцу Мисанлу... Но, мой другъ, ну какъ они меня тамъ сос-ва-таютъ?

— Не бойтесь, дядюшка, я буду съ вами. И, наконецъ, что бы вамъ ни говорили, на что бы вамъ ни намекали, прямо говорите, что вы все это видѣли во снѣ... такъ, какъ оно и дѣйствительно было.

— Ну да, неп-ре-мѣнно во снѣ! только, знаешь, мой другъ, все-таки это былъ пре-оча-ро-ва-тельный сонъ! Она удивительно хороша собой и, знаешь, такія формы....

— Ну прощайте, дядюшка, я пойду внизъ, а вы....

— Какъ! такъ ты меня одного оставляешь! — вскричалъ князь, въ испугѣ.

— Нѣтъ, дядюшка, мы сойдемъ только порознь; сначала я, а потомъ вы. Это будетъ лучше.

Ну, хо-ро-шо. Мнѣ-же, кстати, надобно записать одну мысль.

— Именно, дядюшка, запишите вашу мысль, а потомъ приходите, не мѣшкайте. Завтра-же утромъ.....

— А завтра къ утромъ іеромонаху, непре-мѣнно къ іе-ро-мо-наху! Charmant, charmant! А знаешь, мой другъ, она удивительно хороша собой... такія формы... и еслибъ ужъ такъ мнѣ надо было непремѣнно жениться, то я....

— Боже васъ сохрани, дядюшка!

— Ну да, Боже сохрани!... Ну прощай, мой милый, я сейчасъ.... только вотъ за-пи-шу. А-ргорос, я давно хотѣлъ тебя спросить: читалъ ты мемуары Казановы?

— Читалъ, дядюшка, а что?

— Ну да.... Я вотъ теперь и за-былъ, что хотѣлъ сказать....

— Послѣ вспомните, дядюшка! до свиданья!

— До свиданья, мой другъ, до свиданья! Только все-таки это былъ очаровательный сонъ, о-ча-ро-ва-тельный сонъ!...

ГЛАВА XII.

— А мы къ вамъ всё, всё! И Прасковья Ильинична тоже прїѣдетъ, и Луиза Карловна хотѣла быть, — щебетала Анна Николаевна, входя въ салонъ и жадно осматриваясь. Это была довольно хорошенькая, маленькая дамочка, пестро, но богато одѣтая и, сверхъ того, очень хорошо знавшая, что она хорошенькая. Ей такъ и казалось, что-гдѣ-нибудь въ углу спрятанъ князь, вмѣстѣ съ Зиной.

— И Катерина Петровна прїѣдутъ-съ и Фелисата Михайловна тоже хотѣли быть-съ, — прибавила Наталья Дмитриевна, колоссальнаго размѣра дама, которой формы такъ понравилась князю и которая чрезвычайно походила на гренадера. Она была въ необыкновенно-маленькой розовой шляпкѣ, торчавшей у нея на затылкѣ. Уже три недѣли, какъ она была самымъ искреннимъ другомъ Анны Николаевны, за которой давно уже увивалась и ухаживала и которую, судя по виду, могла проглотить однимъ глоткомъ, вмѣстѣ съ косточками.

— Я уже не говорю о томъ, можно сказать, восторгѣ, который я чувствую, видя васъ обѣихъ у меня и еще вечеромъ, — запѣла Марья Александровна, оправавшись отъ перваго изумленія, — но скажите, пожалуйста, какое-же чудо зазвало васъ сегодня ко мнѣ, когда я уже совсѣмъ отчаялась имѣть эту честь?

— О Боже мой, Марья Александровна, какія вы право-съ! — сладко проговорила Наталья Дмитриевна, жеманясь, стыдливо и пискливо, что составляло прелюбопытный контрастъ съ ея наружностію.

— Mais, ma charmante, — защебетала Анна Николаевна, вѣдь надобно-же, непременно надобно, когда-нибудь кончить всё

эти наши сборы съ этимъ театромъ. Еще сегодня Петръ Михайловичъ сказалъ Калисту Станиславичу, что его чрезвычайно огорчаетъ, что у насъ это нейдетъ на ладъ и что мы только ссоримся. Вотъ мы и собрались сегодня вчетверомъ, да и думаемъ: побдемъ-ка къ Марьѣ Александровнѣ, да и рѣшимъ все разомъ! Наталья Дмитриевна и другимъ дала знать. Всѣ приѣдутъ. Вотъ мы и сговоримся, и хорошо будетъ. Пускай-же не говорятъ, что мы только ссоримся, такъ-ли, *mon ange*? — прибавила она игриво, цалуя Марью Александровну. — Ахъ, Боже мой! Зинаида Афанасьевна! но вы каждый день все болѣе хорошѣете! — Анна Николаевна бросилась съ поцелуями къ Зинѣ.

— Да имъ и нечего дѣлать больше-съ, какъ хорошѣть-съ, — сладко прибавила Наталья Дмитриевна, потирая свои ручищи.

— Ахъ чертъ-бы ихъ взялъ! я и не подумала объ этомъ театрѣ! изловчился сороки! — прошептала Марья Александровна, вѣ себя отъ бѣшенства.

— Тѣмъ болѣе, мой ангелъ, — прибавила Анна Николаевна, — что у васъ теперь этотъ милый князь. Вѣдь вы знаете, въ Духановѣ, у прежнихъ помѣщиковъ, былъ театръ. Мы ужъ справлялись и знаемъ, что тамъ гдѣ-то складены всѣ эти старинныя декораціи, занавѣсъ и даже костюмы. Князь былъ сегодня у меня и я такъ была удивлена его приѣздомъ, что совершенно забыла ему сказать. Теперь мы нарочно заговоримъ о театрѣ, вы намъ поможете и князь велитъ отослать къ намъ весь этотъ старый хламъ. А то кому здѣсь прикажете сдѣлать что-нибудь похожее на декорацію? А главное, мы и князя-то хотимъ завлечь въ нашъ театръ. Онъ непременно долженъ подписаться; вѣдь это для бѣдныхъ. Можетъ-быть даже и роль возьметъ, — онъ-же такой милый, согласный. Тогда пойдетъ чудо-какъ-хорошо.

— Конечно, возьмутъ ролю-съ. Вѣдь ихъ можно заставить всякую ролю разыгрывать-съ, — многозначительно прибавила Наталья Дмитриевна.

Анна Николаевна не обманула Марью Александровну: дамы

поминутно стѣзжались. Марья Александровна едва успѣвала встрѣчать ихъ и издавать восклицанія, требуемая въ такихъ случаяхъ приличіемъ и комильфотностію.

Я не берусь описывать всѣхъ посѣтительницъ. Скажу только, что каждая смотрѣла съ необыкновеннымъ коварствомъ. У всѣхъ на лицахъ было написано ожиданіе и какое-то дикое нетерпѣніе. Нѣкоторыя изъ дамъ пріѣхали съ рѣшительнымъ намѣреніемъ быть свидѣтельницами какого-нибудь необыкновеннаго скандала и очень-бы разсердились, еслибъ пришлось развѣхаться, не выдавъ его. Наружно всѣ вели себя необыкновенно любезно, но Марья Александровна съ твердостію приготовилась къ нападенію. Посыпались вопросы о князѣ, казалось самые естественные; но въ каждомъ заключался какой-нибудь намекъ, обвинякъ. Появился чай; всѣ размѣстились. Одна группа завладѣла роялемъ. Зина, на приглашеніе сыграть и сѣсть, сухо отвѣчала, что она не такъ здорова. Блѣдность лица ея это доказывала. Тотчасъ-же посыпались вопросы участія и даже тутъ нашли случай кой-о-чемъ спросить и намекнуть. Спрашивали и о Мозгляковѣ и относились съ этими вопросами къ Зинѣ. Марья Александровна удесятерилась въ эту минуту, видѣла все, что происходило въ каждомъ углу комнаты, слышала, что говорилось каждою изъ посѣтительницъ, хотя ихъ было до десяти, и немедленно отвѣчала на всѣ вопросы, разумѣется, не ходя за словомъ въ карманъ. Она трепетала за Зину и дивилась тому, что она не уходитъ, какъ всегда до-сихъ-поръ поступала, при подобныхъ собраніяхъ. Замѣтили и Афанасія Матвѣича. Надъ нимъ всегда всѣ трунили, чтобъ кольнуть Марью Александровну ея супругомъ. Теперь же, отъ недалекаго и откровеннаго Афанасія Матвѣича, можно было кой-что и вывѣдать. Марья Александровна въ безпокойствѣ приглядывалась къ осадному положенію, въ которомъ видѣла своего супруга. Къ тому-же онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы: *и.*, съ такимъ несчастнымъ и неестественнымъ видомъ, что было отчего ей придти въ бѣшенство.

— Марья Александровна! Афанасій Матвѣичъ съ нами со всѣмъ говорить не хочетъ, — вскричала одна смѣлая, востроглазая дамочка, которая рѣшительно никого не боялась и никогда не конфузилась. — Прикажите ему быть поучтивѣе съ дамами.

— Я право сама не знаю, что съ нимъ сегодня сдѣлалось, — отвѣчала Марья Александровна, прерывая разговоръ свой съ Анной Николавной и съ Натальей Дмитріевной и весело улыбаясь: — такой право неразговорчивый! Онъ и со мной почти ни слова не говорилъ. Почему-жъ ты не отвѣчаешь Фелисатѣ Михайловнѣ, Athanase? Что вы его спрашивали?

— Но... но... матушка, вѣдь ты-же-сама... — пробормоталъ-было, удивленный и потерянный Афанасій Матвѣичъ. Въ это время онъ стоялъ у затопленнаго камина, заложивъ руки за жилетъ, въ живописномъ положеніи, которое самъ-себѣ выбралъ, и прихлебывалъ чай. Вопросы дамъ такъ его конфузили, что онъ краснѣлъ, какъ дѣвчонка. Когда-же онъ началъ свое оправданіе, то встрѣтилъ такой ужасный взглядъ своей взбѣшенной супруги, что чуть не обезпамятѣлъ отъ испуга. Не зная, что дѣлать, желая какъ-нибудь поправиться и вновь заслужить уваженіе, онъ хлебнулъ-было чаю; но чай былъ слишкомъ горячій. Не соразмѣривъ глотка, онъ ужасно обжегся, выронилъ чашку, поперхнулся и такъ закашлялся, что на время принужденъ былъ выйти изъ комнаты, возбудивъ недоумѣніе во всѣхъ присутствовавшихъ. Однимъ словомъ, все было ясно. Марья Александровна поняла, что ея гости знали ужъ все и собрались съ самыми дурными намѣреніями. Положеніе было опасное. Могутъ разговаривать, сбить съ толку слабоумнаго старика, въ ся-же присутствіи. Могли даже увести отъ нея князя, поссоривъ его съ нею въ этотъ-же вечеръ и сманивъ его за собою. Ожидать можно было всего. Но судьба готовила ей еще одно испытаніе: дверь отворилась и явился Мозгляковъ, котораго она считала у Бородуева и совсѣмъ не ожидала къ себѣ въ

этотъ вечеръ. Она вздрогнула, какъ будто что-то кольнуло ее.

Мозгляковъ остановился въ дверяхъ и оглядывалъ всѣхъ, немного потерявшись. Онъ не въ силахъ былъ сладить съ своимъ водненіемъ, которое ясно выражалось въ его лицѣ.

— Ахъ, Боже мой! Павелъ Александровичъ! — вскрикнуло нѣсколько голосовъ.

— Ахъ, Боже мой! да вѣдь это Павелъ Александровичъ! какъ-же вы сказали, Марья Александровна, что они пошли къ Бородуевымъ-съ? Намъ сказали, что вы скрылись у Бородуева-съ, Павелъ Александровичъ, — пропищала Наталья Дмитриевна.

— Скрылся? — повторилъ Мозгляковъ, съ какой-то искрившейся улыбкой. — Странное выраженіе! Извините, Наталья Дмитриевна! Я ни отъ кого не прячусь и никого не желаю прятать, — прибавилъ онъ, многозначительно взглянувъ на Марью Александровну.

Марья Александровна затрепетала.

— Какъ, неужели и этотъ болванъ бунтуется! — подумала она, пытливо всматриваясь въ Мозглякова. — Нѣтъ, это ужъ будетъ хуже всего...

— Правда-ли, Павелъ Александровичъ, что вамъ вышла отставка... по службѣ, разумѣется? — выскочила дерзкая Фелисата Михайловна, насмѣшливо смотря ему прямо въ глаза.

— Отставка? какая отставка? Я просто перемѣняю службу. Мнѣ выходитъ мѣсто въ Петербургѣ, — сухо отвѣчалъ Мозгляковъ.

— Ну, такъ поздравляю васъ, — продолжала Фелисата Михайловна; — а мы даже испугались, когда услышали, что вы гнались за мѣстомъ у насъ въ Мордасовѣ. Здѣсь мѣста не-надежныя, Павелъ Александровичъ, тотчасъ слетишь.

— Развѣ однѣ учительскія, въ уѣздномъ училищѣ; тутъ еще можно найти вакансію, — замѣтила Наталья Дмитриевна. Намекъ былъ такъ ясенъ и грубъ, что сконфузившаяся Анна Николаевна толкнула своего ядовитаго друга тихонько ногой.

— Неужели вы думаете, что Павелъ Александровичъ согласится занять мѣсто какого-нибудь учителяшки?—включила Фелисата Михайловна.

Но Павелъ Александровичъ не нашель, что отвѣчать. Онъ повернулся и столкнулся съ Афанасіемъ Матвѣичемъ, который протягивалъ ему руку. Мозгляковъ преглупо не принялъ его руки и насмѣшливо поклонился ему въ поясъ. Раздраженный до крайности, онъ прямо подошелъ въ Зинѣ и, злобно смотря ей въ глаза, прошепталъ:

— Это все по вашей милости. Подождите, я еще сегодня вечеромъ покажу вамъ — дуракъ я иль нѣтъ?

— Зачѣмъ откладывать? Это и теперь видно, — громко отвѣтила Зина, съ отвращеніемъ обмѣривая глазами своего бывшего жениха.

Мозгляковъ поспѣшно отворотился, испугавшись ея громкаго голоса.

— Вы отъ Бородуева? — рѣшилась, наконецъ, спросить Марья Александровна.

— Нѣтъ-съ, я отъ дядюшки.

— Отъ дядюшки? такъ вы, значитъ, были теперь у князя?

— Ахъ, Боже мой! такъ — значитъ — князь ужъ проснулся; а намъ сказали, что они все еще почиваютъ-съ,— прибавила Наталья Дмитриевна, ядовито посматривая на Марью Александровну.

— Не безпокойтесь о князѣ, Наталья Дмитриевна, — отвѣчалъ Мозгляковъ, — онъ проснулся и, слава Богу, теперь уже въ своемъ умѣ. Давича его подпоили, сначала у васъ, а потомъ ужъ, окончательно, здѣсь, такъ-что онъ совсѣмъ было потерялъ голову, которая у него и безъ того не крѣпка. Но теперь, слава Богу, мы вмѣстѣ поговорили и онъ началъ рассуждать здраво. Онъ сейчасъ сюда будетъ, чтобъ откланяться вамъ, Марья Александровна, и поблагодарить за все ваше гостепрѣимство. Завтра-же, чѣмъ свѣтъ, мы вмѣстѣ отправляемся въ пустынь, а потомъ я его, непременно, самъ провожу до Духанова, во избѣжаніе вторичныхъ паденій,

какъ, напимѣрь, сегодня; а тамъ ужъ его приметъ, съ рукъ на руки, Степанида Матвѣевна, которая, къ тому времени, непременно, воротится изъ Москвы и ужъ ни за что не выпуститъ его въ другой разъ путешествовать; за это я отвѣчаю.

Говоря это, Мозгляковъ злобно смотрѣлъ на Марью Александровну. Та сидѣла, какъ будто онѣмѣвшая отъ изумленія. Съ горестію признаюсь, что моя героиня, можетъ быть, первый разъ въ жизни струсила.

— Такъ они завтра чѣмъ-свѣтъ уѣзжаютъ? какже это-съ? — проговорила Наталья Дмитриевна, обращаясь къ Марьѣ Александровнѣ.

— Какъ-же это такъ? — наивно раздалось между гостями; — а мы слышали, что... вотъ, право, странно!

Но хозяйка ужъ и не знала, чтó отвѣчать. Вдругъ всеобщее вниманіе было развлечено самымъ необыкновеннымъ и эксцентрическимъ образомъ. Въ сосѣдней комнатѣ послышался какой-то странный шумъ и чьи-то рѣзкія восклицанія и вдругъ, неожиданно-негаданно, въ салонъ Марьи Александровны ворвалась Софья Петровна Карпухина. Софья Петровна была безспорно самая эксцентрическая дама въ Мордасовѣ, до того эксцентрическая, что даже въ Мордасовѣ рѣшено было, съ недавняго времени, не принимать ее въ общество. Надо еще замѣтить, что она, регулярно каждый вечеръ, ровно въ семь часовъ, закусывала, — для желудка, какъ она выражалась, — и послѣ закуски, обыкновенно, была въ самомъ эманципированномъ состояніи духа, чтобъ не сказать чего-нибудь болѣе. Она именно была въ этомъ состояніи духа теперь, такъ неожиданно ворвавшись къ Марьѣ Александровнѣ.

— А, такъ вотъ вы какъ, Марья Александровна, — закричала она на всю комнату, — вотъ вы какъ со мной поступаете! Не безпокойтесь, я на минутку; я у васъ и не сяду. Я нарочно заѣхала узнать вѣрно-ли то, что мнѣ говорили? А! такъ у васъ балы, банкеты, сговоры, а Софья

Петровна сиди себѣ дома, да чулокъ вяжи! Весь городъ назвали, а меня нѣтъ! А давеча я вамъ и другъ и *mon ange*, когда пріѣхала пересказать, что дѣлаютъ съ княземъ у Наталья Дмитриевна. А теперь вотъ и Наталья Дмитриевна, которую вы давеча на чемъ свѣтъ ругали и которая васъ-же ругала, у васъ въ гостяхъ сидитъ. Не безпокойтесь, Наталья Дмитриевна! Не надо мнѣ вашего шоколаду *à la santé*, по гривеннику палка. Я почаще вашего пью у себя дома! тьфу!

— Это видно-съ, — замѣтила Наталья Дмитриевна.

— Но помплуйте, Софья Петровна, — вскрикнула Марья Александровна, покраснѣвъ отъ досады, — что съ вами? образумтесь по крайней мѣрѣ.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, Марья Александровна, я все знаю, все, все узнала! — кричала Софья Петровна, своимъ рѣзкимъ, визгливымъ, голосомъ, окруженная всѣми гостями, которые, казалось, наслаждались этой неожиданной сценой. — Все узнала! Ваша-же Настасья прибѣжала ко мнѣ и все рассказала. Вы подцѣпили этого князишку, напоили его до пьяна, заставили сдѣлать предложеніе вашей дочери, которую ужъ никто не хочетъ больше брать за-мужъ, да и думаете, что и сами теперь сдѣлались важной птицей, — герцогиня въ кружевахъ, — тьфу! Не безпокойтесь, я сама полковница! Коли вы меня не пригласили на сговоръ, такъ и наплевать! Я и почище васъ людей видывала. Я у графини Залихватской обѣдала; за меня оберъ-коммисаръ Курочкинъ сватался! Очень надо мнѣ ваше приглашеніе, тьфу!

— Видите-ли, Софья Петровна, — отвѣчала Марья Александровна, выходя изъ себя: — увѣряю васъ, что такъ не врываються въ благородный домъ и, притомъ, въ *такомъ видѣ*, и если вы, сейчасъ-же, не освободите меня отъ вашего присутствія и краснорѣчія, то я немедленно приму свои мѣры.

— Знаю-съ, вы прикажете меня вывести своимъ людишкамъ! Не безпокойтесь, я и сама дорогу найду. Прощайте,

выдавайте за-мужъ кого-хотите, а вы, Наталья Дмитриевна, не извольте смѣяться надо мной; мнѣ наплевать на вашъ шоколадъ! Меня хоть и не пригласили сюда, а я, все-таки, передъ князьями казачка не выплясывала. А вы что смѣетесь, Анна Николаевна? Сушиловъ-то ногу сломалъ; сейчасъ домой принесли, тьфу! А если вы, Фелисата Михайловна, не велите вашей босоногой Матрешкѣ во-время вашу корову загонять, чтобъ она не мычала у меня каждый день подъ окошками, такъ я вашей Матрешкѣ ноги переломаю. Прощайте, Марья Александровна, счастливо оставаться, тьфу! — Софья Петровна исчезла. Гости смѣялись. Марья Александровна была въ крайнемъ замѣшательствѣ.

— Я думаю, онѣ выпили-сь, сла дко произнесла Наталья Дмитриевна.

— Но, только какая дерзость!

— *Quelle abominable femme!*

— Вотъ-такъ ужъ насмѣшила!

— Ахъ, какія онѣ неприличности говорили-сь!

— Только что-жь это она про сговоръ говорила? Какой-же это сговоръ? — насмѣшливо спрашивала Фелисата Михайловна.

— Но это ужасно! — разразилась, наконецъ, Марья Александровна. — Вотъ эти-то чудовища и сѣютъ пригоршнями всѣ эти нелѣпые слухи! Удивительно не то, Фелисата Михайловна, что находятся такія дамы среди нашего общества. Нѣтъ; удивительнѣе всего то, что въ этихъ самыхъ дамахъ нуждаются, ихъ слушаютъ, ихъ поддерживаютъ, имъ вѣрятъ, ихъ.

— Князь, князь! — закричали вдругъ всѣ гости

— Ахъ Боже мой! *ce cher prince!*

— Ну, слава Богу! мы теперь узнаемъ всю подноготную, — прошептала своей сосѣдкѣ Фелисата Михайловна.

ГЛАВА XIII.

Князь вошелъ и сладостно улынулся. Вся тревога, которую четверть часа назадъ Мозгляковъ заронилъ въ его куриное сердце, исчезла при видѣ дамъ. Онъ тотчасъ-же растаялъ, какъ конфетка. Дамы встрѣтили его съ визгивымъ крикомъ радости. Вообще говоря, дамы всегда ласкали нашего старичка и были съ нимъ чрезвычайно фамиллярны. Онъ имѣлъ способность забавлять ихъ своею особою до невѣроятности. Фелисата Михайловна даже утверждала утромъ — (конечно не серьезно), что она готова сѣсть къ нему на колѣни, если это ему будетъ пріятно, — «потому-что онъ милый-милый старичокъ, милый до безконечности!» Марья Александровна впиалась въ него своими глазами, желая хоть что-нибудь прочесть на его лицѣ и предугадать выходъ изъ своего критическаго положенія. Ясно было, что Мозгляковъ нагадилъ ужасно и что все дѣло ея сильно колеблется. Но ничего нельзя было прочесть на лицѣ князя. Онъ былъ такой-же, какъ и давеча, какъ и всегда.

— Ахъ, Боже мой! вотъ и князь! а мы васъ ждали, ждали, — закричали нѣкоторыя изъ дамъ.

— Съ нетерпѣньемъ, князь, съ нетерпѣньемъ! — пропихивали другія.

— Миѣ это чрезвычайно лестно, — шепелявилъ князь, подсаживаясь къ столу, на которомъ кипѣлъ самоваръ. Дамы тотчасъ-же окружили его. Возлѣ Марьи Александровны остались только Анна Николаевна, да Наталья Дмитриевна. Афанасій Матвѣичъ почтительно улыбался. Мозгляковъ тоже улыбался и съ вызывающимъ видомъ глядѣлъ на Зину,

которая, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, подошла къ отцу и сѣла возлѣ него на кресла, близъ камина.

— Ахъ, князь, правда-ли говорятъ, что вы отъ насъ уѣзжаете? пропищала Фелисата Михайловна.

— Ну да, mesdames, уѣзжаю. Я не-мед-ленно хочу ѣхать за гра-ни-цу.

— За границу, князь, за границу! вскричали всѣ хоромъ; да что это вамъ вздумалось?

— За гра-ни-цу, подтвердилъ князь охарашиваясь, и, зная, я особенно хочу туда ѣхать для но-выхъ идей.

— Какъ это для новыхъ идей? Это объ чемъ-же? говорили дамы, переглядываясь одна съ другой.

— Ну да, для новыхъ идей, повторилъ князь, съ видомъ глубочайшаго убѣжденія. Всѣ теперь ѣдутъ для новыхъ и-дей. Вотъ и я хочу получить но-вы-я и-деи.

— Да ужь не въ масонскую-ли ложу вы хотите поступить, любѣзнѣйшій дядюшка? — включилъ Мозгляковъ, очевидно желая порисоваться передъ дамами своимъ остроуміемъ и развязностью.

— Ну да, мой другъ, ты не ошибся, неожиданно отвѣчалъ дядюшка. Я, дѣйст-ви-тельно, въ старину, къ одной масонской ложѣ, за границей, при-над-лежалъ, и даже имѣлъ, въ свою очередь, очень много великодушныхъ идей. Я даже собирался тогда много сдѣлать для сов-ре-мен-наго прос-вѣ-щенія, и ужь совсѣмъ-было положилъ, въ Франкфуртѣ, моего Сидора, котораго съ собой за границу повезъ, на волю от-пус-тить. Но онъ къ удивленію моему, самъ бѣжалъ отъ меня. Чрезвычайно странный былъ че-ло-вѣкъ. Потомъ, вдругъ, встрѣчаю его въ Па-ри-жѣ, франтомъ такимъ, въ бакенѣхъ, идетъ по буль-вару съ мамзелью. Поглядѣлъ на меня, кивнулъ го-ло-вой. И мамзель съ нимъ такая бойкая, востроглазая, такая за-ман-чивая...

— Ну, дядюшка! Да вы, послѣ этого, всѣхъ крестьянъ отпустите на волю, коли этотъ разъ за границу поѣдете, вскричалъ Мозгляковъ, хохоча во все горло.

— Ты совершенно угадал мой желаніа, мой милый, отвѣчалъ князь безъ запинки. Я именно хочу ихъ отпустить всѣхъ на-во-лю.

— Да помилуйте, князь, вѣдь они тотчасъ-же всѣ убѣгутъ отъ васъ, и тогда кто вамъ будетъ оброкъ платить? вскричала Фелисата Михайловна.

— Конечно, всѣ разбегутся, тревожно отозвалась Анна Николаевна.

— Ахъ, Боже мой! неужели они и въ самомъ дѣлѣ убѣгутъ? вскричалъ князь съ удивленіемъ.

— Убѣгутъ-съ тотчасъ-же всѣ убѣгутъ-съ; и васъ одного и оставятъ-съ, подтвердила Наталья Дмитріевна.

— Ахъ, Боже мой! Ну такъ я ихъ не от-пу-щу на волю. Впрочемъ, вѣдь это я только такъ.

— Этакъ-то лучше, дядюшка, скрѣпилъ Мозгляковъ.

До сихъ поръ Марья Александровна слушала молча и наблюдала. Ей показалось, что князь совершенно о ней позабылъ и что это вовсе не натурально.

— Позвольте, князь, начала она громко и съ достоинствомъ, вамъ отрекомендовать моего мужа, Афанасія Матвѣича. Онъ нарочно пріѣхалъ изъ деревни, какъ только услышалъ, что вы остановились въ моемъ домѣ.

Афанасій Матвѣичъ улыбнулся и пріосанился. Ему показалось, что его похвалили.

— Ахъ, я очень радъ, сказалъ князь. А-фа-насіѣ Матвѣичъ! Позвольте, я что-то при-по-минаю. А-фа-насіѣ Матвѣичъ. Ну да, это тотъ, который въ деревнѣ. Charmant, charmant, очень радъ. Другъ мой! вскричалъ князь, обращаясь къ Мозглякову, да вѣдь это тотъ самый, помнишь, давеча еще въ рифму выходило. Какъ-бишь это? Мужъ въ дверь, а жена... ну да, въ какой-то городъ и жена тоже по-ѣ-хала...

— Ахъ, князь, да это вѣрно: мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, тотъ самый водевиль, который у насъ прошлаго году актеры играли, подхватила Фелисата Михайловна.

— Ну-да, именно въ Тверь; я все за-бы-ваю. Charmant, charmant! Такъ это вы тотъ самый и есть? Чрезвычайно радъ съ вами позна-ко-миться, говорилъ князь, не вставая съ кресель и протягивая руку улыбающемуся Афанасію Матвѣичу. Ну, какъ ваше здоровье?

— Гм:...

— Онъ здоровъ, князь, здоровъ, торопливо отвѣтила Марья Александровна.

— Ну-да, это и видно, что онъ здо-ровъ. И вы все въ де-ревнѣ? Ну, я очень радъ. Да какой онъ крас-но-щекій и все смѣется:...

Афанасій Матвѣичъ улыбался, кланялся и даже разшаркивался. Но при послѣднемъ замѣчаніи князя не утерпѣлъ и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, самымъ глупѣйшимъ образомъ, прыснулъ отъ смѣха. Всѣ захохотали. Дамы визжали отъ удовольствія. Зина вспыхнула и сверкающими глазами посмотрѣла на Марью Александровну, которая въ свою очередь разрывалась отъ злости. Пора было переменить разговоръ.

— Какъ вы почивали, князь? спросила она медоточивымъ голосомъ, въ тоже время, грознымъ взглядомъ, давая знать Афанасію Матвѣичу, чтобъ онъ немедленно убирался на свое мѣсто.

— Ахъ, я очень хорошо спалъ, отозвался князь и, знаете, видѣлъ одинъ очарова-тельный сонъ, о-ча-ро-вательный сонъ!

— Сонъ! Я ужасно люблю, когда рассказываютъ про сны, вскричала Фелисата Михайловна.

— И я то-же-съ, люблю-съ. Очень-съ, прибавила Наталья Дмитріевна.

— О-ча-ро-вательный сонъ, повторилъ князь съ сладкой улыбкой, но за то этотъ сонъ величайшій секретъ!

Какъ, князь, неужели и рассказывать нельзя? Да это, должно-быть, удивительный какой-нибудь сонъ? Замѣтила Анна Николаевна.

— Величайшій секретъ, повторялъ князь, съ наслажденіемъ подзадоривая любопытство дамъ.

— Такъ это, должно-быть, ужасно интересно! кричали дамы.

— Бьюсь объ закладъ, что князь стоялъ во снѣ передъ какой-нибудь красавицей на колѣняхъ и объяснялся въ любви! — вскричала Фелисата Михайловна. Ну, признайтесь, князь, что это правда! Миленькій князь, признайтесь!

— Признайтесь, князь, признайтесь! — подхватили со всѣхъ сторонъ.

Князь торжественно и съ упоеніемъ, внималъ всѣмъ этимъ крикамъ. Предложенія дамъ чрезвычайно льстили его самолюбію, такъ-что онъ чуть-чуть не облизывался.

— Хотя я и сказалъ, что мой сонъ — величайшій секретъ, — отвѣчалъ онъ, наконецъ; — но я принужденъ сознаться, что вы, сударыня, къ удивленію моему, почти совершенно его отгадали.

— Отгадала! — съ восторгомъ вскричала Фелисата Михайловна. — Ну, князь! Теперь какъ хотите, а вы должны намъ открыть, кто такая ваша красавица?

— Непремѣнно откройте!

— Здѣшняя иль нѣтъ?

— Миленькій князь, откройте!

— Душенька князь, откройте! хоть умрите, да откройте! кричали со всѣхъ сторонъ.

— Mesdames, mesdames!... если вы ужъ хотите такъ настоятельно знать, то я только одно могу вамъ открыть, что это — самая очаровательная и, можно сказать, самая непорочная дѣвица изъ всѣхъ, кѣторыхъ я знаю, промямлилъ совершенно растаявшій князь.

— Самая очаровательная! и здѣшняя! кто-жъ-бы-это? спрашивали дамы, значительно переглядываясь и перемигиваясь одна съ другой.

— Разумѣется, тѣ-съ, — которыя здѣсь первыя красавицы считаются-съ, — проговорила Наталья Дмитріевна, потирая

свои красныя ручищи и поглядывая своими кошачьими глазами на Зину. Вместе съ нею и все посмотрѣли на Зину.

— Такъ какъ-же, князь, если вы видите такіе сны, такъ почему-жъ-бы вамъ на яву не жениться? — спросила Фелсата Михайловна, оглядывая всехъ значительнымъ взглядомъ.

— А какъ-бы мы славно женили васъ! — подхватила другая дама.

— Миленькій князь, женитесь! — пропущала третья.

— Женитесь, женитесь! — закричали со всехъ сторонъ.— Почему-жъ не жениться?

— Ну-да.... почему-жъ не жениться? — поддакивалъ князь, сбитый съ толку всеми этими криками.

— Дядюшка! — вскричалъ Мозгляковъ.

— Ну-да, мой другъ, я тебя по-ни-маю? Я именно хотѣлъ вамъ сказать, mesdames, что я уже не въ состояніи болѣе жениться, и, проведя очарова-тельный вечеръ у нашей прелестной хозяйки, я завтра - же отправляюсь къ іеромонаху Мисаилу въ пустынь, а потомъ уже прямо за границу, чтобы удобнѣе слѣдить за евро-пейскимъ прос-вѣ-щеніемъ.

Зина поблѣднѣла и съ невыразимою тоскою посмотрѣла на мать свою. Но Марья Александровна уже рѣшилась. До-сихъ-поръ она только выжидала, испытывала, хотя и понимала, что дѣло слишкомъ испорчено, и что враги ея слишкомъ обогнали ее на дорогѣ. Наконецъ она поняла все, и однимъ разомъ, однимъ ударомъ, рѣшилась сокрушить стоглавую гидру. Съ величіемъ встала она съ кресель и твердыми шагами приблизилась къ столу, гордымъ взглядомъ измѣряя пигмеевъ-враговъ своихъ. Огонь вдохновенія блисталъ въ этомъ взглядѣ. Она рѣшилась поразить, сбить съ толку всехъ этихъ ядовитыхъ сплетницъ, раздавить негодя Мозглякова, какъ таракана, и однимъ рѣшительнымъ, смѣлымъ ударомъ, завоевать вновь все свое потерянное вліяніе надъ идіотомъ - княземъ.

Разумѣется, требовалась дерзость необыкновенная; но за дерзостью не въ карманъ было ходить Марьѣ Александровнѣ!

— Mesdames, — начала она торжественно и съ достоинствомъ (Марья Александровна вообще чрезвычайно любила торжественность) — mesdames, я долго прислушивалась къ вашему разговору, къ вашимъ веселымъ и остроумнымъ шуткамъ, и нахожу, что пора мнѣ сказать свое слово. Вы знаете, мы собрались здѣсь всѣ вмѣстѣ, — совершенно случайно, (и я такъ рада, такъ этому рада)... Никогда-бы я, первая, не рѣшилась высказать важную семейную тайну и разгласить ее прежде, чѣмъ требуетъ самое обыкновенное чувство приличія. Въ особенности, прошу извиненія у моего милого гостя; но мнѣ показалось, что онъ самъ, отдаленными намеками на тоже самое обстоятельство, подаетъ мнѣ мысль, что ему не только не будетъ непріятно формальное и торжественное объявленіе нашей семейной тайны, но что даже онъ желаетъ этого разглашенія... Неправда-ли, князь я не ошиблась?

— Ну да, вы не ошиблись... и я очень, очень радъ... — проговорилъ князь, совершенно не понимая — о чемъ идетъ дѣло.

Марья Александровна, для большаго эффекта, остановилась перевести духъ и оглядѣла все общество. Всѣ гости, съ алчнымъ и беспокойнымъ любопытствомъ, вслушивались въ слова ея. Мозгляковъ вздрогнулъ; Зіна покраснѣла и привстада съ кресель; Афанасій Матвѣичъ, въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, на всякій случай, высморкался.

— Да, mesdames, я, съ радостію, готова повѣрить вамъ мою семейную тайну. Сегодня, послѣ обѣда, князь, увлеченный красотою и достоинствами моей дочери, сдѣлалъ ей честь своимъ предложеніемъ. Князь! — заключила она, дрожащимъ отъ слезъ и отъ волненія голосомъ, — милый князь, вы не должны, вы не можете сѣрдиться на меня за мою нескромность! Только чрезвычайная семейная радость могла, преждевременно, вырвать изъ моего сердца эту милую тайну и... какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ?

Не нахожу словъ, чтобъ изобразить эффектъ, произведенный неожиданною выходкой Марьи Александровны. Всѣ какъ-будто оцѣпенѣли отъ изумленія. Вѣроломныя гости, думавшія напугать Марью Александровну тѣмъ, что онѣ уже знаютъ тайну, думавшія убить ее преждевременнымъ обнаруженіемъ этой тайны, думавшія разтерзать ее, покамѣсть, только одними намеками, были ошеломлены такою смѣлою откровенностію. Такая безстрашная откровенность обозначала въ себѣ силу. «Стало-быть, князь дѣйствительно, своею собственною волею, жинится на Зинѣ? Стало-быть, не увлекали его, не опаивали, не обманывали? Стало-быть, не потаеннымъ не воровскимъ образомъ его заставляютъ жениться? Стало-быть, Марія Александровна никого не боится? Стало - бытъ, нельзя уже разбить эту сватьбу, коли князь, не по принужденію женится?» Послышался мгновенный шопотъ, превратившійся вдругъ въ визгливые крики радости. Первая бросилась обнимать Марью Александровну Наталья Дмитриевна; за ней Анна Николаевна, за этой Фелисата Михайловна. Всѣ вскочили съ своихъ мѣсть, всѣ перемѣшались. Многія изъ дамъ были блѣдны отъ злости. Стали поздравлять сконфуженную Зину; уцѣпились даже за Афанасія Матвѣича. Марья Александровна живописно простерла руки и, почти насильно, заключила свою дочь въ объятія. Одинъ князь смотрѣлъ на всю эту сцену съ какимъ-то страннымъ удивленіемъ, хотя и улыбался по прежнему. Впрочемъ, сцена ему отчасти понравилась. При объятіяхъ матери съ дочерью, онъ выпулъ платокъ и утеръ свой глазъ, на которомъ показалась слезинка. Разумѣется, бросился и къ нему съ поздравленіями.

— Поздравляемъ, князь! поздравляемъ! — кричали со всѣхъ сторонъ.

— Такъ вы женитесь?

— Такъ вы дѣйствительно женитесь?

Миленькій князь, такъ вы женитесь?

— Ну-да, ну-да, — отвѣчалъ князь, чрезвычайно довольный поздравленіями и восторгами; — и, признаюсь вамъ, что мнѣ,

всего болѣе нравится ваше милое учас-тіе ко мнѣ, которое я никог-да не забуду, ни-когда не забуду. Charmant! charmant! вы даже прос-ле-зили меня....

— Поцалуйте меня, князь! — громче всѣхъ кричала Фелисата Михайловна.

— И, признаюсь вамъ, — продолжалъ князь, прерываемый со всѣхъ сторонъ, — я наиболѣе удивляюсь тому, что Марья Ива-но-вна, наша почтен-ная хозяйка, съ такою необык-новенною проницательностью угадала мой сонъ. Точно какъ-будто она, вмѣсто меня, его ви-дѣла. Необыкновен-ная проницательность! Не-о-бык-новенная проницательность!

— Ахъ, князь, вы опять за сонъ?

— Да ужъ признайтесь, князь, признайтесь! — кричали всѣ, обступивъ его.

— Да, князь, скрыватья нечего, пора обнаружить эту тайну, — рѣшительно и строго сказала Марья Александровна. — Я поняла вашу тонкую аллегорію, вашу очаровательную деликатность, съ которою вы старались мнѣ намекнуть о желаніи вашемъ огласить ваше сватовство. Да, mesdames, это правда: сегодня князь стоялъ на колѣняхъ передъ моею дочерью и на яву, а не во снѣ, сдѣлалъ ей торжественное предложеніе.

— Совершенно какъ-будто на-яву и даже съ тѣми самыми обсто-я-тельствами, подтвердилъ князь. — мадмуазель, — продолжалъ онъ, съ необыкновенною вѣжливостью обращаясь къ Зинѣ, которая все еще не пришла въ себя отъ изумленія, — мадмуазель! Клянусь, что никогда-бы я не осмѣлился произнести ваше имя, еслибъ другіе, раньше меня, не произ-несли его. Это былъ очарова-тельный сонъ, очаро-вательный сонъ, и я вдвойнѣ счастливъ, что мнѣ позволено вамъ теперь это выс-ка-зать. Charmant!, charmant!...

— Но помилуйте, какъ-же это? Вѣдь онъ все говоритъ про сонъ, — прошептала Анна Николаевна встревоженной и слегка поблѣднѣвшей Марьѣ Александровнѣ. — Увы! У Марьи Алек-

сандровны, и безъ этихъ предостереженій, давно уже ныло и трепетало сердце.

— Какъ же это? — шептали дамы, переглядываясь одна съ другой.

— Помилуйте, князь, — начала Марья Александровна, съ болѣзненно-искривившеюся улыбкою: — увѣряю васъ, что вы меня удивляете. Что за странная у васъ идея про сонъ? Признаюсь вамъ, я думала до-сихъ-поръ, что вы шутите, но.... Если это шутка, то это довольно неумѣстная шутка.... Я хочу, я желаю приписать это вашей разсѣянности, но....

— Въ самомъ дѣлѣ, это можетъ-быть у нихъ отъ разсѣянности-съ, — прошипѣла Наталья Дмитриевна.

Ну-да.... можетъ-быть это и отъ разсѣянности, подтвердилъ князь, все еще не совсѣмъ понимая, чего отъ него добиваются. И, вообразите, я вамъ расскажу сейчасъ одинъ анекдотъ. Зовутъ меня, въ Петербургѣ, на по-хороны, такъ, къ однимъ людямъ, *maison bourgeoise, mais honnette*, а я и смѣшаль, что на именины. Именины-то еще на прошлой недѣлѣ прош-ли. Букетъ изъ камелій именинницѣ приготовилъ. Вхожу, и чтожъ вижу? Человѣкъ почтенный, солидный—лежить на столѣ, такъ что я удивился. Я просто не зналъ, куда дѣваться съ букетомъ.

— Но, князь, дѣло не въ анекдотахъ! — съ досадою перебила Марья Александровна. Конечно, моей дочери нечего гнаться за женихами, но давеча вы сами, здѣсь, у этого рояля, сдѣлали ей предложеніе. Я не вызывала васъ на это... Это меня, можно сказать, фрапировало. Разумѣется, у меня мелькнула только одна мысль, и я отложила это все до вашего пробужденія. Но я — мать; она — дочь моя. Вы сами заговорили сейчасъ о какомъ-то снѣ и я думала вы, подъ видомъ аллегоріи, хотите рассказать о вашей помолвкѣ. Я очень хорошо знаю, что васъ, можетъ-быть, сбиваютъ. Я даже подозреваю, кто именно... но. объяснитесь, князь, объяснитесь скорѣе, удовлетворительнѣе. Такъ нельзя шутить съ благороднымъ домомъ.

— Ну да, такъ нельзя шутить съ благороднымъ домомъ, — поддакнулъ князь бессознательно, но уже начиная, по немногу. безпокоиться.

— Но это не отвѣтъ, князь, на мой вопросъ. Я прошу васъ отвѣчать положительно; подтвердите, сейчасъ же подтвердите здѣсь. при всѣхъ, что вы дѣлали давеча предложеніе моей дочери.

— Ну да, я готовъ подтвердить. Впрочемъ, я все это уже рассказывалъ, и Фелисата Яковлевна совершенно угадала мой сонъ.

— Не сонъ! не сонъ, Закричала въ ярости Марья Александровна. Не сонъ, а это было на яву, князь, на яву, слышите ли, на яву!

— На яву! вскричалъ князь, въ удивленіи подымаясь съ кресель. Ну, другъ мой! какъ ты давеча напророчилъ, такъ и вышло! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Мозглякову. Но, увѣряю васъ, почтенная Марья Степановна, что вы заблуждаетесь! Я совершенно увѣренъ, что я это видѣлъ только во снѣ!

— Господи помилуй! вскрикнула Марья Александровна.

— Не убивайтесь, Марья Александровна, вступилась Наталья Дмитриевна. Князь, можетъ-быть, какъ-нибудь позабыли-сь. Они вспомнятъ-сь.

— Я удивляюсь вамъ, Наталья Дмитриевна, съ негодованіемъ возразила Марья Александровна, — развѣ такія вещи забываются? развѣ это можно забывать? Помилуйте, князь! Вы смѣтаетесь надъ нами иль нѣтъ? Или вы корчите, можетъ-быть, изъ себя одного изъ шематоновъ времянъ регентства, которыхъ изображаетъ Дюма? какого-нибудь Ферлакура, Лозэна? Но, кромѣ того, что это вамъ не по лѣтамъ, увѣряю васъ, что это вамъ не удастся! Моя дочь не французская вилконтесса. Давеча, здѣсь, вотъ здѣсь она вамъ пѣла романсъ, и вы, увлеченные ея пѣньемъ, опустили на колѣни и сдѣлали ей предложеніе. Неужели я грежу? Неужели я сплю? Говорите, князь: сплю я иль нѣтъ?

— Ну да... а, впрочемъ, можетъ-быть, нѣтъ... отвѣчалъ растерявшійся князь. Я хочу сказать, что я теперь, кажется, не во снѣ. Я, видите ли, давеча былъ во снѣ, а потому видѣлъ сонъ, что во снѣ.

— Фу ты, Боже мой, что это такое: не во снѣ, во снѣ, во снѣ, не во снѣ! — да это чортъ знаетъ, что такое! Вы бредите, князь, или нѣтъ?

— Ну да, чортъ знаетъ. впрочемъ, я, кажется, ужъ совсемъ теперь сбился.. — проговорилъ князь, вращая кругомъ безпокойные взгляды.

— Но какже вы могли видѣть во снѣ, — убивалась Марья Александровна, когда я, вамъ же, съ такими подробностями, рассказываю вашъ собственный сонъ, тогда какъ вы его еще никому изъ насъ не рассказывали?

— Но, можетъ-быть, князь ужъ кому-нибудь и рассказывали-сь, проговорила Наталья Дмитриевна.

— Ну да, можетъ-быть, я кому-нибудь и рассказывалъ, подтвердилъ совершенно потерявшійся князь.

— Вотъ комедія-то! шепнула Фелисата Михайловна своей сосѣдкѣ.

— Ахъ, ты Боже мой! да тутъ всякое терпѣнье лопнетъ! кричала Марья Александровна, въ изступленіи ломая руки. Она вамъ пѣла романсъ, романсъ пѣла! Неужели вы и это во снѣ видѣли?

— Ну да, и въ самомъ дѣлѣ, какъ-будто пѣла романсъ, пробормоталъ князь въ задумчивости и, вдругъ, какое-то воспоминаніе оживило лицо его.

— Другъ мой! вскричалъ онъ, обращаясь къ Мозглякову, я и забылъ тебѣ давеча сказать, что вѣдь и вправду былъ какой-то романсъ, и въ этомъ романсѣ были все какіе-то замки, такъ что очень много было замковъ, а потомъ былъ какой-то трубадуръ! Ну да, я это все помню. такъ что я и заплакалъ. А теперь вотъ и затрудняюсь, точно это и въ самомъ-дѣлѣ было, а не во снѣ.

— Признаюсь вамъ, дядюшка, отвѣчалъ Мозгляковъ,

сколько можно спокойнѣе, хотя голосъ его и дрожалъ отъ какой-то тревоги, признаюсь вамъ, мнѣ кажется, все это очень легко уладить и согласить. Мнѣ кажется, вы дѣйствительно слышали пѣніе. Зинаида Афанасьевна поетъ прекрасно. Послѣ обѣда васъ отвели сюда, и Зинаида Афанасьевна вамъ спѣла романсъ. Меня тогда не было, но вы, вѣроятно, разчувствовались, вспомнили старину; можетъ-быть, вспомнили о той самой виконтессѣ, съ которой вы сами когда-то пѣли романсы и о которой вы же сами намъ утромъ рассказывали. Ну, а потомъ, когда легли спать, вамъ, вслѣдствіе пріятныхъ впечатлѣній, и приснилось, что вы влюблены и дѣлаете предложеніе.

Марья Александровна была просто оглушена такою дерзостью.

— Ахъ, мой другъ, вѣдь это, и въ самомъ дѣлѣ, такъ было, закричалъ князь въ восторгѣ. Именно вслѣдствіе пріятныхъ впечатлѣній! Я дѣйствительно помню, какъ мнѣ пѣли романсъ, а я за это, во снѣ, и захотѣлъ жениться. И виконтесса то же была. Ахъ, какъ ты умно это распуталъ, мой милый! Ну! я теперь совершенно увѣренъ, что все это видѣлъ во снѣ! Марья Васильевна! Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь! Это было во снѣ. Иначе, я не сталъ бы играть вашими благородными чувствами.

— А! теперь я вижу ясно, кто тутъ нагадилъ! закричала Марья Александровна, виѣ себя отъ бѣшенства, обращаясь къ Мозглякову. Это вы, сударь, вы, безчестный человѣкъ, вы все это надѣлали! вы взбаламутили этого несчастнаго идиота за то, что вамъ самимъ отказали! Но ты заплатишь мнѣ, мерзкій человѣкъ, за эту обиду! Заплатишь, заплатишь, заплатишь!

— Марья Александровна, кричалъ Мозгляковъ, въ свою очередь, покраснѣвъ, какъ ракъ: ваши слова до такой степени. Я ужъ и не знаю, до какой степени ваши слова... Ни одна свѣтская дама не позволитъ себѣ. . я, по крайней

мѣрѣ, защищаю моего родственника. Согласитесь сами, такъ завлекать.

— Ну да, такъ завлекать... — поддакивалъ князь, стараясь спрятаться за Мозглякова.

— Афанасій Матвѣичъ! взвизгнула Марья Александровна, какимъ-то неестественнымъ голосомъ. Неужели вы не слышите, какъ насъ срамятъ и безчестятъ? Или вы уже совершенно избавили себя отъ всякихъ обязанностей? Или вы и въ самомъ дѣлѣ не отецъ семейства, а отвратительный деревянный столбъ? Что вы глазами-то хлопаете? Другой мужъ давно бы уже кровью смылъ обиду своего семейства!

— Жена! съ важностью началъ Афанасій Матвѣичъ, гордясь тѣмъ, что и въ немъ настала нужда: Жена! Да ужь не видала-ль ты, и въ самомъ дѣлѣ, все это во снѣ, а потомъ, какъ проспалась, такъ и перепутала все, посвойски.

Но Афанасію Матвѣичу не суждено было докончить свою остроумную догадку. До сихъ поръ еще гости удерживались и коварно принимали на себя видъ какой-то чинной солидности. Но тутъ громкій залпъ самого неудержимаго смѣха огласилъ всю комнату. Марья Александровна, забывъ всѣ приличія, бросилась-было на своего супруга, вѣроятно, затѣмъ, чтобъ немедленно выцарапать ему глаза. Но ее удержали силою. Наталья Дмитриевна воспользовалась обстоятельствами и, хоть капельку, да подлила еще яду.

— Ахъ, Марья Александровна, можетъ-быть, оно, и въ самомъ-дѣлѣ, такъ было-съ, а вы убиваетесь-съ, — проговорила она самымъ медоточивымъ голосомъ.

— Какъ было? что такое было? — кричала Марья Александровна, не понимая еще хорошенько.

— Ахъ, Марья Александровна, вѣдь это иногда и бываетъ-съ....

— Да что такое бываетъ? Жилы вы изъ меня, что-ли, тянуть хотите?

— Можетъ-быть, вы, и въ-самомъ-дѣлѣ, видѣли это во снѣ-съ.

— Во снѣ? я? во снѣ? И вы смѣете мнѣ это говорить, прямо въ глаза?

— Что-жъ, можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ, такъ было, — отозвалась Фелисата Михайловна.

— Ну-да, можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ, такъ было, — пробормоталъ тоже князь.

— И онъ, и онъ туда-же! Господи Боже мой! — вскричала Марья Александровна, всплеснувъ руками.

— Какъ вы убиваетесь-съ, Марья Александровна! Помните-съ, что сны ниспосылаются Богомъ-съ. Ужь коли Богъ захочетъ-съ, такъ ужь никто какъ Богъ-съ, и на всемъ Его святая воля-съ лежитъ-съ. Сердиться тутъ ужь нечего-съ.

— Ну да, сердиться нечего, — поддакивалъ князь.

— Да вы меня за сумасшедшую принимаете, что-ли? — едва проговорила Марья Александровна, задыхаясь отъ злости. Это уже было свыше силъ человѣческихъ. Она поспѣшила отыскать стулъ и упала въ обморокъ. Поднялась суматоха.

— Это онѣ изъ приличія-съ въ обморокъ упали-съ, шепнула Наталья Дмитриевна Аниѣ Николаевнѣ.

Но въ эту минуту, въ минуту высочайшаго недоумѣнія публики и напряженія всей этой сцены, вдругъ выступило одно, безмолвное доселѣ, лицо и вся сцена немедленно измѣнилась въ своемъ характерѣ....

ГЛАВА XIV

Зинаида Афанасьевна, вообще говоря, была чрезвычайно романическаго характера. Не знаемъ, оттого-ли, какъ увѣряла сама Марья Александровна, что слишкомъ ничиталась «этого

дурака» Шекспира съ «своимъ учительшкой?» Но никогда, во всю мордасовскую жизнь свою, Зина еще не позволяла себѣ такой, необыкновенно-романической, или, лучше сказать, героической выходки, какъ та, тоторую мы сейчасъ будемъ описывать.

Блѣдная, съ рѣшимостью во взглядѣ, но почти дрожащая отъ волненія, чудно-прекрасная въ своемъ негодованіи, она выступила впередъ. Обводя всѣхъ долгимъ, вызывающимъ взглядомъ, она, посреди наставшаго вдругъ безмолвія, обратилась къ матери, которая, при первомъ ея движеніи, тотчасъ-же очнулась отъ обморока и открыла глаза.

— Маменька! — сказала Зина, — къ чему обманывать? Къ чему еще ложью пятнать себя? Все уже до того загрязнено теперь, что, право, не стоитъ унижительнаго труда прикрывать эту грязь!

— Зина! Зина! что съ тобою? опомнись, — вскричала испуганная Марья Александровна, вскочивъ въ своихъ кресель....

— Я вамъ сказала, я вамъ сказала заранѣ, маменька, что я не вынесу всего этого позора, — продолжала Зина. — Неужели же непременно надо еще болѣе унижаться, еще болѣе грязнить себя? Но знайте, маменька, что я все возьму на себя, потому-что я виновнѣе всѣхъ. Я, я, своимъ согласіемъ, дала ходъ этой гадкой.... интригѣ! Вы — мать; вы меня любите; вы думали по-своему, по своимъ понятіямъ, устроить мое счастье. Васъ еще можно простить; но меня, меня — никогда!

— Зина, неужели ты хочешь рассказывать?... О, Боже! я предчувствовала, что этотъ кинжалъ не минуетъ моего сердца!

— Да, маменька, все, все расскажу! Я опозорена, вы... мы всѣ опозорены!...

— Ты преувеличиваешь. Зина! ты виѣ-себя и не помнишь, что говоришь! и къ чему-же рассказывать? Тутъ смысла нѣтъ... Стыдъ не на насъ... Я докажу сейчасъ, что стыдъ не на насъ....

— Нѣтъ, маменька, — вскричала Зина, съ злобнымъ дрожаніемъ въ голосѣ: — я не хочу болѣе молчать передъ этими

людьми, мнѣніемъ которыхъ презираю и которые пріѣхали смѣяться надъ нами! Я не хочу сносить отъ нихъ обидъ; ни одна изъ нихъ не имѣетъ права бросить въ меня грязью. Всѣ онѣ готовы, сейчасъ-же, сдѣлать въ тридцать разъ хуже, чѣмъ я или вы! Смѣются-ли, могутъ-ли онѣ быть нашими судьями?..

— Вотъ прекрасно! — Вотъ какъ заговорила! — Это что-же! Это насъ обижаютъ! — слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Да онѣ, и впрямь, сами не понимаютъ, что говорятъ-съ, — проговорила Наталья Дмитриевна.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что Наталья Дмитриевна сказала справедливо. Если Зина не считала этихъ дамъ достойными судить себя, зачѣмъ-же было и выходить къ нимъ съ такою огласкою, съ такими признаніями? Вообще Зинаида Афанасьевна чрезвычайно поторопилась. Таково было, въ послѣдствіи, мнѣніе самыхъ лучшихъ головъ въ Мордасовѣ. Все-бы могло быть исправлено! Все-бы могло быть улажено! Правда, и Марья Александровна сама себѣ подгадила въ этотъ вечеръ своею поспѣшностію и заносчивостію. Стоило только насмѣяться надъ вѣдомъ-старикашкой, да и выгнать его вонъ! Но Зина, какъ нарочно, вопреки здравому смыслу и мордасовской мудрости, обратилась къ князю.

— Князь, — сказала она старику, который даже привсталъ изъ почтенія со стула, — такъ поразила она его въ эту минуту! — Князь! простите меня, простите насъ! мы обманули, мы завлекли васъ....

— Да замолчишь-ли ты, несчастная! — въ изступленіи вскричала Марья Александровна.

— Сударыня! сударыня! *ma charmante enfant*.... — бормоталъ пораженный князь.

Но гордый, лорывистый и, въ высшей степени, мечтательный характеръ Зины увлекалъ ее въ эту минуту изъ среды всѣхъ приличій, требуемыхъ дѣйствительностію. Она забыла даже о своей матери, которую корчили судороги отъ ея признаній.

— Да, мы обманули васъ обѣ, князь: — маменька тѣмъ, что

рѣшилась заставить васъ жениться на мнѣ, а я тѣмъ, что согласилась на это. Васъ напоили виномъ, я согласилась пѣть и кривляться передъ вами. Васъ — слабого, беззащитнаго, *облапошили*, какъ выразился Павелъ Александровичъ, облапошили изъ-за вашего богатства, изъ-за вашего княжества. Все это было ужасно низко и я каюсь въ этомъ. Но клянусь вамъ, князь, что я рѣшилась на эту низость не изъ низкаго побужденія. Я хотѣла.... Но что я! двойная низость оправдывать себя въ такомъ дѣлѣ! Но объявляю вамъ, князь, что я, еслибъ и взяла отъ васъ что-нибудь, то была-бы за это вашей игрушкой, служанкой, плясуньей, рабой.... я поклялась и свято-бы сдержала клятву мою!...

Сильной горловой спазмъ остановилъ ее въ эту минуту. Всѣ гости какъ-будто оцѣпенѣли и слушали, вышуча глаза. Неожиданная и совершенно непонятная имъ выходка Зины, сбила ихъ съ толку. Одинъ князь былъ тронутъ до слезъ, хотя и половины не понималъ изъ того, что сказала Зина.

— Но я женюсь на васъ, *ma belle enfant*, если ужъ вы такъ хо-ти-те, — бормоталъ онъ — и это для меня будетъ большая честь! Только, увѣряю васъ, что это было дѣйствительно, какъ-будто-бы, сонъ.... Ну, мало-ли что я увижу во-снѣ? Къ чему-же такъ без-по-коитья? Я даже какъ-будто ничего и не понялъ, *mon ami*, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Мозглякову: — объясни мнѣ, хоть ты пожа-луй-ста....

— А вы, Павелъ Александровичъ, — подхватила Зина, тоже обращаясь къ Мозглякову, — вы, на котораго я, одно время, рѣшилась-было смотрѣть, какъ на моего будущаго мужа, вы, который теперь мнѣ такъ жестоко отмстили, — неужели и вы могли примкнуть къ этимъ людямъ, чтобъ растерзать и опозорить меня? И вы говорили, что любили меня! Но не мнѣ читать вамъ нравоученія! Я виновниѣ васъ. Я оскорбила васъ, потому что, дѣйствительно, манила васъ обѣщаніями, и мои давнишнія доказательства были ложь и хитросплетенія! Я васъ никогда не любила, и если рѣшалась выдти за васъ, то единственно, чтобъ хоть куда-нибудь уйдти отсюда, изъ этого про-

клятого города и избавится отъ всего этого смрада.... Но, клянусь вамъ, выйдя за васъ, я была-бы вамъ доброй и вѣрной женой.... Вы жестоко отместили мнѣ и, если это льститъ вашей гордости....

— Зинаида Афанасьевна! — вскричалъ Мозгляковъ.

— Если до-сихъ-поръ вы питаете ко мнѣ ненависть...

— Зинаида Афанасьевна !!

— Если когда-нибудь, — продолжала Зина, давя въ себѣ слезы: — если когда-нибудь вы любили меня...

— Зинаида Афанасьевна !!!

— Зина, Зина! дочь моя! — вопила Марья Александровна.

— Я подлець, Зинаида Афанасьевна, я подлець и больше ничего! — скрѣпилъ Мозгляковъ и все пришло въ ужаснѣйшее волненіе. Поднялись крики удивленія, негодованія, но Мозгляковъ стоялъ, какъ вкопанный, безъ мысли и безъ голоса...

Для слабыхъ и пустыхъ характеровъ, привыкшихъ къ постоянной подчиненности и рѣшающихся, наконецъ, взбѣситься и протестовать, однимъ словомъ, быть твердыми и послѣдовательными, всегда существуетъ черта, — близкій предѣлъ ихъ твердости и послѣдовательности. Протестъ ихъ бываетъ въ началѣ, обыкновенно самый энергическій. Энергія ихъ даже доходитъ до изступленія. Они бросаются на препятствія, какъ-то зажмуривъ глаза, и всегда почти не посламъ берутъ себѣ ношу на плечи. Но, дойдя до извѣстной точки, взбѣшенный человѣкъ, вдругъ, какъ-будто самъ себя испугается, останавливается, какъ ошеломленный, съ ужаснымъ вопросомъ: «Что это я такое надѣлалъ?» Потомъ немедленно, раскисаетъ, хнычетъ, требуетъ объясненій, становится на колѣни, проситъ прощенія, умоляетъ, чтобы все было по старому, но только поскорѣе, какъ-можно поскорѣе!.. Почти то-же самое случилось теперь съ Мозгляковымъ. Выйдя изъ себя, взбѣсившись, накликавъ бѣду, которую онъ уже всю, цѣликомъ, приписывалъ теперь одному себѣ; насытивъ свое негодованіе и самолюбіе и себя-же возненави-

дѣвъ за это, онъ, вдругъ, остановился, убитый совѣстью, передъ неожиданной выходкой Зины. Последнія слова ея добились его окончательно. Перескочить изъ одной крайности въ другую было дѣломъ одной минуты.

— Я — осель, Зинаида Афанасьевна! — вскричалъ онъ, въ порывѣ изступленнаго раскаянія. — Нѣтъ! что осель? Осель еще ничего! Я несравненно хуже осла! Но я вамъ докажу, Зинаида Афанасьевна, я вамъ докажу, что и осель можетъ быть благороднымъ человѣкомъ!.. Дядюшка! я обманулъ васъ! Я, я, я обманулъ васъ! Вы не спали; вы дѣйствительно, на-яву, дѣлали предложеніе, а, я, я, подлець, изъ мщенія, что мнѣ отказали, увѣрилъ васъ, что вы видѣли все это во-снѣ.

— Удивительно любопытныя вещи-сь открываются-сь, — пропиѣла Наталья Дмитриевна на ухо Аннѣ Николаевнѣ.

— Другъ мой, — отвѣчалъ князь: — ус-по-койся по-жалуйста; ты меня, право, испугалъ своимъ кри-комъ. Увѣряю тебя, что ты о-ши-ба-ешься... Я, пожалуй, готовъ жениться, если ужъ такъ на-до; но вѣдь ты, самъ-же, увѣрялъ меня, что это было только во-снѣ...

— О, какъ увѣрить мнѣ васъ! Научите меня, какъ мнѣ увѣрить его теперь! Дядюшка, дядюшка! Вѣдь это важная вещь, важнѣйшее фамильное дѣло! Сообразите! Подумайте!

— Другъ мой, изволь, я по-ду-маю. Пстой, дай-же мнѣ вспомнить все по-поряд-ку. Сначала я видѣлъ кучера Фе-о-фи-ла...

— Э, не до Феофила теперь, дядюшка!

— Ну-да, положимъ, что теперь не-до-не-го. Потомъ былъ На-по-ле-онъ, а потомъ какъ-будто мы чай пили, и какая-то дама пришла и весь сахаръ у насъ поѣла...

— Но, дядюшка, — брякнулъ Мозгляковъ, въ затмѣніи ума своего, — вѣдь это сама Марья Александровна рассказывала вамъ давеча про Наталью Дмитриевну! Вѣдь я тутъ-же былъ, я самъ это слышалъ! Я спрятался и смотрѣлъ на васъ въ дырочку...

— Какъ, Марья Александровна, — подхватила Наталья Дмитриевна, — такъ вы ужь и князю рассказывали-сь, что я у васъ сахаръ украла, изъ сахарницы! Такъ я къ вамъ сахаръ воровать ѣзжу-сь!

— Прочь отъ меня! — закричала Марья Александровна, доведенная до отчаянія.

— Нѣтъ не прочь, Марья Александровна, вы этакъ не смѣете говорить-сь, а стало-быть я у васъ сахаръ краду-сь? Я давно слышала, что вы про меня такія гнусности распускаете-сь. Мнѣ Софья Петровна подробно рассказывала-сь... Такъ я у васъ сахаръ краду-сь?..

— Но, mesdames, — закричалъ князь, — вѣдь это было только во-снѣ! Ну, мало-ли что я увижу во-снѣ?

— Кадушка проклятая — пробормотала въ пол-голоса Марья Александровна.

— Какъ, я и кадушка-сь — взвизгнула Наталья Дмитриевна. — А вы кто такая-сь? Я давно знаю, что вы меня кадушкой зовете-сь! У меня, по крайней мѣрѣ, мужъ у меня-сь, а у васъ-то дуракъ-сь...

— Ну-да, я помню, была и ка-ду-шка, — пробормоталъ безсознательно князь, припоминая давишній разговоръ съ Марьей Александровной.

— Какъ, и вы туда-же дворянку бранить-сь? Какъ вы смѣете, князь, дворянку бранить-сь? Коли я кадушка, такъ вы безногіе-сь...

— Кто, я безногій?

— Ну-да, безногіе-сь, да еще и беззубые-сь, вотъ вы какіе-сь!

— Да еще и одноглазый! — закричала Марья Александровна.

— У васъ корсетъ, вмѣсто реберъ-сь—прибавила Наталья Дмитриевна.

— Лицо на пружинахъ!

— Волосъ своихъ нѣтъ-сь...

— И усяшки-то, у дурака, накладные, — скрѣпила Марья Александрова.

— Да хоть носъ-то оставьте мнѣ, Марья Степановна, насто-ящій! — вскричалъ князь, ошеломленный такими внезапными откровенностями. — Другъ мой! Это ты меня предалъ! Это ты рассказалъ, что волосы у меня накладные...

— Дядюшка!

— Нѣтъ, мой другъ, я уже болѣе не могу здѣсь оставаться! Уведи ты меня куда-нибудь... *quelle société!* Куда это ты завелъ меня, Бо-же-мой?

— Идіотъ! подлець! — кричала Марья Александровна.

— Боже ты мой!—говорилъ бѣдный князь,—я вотъ только не-много за-былъ, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ, но я сей-часъ вспом-ню. Уведи ты меня, братецъ, куда ни-будь, а то меня разтерзають! Притомъ-же... мнѣ не-мед-ленно надо записать одну новую мысль...

— Пойдемте, дядюшка, еще не поздно; я васъ тотчасъ-же перевезу въ гостинницу и самъ переѣду съ вами...

— Ну-да, въ гос-тин-ницу. *Adieu, ma charmante enfant!*... вы одна... вы только одна... доб-родѣтельны. Вы благородная дѣвушка, благо-род-ная дѣвушка! — Пойдемъ-же, мой милый. О Боже мой!

Но не стану описывать окончанія неприятой сцены, бывшей по выходѣ князя. Гости разѣхались съ визгами и ругательствами. Марья Александровна осталась, наконецъ, одна, среди развалинъ и обломковъ своей прежней славы. Увы! слава, слава, значеніе, — все исчезло въ одинъ этотъ вечеръ! Марья Александровна понимала, что уже не подняться ей по прежнему. Долгій, многолѣтній ея деспотизмъ надъ всѣмъ обществомъ окончательно рушился. Чтò оставалось ей теперь? — философствовать? Но она не философствовала. Она пробѣсилась всю ночь. Зина обезчещена, сплетни пойдутъ безконечныя! Ужасъ!

Какъ вѣрный историкъ я долженъ упомянуть, что всѣхъ болѣе въ этомъ похмѣльи досталось Афанасію Матвѣичу, ко-

торый забился наконецъ куда-то въ чуланъ и въ немъ промерзъ до утра. Наступило, наконецъ, и утро, но и оно не принесло ничего хорошаго. Бѣда никогда одна не приходитъ...

ГЛАВА XV

Если судьба обрушится разъ на кого бѣдою, то ударамъ ея и конца не бываетъ. Это давно замѣчено. Мало было одного вчерашняго позора и срама для Марьи Александровны! Нѣтъ! судьба ей готовила побольше и подучше:

Еще до десяти часовъ утра, по всему городу, вдругъ, распространился одинъ странный и почти невѣроятный слухъ, встрѣченный всеми съ самою злобною и ожесточенною радостью, — какъ и обыкновенно встрѣчаемъ мы все всякій необыкновенный скандалъ, случившійся съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ близкихъ. «До такой степени потерять стыдъ и совесть!» — кричали со всехъ сторонъ, — «до такой степени унизиться, пренебречь все приличія, до такой степени распустить все узы!» и проч. и проч. Вотъ что, однакоже, случилось. Рано утромъ, чуть-ли еще не въ седьмомъ часу, одна бѣдная, жалкая старуха, въ отчаяніи и въ слезахъ, прибѣжала въ домъ Марьи Александровны и умоляла горничную, какъ можно скорѣе разбудить барышню, одну только барышню, потихоньку, чтобъ какъ-нибудь не узнала Марья Александровна. Зина, блѣдная и убитая, выбѣжала къ старухѣ немедленно. Та упала ей въ ноги, цаловала ихъ, обливала слезами и молила немедленно сходить съ ней къ ея больному Васѣ, который всю ночь былъ такъ труденъ, такъ

трудень, что, можетъ, и дня больше не проживеть. Старуха говорила Зинѣ рыдая, что самъ Вася зоветъ ее къ себѣ проститься въ предсмертный часъ, заклинаеть ее всѣми святыми ангелами, всѣмъ, что было прежде, и что если она не прійдетъ, то онъ умретъ съ отчаяніемъ. Зина тотчасъ же рѣшилась идти, не смотря на то, что исполненіе такой просьбы явно-бы подтвердило всѣ прежніе, озлобленные слухи о перехваченной запискѣ, о скандалѣзномъ ея поведеніи и проч. Не сказавшись матери, она накинула на себя салопъ и, тотчасъ-же, побѣжала со старухой, черезъ весь городъ, въ одну изъ самыхъ бѣдныхъ слободокъ Мордасова, въ самую глухую улицу, гдѣ стоялъ одинъ ветхій, покривившійся и вросшій съ землею домишка, съ какими-то щелочками, вмѣсто оконъ и обнесенный сугробами снѣгу со всѣхъ сторонъ.

Въ этомъ домишкѣ, въ маленькой, низкой и затхлои комнаткѣ, въ которой огромная печь занимала ровно половину всего пространства, на досчатой, некрашеной кровати, на тонкомъ какъ блинъ тюфякѣ, лежалъ молодой человѣкъ, покрытый старой шинелью. Лицо его было блѣдное и изможденное, глаза блистали болѣзненнымъ огнемъ, руки были тонки и сухи, какъ палки; дышалъ онъ трудно и хрипло. Замѣтно было, что когда-то онъ былъ хорошъ собою; но болѣзнь изказила тонкія черты его красиваго лица, на которое страшно и жалко было взглянуть, какъ на лицо всякаго чахоточнаго, или, вѣрнѣе сказать, умирающаго. Его старуха мать, которая цѣлый годъ, чуть-ли не до послѣдняго часу, ждала воскресенія своего Васишки, увидала, наконецъ, что онъ не жилецъ въ этомъ мірѣ. Она стояла теперь надъ нимъ, убитая горемъ, сложивъ руки, безъ слезъ, глядѣла на него и не наглядѣлась, и все-таки не могла понять, хоть и знала это, что черезъ нѣсколько дней ея ненагляднаго Васю закроетъ мерзлая земля, тамъ, подъ сугробами снѣгу, на бѣдномъ кладбищѣ. Но Вася не на нее смотрѣлъ въ эту минуту. Все лицо его, исхудалое и страдальческое, дышало теперь блаженствомъ. Онъ видѣлъ, наконецъ, передъ собою ту, кото-

рѣя снилась ему цѣлые полтора года, и на яву и во снѣ, въ продолженіи долгихъ, тяжелыхъ ночей его болѣзни. Онъ понялъ, что она простила его, явись къ нему, какъ ангелъ Божій, въ предсмертный часъ. Она сжимала его руки, плакала надъ нимъ, улыбалась ему, опять смотрѣла на него своими чудными глазами и, — и все прежнее, невозвратное, воскресло вновь въ душѣ умирающаго. Жизнь загорѣлась снова въ его сердцѣ и, казалось, оставляя его, хотѣла дать почувствовать страдальцу, какъ тяжело разставаться съ нею.

— Зина, говорилъ онъ, Зиночка! Не плачь надо мной, не тужи, не тоскуй, не напоминай мнѣ, что я скоро умру. Я буду смотрѣть на тебя, — вотъ такъ, какъ теперь смотрю, — буду чувствовать, что наши души опять вмѣстѣ, что ты простила меня, буду опять цаловать твои руки, какъ прежде, и умру, можетъ-быть, не примѣтивъ смерти! Похудѣла ты, Зиночка! Ангелъ ты мой, съ какой добротой ты на меня теперь смотришь? А помнишь, какъ ты прежде смѣялась? помнишь.... Ахъ, Зина, я не прошу у тебя прощенія, я и поминать не хочу о томъ, что было, — потому, Зиночка, потому, что хоть ты, можетъ быть, и простила меня, но я самъ никогда себѣ не прощу. Были долгія ночи, Зина, бессонныя, ужасныя ночи, и въ эти ночи, вотъ на этой самой кровати, я лежалъ и думалъ, долго, много передумалъ, и давно уже рѣшилъ, что мнѣ лучше умереть, сѣ-Богу, лучше! Я не годился жить, Зиночка!

Зина плакала и безмолвно сжимала его руки, какъ будто хотѣла этимъ остановить его.

— Что ты плачешь, мой ангелъ? продолжалъ больной. О томъ, что я умираю, объ этомъ только? Но вѣдь все прочее давно уже умерло, давно схоронено! Ты умнѣ меня, ты чище сердцемъ, и потому давно знаешь, что я дурной человѣкъ. Развѣ ты можешь еще любить меня? И чего мнѣ стоило перенести эту мысль, что ты знаешь, что я дурной и пустой человѣкъ! А самолюбія-то сколько тутъ было, можетъ-быть, и благороднаго.... не знаю! Ахъ, другъ мой, вся

моя жизнь была мечта. Я все мечталъ, всегда мечталъ, а не жилъ, гордился, толпу презиралъ, а чѣмъ я гордился передъ людьми? и самъ не знаю. Чистотой сердца, благородствомъ чувствъ? Но вѣдь все это было въ мечтахъ, Зина, когда мы читали Шекспира, а какъ дошло до дѣла, я и выказалъ мою чистоту и благородство чувствъ....

— Полно, говорила Зина, полно!... все это не такъ, напрасно.... ты убиваешь себя!

— Чтò ты останавливаешь меня, Зина! Знаю, ты простила меня и давно, можетъ быть, простила; но ты судила меня и поняла — кто я таковъ; вотъ это-то меня и мучить. Недостопнъ я твоей любви, Зина! Ты и на дѣлѣ была честная и великодушная: ты пошла къ матери и сказала, что выйдешь за меня и ни за кого другаго, и сдержала-бы слово, потому что у тебя слово не разнплось съ дѣломъ. А я, я! Когда дошло до дѣла.... Знаешь-ли, Зиночка, что вѣдь я даже и не понималъ тогда, чѣмъ ты жертвуешь, выходя за меня! Я не могъ даже того понять, что, выйдя за меня, ты, можетъ-быть, умерла-бы съ голоду. Куда, и мысли было! Я вѣдь думалъ только, что ты выходишь за меня, за великаго поэта (за будущаго, то есть), не хотѣлъ понимать тѣхъ причинъ, которыя ты выставляла, прося повременить свадьбой, мучилъ тебя, тиранилъ, упрекалъ, презиралъ и дошло, наконецъ, до угрозы моей тебѣ этой запиской. Я даже и не подлець былъ въ ту минуту. Я просто былъ дрянъ-человѣкъ! О, какъ ты должна была презирать меня! Нѣтъ, хорошо, что я умираю! Хорошо, что ты за меня не вышла! Ничего-бы я не понялъ изъ твоего пожертвованія, мучилъ-бы тебя, изтерзалъ бы тебя за нашу бѣдность: пришли-бы года, — куда! — можетъ-быть и возненавидѣлъ-бы тебя, какъ помѣху въ жизни. А теперь лучше! Теперь, по крайней-мѣрѣ, горькія слезы мои очистили во мнѣ сердце. Ахъ! Зиночка! Люби меня хоть немножко, такъ-какъ прежде любила! Хоть въ этотъ послѣдній часъ.... Я вѣдь знаю, что я недостопнъ любви твоей, но.... но.... о ангелъ ты мой!

Во всю эту рѣчь, Зина, рыдая сама, нѣсколько разъ его останавливала. Но онъ не слушалъ ее; его мучило желаніе высказаться, и онъ продолжалъ говорить, хотя съ трудомъ, задыхаясь, хриплымъ удушлымъ голосомъ.

— Не встрѣтилъ-бы ты меня, не полюбилъ-бы меня, такъ остался-бы жить! сказала Зина. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ мы сошлись вмѣстѣ!

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, не укоряй себя въ томъ, что я умираю, продолжалъ больной. Во всемъ я одинъ виновать! Самолюбія-то столько тутъ было! романтизма! Рассказывалъ-ль тебѣ подробно мою глупую исторію, Зина? Видишь-ли? былъ тутъ, третьяго года, одинъ арестантъ, подсудимый, злодѣй и душегубецъ; но когда пришлось къ наказанію, онъ оказался самымъ малодушнымъ человѣкомъ. Зная, что больного не выведутъ къ наказанію, онъ досталъ вина, настоялъ въ немъ табаку и выпилъ. Съ нимъ началась, такая рвота съ кровью и такъ долго продолжалась, что повредила ему легкія. Его перенесли въ больницу и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ въ злой чахоткѣ. Ну-вотъ, ангелъ мой, я и вспомнилъ про этого арестанта, въ тотъ самый день.... ну, знаешь, послѣ записки-то.... и рѣшился также погубить себя. Но какъ-бы ты думала, почему я выбралъ чахотку? почему я не удавился, не утопился? побоялся скорой смерти? Можетъ-быть, и такъ, но все мнѣ какъ-то мерещится, Зиночка, что и тутъ не обошлось безъ сладкихъ романтическихъ глупостей! Все-таки у меня была тогда мысль: какъ это красиво будетъ, что вотъ я буду лежать на постели, умирая въ чахоткѣ, а ты все будешь убиваться, страдать, что довела меня до чахотки; сама придешь ко мнѣ съ повинною, упадешь передо мной на колѣни.... Я прощаю тебя, умираю на рукахъ твоихъ.... Глупо, Зиночка, глупо, не правда-ли?

— Не поминай объ этомъ! — сказала Зина, — не говори этого! ты не такой... будемъ лучше вспоминать о другомъ, о нашемъ хорошемъ, счастливымъ!

— Горько мнѣ, другъ мой, оттого и говорю. Полтора года я тебя не видалъ! Душу-бы, кажется, передъ тобой теперь выложилъ! Вѣдь все то время, съ тѣхъ поръ, я былъ одинъ-одинешенскъ и, кажется, минуты не было, чтобъ не думалъ я о тебѣ, ангелъ мой ненаглядный! И знаешь что, Зиночка? какъ мнѣ хотѣлось что-нибудь сдѣлать, какъ-нибудь такъ заслужить, чтобъ заставить тебя переимѣнить обо мнѣ твое мнѣніе. До послѣдняго времени я не вѣрилъ, что я умру; вѣдь меня не сейчасъ свалило, долго я ходилъ съ больной грудью. И сколько смѣшныхъ у меня было предположеній! Мечталъ я, напримѣръ, сдѣлаться, вдругъ, какимъ-нибудь величайшимъ поэтомъ, напечатать въ «Отечественныхъ Запискахъ» такую поэму, какой и не бывало еще на свѣтѣ. Думалъ въ ней излить все мои чувства, всю мою душу, такъ что гдѣ-бы ты ни была, я все-бы былъ съ тобой, непрерывно-бы напоминалъ о себѣ моими стихами, и самая лучшая мечта моя была та, что ты задумаешься, наконецъ, и скажешь: «Нѣтъ! онъ не такой дурной человѣкъ, какъ я думала!» Глупо, Зиночка, глупо, не правда-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, Вася, нѣтъ!—говорила Зина. Она припала къ нему на грудь и цаловала его руки.

— А какъ я ревновалъ тебя все это время! Мнѣ кажется, я-бы умеръ, если-бы услышалъ о твоей сватьбѣ! Я подсылалъ къ тебѣ, караулилъ, шпионилъ... вотъ она все ходила — (и онъ кивнулъ на мать). Вѣдь ты не любила Мозглякова, не правда-ли, Зиночка? О, ангелъ мой? Вспомнишь-ли ты обо мнѣ, когда я умру? Знаю, что вспомнишь; но пройдутъ годы, сердце остынетъ, настанетъ холодъ, зима на душѣ и забудешь ты меня, Зиночка!...

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Я не выйду и замужъ!... ты мой первый... всегдашній!...

— Все умираетъ, Зиночка, все, даже и воспоминанія!... И благородныя чувства наши умираютъ. Въмѣсто нихъ наступаетъ благоразуміе. Что-жъ и роптать! Пользуйся жизнью, Зина, живи долго, живи счастливо. Полюби и другаго, коль

полюбится,—не мертвеца-же любить! Только вспомни обо мнѣ, хоть изрѣдка; худаго не вспоминай, прости худое; но вѣдь было же и въ нашей любви хорошее, Зиночка! О, золотые, невозвратные дни!... Послушай, мой ангелъ, я всегда любилъ вечерній, закатный часъ. Вспомни обо мнѣ, когда-нибудь, въ этотъ часъ! О нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ умирать? О какъ-бы я хотѣлъ теперь вновь жить! Вспомни, другъ мой, вспомни вспомни то время! Тогда была весна, солнце такъ ярко свѣтило, цвѣли цвѣты, праздникъ былъ какой-то кругомъ насъ... А теперь! Посмотри, посмотри!

И бѣдный указалъ, изсохшею рукою, на замерзлое, тусклое окно. Потомъ схватилъ руки Зины, прижалъ ихъ къ глазамъ своимъ и горько-горько зарыдалъ. Рыданія почти разрывали изтерзанную грудь его.

И весь день страдалъ онъ, тосковалъ и плакалъ. Зина утѣшала его, какъ могла, но ея душа страдала до смерти. Она говорила, что не забудетъ его и что никогда никого не полюбитъ такъ, какъ его любила. Онъ вѣрилъ ей, улыбался, целовалъ ея руки, но воспоминанія о прошедшемъ только жгли, только терзали его душу. Такъ прошелъ цѣлый день. Между тѣмъ испуганная Марья Александровна разъ десять посылала къ Зинѣ, молила ее воротиться домой и не губить себя окончательно въ общемъ мнѣніи. Наконецъ, когда уже стемнѣло, почти потерявъ голову отъ ужаса, она рѣшилась сама идти къ Зинѣ. Вызвавъ дочь въ другую комнату она, почти на колѣняхъ, умоляла ее «отстранить этотъ послѣдній и главный кинжалъ отъ ея сердца». Зина вышла къ ней больная; голова ея горѣла. Она слушала и не понимала свою маленьку. Марья Александровна ушла, наконецъ, въ отчаяніи, потому, что Зина рѣшилась ночевать въ домѣ умирающаго. Цѣлую ночь не отходила она отъ его постели. Но больному становилось все хуже и хуже. Насталъ и еще день, но уже не было и надежды, что страдалецъ переживетъ его. Старуха мать была, какъ безумная, ходила, какъ-будто ничего не понимая, подавала сыну лѣкарства, которыхъ онъ не хотѣлъ

принимать. Агонія его длилась долго. Онъ уже не могъ говорить и только безсвязные, хриплые звуки вырывались изъ его груди. До самой послѣдней минуты онъ все смотрѣлъ на Зину, все искалъ ее глазами, и когда уже свѣтъ началъ меркнуть въ его глазахъ, онъ все еще блуждающею, невѣрною рукою искалъ руку ея, чтобъ сжать ее своей. Между тѣмъ короткій, зимній день проходилъ. И когда, наконецъ, послѣдній, прощальный лучъ солнца позолотилъ замороженное, единственное оконцо маленькой комнаты, душа страдальца улетѣла вслѣдъ за этимъ лучемъ изъ изможденнаго тѣла. Старуха-мать, увидя, наконецъ, передъ собою трупъ своего ненагляднаго Васи, всплеснула руками, вскрикнула и бросилась на грудь мертвецу.

— Это ты, змѣя подколодная, извела его! — закричала она въ отчаяніи Зинѣ. Ты, разлучница проклятая, ты злодѣйка, его погубила!

Но Зина уже ничего не слыхала. Она стояла надъ мертвымъ, какъ обезумѣвшая. Наконецъ, наклонилась надъ нимъ, перекрестила, поцаловала его и машинально вышла изъ комнаты. Глаза ея горѣли, голова кружилась. Мучительныя ощущенія, двѣ почти безсонныя ночи, чуть-чуть не лишили ее разсудка. Она смутно чувствовала, что все ея прошѣдшее какъ-бы оторвалось отъ ея сердца и началась новая жизнь, мрачная и угрожающая. Но не прошла она десяти шаговъ, какъ Мозгляковъ какъ-будто выросъ передъ нею изъ подъ земли: казалось, онъ нарочно поджидалъ ее на этомъ мѣстѣ.

— Зинаида Афанасьевна, — началъ онъ какимъ-то боязливымъ шопотомъ, торопливо оглядываясь по сторонамъ, потому, что еще было довольно свѣтло, Зинаида Афанасьевна, я, конечно, осель! То есть, если хотите, я ужъ теперь и не осель, потому что, видите-ли, все-таки поступилъ благородно. Но все-таки я раскаяваюсь въ томъ, что я былъ осель... Я, кажется, сбиваюсь, Зинаида Афанасьевна, но... вы извините, это отъ разныхъ причинъ...

Зина почти бессознательно посмотрѣла на него и молча

продолжала свою дорогу. Такъ-какъ на высокомъ деревянномъ тротуарѣ было тѣсно двумъ рядомъ, а Зина не сторонила, то Павелъ Александровичъ соскочилъ съ тротуара и бѣжалъ, подлѣ нея внизу, непрерывно заглядывая ей въ лицо.

— Зинаида Афанасьевна — продолжалъ онъ, я разсудилъ и, если вы сами захотите, то я согласенъ возобновить мое предложеніе. Я даже готовъ забыть все, Зинаида Афанасьевна, весь позоръ, и готовъ простить, но только съ однимъ условіемъ: покаместъ мы здѣсь, все останется въ тайнѣ. Вы уйдете отсюда; какъ можно скорѣе, я, потихоньку, вслѣдъ за вами; обвиняемся гдѣ-нибудь въ глуши, такъ что никто не увидитъ, а потомъ сейчасъ въ Петербургъ, хотя-бы и на перекладныхъ, такъ, чтобъ съ вами былъ только маленькій чемоданчикъ... а? Согласны, Зинаида Афанасьевна? Скажите поскорѣе! Миѣ нельзя дожидаться; насъ могутъ увидѣть вмѣстѣ.

Зина не отвѣчала и только посмотрѣла на Мозглякова, но такъ посмотрѣла, что онъ тотчасъ-же все понялъ, снялъ шляпу, раскланялся и исчезъ при первомъ поворотѣ въ переулокъ.

— «Какъ-же это? подумалъ онъ: — вчера еще вечеромъ она такъ разчувствовалась и во всемъ себя обвиняла? Видно день на день не приходитъ!»

А между тѣмъ въ Мордасовѣ происшествія шли за происшествіями. Случилось одно трагическое обстоятельство. Князь, перевезенный Мозгляковымъ въ гостиницу, заболѣлъ въ ту-же ночь и заболѣлъ опасно. Мордасовцы узнали объ этомъ на утро. Каллистъ Станиславичъ почти не уходилъ отъ больного. Къ вечеру составилъ консилиумъ всѣхъ мордасовскихъ медиковъ. Приглашенія имъ посланы были по-латынѣ. Но не смотря на латынь, князь со-всѣмъ ужъ потерялъ память, бредилъ, просилъ Каллиста Станиславича спѣть ему какой-то романъ, говорилъ про какіе-то парики; иногда какъ-будто чего-то пугался и кричалъ. Докто-

ра рѣшили, что отъ мордасовскаго гостепрїимства у князя сдѣлалось воспаленіе въ желудкѣ, какъ-то перешедшее (вѣроятно, по дорогѣ) въ голову. Не отвергали и нѣкотораго нравственнаго потрясенія. Заключили-же тѣмъ, что князь давно уже былъ предрасположенъ умереть, а потому непременно умереть. Въ послѣднемъ они не ошиблись, потому что бѣдный старичекъ, на третій же день къ вечеру, померъ въ гостинницѣ. Это поразило Мордасовцевъ. Никто не ожидалъ такого серьезнаго оборота дѣла. Бросились толпами въ гостинницу, гдѣ лежало мертвое тѣло, еще не убранное, судили, ржали, кивали головами и кончили тѣмъ, что рѣзко осудили «убійцу несчастнаго князя», подразумевая подъ этимъ, разумѣется, Марью Александровну съ дочерью. Всѣ почувствовали, что эта исторія, уже по одной своей скандалѣзности, можетъ получить непрїятную огласку, пойдетъ пожалуй еще въ дальнія страны и, — чего-чего не было переговорено и пересказано. Все это время Мозгляковъ суетился, кидался во всѣ стороны и, наконецъ, голова у него закружилась.—Въ такомъ-то состояніи духа онъ и видѣлся съ Зиной.—Дѣйствительно, положеніе его было затруднительное. Самъ онъ завезъ князя въ городъ, самъ перевезъ въ гостинницу, а теперь не зналъ, что и дѣлать съ покойникомъ, какъ и гдѣ хоронить, кому дать знать, везти-ли тѣло въ Духаново? Къ тому-же онъ считался племянникомъ. Онъ трепеталъ, чтобъ не обвинили его въ смерти почтеннаго старца. «Пожалуй, еще дѣло отзовется въ Петербургѣ, въ высшемъ обществѣ!»—думалъ онъ съ содроганіемъ. Отъ Мордасовцевъ нельзя было добиться никакого совѣта; всѣ вдругъ чего-то испугались, отхлынули отъ мертваго тѣла и оставили Мозглякова въ какомъ-то мрачномъ уединеніи. Но вдругъ вся сцена быстро перемѣнилась. На другой день, рано утромъ, въ городъ вѣхалъ одинъ посѣтитель. Объ этомъ посѣтителѣ мигомъ заговорилъ весь Мордасовъ, но заговорилъ какъ-то таинственно, шопотомъ, выглядывая на него изъ всѣхъ щелей и оконъ, когда онъ проѣхалъ по Боль-

шой улицѣ къ губернатору. Даже самъ Петръ Михайловичъ немного, какъ-будто-бы, струсилъ и не зналъ какъ-быть съ прїѣзжимъ гостемъ. Гость былъ довольно извѣстный князь Щепетилловъ, родственникъ покойнику, человѣкъ еще почти молодой, лѣтъ тридцати пяти, въ полковничьихъ эполетахъ и въ эксельбантахъ. Всѣхъ чиновниковъ пробралъ какой-то необыкновенный страхъ отъ этихъ эксельбантовъ. Полицеймейстеръ, напримѣръ, совсѣмъ потерялся; разумѣется, только нравственно; физически-же онъ явился на лицо, хотя и съ довольно вытянутымъ лицомъ. Тотчасъ-же узнали, что князь Щепетилловъ ѣдетъ изъ Петербурга, заѣзжалъ, по дорогѣ въ Духаново. Не заставъ-же въ Духановѣ никого, полетѣлъ въ слѣдъ за дядей въ Мордасовъ, гдѣ, какъ громомъ, поразила его смерть старика и всѣ подробнѣйшіе слухи объ обстоятельствахъ его смерти. Петръ Михайловичъ даже немного потерялся, давая нужныя объясненія; да и всѣ, въ Мордасовѣ, смотрѣли какими-то виноватыми. Къ тому-же у прїѣзжаго гостя было такое строгое, такое недовольное лицо, хотя, казалось-бы, нельзя быть недовольну наслѣдствомъ. Онъ тотчасъ-же взялся за дѣло самъ, лично. Мозгляковъ-же немедленно и постыдно стушевался передъ настоящимъ, несамозваннымъ племянникомъ и исчезъ— неизвѣстно куда. Рѣшено было немедленно перенести тѣло покойника въ монастырь, гдѣ и назначено было отпѣваніе. Всѣ распоряженія прїѣзжаго отдавались кратко, сухо, строго, но съ тактомъ и приличіемъ. На завтра весь городъ собрался въ монастырь присутствовать при отпѣваніи. Между дамами распространился нелѣпый слухъ, что Марья Александровна лично явится въ церковь и, на колѣняхъ передъ гробомъ, будетъ громко испрашивать себѣ прощенія, и что все это должно быть такъ по закону. Разумѣется, все это оказалось вздоромъ, и Марья Александровна не явилась въ церковь. Мы и забыли сказать, что тотчасъ-же по возвращеніи Зины домой, ея маменька въ тотъ-же вечеръ рѣшилась переѣхать въ деревню, считая болѣе невозможнымъ

оставаться въ городѣ. Тамъ тревожно прислушивалась она изъ своего угла къ городскимъ слухамъ, посылала на развѣдки узнавать о прїѣзжѣхъ лицъ и все время была въ лихорадкѣ. Дорога, изъ монастыря въ Духаново, проходила менѣе, чѣмъ въ верстѣ, отъ окошекъ ея деревяннаго дома— и потому Марья Александровна могла удобно рассмотреть длинную процессію, потянувшуюся изъ монастыря въ Духаново послѣ отпѣванія. Гробъ везли на высокихъ дрогахъ; за нимъ тянулась длинная вереница экипажей, провожавшихъ покойника до поворота въ городъ. И долго еще чернѣли на бѣлоснѣжномъ полѣ эти мрачныя дроги, везомыя тихо, съ подобающимъ величіемъ. Но Марья Александровна не могла смотрѣть долго и отошла отъ окна.

Черезъ недѣлю она переѣхала въ Москву, съ дочерью и съ Афанасіемъ Матвѣичемъ, а черезъ мѣсяць узнали въ Мордасовѣ, что подгородная деревня Марьи Александровны и городской домъ продаются. И такъ, Мордасовъ на вѣки терялъ такую комъ-пль-фотную даму! Не обошлось и тутъ безъ злоязычія. Стали, на примѣръ, увѣрять, что деревня продается вмѣстѣ съ Афанасіемъ Матвѣичемъ... Прошелъ годъ, другой, и объ Марьѣ Александровнѣ почти совершенно забыли. Увы! такъ всегда ведется на свѣтѣ! Рассказывали, впрочемъ, что она купила себѣ другую деревню и переѣхала въ другой губернской городъ, въ которомъ, разумѣется, уже забрала всѣхъ въ руки, что Зина еще до-сихъ-поръ не замужемъ, что Афанасій Матвѣичъ... Но, впрочемъ, нечего повторять эти слухи; все это очень невѣрно.

Прошло три года, какъ я дописалъ послѣднюю строчку перваго отдѣла мордасовской лѣтописи и, кто-бы могъ подумать, что мнѣ еще разъ придется развернуть мою рукопись

и прибавить еще одно извѣстіе къ моему разсказу. Но къ дѣлу! Начну съ Павла Александровича Мозглякова. Ступевавшись изъ Мордасова, онъ отправился прямо въ Петербургъ, гдѣ и получилъ благополучно то служебное мѣсто, которое ему давно обѣщали. Вскорѣ онъ забылъ все мордасовскія событія, пустился въ вихрь свѣтской жизни, на Васильевскомъ островѣ и въ Галерной гавани, жупровалъ, волочился, не отставалъ отъ вѣка, влюбился, сдѣлалъ предложеніе, съѣлъ еще разъ отказъ и, не переваривъ его, по вѣтренности своего характера и отъ-ничего-дѣлать, испросилъ себѣ мѣсто въ одной экспедиціи, назначавшейся въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ нашего безбрежнаго отечества, для ревизіи или для какой-то другой цѣли, навѣрно, не знаю. Экспедиція благополучно проѣхала все лѣса и пустыни и, наконецъ, послѣ долгаго странствія, явилась въ главномъ городѣ «отдаленнѣйшаго края» къ генераль-губернатору. Это былъ высокій, худощавый и строгій генераль, старый воинъ, израненный въ сраженіяхъ, съ двумя звѣздами и съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ. Онъ принялъ экспедицію важно и чинно и пригласилъ всехъ составлявшихъ ее чиновниковъ къ себѣ на балъ, дававшійся въ тотъ-же самый вечеръ, по случаю именинъ генераль-губернаторши. Павелъ Александровичъ былъ этимъ очень доволенъ. Нарядившись въ свой петербургскій костюмъ, въ которомъ намѣренъ былъ произвести эффектъ, онъ развязно вошелъ въ большую залу, хотя тотчасъ-же не много осѣлъ, при видѣ множества витыхъ и густыхъ эполетъ и статскихъ мундировъ со звѣздами. Нужно было откланяться генераль-губернаторшѣ, о которой онъ уже слышалъ, что она молода и очень хороша собою. Подошелъ онъ даже съ форсомъ и, вдругъ, оцѣпенѣлъ отъ изумленія. Передъ нимъ стояла Зина, въ великолѣпномъ бальномъ платьѣ и брилліантахъ, гордая и надменная. Она совершенно не узнала Павла Александровича. Ея взглядъ набрежно скользнулъ по его лицу и тотчасъ-же обратился на кого-то другаго. Пораженный Мозгляковъ отошелъ къ сторонкѣ и въ

толпѣ столкнулся съ однимъ робкимъ молодымъ чиновникомъ, который какъ-будто пугался самаго себя, очутившись на генераль-губернаторскомъ балѣ. Павелъ Александровичъ немедленно принялся его спрашивать и узналъ чрезвычайно интересныя вещи. Онъ узналъ, что генераль-губернаторъ уже два года, какъ женился, когда ѣздилъ въ Москву изъ «отдаленнаго края», и что взялъ онъ чрезвычайно богатую дѣвицу, изъ знатнаго дома. Что генеральша «ужасно хороши *изъ-себя-съ*, даже, можно сказать, первыя красавицы-съ, но держать себя чрезвычайно гордо, а танцуютъ только съ одними генералами-съ», — что на настоящемъ балѣ всѣхъ генераловъ, своихъ и пріѣзжихъ, девять, включая въ то число и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, — что, наконецъ, «у генеральши есть и маменька-съ, которая и живетъ вмѣстѣ съ нею и что эта маменька-съ пріѣхала изъ самаго высшаго общества-съ и очень умны-съ»; — но что и сама маменька безпрекословно подчиняется волѣ своей дочери, а самъ генераль-губернаторъ не наглядится и не надышитъ на свою супругу. Мозгляковъ заикнулся было объ Афанасѣ Матвѣичѣ, но въ «отдаленномъ краю» объ немъ не имѣли никакого понятія. Ободрившись немного, Мозгляковъ прошелся по комнатамъ и, вскорѣ, увидѣлъ и Марью Александровну, великолѣпно разряженную, размахивающую дорогимъ вѣеромъ и съ одушевленіемъ говорящую съ одною изъ особъ 4-го класса. Кругомъ нея тѣснилось нѣсколько припадавшихъ къ покровительству дамъ, и Марья Александровна, по видимому, была необыкновенно любезна со всѣми. Мозгляковъ рискнулъ представиться. Марья Александровна немного, какъ-будто, вздрогнула, но тотчасъ-же, почти мгновенно, отправилась. Она съ любезностью благоволила узнать Павла Александровича; спросила о его петербургскихъ знакомствахъ, спросила отъ чего онъ не заграницей? Объ Мордасовѣ не сказала ни слова, какъ-будто его и не было на свѣтѣ. Наконецъ, произнесла имя какого-то петербургскаго важнаго князя и освѣдомясь о его здоровьѣ, хотя Мозгляковъ и понятія не имѣлъ объ этомъ

князь, она незамѣтно обратилась къ одному подошедшему сановнику въ душпстыхъ сѣдинахъ и, черезъ минуту, совершенно забыла стоявшаго передъ нею Павла Александровича. Съ саркастической улыбкой и со шляпой въ рукахъ, Мозглаковъ воротился въ большую залу. Неизвѣстно почему считая себя уязвленнымъ и даже оскорбленнымъ, онъ рѣшился не танцовать. Угрюмо-разсѣянный видъ, ѣдкая мепистофелевская улыбка не сходили съ лица его во весь вечеръ. Живописно прислонился онъ къ колонѣ (зала, какъ нарочно, была съ колонами) и впродолженіи всего бала, нѣсколько часовъ сряду, простоялъ на одномъ мѣстѣ, слѣдя своими взглядами Зину. Но увы! всѣ фокусы его, всѣ необыкновенныя позы, разочарованный видъ и проч. и проч. все пропало даромъ. Зина совершенно не замѣчала его. Наконецъ, взбѣшенный, съ заболѣвшими отъ долгой стоянки ногами, голодный, потому что не могъ-же онъ остаться ужинать, въ качествѣ влюбленнаго и страдающаго, воротился онъ на квартиру, совершенно измученный и какъ будто кѣмъ-то прибитый. Долго не ложился онъ спать, припоминая давно забытое. На другое-же утро представилась какая-то командировка и Мозгляковъ, съ наслажденіемъ, выпросилъ ее себѣ. Онъ даже освѣжился душой, выѣхавъ изъ города. На безконечномъ, пустынномъ пространствѣ лежалъ снѣгъ ослѣпительною пеленою. На краю, на самомъ склонѣ неба, чернѣлись лѣса.

Рыяные кони мчались, взрывая снѣжный прахъ копытами. Колокольчикъ звенѣлъ. Павелъ Александровичъ задумался, потомъ замечтался, а потомъ и заснулъ себѣ преспокойно. Онъ проснулся уже на третьей станціи, свѣжій и здоровый, совершенно съ другими мыслями.

СЕЛО
СТЕПАНЧИНОВО

И

ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

Изъ записокъ неизвѣстнаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Дядя мой, полковникъ Егоръ Ильичъ Ростаневъ, выйдя въ отставку, переселился въ перешедшее къ нему по наследству село Степанчиково и зажилъ въ немъ такъ, какъ-будто всю жизнь свою былъ кореннымъ, невыѣзжавшимъ изъ своихъ владѣній помѣщикомъ. Есть природы рѣшительно всѣмъ довольныя и ко всему привыкающія; такова именно была натура отставнаго полковника. Трудно было себѣ представить челоуѣка смиреннѣе и на все согласнѣе. Еслибъ его вздумали попросить посерьезнѣе довести кого-нибудь версты двѣ на своихъ плечахъ, то онъ бы, можетъ-быть, и довезъ: онъ былъ такъ добръ, что въ иной разъ готовъ былъ рѣшительно все отдать по первому спросу и подѣлиться чуть не послѣдней рубашкой съ первымъ желающимъ. Наружности онъ былъ богатырской: высокій и стройный, съ румяными щеками, съ бѣлыми, какъ слоновою костью, зубами, съ длиннымъ темно-русымъ усомъ, съ голосомъ громкимъ, звонкимъ и съ откровеннымъ, раскатистымъ смѣхомъ; говорилъ отрывисто

и скороговоркою. Отъ роду ему было въ то время лѣтъ сорокъ, и всю жизнь свою, чуть не съ шестнадцати лѣтъ, онъ пробылъ въ гусарахъ. Женился въ очень-молодыхъ годахъ, любилъ свою жену безъ памяти; но она умерла, оставивъ въ его сердцѣ неизгладимое, благодарное воспоминаніе. Наконецъ, получивъ въ наслѣдство село Степанчиково, что увеличило его состояніе до шестисотъ душъ, онъ оставилъ службу и, какъ уже сказано было, поселился въ деревнѣ вмѣстѣ съ своими дѣтьми: восьмилѣтнимъ Илюшей (рожденіе котораго стоило жизни его матери) и старшей дочерью, Сашенькой, дѣвочкой лѣтъ пятнадцати, воспитывавшейся, по смерти матери, въ одномъ пансіонѣ, въ Москвѣ. Но вскорѣ домъ дяди сталъ похожъ на ноевъ ковчегъ. Вотъ какъ это случилось.

Въ то время, когда онъ получилъ свое наслѣдство и вышелъ въ отставку, овдовѣла его маменька, генеральша Крахоткина, вышедшая въ другой разъ замужъ за генерала, назадъ лѣтъ шестнадцать, когда дядя былъ еще корнетомъ, но, впрочемъ, уже самъ задумывалъ жениться. Маменька долго не благословляла его на женитьбу, проливая горькія слезы, укоряла его въ эгоизмѣ, въ неблагодарности, въ непочтительности; доказывала, что имѣнія его, двухсотъ пятидесяти душъ, и безъ того едва достаточно на содержаніе его семейства (то есть, на содержаніе его маменьки, со всѣмъ ея штабомъ приживалокъ, мосекъ, шпицовъ, китайскихъ кошечекъ, и проч.), и среди этихъ укоровъ, попрековъ и взвизгиваній, вдругъ, совершенно неожиданно, вышла замужъ сама, прежде сына, будучи уже сорока двухъ лѣтъ отъ роду. Впрочемъ, и тутъ она нашла предлогъ обвинить моего бѣднаго дядю, увѣряя, что идетъ замужъ единственно, чтобъ имѣть убѣжище на старости лѣтъ, въ чемъ отказываетъ ей непочтительный эгоистъ, ея сынъ, задумавъ непростительную дерзость: завестись своимъ домомъ.

Я никогда не могъ узнать настоящую причину, побудившую такого, повидимому, разсудительнаго человѣка, какъ

покойный генералъ Крахоткинъ , къ этому браку съ сорока двух-лѣтней вдовой. Надо полагать, что онъ подозрѣвалъ у ней деньги. Другіе думали, что ему, просто, нужна была нянька, такъ какъ онъ тогда уже предчувствовалъ весь этотъ рой болѣзней, который осадилъ его потомъ на старости лѣтъ. Извѣстно одно, что генералъ глубоко не уважалъ жену свою во все время своего съ ней сожителства и язвительно смѣялся надъ ней при всякомъ удобномъ случаѣ. Это былъ странный человѣкъ. Полуобразованный, очень неглупый, онъ рѣшительно презиралъ всѣхъ и каждого, не имѣлъ никакихъ правилъ, смѣялся надъ всѣмъ и надъ всѣми и къ старости отъ болѣзней, бывшихъ слѣдствіемъ не совсѣмъ правильной и праведной жизни, сдѣлался золь, раздражителенъ и безжалостенъ. Служилъ онъ удачно; однако принужденъ былъ, по какому-то «непріятному случаю», очень неладно выйдти въ отставку, едва избѣгнувъ суда и лишившись своего пенсіона. Это озлобило его окончательно. Почти безъ всякихъ средствъ, владѣя сотней разоренныхъ душъ, онъ сложилъ руки и во всю остальную жизньъ, цѣлыя двѣнадцать лѣтъ, никогда не справлялся, чѣмъ онъ живетъ, кто содержитъ его; а между тѣмъ требовалъ жизненныхъ удобствъ, не ограничивалъ расходовъ, держалъ карету. Скоро онъ лишился употребленія ногъ и послѣднія десять лѣтъ просидѣлъ въ покойныхъ креслахъ, подкачиваемыхъ, когда было нужно, двумя саженными лакеями, которые никогда ничего отъ него не слышали, кромѣ самыхъ разнообразныхъ ругательствъ. Карету, лакеевъ и кресла содержалъ непочтительный сынъ, посылая матери послѣднее, закладывая и перезакладывая свое имѣніе, отказывая себѣ въ необходимѣйшемъ, войдя въ долги, почти неоплатные по тогдашнему его состоянію, и все-таки, названіе эгоиста и неблагодарнаго сына оставалось при немъ неотъемлемо. Но дядя былъ такого характера, что, наконецъ, и самъ повѣрилъ, что онъ эгоистъ, а потому, въ наказаніе себѣ и чтобъ не быть эгоистомъ, все болѣе и болѣе присылалъ денегъ. Генеральша благоговѣла передъ сво-

имъ мужемъ. Впрочемъ, ей всего болѣе нравилось то, что онъ генераль, а она по немъ — генеральша.

Въ домѣ у ней была своя отдѣльная половина, гдѣ все время полусуществованія своего мужа она процвѣтала въ обществѣ приживалокъ, городскихъ вѣстовщицъ и фиделекъ. Въ своемъ городкѣ она была важнымъ лицомъ. Сплетни, приглашенія въ крестныя и въ посаженныя матери, копѣечный преферансъ и всеобщее уваженіе за ея генеральство вполне вознаграждали ее за домашнее стѣсненіе. Къ ней являлись городскія сороки съ отчетами; ей всегда и вездѣ было первое мѣсто — словомъ, она извлекла изъ своего генеральства все, что могла извлечь. Генераль во все это не вмѣшивался; но за то, при людяхъ, онъ смѣялся надъ женою безсовѣстно, задавалъ, на примѣръ, себѣ такіе вопросы: зачѣмъ онъ женился на «такой просвирнѣ?» — и никто не смѣлъ ему противорѣчить. Мало-по-малу его оставили всѣ знакомые; а между тѣмъ общество было ему необходимо: онъ любилъ поболтать, поспорить, любить, чтобы передъ нимъ всегда сидѣлъ слушатель. Онъ былъ вольнодумецъ и атеистъ стараго покроя, а потому любилъ потраковать и о высокихъ матеріяхъ.

Но слушатели городка N* не жаловали высокихъ матерій и становились все рѣже и рѣже. Пробовали-было завести домашній вистъ-преферансъ; но игра кончалась обыкновенно для генерала такими припадками, что генеральша и ея приживалки, въ ужасѣ, ставили свѣчки, служили молебны, гадали на бобахъ и на картахъ, раздавали калачи въ острогѣ и съ трепетомъ ожидали послѣ-обѣденнаго часа, когда опять приходилось составлять партію для виста-преферанса и принимать за каждую ошибку крики, визги, ругательства и чуть-чуть не побои. Генераль, когда что ему не нравилось, ни передъ кѣмъ не стѣснялся: визжалъ какъ баба, ругался какъ кучеръ, а иногда, разорвавъ и разбросавъ по полу карты и прогнавъ отъ себя своихъ партнёровъ, даже плакалъ съ досады и злости, и не болѣе, какъ изъ-за какого-нибудь ва-

лета, котораго сбросили вмѣсто девятки. Наконецъ, по слабости зрѣнія ему понадобился чтець. Тутъ-то и явился Ома Омичъ Опискинъ.

Признаюсь, я съ нѣкоторою торжественностью возвѣщаю объ этомъ новомъ лицѣ. Оно, безспорно, одно изъ главнѣйшихъ лицъ моего разсказа. На сколько оно имѣетъ права на вниманіе читателя — объяснять не стану: такой вопросъ приличнѣе и возможнѣе разрѣшить самому читателю.

Явился Ома Омичъ къ генералу Крахоткину, какъ приживальщикъ изъ хлѣба — ни болѣе, ни менѣе. Откуда онъ взялся — покрыто мракомъ неизвѣстности. Я, впрочемъ, нарочно дѣлалъ справки и кое-что узналъ о прежнихъ обстоятельствахъ этого достопримѣчательнаго человѣка. Говорили, во-первыхъ, что онъ когда-то и гдѣ-то служилъ, гдѣ-то пострадалъ и ужь, разумѣется, «за правду». Говорили еще, что когда-то онъ занимался въ Москвѣ литературою. Мудренаго нѣтъ; грязное же невѣжество Омы Омича, конечно, не могло служить помѣхою его литературной карьерѣ. Но достоверно извѣстно только то, что ему ничего не удалось и что, наконецъ, онъ принужденъ былъ поступить къ генералу въ качествѣ чтеца и мученика. Не было униженія, котораго бы онъ не перенесъ изъ-за куска генеральскаго хлѣба. Правда, впоследствии, по смерти генерала, когда самъ Ома совершенно неожиданно сдѣлался вдругъ важнымъ и чрезвычайнымъ лицомъ, онъ не разъ увѣрялъ насъ всѣхъ, что, согласясь быть шутомъ, онъ великодушно пожертвовалъ собою дружбѣ, что генералъ былъ его благодѣтель; что это былъ человѣкъ великій, непонятый, и что одному ему, Омѣ, довѣрялъ онъ сокровеннѣйшія тайны души своей; что, наконецъ, если онъ, Ома, и изображалъ собою, по генеральскому востребованію, различныхъ звѣрей и инныя живыя картины, то единственно, чтобъ развлечь и развеселить удрученнаго болѣзнями страдальца и друга. Но увѣренія и толкованія Омы Омича въ этомъ случаѣ подвергаются большому сомнѣнію; а между тѣмъ, тотъ же Ома Омичъ, еще

будучи шутомъ, разыгрывалъ совершенно другую роль на дамской половинѣ генеральскаго дома. Какъ онъ это устроилъ — трудно представить не специалисту въ подобныхъ дѣлахъ. Генеральша питала къ нему какое-то мистическое уваженіе — за что? неизвѣстно. Мало-по-малу онъ достигъ надъ всей женской половиной генеральскаго дома удивительнаго вліянія, отчасти похожега на вліянія различныхъ Иванъ-Яковличей и тому подобныхъ мудрецовъ и прорицателей, посѣщаемыхъ въ сумасшедшихъ домахъ иными барынями, изъ любителейницъ. Онъ читалъ вслухъ душеспасительныя книжки, толковалъ съ краснорѣчивыми слезами о разныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ; рассказывалъ свою жизнь и подвиги; ходилъ къ обѣднѣ и даже къ заутренѣ; отчасти предсказывалъ будущее; особенно хорошо умѣлъ толковать сны и мастерски осуждалъ ближняго. Генераль догадывался о томъ, что происходитъ въ заднихъ комнатахъ, и еще безпощаднѣе тиранилъ своего приживальщика. Но мученичество Оомы доставляло ему еще большее уваженіе въ глазахъ генеральши и всѣхъ ея домочадцевъ.

Наконецъ, все перемѣнилось. Генераль умеръ. Смерть его была довольно оригинальная. Бывшій вольнодумецъ, атеистъ, струсилъ до невѣроятности. Онъ плакалъ, каялся, подымалъ образъ, призывалъ священниковъ. Служили молебны, соборовали. Бѣднякъ кричалъ, что не хочетъ умирать и даже со слезами просилъ прощенія у Оомы Оомича. Последнее обстоятельство придало Оомѣ Оомичу въ послѣдствіи необыкновеннаго форсу. Впрочемъ, передъ самой разлукой генеральской души съ генеральскимъ тѣломъ, случилось вотъ какое происшествіе. Дочь генеральши отъ перваго брака, тѣтушка моя, Прасковья Ильинична, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ и проживавшая постоянно въ генеральскомъ домѣ — одна изъ любимѣйшихъ жертвъ генерала и необходимая ему во все время его десятилѣтняго безножія для непрерывныхъ услугъ, умѣвшая одна угодить ему своею простоватою и безответною кротостью — подошла къ его постели, проливая горькія сле-

лы, и хотѣла-было поправить подушку подъ головою страдальца; но страдалецъ успѣлъ-таки схватить ее за волосы и три раза дернуть ихъ, чуть не пѣнясь отъ злости. Минуть черезъ десять онъ умеръ. Дали знать полковнику, хотя генеральша и объявила, что не хочетъ видѣть его, что скорѣе умереть, чѣмъ пустить его къ себѣ на глаза въ такую минуту. Похороны были великолѣпныя — разумѣется, на счетъ непочтительнаго сына, котораго не хотѣли пускать на глаза.

Въ разоренномъ селѣ Князѣвкѣ, принадлежащемъ нѣсколькимъ помѣщикамъ и въ которомъ у генерала была своя сотня душъ, существуетъ мавзолей изъ бѣлаго мрамора, испещренный хвалебными надписями уму, талантамъ, благородству души, орденамъ и генеральству усопшаго. Ома Омичъ сильно участвовалъ въ составленіи этихъ надписей. Долго ломалась генеральша, отказывая въ прощеніи непокорному сыну. Она говорила, рыдая и взвизгивая, окруженная толпой своихъ приживалокъ и мосекъ, что скорѣе будетъ ѣсть сухой хлѣбъ и ужъ, разумѣется, «запивать его своими слезами», что скорѣе пойдетъ съ палочкой выпрашивать себѣ подаіе подъ окнами, чѣмъ склонится на просьбу «непокорнаго» переѣхать къ нему въ Степанчивово, и что *нога* ея никогда-никогда не будетъ въ домѣ его! Вообще, слово *нога*, употребленное въ этомъ смыслѣ, произносится съ необыкновеннымъ эффектомъ иными барынями. Генеральша мастерски, художественно произносила его.... Словомъ, краснорѣчія было истрачено въ невѣроятномъ количествѣ. Надо замѣтить, что во время самыхъ этихъ взвизгиваній, уже помаленьку укладывались для переѣзда въ Степанчиково. Полковникъ заморилъ всѣхъ своихъ лошадей, дѣлая почти-каждодневно по сороку верстъ изъ Степанчикова въ городъ, и только чрезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ генерала получилъ позволеніе явиться на глаза оскорбленной родительницы. Ома Омичъ былъ употребленъ для переговоровъ. Во всѣ эти двѣ недѣли онъ укорялъ и стыдилъ непокорнаго «безчеловѣчнымъ» его поведеніемъ, довелъ его до искреннихъ слезъ, почти до отчаянія. Съ это-

го-то времени и начинается все непостижимое и безчеловѣчно-деспотическое вліяніе Оомы Оомича на моего бѣднаго дядю. Оома догадался, какой передъ нимъ человѣкъ, и тотчасъ же почувствовалъ, что прошла его роль шута и что на безлюдьи и Оома можетъ быть дворяниномъ. За то и на-версталъ же онъ свое.

— Каково же будетъ вамъ, говорилъ Оома, если собственная ваша мать, такъ-сказать, виновница дней вашихъ, возьметъ палочку и, опираясь на нее, дрожащими и изсохшими отъ голода руками начнетъ въ-самомъ-дѣлѣ испрашивать себѣ подаванія? Не чудовищно ли это, вопервыхъ, при ея генеральскомъ значеніи, а вовторыхъ, при ея добродѣтеляхъ? Каково вамъ будетъ, если она вдругъ придетъ, разумѣется, ошибкой—но вѣдь это можетъ случиться—подъ ваши же окна и протянетъ руку свою, тогда какъ-вы, родной сынъ ея, можетъ-быть, въ эту самую минуту утопаете гдѣ-нибудь въ пуховой перинѣ и... ну, вообще въ роскоши! Ужасно, ужасно! но всего ужаснѣе то — позвольте это вамъ сказать откровенно, полковникъ — всего ужаснѣе то, что вы стоите теперь передо мною, какъ безчувственный столбъ, разиня ротъ и хлопая глазами, что даже неприлично, тогда-какъ при одномъ предположеніи подобнаго случая вы бы должны были вырвать съ корнемъ волосы изъ головы своей и испустить ручьи... что я говорю! рѣки, озера, моря, океаны слезъ!...

Словомъ, Оома, отъ излишняго жара, заропортовался. Но таковъ былъ всегдашній исходъ его краснорѣчія. Разумѣется, кончалось тѣмъ, что генеральша, вмѣстѣ съ своими приживалками, сабачонками, съ Оомой Оомичемъ и съ дѣвицей Перепелицыной, своей главной наперстницей, осчастливила, наконецъ, своимъ прибытіемъ Степанчиково. Она говорила, что только *попробуетъ* жить у сына, покамѣстъ только испытаетъ его почтительность. Можно представить себѣ положеніе полковника, покамѣстъ испытывали его почтительность! Сначала, въ качествѣ недавней вдовы, генеральша считала своею обязанностью въ недѣлю раза два или три впадать въ отчая-

ніе при воспоминаніи о своемъ безвозвратномъ генералѣ; приче́мъ, неизвѣстно за что́, аккуратно каждый́ разъ доставалось полковнику. Иногда, особенно при чьихъ-нибудь посѣщеніяхъ, подозавъ къ себѣ своего внука, маленькаго Илюшу и пятнадцатилѣтнюю Сашеньку, внучку свою, генеральша сажала ихъ подлѣ себя, долго-долго смотрѣла на нихъ грустнымъ, страдальческимъ взглядомъ, какъ на дѣтей, погибшихъ у *такого отца*, глубоко и тяжело вздыхала и, наконецъ, заливалась безмолвными, таинственными слезами по крайней-мѣрѣ на цѣлый часъ. Горе полковнику, если онъ не умѣлъ *понять* этихъ слезъ! А онъ, бѣдный, почти никогда не умѣлъ ихъ понять и почти всегда, по наивности своей, подвертывался, какъ нарочно, въ такія слезливыя минуты и, волей-неволей, попадалъ на экзаменъ. Но почтительность его не уменьшалась и, наконецъ, дошла до послѣднихъ предѣловъ. Словомъ, оба, и генеральша и Ома Омичъ почувствовали вполне, что прошла гроза, гремѣвшая надъ ними столько лѣтъ отъ лица генерала Крахоткина — прошла и никогда не воротится. Бывало, генеральша вдругъ, ни съ-того-ни-съ-сего, покатится на диванъ въ обморокъ. Подымется бѣготня, суетня. Полковникъ уничтожится и дрожить, какъ осиновый листъ.

— Жестокій сынъ! кричитъ генеральша, очнувшись: — ты растерзалъ мои внутренности... *mes entrailles, mes entrailles!*

— Да чѣмъ же, маме́нька, я растерзалъ ваши внутренности? робко возражаетъ полковникъ.

— Растерзалъ! растерзалъ! Онъ еще и оправдывается! Онъ грубить! Жестокій сынъ! умираю!...

Полковникъ, разумѣется, уничтоженъ.

Но какъ-то такъ случалось, что генеральша всегда оживала. Черезъ полчаса полковникъ толкуеть кому-нибудь, взявъ его за пуговицу:

— Ну, да вѣдь она, братецъ *grande-dame*, генеральша! добрѣйшая старушка; но, знаешь, привыкла ко всему этакому утонченному... не чета миѣ, вахлаку! Теперь на меня

сердится. Оно, конечно, я виноватъ. Я, братецъ, еще не знаю чѣмъ я именно провинился, но ужь, конечно, я виноватъ...

Случалось, что дѣвица Перепелицына, перезрѣлое и шипящее на весь свѣтъ созданіе, безбровая, въ накладкѣ, съ маленькими плотоядными глазками, съ тоненькими, какъ ниточка, губами и съ руками, вымытыми въ огуречномъ рассолѣ, считала своего обязанностью прочесть наставленіе полковнику:

— Это оттого, что вы непочтительны-сь. Это оттого, что вы эгоисты-сь, оттого вы и оскорбляете маменьку-сь; они къ этому не привыкли-сь. Они генеральши-сь, а вы еще только полковники-сь.

— Это, братъ, дѣвица Перепелицына, замѣчаетъ полковникъ своему слушателю: — превосходнѣйшая дѣвица, горой стоитъ за маменьку! Рѣдкая дѣвица! Ты не думай, что она приживалка какая-нибудь; она, братъ, сама подполковничья дочь. Вотъ оно какъ!

Но, разумѣется, это были еще только цвѣтки. Та же самая генеральша, которая умѣла выкидывать такіа разнообразныя фокусы, въ свою очередь трепетала какъ мышка передъ прежнимъ своимъ приживальщикомъ. Ома Омичъ заворожилъ ее окончательно. Она не надышала на него, слышала его ушами, смотрѣла его глазами. Одинъ изъ моихъ троюродныхъ братьевъ, тоже отставной гусаръ, человѣкъ еще молодой, но замотавшійся до невѣроятной степени и проживавшій одно время у дяди, прямо и просто объявилъ мнѣ, что, по его глубочайшему убѣжденію, генеральша находилась въ непозволительной связи съ Омой Омичемъ. Разумѣется, я тогда же съ негодованіемъ отвергъ это предположеніе, какъ ужь слишкомъ-грубое и простодушное. Нѣтъ, тутъ было другое, и это другое я никакъ не могу объяснить иначе, какъ предварительно объяснивъ читателю характеръ Омы Омича такъ, какъ я самъ его понялъ впоследствии.

Представьте же себѣ человѣчка, самаго ничтожнаго, самаго

малодушнаго , выкидыша изъ общества, никому ненужнаго, совершенно-безполезнаго, совершенно-гаденькаго, но необъятно-самолюбиваго и, въ добавокъ, неодареннаго рѣшительно ничѣмъ, чѣмъ бы могъ онъ, хоть сколько-нибудь, оправдать свое болѣзненно-раздраженное самолюбія. Предупреждаю заранѣе: Ома Омичъ есть олицетвореніе самолюбія самаго безграничнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самолюбія особеннаго, именно случающагося при самомъ полномъ ничтожествѣ, и, какъ обыкновенно бываетъ въ такомъ случаѣ, самолюбія оскорбленнаго, подавленнаго тяжкими прежними неудачами, загноившагося давно-давно и съ тѣхъ-поръ выдавливающаго изъ себя зависть и ядъ при каждой встрѣчѣ, при каждой чужой удачѣ. Нечего и говорить, что все это приправлено самою безобразною обидчивостью, самою сумасшедшею мнительностью. Можетъ-быть, спросить: откуда берется такое самолюбіе? какъ зарождается оно, при такомъ полномъ ничтожествѣ, въ такихъ жалкихъ людяхъ, которые уже, по социальному положенію своему, обязаны знать свое мѣсто? Какъ отвѣчать на этотъ вопросъ? Кто знаетъ, можетъ-быть, есть и исключенія, къ которымъ и принадлежитъ мой герой. Онъ дѣйствительно есть исключеніе изъ правила, что и объяснится впоследствии. Но, однакожь, позвольте спросить: увѣрены ли вы, что тѣ, которые уже совершенно смирились и считаютъ себѣ за честь и за счастье быть вашими шутами, приживальщиками и прихлебателями — увѣрены ли вы, что они уже совершенно отказались отъ всякаго самолюбія? А зависть, а сплетни, а ябедничество, а доносы, а таинственныя шипѣнія въ заднихъ углахъ у васъ же, гдѣ-нибудь подъ бокомъ, за вашимъ же столомъ?.. Кто знаетъ, можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ униженныхъ судьбою скитальцевъ, вашихъ шотовъ и юродивыхъ, самолюбіе не только не проходитъ отъ униженія, но даже еще болѣе распадается именно отъ этого же униженія, отъ юродства и шотовства, отъ прихлебательства и вѣчно-вынуждаемой подчиненности и безличности. Кто знаетъ, можетъ-быть, это безобразно-вырастающее самолюбіе есть только ложное, перво-

начально-извращенное чувство собственного достоинства, оскорбленного въ первый разъ еще, можетъ, въ дѣтствѣ, гнѣтомъ, бѣдностью, грязью, оплеваннаго, можетъ-быть, еще въ лицѣ родителей будущаго скитальца, на его же глазахъ? Но я сказалъ, что Ома Омичъ есть, къ-тому же, и исключение изъ общаго правила. Это и правда. Онъ былъ когда-то литераторомъ и былъ огорченъ и непризнанъ, а литература способна загубить и не одного Ому Омича — разумѣется, непризнанная. Не знаю, но надо полагать, что Омѣ Омичу не удалось еще и прежде литературы; можетъ-быть, и на другихъ карьерахъ онъ получалъ одни только щелчки, вмѣсто жалованья, или что-нибудь еще того хуже. Это мнѣ, впрочемъ, неизвѣстно; но я впоследствии справлялся и навѣрно знаю, что Ома дѣйствительно сотворилъ когда-то въ Москвѣ романчикъ, весьма-похожій на тѣ, которые стряпались тамъ въ тридцатыхъ годахъ ежегодно десятками, въ родѣ различныхъ «Освобожденій Москвы», «Атамановъ-Бурь», «Сыновей любви, или Русскихъ въ 1104-мъ году» и проч. и проч., романовъ, доставлявшихъ въ свое время пріятную пищу для остроумія барона Брамбеуса. Это было, конечно, давно; но змѣя литературнаго самолюбія жалить иногда глубоко и неизлѣчимо, особенно людей ничтожныхъ и глуповатыхъ. Ома Омичъ былъ огорченъ съ перваго литературнаго шага и тогда же окончательно примкнулъ къ той огромной фалангѣ огорченныхъ, изъ которой выходятъ потомъ всѣ юродивые, всѣ скитальцы и странники. Съ того же времени, я думаю, и развилась въ немъ эта уродливая хвастливость, эта жажда похвалъ и отличій, поклоненій и удивленій. Онъ и въ шутахъ составилъ себѣ кучку благоговѣвшихъ передъ нимъ идіотовъ. Только чтобъ гдѣ-нибудь, какъ-нибудь первенствовать, прорицать, поковеркаться и похвастаться — вотъ была главная потребность его! Его не хвалили — такъ онъ самъ себя началъ хвалить. Я самъ слышалъ слова Омы въ домѣ дяди, въ Степанчиковѣ, когда уже онъ сталъ тамъ полнымъ владыкою и прорицателемъ: «не жилецъ я между вами», го-

варивалъ онъ иногда съ какою-то таинственною важною: «не желець я здѣсь! Посмотрю, устройю васъ всѣхъ, покажу, научу и тогда прощайте въ Москву, издавать журналъ! Тридцать тысячъ человѣкъ будутъ собираться на мои лекціи ежемѣсячно. Грянетъ наконецъ мое имя, и тогда — горе врагамъ моимъ?» Но гений, покаместъ еще собирался прославиться, требовалъ награды немедленной. Вообще пріятно получать плату впередъ, а въ этомъ случаѣ особенно. Я знаю, онъ серьезно увѣрилъ дядю, что ему, Оомѣ, предстоитъ величайшій подвигъ, подвигъ, для котораго онъ и на свѣтъ призванъ и къ совершенію котораго понуждаетъ его какой-то человѣкъ съ крыльями, являющійся ему по ночамъ, или что-то въ родѣ того. Именно: написать одно глубокомысленнѣйшее сочиненіе въ душеспасительномъ родѣ, отъ котораго произойдетъ всеобщее землетрясеніе и затрещитъ вся Россія. И когда уже затрещитъ вся Россія, то онъ, Оома, пренебрегая славой, пойдетъ въ монастырь и будетъ молиться день и ночь въ кіевскихъ пещерахъ о счастиі отечества. Все это, разумѣется, обольстило дядю.

Теперь представьте же себѣ, что можетъ сдѣлаться изъ Оомы, во всю жизнь угнетеннаго и забытаго, и даже, можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ, битаго, изъ Оомы втайнѣ сластолюбиваго и самолюбиваго, изъ Оомы-огорченнаго литератора, изъ Оомы-шута изъ насущнаго хлѣба, изъ Оомы въ душѣ деспота, несмотря на все предыдущее ничтожество и безсиліе, изъ Оомы-хвастуна, а при удачѣ нахала, изъ этого Оомы, вдругъ попавшаго въ честь и въ славу, воздѣлѣяннаго и захваленаго, благодаря пдіоткѣ-покровительницѣ и обольщенному, на все согласному покровителю, въ домъ котораго онъ попалъ, наконецъ, послѣ долгихъ странствованій? О характерѣ дяди я, конечно, обязанъ объяснить подробнѣе: безъ этого непонятенъ и успѣхъ Оомы Оомича. Но, покаместъ, скажу, что съ Оомой именно сбылась пословица: посади за столъ, онъ и ноги на столъ. Наверсталъ — таки онъ свое прошедшее! Низкая душа, выйдя изъ-подъ гнета, сама гнететь. Оому угне-

тали — и онъ тотчасъ же ощутилъ потребность самъ угнетать; надъ нимъ ломались — и онъ самъ сталъ надъ другими ломаться. Онъ былъ шутомъ и тотчасъ же ощутилъ потребность завести и своихъ шутовъ. Хвастался онъ до нелѣпности, ломался до невозможности, требовалъ птичьяго молока, тиранствовалъ безъ мѣры, и дошло до того, что добрые люди, еще не бывъ свидѣтелями всѣхъ этихъ продѣлокъ, а слушая только розсказы, считали все это за чудо, за навожденіе, крестились и отплеывались.

Я говорилъ о дядѣ. Безъ объясненія этого замѣчательнаго характера (повторяю это), конечно, непонятно такое наглое воцареніе Оомы Оомича въ чужомъ домѣ; непонятна эта метаморфоза изъ шута въ великаго человѣка. Мало того, что дядя былъ добръ до крайности — это былъ человѣкъ утонченной деликатности, несмотря на нѣсколько-грубую наружность, высочайшаго благородства, мужества испытаннаго. Я смѣло говорю «мужества»: онъ не остановился бы передъ обязанностью, передъ долгомъ, и въ этомъ случаѣ не побоялся бы никакихъ преградъ. Душою онъ былъ чистъ, какъ ребенокъ. Это былъ дѣйствительно ребенокъ въ сорокъ лѣтъ, экспансивный въ высшей степени, всегда веселый, предполагавшій всѣхъ людей ангелами, обвинявшій себя въ чужихъ недостаткахъ и преувеличивавшій добрыя качества другихъ до крайности, даже предполагавшій ихъ тамъ, гдѣ ихъ и быть не могло. Это былъ одинъ изъ тѣхъ благороднѣйшихъ и цѣломудренныхъ сердцемъ людей, которые даже стыдятся предположить въ другомъ человѣкѣ дурное, торопливо наряжаютъ своихъ ближнихъ во всѣ добродѣтели, радуются чужому успѣху, живутъ такимъ-образомъ постоянно въ идеальномъ мірѣ, а при неудачахъ прежде всѣхъ обвиняютъ самихъ себя. Жертвовать собою интересамъ другихъ — ихъ призваніе. Иной бы назвалъ его и малодушнымъ, и безхарактернымъ, и слабымъ. Конечно, онъ былъ слабъ и даже ужь слишкомъ-мягокъ характеромъ, но не отъ недостатка твердости, а изъ боязни оскорбить, поступить жестоко, изъ излишняго уваженія къ дру-

гимъ и къ чловѣку вообще. Впрочемъ, безхарактеренъ и малодушенъ онъ былъ единственно, когда дѣло шло о его собственныхъ выгодахъ, которыми онъ пренебрегалъ въ высочайшей степени, за что, всю жизнь подвергался насмѣшкамъ, и даже нерѣдко отъ тѣхъ, для которыхъ жертвовалъ этими выгодами. Впрочемъ, онъ никогда не вѣрилъ, что у него были враги; они, однакожь, у него бывали, но онъ ихъ какъ - то не замѣчалъ. Шуму и крику въ домѣ онъ боялся, какъ огня, и тотчасъ же всѣмъ уступалъ и всему подчинялся. Уступалъ онъ изъ какого - то застѣнчиваго добродушія, изъ какой - то стыдливой деликатности, «чтобъ ужъ такъ, говорилъ онъ скороговоркою, отдаляя отъ себя всѣ посторонніе упреки въ пошлоствѣ и слабости: — чтобъ ужъ такъ... чтобъ ужъ всѣ были довольны и счастливы!». Нечего и говорить, что онъ готовъ былъ подчиниться всякому благородному вліянію. Мало того: ловкій подлець могъ совершенно имъ овладѣть и даже сманить на дурное дѣло, разумѣется, замаскировавъ это дурное дѣло въ благородное. Дядя чрезвычайно легко ввѣрялся другимъ, и въ этомъ случаѣ былъ далеко не безъ ошибокъ. Когда же, послѣ многихъ страданій, онъ рѣшался, наконецъ, увѣриться, что обманувшій его чловѣкъ безчестенъ, то прежде всѣхъ обвинялъ себя, а нерѣдко и одного себя. Представьте же себѣ теперь вдругъ воцарившуюся въ его тихомъ домѣ капризную, выживавшую изъ ума идіотку, неразлучно съ другимъ идіотомъ — ея идоломъ, большую до-сихъ-поръ только своего генерала, а теперь уже ничего не болвающую и ощутившую даже потребность вознаграждать себя за все прошлое — идіотку, передъ которой дядя считалъ своею обязанностью благоговѣть уже по тому только, что она была мать его. Начали съ того, что тотчасъ же доказали дядѣ, что онъ грубъ, нетерпѣливъ, невѣжественъ и, главное, эгоистъ въ высочайшей степени. Замѣчательно то, что идіотка-старуха сама вѣрила тому, что она проповѣдывала. Да я думаю, и Тома Томичъ также, по-крайней-мѣрѣ отчасти. Убѣдили дядю и въ томъ, что Тома испосланъ ему самимъ Богомъ для спасенія души его и для

успокоенія его необузданныхъ страстей, что онъ гордъ, тщеславится своимъ богатствомъ и способенъ попрекнуть Оому Оомича кускомъ хлѣба. Бѣдный дядя очень-скоро увѣровалъ въ глубину своего паденія, готовъ былъ рвать на себѣ волосы, просить прощенія...

— Я, братецъ, самъ виноватъ—говоритъ онъ, бывало, кому-нибудь изъ своихъ собесѣдниковъ:—во всемъ виноватъ! Вдвое надо быть деликатнѣе съ человѣкомъ, котораго одолжаешь... то-есть.. что я! какое, одолжаешь!... опять совралъ! вовсе не одолжаешь; онъ меня, напротивъ, одолжаетъ тѣмъ, что живетъ у меня, а не я его! Ну, а я попрекнулъ его кускомъ хлѣба!... то-есть я вовсе не попрекнулъ, но видно такъ, что-нибудь съ языка сорвалось — у меня часто съ языка срывается... Ну и, наконецъ, человѣкъ страдалъ, дѣлалъ подвиги; десять лѣтъ, несмотря ни на какія оскорбленія, ухаживалъ за больнымъ другомъ: все это требуетъ награды! ну, наконецъ, и наука... писатель! образованнѣйшій человѣкъ! благороднѣйшее лицо — словомъ...

Образъ Оомы, образованнаго и несчастнаго, въ шутахъ у капризнаго и жестокаго барина, надрывалъ благородное сердце дяди сожалѣніемъ и негодованіемъ. Всѣ странности Оомы, всѣ неблагородныя его выходки дядя тотчасъ же приписалъ его прежнимъ страданіямъ, его униженію, его озлобленію... онъ тотчасъ же рѣшилъ въ нѣжной и благородной душѣ своей, что съ страдальца нельзя и спрашивать, какъ съ обыкновеннаго человѣка; что не только надо прощать ему, но, сверхъ того, надо кротостью уврачевать его раны, возстановить его, примирить его съ человѣчествомъ. Задавъ себѣ эту цѣль, онъ воспламенился до крайности и уже совсѣмъ потерялъ способность хоть когда-нибудь замѣтить, что новый другъ его — сластолюбивая, капризная тварь, эгоистъ, лѣнтяй, лежебокъ — и больше ничего. Въ ученость же и въ геніальность Оомы онъ вѣрилъ беззавѣтно. Я и забылъ сказать, что передъ словомъ «наука» или «литература»,

дядя благоговѣлъ самимъ наивнымъ и безкорыстнѣйшимъ образомъ, хотя самъ никогда и ничему не учился.

Это была одна изъ его капитальныхъ и невиннѣйшихъ странностей.

— Сочиненіе пишетъ! говорить онъ, бывало, ходя на цыпочкахъ еще за двѣ комнаты до кабинета Оомы Оомича. — Не знаю, что именно — прибавлялъ онъ съ гордымъ и таинственнымъ видомъ — но ужь вѣрно, братъ, такая бурда... то-есть въ благородномъ смыслѣ бурда. Для кого ясно, а для насъ, братъ, съ тобой такая кувыркалегія, что... Кажется о производительныхъ силахъ какихъ-то пишетъ — самъ говорилъ. Это, вѣрно, что-нибудь изъ политики. Дà, грянетъ и его имя! Тогда и мы съ тобой черезъ него прославимся. Онъ, братъ, мнѣ это самъ говорилъ...

Мнѣ положительно извѣстно, что дядя, по приказанію Оомы, принужденъ былъ сбрить свои прекрасные, темнорусые бакенбарды. Тому показалось, что съ бакенбардами дядя похожъ на француза и что, поэтому, въ немъ мало любви къ отечеству. Мало-по-малу Оома сталъ вмѣшиваться въ управленіе имѣніемъ и давать мудрые совѣты. Эти мудрые совѣты были ужасны. Крестьяне скоро поняли, въ чемъ дѣло и кто настоящій господинъ, и сильно почесывали свои затылки. Я самъ впоследствии слышалъ одинъ разговоръ Оомы Оомича съ крестьянами: этотъ разговоръ, признаюсь, я подслушалъ. Оома еще прежде объявилъ, что любитъ поговорить съ умнымъ русскимъ мужичкомъ. И вотъ разъ онъ зашелъ на гумно; поговоривъ съ мужичками о хозяйствѣ хотя самъ не умѣлъ отличить овса отъ пшеницы, следко потолковавъ о священныхъ обязанностяхъ крестьянина къ господину, коснувшись слегка электричества и раздѣленія труда, въ чемъ, разумѣется, не понималъ ни строчки, растолковавъ своимъ слушателямъ, какимъ образомъ земля ходитъ около солнца и, наконецъ, совершенно умилившись ндушой отъ собственного краснорѣчія, онъ заговорилъ о минстрахъ. Я это понималъ. Вѣдь рассказывалъ же Пушкинъ

про одного папеньку, который внушалъ своему четырехлѣтнему сынишкѣ, что онъ, его папенька, «такой хляблій, что папеньку любить государь...» Вѣдь нуждался же этотъ папенька въ четырехлѣтнемъ слушателѣ? Крестьяне же всегда слушали Оому Омича съ подобострастіемъ.

— А што, батюшка, много ль ты царскаго-то жалованья получалъ? спросилъ его вдругъ одинъ сѣденькій старичокъ, Архипъ Короткій по прозвищу, изъ толпы другихъ мужичковъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ подольститься; но Омѣ Омичу показался этотъ вопросъ фамиллярнымъ; а онъ терпѣть не могъ фамиллярности.

— А тебѣ какое дѣло, пехтерь? отвѣчалъ онъ, съ презрѣніемъ поглядѣвъ на бѣднаго мужичонка.—Что ты мнѣ моську-то свою выставилъ, плюнуть мнѣ, что ли, въ нее?

Оома Омичъ всегда разговаривалъ въ такомъ тонѣ съ «умнымъ русскимъ мужичкомъ».

— Отецъ ты нашъ... подхватилъ другой мужичокъ,—вѣдь мы люди темные. Можетъ, ты майоръ, аль полковникъ, аль само ваше сіятельство — какъ и велчать-то тебя не вѣдаемъ.

— Пехтеры! повторилъ Оома Омичъ, однакожь смягчился. — Жалованье жалованью розъ, посконная ты голова! Другой и въ генеральскомъ чинѣ, да ничего не получаетъ—значить, не за что: пользы царю не приноситъ. А я вотъ двадцать тысячъ получалъ, когда у министра служилъ, да и тѣхъ не бралъ, потому, я изъ чести служилъ, свой былъ достатокъ. Я жалованье свое на государственное просвѣщеніе да на погорѣлыхъ жителей Казани пожертвовалъ.

— Вишь ты! Такъ это ты Казань-то обстроилъ, батюшка? продолжалъ удивленный мужикъ.

Мужики, вообще, дивились на Оому Омича.

— Ну, да, и моя тамъ есть доля, отвѣчалъ Оома, какъ-бы нѣхотя, какъ-будто самъ на себя досадуя, что удостоилъ *такого* человѣка *такимъ* разговоромъ.

Съ дядей разговоры были другаго рода.

— Прежде кто вы были? говорить, напимѣрь, Оома, раз-
валясь послѣ сытнаго обѣда въ покойномъ креслѣ, причемъ
слуга, стоя за кресломъ, долженъ былъ отмахивать отъ него
свѣжей липовой вѣткой мухъ. На кого похожи вы были до
меня? А теперь я заронилъ въ васъ искру того небеснаго
огня, который горитъ теперь въ душѣ вашей. Заронилъ
ли я въ васъ искру небеснаго огня, или нѣтъ? Отвѣчайте:
заронилъ я въ васъ искру, или нѣтъ?

Оома Оомичъ, по правдѣ, и самъ не зналъ, зячѣмъ сдѣ-
лалъ такой вопросъ. Но молчаніе и смущеніе дяди тотчасъ
же его раззадорили. Онъ прежде терпѣливый и забитый,
теперь вспыхивалъ, какъ порохъ, при каждомъ малѣйшемъ
противорѣчіи. Молчаніе дяди показалось ему обиднымъ, и
онъ уже теперь наставлялъ на отвѣтъ.

— Отвѣчайте же: горитъ въ васъ эта искра, или нѣтъ?

Дядя мнется, жметя и не знаетъ, что предпринять.

— Позвольте вамъ замѣтить, что я жду, замѣчаетъ Оома
обидчивымъ голосомъ.

— Mais repondez donc, Егорушка! подхватываетъ генеральша,
пожимая плечами.

— Я спрашиваю: горитъ ли въ васъ эта искра, или нѣтъ?
снисходительно повторяетъ Оома, взявъ конфетку изъ бон-
боньерки, которая всегда ставится передъ нимъ на столѣ.
Это ужъ распоряженіе генеральши.

— Ей-богу не знаю, Оома, отвѣчаетъ наконецъ дядя, съ
отчаяніемъ во взорахъ: — должно быть, что-нибудь есть въ
этомъ родѣ... Право, ты ужъ лучше не спрашивай, а то я
совру что-нибудь...

— Хорошо! такъ по-вашему я такъ ничтоженъ, что даже
не стою отвѣта — вы это хотѣли сказать? Ну, пусть бу-
детъ такъ; пусть я буду ничто.

— Да нѣтъ же, Оома, Богъ съ тобой! Ну когда я это хо-
тѣлъ сказать?

— Нѣтъ, вы именно это хотѣли сказать.

— Да клянусь же, что нѣтъ!

— Хорошо! пусть буду я лгунъ! пусть я, по вашему обвиненію, нарочно изыскиваю предлога къ ссорѣ; пусть ко всѣмъ оскорбленіямъ присоединится и это — я все перенесу. .

— Mais, mon fils... вскрикиваетъ испуганная генеральша.

— Ома Омичъ! маменька! восклицаетъ дядя въ отчаяніи: ей-Богу же я не виноватъ! такъ развѣ, печаянно, съ языка сорвалось!... Ты не смотри на меня, Ома, я вѣдь глупъ — самъ чувствую, что глупъ; самъ слышу въ себѣ, что нескладно... Знаю, Ома, все знаю! ты ужь и не говори! продолжайте онъ, махая рукой. — Сорокъ лѣтъ прожилъ и досихъ-поръ, до самой той поры, какъ тебя узналъ, все думалъ про-себя, что человѣкъ... ну и все тамъ, какъ слѣдуетъ. А вѣдь и не замѣчалъ до-сихъ поръ, что грѣшенъ, какъ козель, эгоистъ первой руки и надѣлалъ зла такую кучу, что диво, какъ еще земля держитъ!

— Да, вы таки-эгоистъ! замѣчаетъ удовлетворенный Ома Омичъ.

— Да ужь я и самъ понимаю теперь, что эгоистъ! Нѣтъ, шабашъ! исправлюсь и буду добрѣе!

— Дай-то Богъ! заключаетъ Ома Омичъ, благочестиво вздыхая и подымаясь съ кресла, чтобъ отойти къ послѣобѣденному сну. Ома Омичъ всегда почивалъ послѣ обѣда.

Въ заключеніе этой главы, позвольте мнѣ сказать собственно о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ дядѣ и объяснить, какимъ образомъ я вдругъ поставленъ былъ глазъ-на-глазъ съ Омой Омичемъ и, неожиданно-негаданно, внезапно попалъ въ круговоротъ самыхъ важнѣйшихъ происшествій изъ всѣхъ, случившихся когда-нибудь въ благословенномъ селѣ Степанчиковѣ. Такимъ-образомъ, я намѣренъ заключить мое предисловіе и прямо перейти къ разсказу.

Въ дѣтствѣ моемъ, когда я осиротѣлъ и остался одинъ на свѣтѣ, дядя замѣнилъ мнѣ собою отца, воспиталъ меня на свой счетъ и — словомъ, сдѣлалъ для меня то, что не всегда сдѣлаетъ и родной отецъ. Съ перваго же дня, какъ онъ

взялъ меня къ себѣ, я привязался къ нему всей душой. Миѣ было тогда лѣтъ десять и помню, что мы очень-скоро сошлись и совершенно поняли другъ друга. Мы вмѣстѣ спустили кубарь и украли чепчикъ у одной презлой старой барыни, приходившейся намъ обоимъ съ-родни. Чепчикъ я немедленно привязалъ къ хвосту бумажнаго змѣя и запустилъ подъ облака. Много лѣтъ спустя, я не надолго свидѣлся съ дядей уже въ Петербургѣ, гдѣ я кончалъ тогда курсъ моего ученія на его счетъ. Въ этотъ разъ я привязался къ нему со всеѣмъ жаромъ юности: что-то благородное, кроткое, правдивое, веселое и наивное до послѣднихъ предѣловъ поразило меня въ его характерѣ и влскло къ нему всякаго. Выйдя изъ университета, я жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, покамѣстъ ничѣмъ не занятый и, какъ часто бываетъ съ молокососами, убѣжденный, что въ самомъ непродолжительномъ времени надѣлаю чрезвычайно-много чего-нибудь очень-замѣчательнаго и даже великаго. Петербурга миѣ оставлять не хотѣлось. Съ дядей я переписывался довольно-рѣдко, и то только когда нуждался въ деньгахъ, въ которыхъ онъ миѣ никогда не отказывалъ. Между-тѣмъ, я ужъ слышалъ отъ одного двороваго человѣка дяди, прїѣзжавшаго по какимъ-то дѣламъ въ Петербургъ, что у нихъ, въ Степанчиковѣ, происходятъ удивительныя вещи. Эти первые слухи меня заинтересовали и удивили. Я сталъ писать къ дядѣ прилѣжнѣе. Онъ отвѣчалъ миѣ всегда какъ-то темно и странно, и въ каждомъ письмѣ старался только заговаривать со мной о наукахъ, ожидая отъ меня чрезвычайно-много впереди по ученой части и гордясь моими будущими успѣхами. Вдругъ, послѣ довольно-долгаго молчанія, я получилъ отъ него удивительное письмо, совершенно-непохожее на всеѣ его прежнія письма. Оно было наполнено такими странными намеками, такимъ сбродомъ противоположностей, что я сначала почти-ничего и не понималъ. Видно было только, что писавшій былъ въ необыкновенной тревогѣ. Одно въ этомъ письмѣ было ясно: дядя серьезно, убѣдительно, почти

умоляя меня, предлагалъ мнѣ какъ-можно-скорѣе жениться на прежней его воспитанницѣ, дочери одного бѣднѣйшаго провинціального чиновника, по фамиліи Ежевикина, получившей прекрасное образованіе въ одномъ учебномъ заведеніи, въ Москвѣ, насчетъ дяди, и бывшей теперь гувернанткой дѣтей его. Онъ писалъ, что она несчастна, что я могу составить се счастье, что я даже сдѣлаю великодушный поступокъ, обращая къ благородству моего сердца и общалъ дать за нею приданое. Впрочемъ, о приданомъ онъ говорилъ какъ-то таинственно, боязливо, и заключалъ письмо, умоляя мѣня сохранить все это въ величайшей тайнѣ. Письмо это такъ поразило меня, что, наконецъ, голова у меня закружилась. Да и на какого молодого человѣка, который, какъ я, только-что соскочилъ со сковороды, не подѣйствовало бы такое предложеніе, хотя бы, напримѣръ, романческою своею стороною? Къ-тому же, я слышалъ, что эта молоденькая гувернантка — прехорошенькая. Я, однакожь, не зналъ, на что рѣшиться, хотя тотчасъ же написалъ дядѣ, что немедленно отправлюсь въ Степанчиково. Дядя выслалъ мнѣ, при томъ же письмѣ, и денегъ на дорогу. Несмотря на то, я, въ сомнѣніяхъ и даже въ тревогѣ, промедлилъ въ Петербургѣ три недѣли. Вдругъ, случайно встрѣчаю одного прежняго сослуживца дяди, который, возвращаясь съ Кавказа въ Петербургъ, заѣхалъ, по-дорогѣ, въ Степанчиково. Это былъ уже пожилой и разсудительный человѣкъ, закоренѣлый холостякъ. Съ негодованіемъ рассказалъ онъ мнѣ про Оому Омича и тутъ же сообщилъ мнѣ одно обстоятельство, о которомъ я до-сихъ-поръ еще не имѣлъ никакого понятія, именно, что Оома Омичъ и генеральша задумали и положили женить дядю на одной престранной дѣвицѣ, перезрѣлой и почти совсѣмъ полоумной, съ какой-то необыкновенной біографіей и чуть-ли не съ полмиллиономъ приданого; что генеральша уже успѣла увѣрить эту дѣвицу, что онѣ между собою родня и, вслѣдствіе того, переманить къ себѣ въ домъ; что дядя, конечно, въ отчаяніи, но, кажется, кончится тѣмъ,

что непременно женится на полмиллионѣ приданого; что, наконецъ, обѣ умныя головы, генеральша и Ома Омичъ, воздвигли страшное гоненіе на бѣдную, баззащитную гувернатку дѣтей дяди, всѣми силами выживаютъ ее изъ дома, вѣроятно, боясь, чтобъ полковникъ въ нее не влюбился, а, можетъ, и оттого, что онъ уже и успѣлъ въ нее влюбиться. Эти послѣднія слова меня поразили. Впрочемъ, на всѣ мои разспросы: ужь не влюбленъ ли дядя въ-самомъ-дѣлѣ, скащикъ не могъ, или не хотѣлъ дать мнѣ точнаго отвѣта, да и вообще рассказывалъ скупю, нѣхотя и замѣтно уклонился отъ подробныхъ объясненій. Я задумался: извѣстіе такъ странно противорѣчило съ письмомъ дяди и съ его предложеніемъ!... Но медлить было нѣчего. Я рѣшился ѣхать въ Степанчиково. Желая не только вразумить и утѣшить дядю, но даже спасти его, по возможности, т. е. выгнать Ому, разстроить ненавистную свадьбу съ перезрѣлою дѣвой и, наконецъ — такъ-какъ, по моему окончательному рѣшенію, любовь дяди была только придирчивой выдумкой Омы Омича — осчастливить несчастную, но, конечно, интересную дѣвушку, предложеніемъ руки моей, и проч. и проч. Мало по-малу я такъ вдохновилъ и настроилъ себя, что, но молодости лѣтъ и отъ-нечего-дѣлать, перескочилъ изъ сомнѣнія совершенно въ другую крайность: я началъ горѣть желаніемъ какъ-можно-скорѣе надѣлать разныхъ чудесъ и подвиговъ. Мнѣ казалось даже, что я самъ выказываю необыкновенное великодушіе, благородно жертвуя собою, чтобъ осчастливить невинное и предестное созданіе — словомъ, я помню, что во всю дорогу былъ очень-доволенъ собой. Былъ іюль; солнце свѣтло ярко; кругомъ меня развѣтывался необъятный просторъ полей съ дозрѣвавшимъ хлѣбомъ.... А я такъ долго сидѣлъ закупоренный въ Петербургѣ, что, казалось мнѣ, только теперъ настоящимъ образомъ взглянулъ на свѣтъ Божій!

II.

Господинъ Бахчевъ.

Я уже приближался къ цѣли моего путешествія. Проѣзжая маленькій городокъ Б*, отъ котораго оставалось только десять верстъ до Степанчикова, я принужденъ былъ остановиться у кузницъ, близъ самой заставы, по случаю лопнувшей шины на переднемъ колесѣ моего тарантаса. Закрѣпить ее кое-какъ, для десяти верстъ, можно было довольно-скоро, и потому я рѣшился, нигде не заходя, подождать у кузницъ, покамѣстъ кузнецы справятъ дѣло. Выйдя изъ тарантаса, я увидѣлъ одного толстаго господина, который, также какъ и я, принужденъ былъ остановиться для починки своего экипажа. Онъ стоялъ уже цѣлый часъ на нестерпимомъ зноѣ, кричалъ, бранился и брюзгливымъ нетерпѣниемъ погонялъ мастеровыхъ, суетившихся около его прекрасной коляски. Съ перваго же взгляда этотъ сердитый баринъ показался мнѣ чрезвычайной брюзгой. Онъ былъ лѣтъ сорокапяти, средняго роста, очень-толстъ и рябъ. Толстота, кадыкъ и пухлыя, отвислыя его щеки свидѣтельствовали о блаженной помѣщичьей жизни. Что-то бабье было во всей его фигурѣ и тотчасъ же бросалось въ глаза. Одѣтъ онъ былъ широко, удобно, опрятно, но отнюдь не по модѣ.

Не понимаю, почему онъ и на меня разсердился, тѣмъ болѣе, что видѣлъ меня первый разъ въ жизни и еще не сказалъ со мною ни слова. Я замѣтилъ это, какъ только вылезъ изъ тарантаса, по необыкновенно-сердитымъ его взглядомъ. Мнѣ, однакожь, очень хотѣлось съ нимъ познакомиться. По болтовнѣ его слугъ, я догадался, что онъ ѣдетъ

теперь изъ Степанчикова, отъ моего дяди, и потому былъ случай о многомъ поразспросить. Я-было приподнялъ фуражку и попробовалъ со всевозможною пріятностью замѣтить, какъ непріятны иногда бываютъ задержки въ дорогѣ; но толстякъ окинулъ меня какъ-то нѣхотя недовольнымъ и брюзгливымъ взглядомъ съ головы до сапоговъ, что-то проворчалъ себѣ подъ-носъ и тяжело повернулся ко мнѣ всей своей поясницей. Эта сторона его особы, хотя и была предметомъ весьма любопытнымъ для наблюдений, но ужь конечно, отъ нея нельзя было ожидать разговора пріятнаго.

— Гришка! не ворчать подъ-носъ! выпорю!.. закричалъ онъ вдругъ на своего камердинира, какъ-будто совершенно не слыхавъ того, что я сказалъ о задержкахъ въ дорогѣ.

Этотъ «Гришка» былъ сѣдой, старинный слуга, одѣтый въ длиннополый синій сюртукъ и носившій пребольшіе сѣдые бакенбарды. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ тоже былъ очень-сердитъ и угрюмо ворчалъ себѣ подъ-носъ. Между баринномъ и слугой немедленно произошло объясненіе.

— Выпорешь! ори еще больше! проворчалъ Гришка будто просебя, но такъ громко, что всѣ это слышали, и съ негодованіемъ отвернулся что-то приладить въ коляскѣ.

— Чтò? чтò ты сказалъ? «Ори еще больше?..» грубіянить вздумалъ! закричалъ толстякъ, весь побагровѣвъ.

— Да чегò вы взѣдаться въ-самомъ-дѣлѣ изволите? Слова сказать нельзя!

— Чегò взѣдаться? Слышите? На меня же ворчить, а мнѣ и не взѣдаться!

— Да за чтò я буду ворчать?

— За чтò ворчать... А то, небось, нѣтъ? Я знаю, за чтò ты будешь ворчать: за то, что я отъ обѣда уѣхалъ — вотъ за чтò.

— А мнѣ чтò! По-мнѣ хошь совсѣмъ не обѣдайте. Я не на васъ ворчу; кузнецамъ только слово сказалъ.

— Кузнецамъ.. А на кузнецовъ чегò ворчать?

— А не на нихъ, такъ на экипажъ ворчу.

— А на экипажъ чего ворчать?

— А зачѣмъ изломался! Впередъ не ломайся, а въ цѣлости будь.

— На экипажъ... Нѣтъ, ты на меня ворчишь, а не на экипажъ. Самъ виноватъ, да онъ же и ругается!

— Да что вы, сударь, въ самомъ-дѣлѣ, пристали? Отстаньте, пожалуйста!

— А чего ты всю дорогу сычомъ сидѣлъ, слова со мной не сказалъ — а? Говоришь же въ другіе разы!

— Муха въ ротъ лѣзла — оттого и молчалъ и сидѣлъ сычомъ. Что я вамъ, сказки, что-ли, буду рассказывать? Сказочницу Маланью берите съ собой, коли сказки любите.

Толстякъ раскрылъ-было ротъ, чтобъ возразить, но, очевидно, не нашелся и замолчалъ. Слуга же, довольный своей діалектикой и вліяніемъ на барина, выказаннымъ при свидѣтеляхъ, съ удвоенной важностью обратился къ рабочимъ и началъ имъ что-то показывать.

Попытки мои познакомиться оставались тщетными, особенно при моей неловкости; но мнѣ помогло непредвидѣнное обстоятельство. Одна заспанная, неумытая и непричесанная физиономія внезапно выглянула изъ окна закрытаго каретнаго кузова, съ незапамятныхъ временъ стоявшаго безъ колесъ у кузницы и ежедневно, но тщетно-ожидавшаго починки. Съ появленіемъ этой физиономіи раздался между мастеровыми всеобщій смѣхъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ, выглянувшій изъ кузова, былъ въ немъ накрѣпко запертъ и теперь не могъ выдти. Проспавшись въ немъ хмѣльной, онъ тщетно просился теперь на свободу; наконецъ сталъ просить кого-то сбѣгать за его инструментомъ. Все это чрезвычайно веселило присутствовавшихъ.

Есть такія натуры, которымъ въ особенную радость и веселье бываютъ довольно-странныя вещи. Grimасы пьянаго мужичка, человѣкъ, споткнувшійся и упавшій на улицѣ, перебранка двухъ бабъ и проч. и проч. на эту тѣму, производятъ иногда въ иныхъ людяхъ самый добродушный восторгъ,

неизвѣстно почему: Толстякъ-помѣщикъ принадлежалъ именно къ такого рода натурамъ. Мало-по-малу, его физіономія изъ грозной и угрюмой стала дѣлаться довольной и ласковой и, наконецъ, совсѣмъ прояснилась.

— Да это Васильевъ? спросилъ онъ съ участіемъ. Да какъ онъ туда попалъ?

— Васильевъ, сударь, Степанъ Алексѣичъ, Васильевъ! закричали со всѣхъ сторонъ.

— Загулялъ, сударь, прибавилъ одинъ изъ работниковъ, человекъ пожилой, высокій и сухощавый, съ педантски-строгимъ выраженіемъ лица и съ поползновеніемъ на старшинство между своимъ: — загулялъ, сударь, отъ хозяина третій день, какъ ушелъ, да у насъ и хоронится, навязался къ намъ! Вотъ стамезку просить. Ну, на что тебѣ теперь стамезка, пустая ты голова? Послѣдній струментъ закладывать хочеть!

— Эхъ, Архипушка! деньги — голуби: прилетятъ и опять улетятъ! Пусты, рали небеснаго Создателя, молилъ Васильевъ тонкимъ, дребезжащимъ голосомъ, высунувъ изъ кузова голову.

— Да сиди ты, идолъ, олаго попалъ! сурово отвѣчалъ Архипъ. — Глаза-то еще съ третьева-дня успѣлъ перемѣнить; съ улицы сегодня на зарѣ притащили; моли Бога—спрятали, Матвѣю Ильичу сказали: заболѣлъ, «запасныя, дескать, колотья у насъ проявились».

Смѣхъ раздался вторично.

— Да стамезка-то гдѣ?

— Да у нашего Зуя! Наладилъ одно! пьющій человекъ, какъ есть, сударь, Степанъ Алексѣичъ.

— Хе-хе-хе! Ахъ мошенникъ! Такъ ты вотъ какъ въ городѣ работаешь: инструментъ закладываешь! прохрипѣлъ толстякъ, захлебываясь отъ смѣха, совершенно-довольный и и пришедшій вдругъ въ наипрѣятнѣйшее расположеніе духа.

— А вѣдь столяръ такой, что и въ Москвѣ поискать! Да вотъ такъ-то онъ всегда себя аттестуетъ, мерзавецъ, приба-

вилъ онъ, совершенно-неожиданно обратившись ко мнѣ.— Выпусти его, Архипъ: можетъ ему что и нужно.

Барина послушались. Гвоздь, которымъ забили каретную дверцу болѣе для того, чтобъ позабавиться надъ Васильевымъ, когда тотъ проснется, былъ вынутъ, и Васильевъ показался на свѣтъ Божій испачканный, перяшливый и оборванный. Онъ замигалъ отъ солнца, чихнулъ и покачнулся; потомъ, сдѣлавъ рукой надъ глазами щитокъ, осмотрѣлся кругомъ.

— Народу-то, народу-то! проговорилъ онъ, качая головой:— и все, чай, тре...звые, протянулъ онъ въ какомъ-то грустномъ раздумьи, какъ-бы въ упрекъ самому себѣ. — Ну, съ добрымъ утромъ, братцы, съ наступающимъ днемъ.

Снова всеобщій хохотъ.

— Съ наступающимъ днемъ! Да ты смотри, сколько дня-то ушло, человѣкъ несообразный!

— Ври Емея — твоя недѣля!

— По-нашему, хоть на часъ, да вскачь!

— Хе-хе-хе! Ишь краснобай! вскричалъ толстякъ, еще разъ закачавшись отъ смѣха и снова взглянувъ на меня привѣтливо. — И не стыдно тебѣ, Васильевъ?

— Съ горя, сударь, Степанъ Алексѣичъ, съ горя, отвѣчалъ серьезно Васильевъ, махнувъ рукой и очевидно-довольный, что представился случай еще разъ упомянуть про свое горе.

— Съ какого же горя, дуракъ?

— А съ такого, что досель и не видывали: Ѳомъ Ѳомичу насъ записываютъ.

— Кого? когда? закричалъ толстякъ, весь встрепенувшись.

Я тоже ступилъ шагъ впередъ: дѣло совершенно-неожиданно коснулось и до меня.

— Да всѣхъ капитоновскихъ. Нашъ баринъ, полковникъ— дай Богъ ему здравія — всю нашу Капитоновку, свою вотчину, Ѳомъ Ѳомичу пожертвовать хочетъ; цѣлыя семьдесятъ душъ ему выдѣляетъ. «На тебѣ» говорить «Ѳома! вотъ теерь у тебя, примѣрно, нѣтъ ничего; помѣщикъ ты неболь-

шой; всего-то у тебя два снѣтка по оброку въ Ладожскомъ Озерѣ ходять — только и душъ ревизскихъ тебѣ отъ покойнаго родителя твоего осталось. Потому, родитель твой, продолжалъ Васильевъ съ какимъ-то злобнымъ удовольствіемъ, посыпая перцомъ свой рассказъ во всемъ, что касалось Оомы Оомича, — «потому-что родитель твой былъ столбовой дворянинъ, невѣдомо откуда, невѣдомо кто; то же, какъ и ты, по господамъ проживаль, при милости на кухнѣ пробавлялся. А вотъ теперъ, какъ запишу тебѣ Капитоновку, будешь и ты нѣмѣщикъ, столбовой дворянинъ, и людей своихъ собственныхъ имѣть будешь, и лежи-себѣ на печи, на дворянской вакансіи...»

Но Степанъ Алексѣевичъ ужъ не слушалъ. Эффектъ, произведенный на него полупьянымъ рассказомъ Васильева, былъ необыкновенный. Толстякъ былъ такъ раздраженъ, что даже побагровѣлъ; кадыкъ его затрясся, маленькія глазки налились кровью. Я думалъ, что съ нимъ тотчасъ же будетъ ударъ.

— Этого недоставало! проговорилъ онъ, задыхаясь, — ракаля, Оома, приживальщикъ, въ помѣщики! Тьфу! пропадите вы совсѣмъ! Эй вы! кончай скорѣе! Домой!

— Позвольте спросить васъ, сказалъ я, нерѣшительно выступая впередъ, — сейчасъ вы изволили упомянуть о Оомѣ Оомичѣ; кажется, его фамилья, если только не ошибаюсь, Опискинъ. Вотъ видите ли, я желалъ бы... словомъ, я имѣю особенныя причины интересоваться этимъ лицомъ и, съ своей стороны, очень бы желалъ узнать, въ какой степени можно вѣрить словамъ этого добраго человѣка, что баринъ его, Егоръ Ильичъ Ростаневъ, хочетъ подарить одну изъ своихъ деревень Оомѣ Оомичу. Меня это чрезвычайно интересуеть, и я...

— А позвольте и васъ спросить, прервалъ толстый господинъ, — съ какой стороны изволите интересоваться этимъ лицомъ, какъ вы изъясняетесь; а по-моему, такъ этой ракалей анаѣемской — вотъ какъ называть его надо, а не ли-

цомъ! Какое у него лицо у паршивика! одинъ только срамъ, а не лицо!

Я объяснилъ, что насчетъ лица, я, покамѣсть, нахожусь въ неизвѣстности, но что Егоръ Ильичъ Ростаневъ мнѣ придѣтся дядей, а самъ — я, Сергѣй Александровичъ такой-то.

— Это что ученый-то человекъ? Батюшка мой, да тамъ васъ ждутъ не дождутся! вскричалъ толстякъ, неліцемерно обрадовавшись: вѣдь я теперь самъ отъ нихъ, изъ Степанчиковъ, отъ обѣда уѣхалъ, изъ-за пуддинга всталъ: съ Оомой усидѣть не могъ! Со всѣми тамъ переругался изъ-за Оомки проклятаго... Вотъ встрѣча! Вы, батюшка, меня извините. Я Степанъ Алексѣичъ Бахчевъ и васъ вотъ этакимъ отъ полу помню... Ну, кто бы сказалъ?... А позвольте васъ...

И толстякъ полѣзъ добызать меня.

Послѣ первыхъ минутъ нѣкотораго волненія, я немедленно приступилъ къ разспросамъ: случай былъ превосходный.

— Но кто жь этотъ Оома? спросилъ я, какъ это онъ завоевалъ тамъ весь домъ? Какъ не выгонять его со двора шедепами? Признаюсь...

— Его-то выгонять? Да вы сдурѣли, аль нѣтъ? Да вѣдь Егоръ-то Ильичъ передъ нимъ на цыпочкахъ ходитъ! Да Оома велѣлъ разъ быть вмѣсто четверка середѣ, такъ они тамъ, всѣ до одинаго, четверкъ середой почитали. «Не хочу, чтобъ былъ четверкъ, а будь середъ!» Такъ двѣ середы на одной недѣлѣ и было. Вы думаете, я привралъ что-нибудь? Вотъ на стѣлочко не привралъ! Просто, батюшка, штука капитана Кука выходитъ!

— Я слышалъ это, но, признаюсь...

— Признаюсь да признаюсь! Вѣдь наладить же одно человекъ! Да чего признаваться-то? Нѣтъ, вы лучше меня разспросите. Вѣдь все рассказать, такъ вы не повѣрите, а спросите: изъ какихъ я лѣсовъ къ вамъ явился? Матушка Егора-то Ильича, полковника-то, хоть и очень-достоинная дама и, къ-тому же, генеральша, да, по-моему, изъ ума совсѣмъ выжила: не надышитъ на Оому треклятаго. Всему она и при-

чиной; она-то и завела его въ домѣ. Зачиталъ онъ ее, то-есть, какъ есть безсловесная женщина сдѣлалась, хоть и превосходительствомъ называется — за генерала Крахоткина пятидесяти лѣтъ замужъ выпрыгнула! Про сестрицу Егора Ильича, Прасковью Ильиничну, что въ дѣвкахъ сорокъ лѣтъ сидитъ, и говорить не желаю. Ахи да ѳхи, да клокчетъ какъ курица, надоѣла мнѣ совсѣмъ — ну ее! Только развѣ и есть въ ней, что дамскій полъ: такъ вотъ и уважай ее ни зѣчто, ни прѣчто, за то только, что она дамскій полъ! Тьфу! говорить неприлично: тѣтушкой она вамъ приходится. Одна только Александра Егоровна, дочка полковничья, хоть и малой ребенокъ — всего-то шестнадцатый годъ, да умнѣй ихъ всѣхъ, по-мѣму: не уважаетъ Ѳомѣ; даже смотрѣть было весело. Милая барышня, больше ничего. Да и кому уважать-то? Вѣдь онъ, Ѳомка-то, у покойнаго генерала Крахоткина въ шутахъ проживалъ! вѣдь онъ ему, для его генеральской потѣхи, различныхъ звѣрей изъ себя представлялъ! И выходитъ, что прежде Ваня огороды копалъ, а нынче Ваня въ воеводы попалъ. А теперь полковникъ-то, дядюшка-то, отставнаго шута замѣсто отца роднаго почитаетъ, въ рамку вставилъ его, подлеца, въ ножки ему кланяется, своему-то приживальщику — тьфу!

— Впрочемъ, бѣдность еще не порокъ... и... признаюсь вамъ... позвольте васъ спросить, что онъ красивъ, уменъ?

— Ѳома-то? писаный красавецъ! отвѣчалъ Бахчеевъ съ какимъ-то необыкновеннымъ дрожаніемъ злости въ голосѣ. (Вопросы мои какъ-то раздражали его, и онъ уже началъ и на меня смотрѣть подозрительно). Писаный красавецъ! Слышите, добрые люди: красавца нашелъ! Да онъ на всѣхъ звѣрей похожъ, батюшка, если ужъ все хотите доподлинно знать. И вѣдь добро бы остроуміе было, хоть бы остроуміемъ, шелмецъ, обладалъ — ну, я бы тогда согласился, пожалуй, скрѣпя сердце, для остроумія-то, а то, вѣдь и остроумія нѣтъ никакого! Просто выпить имъ далъ чего-нибудь всѣмъ физикъ какой-то! Тьфу, языкъ усталъ. Только плюнуть надо да за-

молчать. Разстроили вы меня, батюшка, своимъ разговоромъ! Эй, вы! готово, иль нѣтъ?

— Воронка еще перековать надо, промолвилъ мрачно Григорій.

— Воронка. Я тебѣ такого задамъ воронка!... Да, сударь, я вамъ такое могу рассказать, что вы только ротъ разините да такъ и останетесь до втораго пришествія съ разинутымъ ртомъ. Вѣдь я прежде и самъ его уважалъ. Вы что думаете? Каюсь, открыто каюсь: былъ дуракомъ! Вѣдь онъ и меня обморочилъ! Всезнай! всю подноготную знаетъ, всѣ науки произошелъ! Капель онъ мнѣ давалъ: вѣдь я, батюшка, человекъ больной, сырой человекъ! Вы, можетъ, не вѣрите, а я больной. Ну, такъ я съ его капель-то чуть вверхъ тормашки не полетѣлъ. Вы только молчите, да слушайте; сами поѣдете, всѣмъ полюбуетесь. Вѣдь онъ тамъ полковника-то до кровавыхъ слезъ доведетъ; вѣдь кровавую слезу прольетъ отъ него полковникъ-то, да ужъ поздно будетъ. Вѣдь ужъ кругомъ весь околотокъ разнакомился съ ними изъ-за Фомки треклятаго. Вѣдь всякому, кто не приѣдетъ, оскорбленія чинить. Чего ужъ мнѣ, значительнаго чина не пощадить! Всякому наставленія читаетъ; въ мораль какую-то бросило его, шельмеца. Мудрецъ, дескать, я, всѣхъ умнѣе, одного меня и слушай. Я, дескать, ученый. Да что жъ, что ученый! Такъ изъ-за того, что ученый, ужъ такъ непремѣнно и надо заѣсть неученаго?... И ужъ какъ начнетъ ученымъ своимъ языкомъ колотить, такъ ужъ та-та-та! та-та-та! то-есть такой, я вамъ скажу, болтливый языкъ, что отрѣзать его да выбросить на навозную кучу, такъ онъ и тамъ будетъ болтать, все будетъ болтать, пока ворона не склюетъ. Зазнался, надулся, какъ мышъ на крупу! Вѣдь ужъ туда теперь лѣзетъ, куда и голова его не пролѣзетъ. Да чего! Вѣдь онъ тамъ дворовыхъ людей по-французски учить выдумалъ! Хотите, не вѣрьте! Это, дескать, ему полезно, Хаму-то, слугѣ-то! Тьфу! срамецъ треклятый — больше ничего! А на что холопу знать пофранцузски, свасъ? прошу я Да на что и нашему-то брату знать

пофранцузски, на что? Съ барышнями въ мазуркѣ лимонничать, съ чужими женами апельсинничать? развратъ — больше ничего! А по-моему, графиня водки выпилъ — вотъ и заговорилъ на всѣхъ языкахъ. Вотъ какъ я его уважаю. французскій-то вашъ языкъ! Небожь и вы пофранцузски: «та-та-та! та-та-та! вышла кошка за кота!» прибавилъ Бахчевъ, смотря на меня съ презрительнымъ негодованіемъ. Вы батюшка, человекъ ученый — а? по ученой части пошли?

— Да... я, отчасти, интересуюсь...

— Чай, тоже всѣ науки произошли?

— Такъ-съ, то-есть, нѣтъ... Признаюсь вамъ, я болѣе интересуюсь теперь наблюденіемъ. Я все сидѣлъ въ Петербургѣ и теперь спѣшу къ дядюшкѣ...

— А кто васъ тянулъ къ дядюшкѣ? Сидѣли бы тамъ, гдѣ-нибудь у себя, коли было гдѣ сѣсть! Нѣтъ, батюшка, тутъ, я вамъ скажу, ученостью мало возьмете, да и никакой дядюшка вамъ не поможетъ; попадете въ арканъ! Да я у нихъ похудѣлъ въ одни сутки. Ну, вѣрите ли, что я у нихъ похудѣлъ? Нѣтъ, вы, я вижу, не вѣрите. Что жъ, пожалуй, Богъ съ вами, не вѣрите.

— Нѣтъ-съ, помилуйте, я очень вѣрю, только я все еще не понимаю, отвѣчалъ я, теряясь все болѣе-и-болѣе.

— То-то вѣрю, да я-то тебѣ не вѣрю! Всѣ вы прыгуны, съ вашей ученой-то частью. Вамъ только бы на одной ножкѣ попрыгать да себя показать! Не люблю я, батюшка, ученую часть; вотъ она у меня гдѣ сидитъ! Приходилось съ вашими петербургскими сталкиваться — непотребный народъ! Все фармазоны; невѣріе распространяютъ; рюмку водки выпить боятся, точно она укуситъ его — тьфу! Разсердили вы меня, батюшка, и рассказывать тебѣ ничего не хочу! Вѣдь не подрядился же я, въ-самомъ-дѣлѣ, тебѣ сказки рассказывать, да и языкъ усталъ. Всѣхъ, батюшка, не переругаешь, да и грѣшно... А только онъ у дядюшки вашего лакея Видоплясова чуть не въ безуміе ввелъ, ученый-то твой! Ума рѣшился Видоплясовъ-то изъ-за Оомы Оомича.

— Да я-бъ его, Видоплясова, ввязался Григорій, который, до-сихъ-поръ, чинно и строго наблюдалъ разговоръ, да я-бъ его, Видоплясова, изъ-подъ розогъ не выпустилъ. Нарвись-ко онъ на меня, я бы дурь-то нѣмецкую вышибъ! задалъ бы столько, что въ два-ста не складешь.

— Молчать! крикнулъ баринъ: держи языкъ за зубами; не съ тобой говорятъ!

— Видоплясовъ, сказалъ я, совершенно сбившись, испугавшись и ужъ не зная, что говорить:—Видоплясовъ... скажите, какая странная фамилья?

— А чѣмъ она странная? И вы туда же! Эхъ вы ученый, ученый!

Я потерялъ терпѣніе.

— Извините, сказалъ я, но за что жъ вы на меня-то сердитесь? Чѣмъ же я виноватъ? Признаюсь вамъ, я вотъ уже полчаса васъ слушаю и даже не понимаю, о чемъ идетъ дѣло.

— Да вы, батюшка, чего обижаетесь? отвѣчалъ толстякъ— нечего вамъ обижаться! Я вѣдь тебѣ любя говорю. Вы не глядите на меня, что я такой крикса и вотъ сейчасъ на человѣка моего закричалъ. Онъ хоть каналья естественнѣйшая, Гришка-то мой, да за это-то я его и люблю, подлеца. Чувствительность сердечная погубила меня — откровенно скажу; а во всемъ этомъ Оомка одинъ виноватъ! Погубить онъ меня, присягну, что погубить! Вотъ теперь два часа на солнцѣ по его же милости жарюсь. Хотѣлъ-было къ протопопу зайти, покажѣсть эти дураки съ починкой копаются. Хорошій человѣкъ здѣшній протопопъ. Да ужъ такъ онъ разстроилъ меня, Оомка-то, что ужъ и на протопопа смотрѣть не хочется! Ну ихъ всѣхъ! Здѣсь вѣдь и трактиришка порядочнаго нѣтъ. Всѣ, я вамъ скажу, подлецы, всѣ до одинаго! И вѣдь добро бы чинъ на немъ былъ необыкновенный какой-нибудь, продолжалъ Бахчеевъ, снова обращаясь къ Оомѣ Оомичу, отъ котораго онъ, видимо, не могъ отвязаться: — ну тогда хоть по чину простительно; а то, вѣдь, и чинишка-то нѣтъ; это я

доподлинно знаю, что нѣтъ. За правду, говоритъ, гдѣ-то тамъ пострадалъ, въ сорокъ не въ нашемъ году, такъ вотъ и кланяйся ему за то въ ножки! чортъ не братъ! Чуть что не по немъ — вскочить, завизжить: «обижаютъ, дескать, меня, бѣдность мою обижаютъ, уваженія не питаютъ ко мнѣ!» Безъ Оомы къ столу не смѣй сѣсть, а самъ не выходитъ: «меня, дескать, обидѣли; я убогій странникъ, я и чернаго хлѣбца поѣмъ». Чуть сядутъ, онъ тутъ и явился; опять пошла наша скрипка пилить: «зачѣмъ безъ меня сѣли за столъ? значить, ни во что меня почитаютъ». Словомъ, гуляй душа! Я, батюшка, долго молчалъ. Онъ думалъ, что и я передъ нимъ собачонкой на заднихъ лапкахъ буду выплясывать; на-тка, братъ, возьми, закуси! Нѣтъ, братъ, ты только за дугу, а я ужъ въ телегѣ сижу! Съ Егоръ-то Ильичемъ я вѣдь въ одномъ полку служилъ. Я-то въ отставку юнкеромъ вышелъ, а онъ въ прошломъ году въ вотчину пріѣхалъ, въ отставку полковникъ. Говорю ему: «эй себя сгубите, не потакайте Оомѣ! прольете слезу!» Нѣтъ, говоритъ, превосходнѣйшій онъ человѣкъ (это про Оомку-то!), онъ мнѣ другъ; онъ меня благоправію учитъ. Ну, думаю, противъ благоправія не пойдешь! Ужъ коли благоправію зачалъ учить — значитъ, послѣднее дѣло пришло. Что жъ бы вы думали, сегодня изъ-за чего опять поднялъ исторію? Завтра Ильи-пророка (господинъ Бахчевъ перекрестился): Илюша, сынокъ-то дядюшкинъ, именинникъ. Я-было думалъ и день у нихъ провести и пообѣдать тамъ и игрушку столичную выписалъ: нѣмецъ на пружинахъ у своей невѣсты ручку целуетъ, а та слезу платкомъ вытираетъ — превосходная вещь! (теперь ужъ не подарю, морген-фри. Вотъ у меня въ коляскѣ лежитъ и носъ у нѣмца отбитъ; назадъ везу). Егоръ-то Ильичъ и самъ бы не прочь въ такой день погулять и попраздновать, да Оомка претить: «зачѣмъ, дескать, началъ заниматься Илюшей? На меня, стало-быть, вниманія не обращаютъ теперь!» А? каковъ гусь? восьмилѣтнему мальчику въ тесноменствѣ позавидовалъ! «Такъ вотъ нѣтъ же, говоритъ, и я именинникъ!» Да

вѣдь будетъ пльинъ-день, а не ѳоминъ! «Нѣтъ, говоритъ, я тоже въ этотъ день именинникъ! Смотрю я, терплю. Что жь бы вы думали? Вѣдь они теперь на цыпочкахъ ходятъ да шепчутся: какъ быть? За именинника его въ пльинъ-день почитать, или нѣтъ, поздравлять, или нѣтъ? Не проздравь—обидѣтся можетъ, а проздравь—пожалуй и въ насмѣшку приметъ. Тьфу ты пропасть! Сѣли мы обѣдать... Да ты, батюшка, слушаешь, или нѣтъ!

— Помилуйте, слушаю; съ особеннымъ, даже, удовольствіемъ слушаю, потому-что черезъ васъ я теперь узналъ... и... признаюсь...

— То-то съ особеннымъ удовольствіемъ! Знаю я твое удовольствіе... Да ужь ты не въ пику ли мнѣ про удовольствіе-то свое говоришь?

— Помилуйте, въ какую же пику? напротивъ. Притомъ же вы такъ... оригинально выражаетесь, что я даже готовъ записать ваши слова.

— То-есть какъ это, батюшка, записать? спросилъ г. Бахчеевъ съ нѣкоторымъ испугомъ и смотря на меня подозрительно.

— Впрочемъ, я, можетъ-быть, и не запишу... это я такъ.

— Да ты вѣрно, какъ-нибудь, обольстить меня хочешь?

— То-есть какъ это обольстить? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да такъ. Вотъ ты теперь меня обольстишь, я тебѣ все расскажу, какъ дуракъ, а ты возьмешь, послѣ, да и опишешь меня гдѣ-нибудь въ сочиненіи.

Я тотчасъ же поспѣшилъ увѣрить г. Бахчеева, что я не изъ такихъ, но онъ все еще подозрительно смотрѣлъ на меня.

— То-то не изъ такихъ! кто тебя знаетъ! можетъ, и лучше еще. Вонъ и Ѳома грозился меня описать да въ печать послать.

— Позвольте спросить, прервалъ я, отчасти желая пере-

мѣнить разговоръ: — скажите, правда ли, что дядюшка хочетъ жениться?

— Такъ что же, что хочетъ? Это бы еще ничего. Женись, коли ужь такъ тебя покачнуло; не это скверно, а другое скверно... прибавилъ г. Бахчесвъ въ задумчивости. — Гм! про это, батюшка, я вамъ доподлинно не могу дать отвѣта. Много теперь туда всякаго бабья напихалось, какъ мухъ у варенья; да вѣдь не разберешь, которая замужъ хочетъ. А я вамъ, батюшка, по дружбѣ скажу: не люблю бабья! Только слава, что человѣкъ, а по правдѣ, такъ одинъ только срамъ, да и спасенію души вредить. А что дядюшка вашъ влюбленъ, какъ сибирскій котъ, такъ въ этомъ я васъ завѣряю. Про это, батюшка, я теперь промолчу: сами увидите; а только то скверно, что дѣло тянетъ. Коли жениться, такъ и женись; а то Оомкѣ боится сказать, да и старухѣ своей боится сказать: та тоже завизжитъ на все село да брыкаться начнетъ. За Оому стоитъ: дескать, Оома Оомпчъ огорчится, коли супруга въ домъ войдетъ, потому-что ему тогда двухъ часовъ не прожить въ домѣ-то. Супруга-то собственноручно въ шею вытолкаетъ, да еще, не будь дура, другимъ какимъ манеромъ такого киселя задастъ, что по уѣзду мѣста потомъ не отыщеть! Такъ вотъ онъ и куралеситъ теперь, вмѣстѣ съ маменькой и подсовываютъ ему таковскую... Да ты, батюшка, что жь меня перебилъ? Я тебѣ самую главную статью хотѣлъ рассказать, а ты меня перебилъ! Я постарше тебя; перебивать старика не годится...

Я извинился.

— Да ты не извиняйся! Я вамъ, батюшка, какъ человѣку ученому, на судъ представить хотѣлъ, какъ онъ сегодня разобидѣлъ меня. Ну вотъ разсуди, коли добрый ты человѣкъ. Сѣли мы обѣдать; такъ онъ меня, я тебѣ скажу, чуть не съѣлъ за обѣдомъ-то! Съ самаго начала вижу: сидитъ-себѣ, злится, такъ-что въ немъ вся душа скрипитъ. Въ ложкѣ воды утопить меня радъ, ехидна! Такого самолюбія человѣкъ, что ужь самъ въ себѣ помѣститься не можетъ! Вотъ и вздумалъ

онъ ко мнѣ придирается, благонавію тоже меня вздумалъ учить. Зачѣмъ, скажите ему, я такой тодстый? Ну, присталь чловѣкъ: зачѣмъ не тонкій, а толстый? Ну, скажите же, батюшка, что за вопросъ? Ну, видно, ли тутъ остроуміе? Я съ благоразуміемъ ему отвѣчаю: «это такъ ужь Богъ устроилъ, Оома Оомичъ: одинъ толстъ, а другой тонокъ; а противъ всеблагаго Провидѣнія смертному возставать невозможно». Благоразумно вѣдь — какъ вы думаете? — «Нѣтъ, говоритъ, у тебя пятьсотъ душъ, живешь на готовомъ, а пользы отечеству не приносишь; надо служить, а ты все дома сидишь да на гармоніи играешь». А я и взаправду, когда взгрустнется, на гармоніи люблю поиграть. Я опять съ благоразуміемъ отвѣчаю: «А въ какую я службу пойду, Оома Оомичъ? въ какой мундиръ толстоту-то мою затыну? Надѣну мундиръ, затынусь, неравно чихну — всѣ пуговицы и отлетятъ, да еще, пожалуй, при вышемъ начальствѣ, да, оброни Богъ, за пашквиль сочтутъ — что тогда?» Ну, скажите же, батюшка, ну что я тутъ смѣшнаго сказалъ? Такъ нѣтъ же, покатывается на на мой счетъ, хѣхашьки да хихиньки такія пошли... то-есть цѣломудрія въ немъ нѣтъ никакого, я вамъ скажу, да еще на французскомъ діалектѣ поноситъ меня вздумалъ: кошонъ говоритъ. Ну, кошонъ-то и я понимаю что значить. «Ахъ ты, физикъ проклятый, думаю; полагаешь, я тебѣ теплоухъ дался?» Терпѣлъ я терпѣлъ, да и не утерпѣлъ, всталъ изъ-за стола да при всемъ честномъ народѣ и брякъ ему: согрѣшилъ я, говорю, передъ тобой, Оома Оомичъ, благодѣтель; подумалъ-было, что ты благовоспитанный чловѣкъ; а ты, братъ, выходишь такая же свинья, какъ и мы всѣ — сказалъ, да и вышелъ изъ-за стола, изъ-за самого пудина: пудинъ тогда обносили. Ну васъ и съ пудинномъ-то!..

— Извините меня, сказалъ я, прослушавъ весь рассказъ г. Бахчесва: — я, конечно, готовъ съ вами во всемъ согласиться. Главное, я еще ничего положительнаго не знаю... Но, видите ли, на этотъ счетъ у меня явились теперь свои идеи.

— Какія же это идеи, батюшка, у тебя появились? недо-
вѣрчиво спросилъ г. Бахчеевъ.

— Видите ли, началъ я, нѣсколько путаясь: — оно, можетъ-
быть, и некстати теперь, но я, пожалуй, готовъ сообщить
Вотъ какъ я думаю: можетъ-быть, мы оба ошибаемся на счетъ
Өомы Өомича, можетъ-быть, всѣ эти странности прикрываютъ
натуру особенную, даже даровитую — кто это знаетъ? Мо-
жетъ-быть, это натура огорченная, разбитая страданіями,
такъ-сказать, мстящая всему человѣчеству. Я слышалъ, что
онъ прежде былъ чѣмъ-то въ родѣ шута; можетъ-быть, это
его унизило, оскорбило, сразило?.. Понимаете: человѣкъ
благородный... сознание... а тутъ роль шута!.. И вотъ онъ
сталъ недовѣрчивъ ко всему человѣчеству и... и, можетъ-
быть, если примирить его съ человѣчествомъ... то-есть съ
людьми, то, можетъ быть, изъ него выйдетъ натура особен-
ная... можетъ-быть, даже очень-замѣчательная и... и... и вѣдь
есть же что-нибудь въ этомъ человѣкѣ? Вѣдь есть же при-
чина, по которой ему всѣ поклоняются?

Словомъ, я самъ почувствовалъ, что зарапортовался ужасно.
По молодости еще можно было простить. Но г. Бахчеевъ не
простилъ. Серьезно и строго смотрѣлъ онъ мнѣ въ глаза, и
наконецъ вдругъ побагровѣлъ, какъ индійскій пѣтухъ.

— Это Өомка-то такой особенный человѣкъ? спросилъ онъ
отрывисто.

— Послушайте: я еще самъ почти ничему не вѣрю изъ
того, что я теперь говорилъ. Я это такъ только, въ видѣ
догадки...

— А позвольте, батюшка, полюбопытствовать спросить:
обучались вы философіи, или нѣтъ?

— То-есть въ какомъ смыслѣ? спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— Нѣтъ, не въ смыслѣ; а вы мнѣ, батюшка, прямо, безо
всякаго смысла отвѣчайте: обучались вы философіи, или нѣтъ?

— Признаюсь, я намѣренъ изучать, но...

— Ну, такъ и есть! вскричалъ г. Бахчеевъ, давъ полную
волю своему негодованію. — Я, батюшка, еще прежде чѣмъ

вы ротъ растворили, догадался, что вы философіи обучались! Меня не надуешь! моргенъ-фри! За три версты чутьемъ услышу философа! Поцалуйтесь вы съ вашимъ Ѳомой Ѳомпчомъ! Особеннаго человѣка нашель! тьфу! прокисай все на свѣтѣ! Я было думалъ, что вы тоже благонамѣренный человѣкъ, а вы... Подавай! закричалъ онъ кучеру, ужъ влѣзавшему на кóзла исправленнаго экипажа. — Домой!

Насилу-то я кое-какъ успокоилъ его; кое-какъ, наконецъ, онъ смягчился; но долго еще не могъ рѣшиться переменить гнѣвъ на милость. Между-тѣмъ, онъ влѣзъ въ коляску съ помощью Григорія и Архипа, того самаго, который читалъ наставленія Васильеву.

— Позвольте спросить васъ, сказалъ я, подойдя къ коляскѣ: — вы ужъ болѣе не прїѣдете къ дядюшкѣ?

— Къ дядюшкѣ-то? А плюньте на того, кто вамъ это сказалъ! Вы думаете я постоянный человѣкъ, выдержу? Въ томъ-то и горе мое, что я тряпка, а не человѣкъ! Недѣли не пройдетъ, а я опять туда полетусь. А зачѣмъ? Вотъ подите: самъ не знаю зачѣмъ, а поѣду; опять буду съ Ѳомой воевать. Это ужъ, батюшка, горе мое! За грѣхи мнѣ Господь этого Ѳомку въ наказаніе послалъ. Характеръ у меня бабій, постоянства нѣтъ никакого! Трусь я, батюшка, первой руки...

Мы, однакожь, разстались подружески; онъ даже пригласилъ меня къ себѣ обѣдать.

— Прїѣзжай, батюшка, прїѣзжай, пообѣдаемъ. У меня водочка изъ Кіева пѣшкомъ пришла, а поваръ въ Парижѣ бывалъ. Такого фенезерфу подасть, такую кулебяку мисайловну сочинить, что только пальчики оближешь, да въ ножки поклонись ему, подлецу. Образованный человѣкъ! Я вотъ только давно не сѣкъ его, бадуется онъ у меня... да вотъ теперь благо напомнили... Прїѣзжай! Я бы васъ и сегодня съ собою пригласилъ, да вотъ какъ-то весь упалъ, раскисъ, совсѣмъ безъ заднихъ ногъ сдѣлался. Вѣдь я человѣкъ больной, сырой человѣкъ. Вы, можетъ-быть, и не вѣрите... Ну. прощайте, батюшка! Пора плыть и моему кораблю. Вонъ и вашъ

тарантасикъ готовъ. А Ѳомкѣ скажите, чтобъ и не встрѣчался со мной; не то я такую чувствительную встрѣчу ему сочиню, что онъ...

Но послѣднихъ словъ ужь не было слышно. Коляска, принятая дружно четверкою сильныхъ коней, исчезла въ облакахъ пыли. Подали и мой тарантасъ; я сѣлъ въ него, и мы тотчасъ же проѣхали городишко. «Конечно, этотъ господинъ привираетъ» подумалъ я; «онъ слишкомъ-сердитъ и не можетъ быть безпристрастнымъ. Но опять-таки, все, что онъ говорилъ о дядѣ, очень-замѣчательно. Вотъ ужь два голоса согласны въ томъ, что дядя любитъ эту дѣвицу... Гм! Женюсь я или нѣтъ?» Въ этотъ разъ я крѣпко задумался.

Ш.

Д я д я.

Признаюсь, я даже немного струсилъ. Романическія мечты мои показались мнѣ вдругъ чрезвычайно-странными, даже какъ-будто и глупыми, какъ-только я въѣхалъ въ Степанчиково. Это было часовъ около пяти пополудни. Дорога шла мимо барскаго сада. Снова, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, я увидѣлъ этотъ огромный садъ, въ которомъ мелькнуло нѣсколько счастливыхъ дней моего дѣтства и который много разъ потомъ спидся мнѣ во снѣ, въ дортуарахъ школъ, хлопотавшихъ о моемъ образованіи. Я выскочилъ изъ повозки и пошелъ прямо черезъ садъ къ барскому дому. Мнѣ очень хотѣлось явиться втихомолку, разузнать, выспросить и прежде всего наговориться съ дядей. Такъ и случилось. Пройдя аллею

столбѣтнихъ липъ, я ступилъ на террасу, съ которой стеклянною дверью прямо входили во внутреннія комнаты. Эта терраса была окружена клумбами цвѣтовъ и заставлена горшками дорогихъ растений. Здѣсь я встрѣтилъ одного изъ туземцевъ, стараго Гаврилу, бывшаго когда-то моимъ дядькой, а теперь почетнаго камердинера дядюшки. Старикъ былъ въ очкахъ и держалъ въ рукѣ тетрадку, которую читалъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Мы видѣлись съ нимъ, два года назадъ, въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ дядей, а потому онъ тотчасъ же теперь узналъ меня. Съ радостными слезами бросился онъ цаловать мои руки, причемъ очки слетѣли съ его носа на полъ. Такая привязанность старика меня очень тронула. Но, взволнованный недавнимъ разговоромъ съ г. Бахчевымъ, я прежде всего обратилъ вниманіе на подозрительную тетрадку, бывшую въ рукахъ у Гаврилы.

— Что это, Гаврила, не-уже-ли и тебя начали учить по-французски? спросилъ я старика.

— Учатъ, батюшка, на старости лѣтъ, какъ скворца, печально отвѣчалъ Гаврила.

— Самъ Ома учить?

— Онъ, батюшка. Умнѣющій, должно-быть, человекъ.

— Нѣчего сказать, умникъ! По разговорамъ учить?

— По тетрадкѣ, батюшка.

— Это что въ рукахъ у тебя? А! французскія слова русскими буквами — хитрился! Такому болвану, дураку набитому, въ руки дается — не стыдно ли, Гаврила? вскричалъ я, въ одинъ мигъ забывъ все великодушныя мои предположенія о Омѣ Омичѣ, за которыя мнѣ еще такъ недавно досталось отъ г. Бахчеева.

— Гдѣ же, батюшка, отвѣчалъ старикъ: — гдѣ же онъ дуракъ, коли ужъ господами нашими такъ заправляетъ?

— Гм! Можетъ-быть, ты и правъ, Гаврила, пробормоталъ я, пріостановленный этимъ замѣчаніемъ. — Веди же меня къ дядюшкѣ!

— Соколъ ты мой! да я не могу на глаза показаться, не

смѣю. Я ужь и его сталъ бояться. Вотъ здѣсь и сижу, горе мычу, да за клумбы сигаю, когда онъ проходитъ изволить.

— Да чего же ты боишься?

— Давеча уроку не зналъ, Фома Фомичъ на колѣнки ставилъ, а я и не сталъ. Старъ я сталъ, батюшка Сергѣй Александрычъ, чтобъ надо мной такія шутки шутить! Баринъ осерчать изволилъ, зачѣмъ Фому Фомича не послушался. «Онъ, говоритъ, старый ты хрычъ, о твоёмъ же образованіи заботится, пронзошенію тебя хочетъ учить». Вотъ и хожу, твержу вокабулъ. Обѣщаль Фома Фомичъ къ вечеру опять экзаментикъ сдѣлать.

Мнѣ показалось, что тутъ было что-то неясное. Съ этимъ французскимъ языкомъ была какая-нибудь исторія, подумалъ я, которую старикъ не можетъ мнѣ объяснить.

— Одинъ вопросъ, Гаврила: каковъ онъ собой? видный, высокаго роста?

— Фома-то Фомичъ? Нѣтъ, батюшка, плюгавенькій такой человѣчекъ.

— Гм! Подожди, Гаврила; все это еще, можетъ-быть, уладится; даже непременно, обѣщаю тебѣ, уладится! Но... гдѣ же дядюшка?

— А за конюшнями мужичковъ принимаетъ. Съ Капитоновки старики съ поклономъ пришли. Прослышали, что ихъ Фомѣ Фомичу записываютъ. Отмолиться хотятъ.

— Да зачѣмъ же за конюшнями?

— Опасается, батюшка...

Дѣйствительно, я нашелъ дядю за конюшнями. Тамъ, на площадкѣ, онъ стоялъ передъ группой крестьянъ, которые кланялись и о чемъ-то усердно просили. Дядя что-то съ жаромъ имъ толковалъ. Я подошелъ и окликнулъ его. Онъ обернулся, и мы бросились другъ другу въ объятія.

Онъ чрезвычайно мнѣ обрадовался; радость его доходила до восторга. Онъ обнималъ меня, сжималъ мои руки... Точно ему возвратили его роднаго сына, избавленнаго отъ какой-нибудь смертельной опасности. Точно, какъ-будто я своимъ

пріѣздомъ избавилъ и его самого отъ какой-то смертельной опасности и привезъ съ собою разрѣшеніе всѣхъ его недо-разумѣній, счастье и радость на всю жизнь ему и всѣмъ, кого онъ любитъ. Дядя не согласился бы быть счастливымъ одинъ. Послѣ первыхъ порывовъ восторга, онъ вдругъ такъ захопоталъ, что, наконецъ, совершенно сбился. Онъ закидывалъ меня разспросами, хотѣлъ немедленно вести меня къ своему семейству. Мы-было и пошли, но дядя воротился, пожелалъ представить меня сначала капитоновскимъ мужикамъ. Потомъ, помню, онъ вдругъ заговорилъ, неизвѣстно по какому поводу, о какомъ-то господинѣ Коровкинѣ, необыкновенномъ чловѣкѣ, котораго онъ встрѣтилъ три дня назадъ, гдѣ-то на большой дорогѣ, и котораго ждалъ теперь къ себѣ въ гости съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Потомъ онъ бросилъ и Коровкина и заговорилъ о чемъ-то другомъ. Я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него. Отвѣчая на торопливые его разспросы, я сказалъ, что желалъ бы не вступать въ службу, а продолжать заниматься науками. Какъ только дѣло дошло до наукъ, дядя вдругъ насупилъ брови и сдѣлалъ необыкновенно-важное лицо. Узнавъ, что въ послѣднее время я занимался минералогіей, онъ поднялъ голову и съ гордостью осмотрѣлся кругомъ, какъ-будто онъ самъ, одинъ, безъ всякой посторонней помощи, открылъ и написалъ всю минералогію. Я уже сказалъ, что передъ словомъ «наука» онъ благоговѣлъ самыхъ безкорыстнѣйшимъ образомъ, тѣмъ болѣе безкорыстнымъ, что самъ рѣшительно ничего не зналъ.

— Эхъ, братъ, есть же на свѣтѣ люди, что всю подноготную знаютъ! говорилъ онъ мнѣ однажды, съ сверкающими отъ восторга глазами. Сидишь между ними, слушаешь и вѣдь самъ знаешь, что ничего не понимаешь, а все какъ-то сердцу любо. А отчего? А оттого, что тутъ польза, тутъ умъ, тутъ всеобщее счастье! Это-то я понимаю. Вотъ я теперь по чугункѣ поѣду, а Илюшка мой, можетъ, и по воздуху полетить... Ну, да, наконецъ, и торговля, промышленность — эти,

такъ-сказать, струи... то-есть я хочу сказать, что какъ ни верти, а полезно... Вѣдь полезно — не правда ли?

Но обратимся къ нашей встрѣчѣ.

— Вотъ подожди, другъ мой, подожди, началъ онъ, потирая руки и скороговоркою, — увидишь человѣка! Человѣкъ рѣдкій, я тебѣ скажу, человѣкъ ученый, человѣкъ науки; останется въ столѣтін. А вѣдь хорошо словечко: «останется въ столѣтін»? Это миѣ Оома объяснишь... Подожди, я тебя познакомлю.

— Это вы про Оому Омича, дядюшка?

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой! Это я теперь про Коровкина. То-есть и Оома тоже, и онъ.... Но это я про Коровкина теперь говорилъ, прибавилъ онъ, неизвѣстно отчего покраснѣвъ и какъ-будто смѣшавшись, какъ-только рѣчь зашла про Оому.

— Какими же онъ науками занимается, дядюшка?

— Науками, братецъ, науками, вообще науками! Я вотъ только не могу сказать какими именно, а только знаю, что науками. Какъ про желѣзныя дороги говорить! И знаешь, прибавилъ дядя полушопотомъ, многозначительно прищуривая правый глазъ: — немного, этакъ, вольныхъ идей! Я замѣтилъ, особенно когда про семейное счастье заговорилъ... Вотъ жаль, что я самъ мало понялъ (времени не было), а то бы разсказалъ тебѣ все, какъ по ниткѣ. И въ добавокъ, благороднѣйшихъ свойствъ человѣкъ! Я его пригласилъ къ себѣ погостить. Съ часу-на-часъ ожидаю.

Между-тѣмъ, мужики глядѣли на меня, раскрывъ рты и выпуча глаза, какъ на чудо.

— Послушайте, дядюшка, прервалъ я его: — я, кажется, помѣшалъ мужичкамъ. Они, вѣрно, за надобностью. О чемъ они? Я, признаюсь, подозреваю кой-что и очень бы радъ ихъ послушать....

Дядя вдругъ захлопоталъ и заторопился.

— Ахъ да! я и забылъ! да вотъ видишь.... что съ ними дѣлать? Выдумали — и желалъ бы я знать кто первый у нихъ это выдумалъ — выдумали, что я отдаю ихъ, всю Капито-

новку — ты помнишь Капитоновку? еще мы туда, съ покойной Катей, все по вечерамъ, гулять ѣздили — всю Капитоновку, цѣлыхъ шестьдесятъ восемь душъ Ѳомѣ Ѳомичу! «Ну не хотимъ идти отъ тебя да и только!»

— Такъ это не правда, дядюшка? вы не отдаете ему Капитоновки? вскричалъ я, почти въ восторгѣ.

— И не думалъ: въ головѣ не было! А ты отъ кого слышалъ? Разъ какъ-то съ языка сорвалось, вотъ и пошло гулять мое слово. И отчего имъ Ѳома такъ не милъ? Вотъ погоди, Сергѣй, я тебя познакомлю, прибавилъ онъ, робко взглянувъ на меня, какъ — будто уже предчувствуя и во мнѣ врага Ѳомѣ Ѳомичу. — Это, братъ, такой человѣкъ...

— Не хотимъ, опричь тебя, никого не хотимъ! завопили вдругъ мужики, цѣлымъ хоромъ. — Вы отцы, а мы ваши дѣти!

— Послушайте, дядюшка, отвѣчалъ я: — Ѳому Ѳомича я еще не видалъ, но... видите ли... я кое-что слышалъ. Признаюсь вамъ, что я встрѣтилъ сегодня г. Бахчеева. Впрочемъ, у меня на этотъ счетъ, покаместъ, своя идея. Во всякомъ случаѣ, дядюшка, отпустите-ка вы мужичковъ, а мы съ вами поговоримъ одни, безъ свидѣтелей. Я, признаюсь, затѣмъ и пріѣхалъ....

— Именно, именно, подхватилъ дядя — именно! мужичковъ отпустимъ, а потомъ и поговоримъ, знаешь, этакъ, пріятельски, дружески, основательно! — Ну, продолжалъ онъ скороговоркой, обращаясь къ мужикамъ: — теперь ступайте, друзья мои. И впередъ ко мнѣ, всегда ко мнѣ, когда нужно; такъ-таки прямо ко мнѣ и иди, во всякое время.

— Батюшка ты нашъ! Вы отцы, мы ваши дѣти! Не давай въ обиду Ѳомѣ Ѳомичу! Вся бѣдность просить! закричали еще разъ мужики.

— Вотъ дураки-то! да не отдамъ я васъ, говорятъ!

— А то заучить онъ насъ совсѣмъ, батюшка! Здѣшнихъ, слышь, совсѣмъ заучилъ.

— Такъ неужели онъ и васъ пофранцузски учить? вскричалъ я, почти въ испугѣ.

— Нѣтъ, батюшка, покамѣсть еще миловалъ Богъ! отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ, вѣроятно, большой говорунъ, рыжій, съ огромной плѣшью на затылкѣ и съ длинной, жиденькой, клинообразной бородкой, которая такъ и ходила вся, когда онъ говорилъ, точно она была живая сама - по - себѣ. Нѣтъ, сударь, покамѣсть еще миловалъ Богъ!

— Да чему жъ онъ васъ учитъ?

— А учитъ онъ, ваша милость, такъ, что по-нашему выходитъ золотой ящикъ купи, да мѣдный грошъ положи.

— То-есть какъ это мѣдный грошъ?

— Серѣжа! ты въ заблужденіи; это клевета! вскричалъ дядя, покраснѣвъ и ужасно сконфузившись. — Это они, дураки, не поняли, что онъ имъ говорилъ! Онъ только такъ... какой тутъ мѣдный грошъ!.. А тебѣ нечего про все поминать, горло драть, продолжалъ дядя, съ укоризною обращаясь къ мужику: — тебѣ же, дураку добра пожелали, а ты не понимаешь, да кричишь!

— Помилуйте, дядюшка, а французскій-то языкъ?

— Это онъ, для произношенія, Серѣжа, единственно для произношенія, проговорилъ дядя какимъ - то просительнымъ голосомъ. — Онъ это самъ говорилъ, что для произношенія... Притомъ же тутъ случилась одна особенная исторія — ты ея не знаешь, а потому и не можешь судить. Надо, братецъ, прежде выикнуть, а ужъ, потомъ обвинять... Обвинять-то легко!

— Да вы-то чего! закричалъ я, въ запальчивости снова обращаясь къ мужикамъ. Вы бы ему такъ все прямо и высказали. Дескать этакъ нельзя, Ома Омичъ, а вотъ оно какъ! Вѣдь есть же у васъ языкъ?

— Гдѣ та мышь, чтобъ коту звонокъ привѣсила, батюшка? Я, говорилъ, тебя, мужика сиволапаго, чистотѣ и порядку учу. Отчего у тебя рубаха не чистая? Да въ поту живеть, оттого и нечистая! Не каждый день перемѣнять. Съ чистоты не воскреснешь, съ погани не треснешь.

— А вотъ анамедни на гумно пришелъ, заговорилъ другой

мужикъ, съ виду рослый и сухощавый, весь въ заплатахъ, въ самыхъ худенькихъ и, повидному, одинъ изъ тѣхъ, которые вѣчно чѣмъ - нибудь недовольны и всегда держатъ въ запасѣ какое-нибудь ядовитое, отравленное слово. До - сихъ-поръ онъ хоронился за спинами другихъ мужиковъ, слушалъ въ мрачномъ безмолвіи и все время не сгонялъ съ лица какой-то двусмысленной, горько-лукавой усмѣшки. — На гумно пришелъ: «Знаете ли вы, говорить, сколько до солнца версть?» А кто его знаетъ? Наука эта ненашинская, а барская. «Нѣтъ говорить, «ты дуракъ, пехтерь, пользы своей не знаешь; а я, говорить, астроломъ! Я всѣ Божіи планиды узналъ».

— Ну, а сказалъ тебѣ сколько до солнца версть? вмѣшался дядя, вдругъ оживляясь и весело мнѣ подмигавая, какъ - бы говоря: «вотъ посмотри-ка, что́ будетъ!»

— Да, сказалъ сколько-то много, нехотя отвѣчалъ мужикъ, неожиданный такого вопроса.

— Ну, а сколько сказалъ, сколько именно?

— Да вашей милости лучше извѣстно, а мы люди темные.

— Да я-то, братъ, знаю, а ты помнишь ли?

— Да сколько-то сотъ, али тысячь, говорилъ, будетъ. Что-то много сказалъ. На трехъ возахъ не вывезешь.

— То-то, помни, братецъ! А ты думалъ, небось, съ версту будетъ, рукой достать? Нѣтъ, братъ, земля это, видишь, какъ шаръ круглый — понимаешь?... продолжалъ дядя, очертивъ руками въ воздухѣ подобіе шара.

Мужикъ горько улынулся.

— Да, какъ шаръ! Она такъ на воздухѣ и держится сама-собой и кругомъ солнца ходить. А солнце-то на мѣстѣ стоитъ; тебѣ только кажется, что оно ходить. Вотъ она штука какая! А открылъ это все капиталъ Кукъ, мореходъ... А чортъ его знаетъ кто и открылъ, прибавилъ онъ полушопотомъ, обращаясь ко мнѣ. Самъ-то я, братъ, ничего не знаю... А ты знаешь сколько до солнца-то?

— Знаю, дядюшка, отвѣчалъ я, съ удивленіемъ смотря на всю эту сцену: — только вотъ что́ я думаю: конечно, необ-

разованность есть тоже неряшество; но, съ другой стороны... учить крестьянъ астрономіи....

— Именно, именно, именно неряшество! подхватилъ дядя, въ восторгѣ отъ моего выраженія, которое показалось ему чрезвычайно-удачнымъ. Благородная мысль! Именно неряшество! Я это всегда говорилъ..., то-есть я этого никогда не говорилъ, но я чувствовалъ. Слышите! закричалъ онъ мужикамъ — необразованность, это тоже неряшество, такая же грязь! Вотъ оттого васъ Оома и хотѣлъ научить. Онъ васъ добру хотѣлъ научить — это ничего. Это братъ, ужъ все-равно, тоже служба, всякаго чина стоитъ. Вотъ оно дѣло какое, наука-то! Ну, хорошо, хорошо, друзья мои! Ступайте съ Богомъ, а я радъ, радъ.... будьте покойны, я васъ не оставлю.

— Защити, отецъ родной!

— Вели свѣтъ видѣть, батюшка!

И мужики повалились въ ноги.

— Ну, ну, это вздоръ! Богу да царю кланяйтесь, а не мнѣ... Ну, ступайте, ведите себя хорошо, заслужите ласку... ну и тамъ все... Знаешь, сказалъ онъ, вдругъ обращаясь ко мнѣ, только-что ушли мужики и какъ-то сіяя отъ радости: — любить мужичокъ доброе слово, да и подарочекъ не повредить. Подарю-ка я имъ что-нибудь — а? какъ ты думаешь? Для твоего пріѣзда... Подарить, или нѣтъ?

— Да вы, дядюшка, какой-то Фроль Силинъ, благодѣтельный человѣкъ, какъ я погляжу.

— Ну, нельзя же, братецъ, нельзя; это ничего. Я имъ давно хотѣлъ подарить, прибавилъ онъ, какъ-бы извиняясь.— А что тебѣ смѣшно, что я мужиковъ наукамъ училъ? Нѣтъ, братъ, это я такъ, это я отъ радости, что тебя увидѣлъ, Серѣжа. Просто-запросто хотѣлъ, чтобъ и онъ, мужикъ, узналъ сколько до солнца, да ротъ разинулъ. Весело, братъ, смотрѣть, когда онъ ротъ разинетъ... какъ-то этакъ радуешься за него. Только, знаешь, другъ мой, не говори тамъ въ гостинной, что я съ мужиками здѣсь объяснялся. Я нарочно ихъ за конюшными принялъ, чтобъ не видно было. Оно,

братъ, какъ-то нельзя было тамъ: щекотливое дѣло; да и сами они потихоньку пришли. Я вѣдь это для нихъ больше и сдѣлалъ...

— Ну, вотъ, дядюшка, я и пріѣхалъ! началъ я, перемѣняя разговоръ и желая добратся поскорѣе до 'главнаго дѣла.— Признаюсь вамъ, письмо ваше меня такъ удивило, что я...

— Другъ мой, ни слова объ этомъ! перебилъ дядя, какъ-будто въ испугѣ и даже понизивъ голосъ: — послѣ, послѣ это все объяснится. Я, можетъ-быть, и виноватъ передъ тобой и даже, можетъ-быть, очень-виноватъ, но...

— Передо мной виноваты, дядюшка?

— Послѣ, послѣ, мой другъ, послѣ! все это объяснится. Да какой же ты сталъ молодецъ! Милый ты мой! А какъ же я тебя ждалъ! хотѣлъ излить, такъ-сказать... ты ученый, ты одинъ у меня... ты и Коровкинъ. Надобно замѣтить тебѣ, что на тебя здѣсь всѣ сердятся. Смотри же, будь осторожнѣе, не оплошай!

— На меня? спросилъ я, въ удивленіи смотря на дядю, не понимая, чѣмъ я могъ разсердить людей, тогда еще мнѣ совсѣмъ-незнакомыхъ: — на меня?

— На тебя, братецъ. Что-жь дѣлать! Ома Омичъ немножко... ну ужъ и маменька, вслѣдъ за нимъ. Вообще, будь остороженъ, почтителенъ, не противорѣчь, а главное, почти-теленъ...

— Это передъ Омой-то Омичемъ, дядюшка?

— Что жъ дѣлать, другъ мой! вѣдь я его не защищаю. Дѣйствительно, онъ, можетъ-быть, человѣкъ съ недостатками, и даже теперь, въ эту самую минуту... Ахъ, братъ Серѣжа, какъ это все меня беспокоитъ! И какъ бы это все могло уладиться, какъ бы мы всѣ могли быть довольны и счастливы!.. Но, впрочемъ, кто жъ безъ недостатковъ? Вѣдь не золотые жъ и мы?

— Помилуйте, дядюшка! рассмотрите что онъ дѣлаеть...

— Эхъ, братъ! все это только дразги и больше ничего! вотъ, наприимѣръ, я тебѣ расскажу: теперь онъ сердится на

меня, и за что, какъ ты думаешь?.. Впрочемъ, можетъ-быть, я и самъ виноватъ. Лучше я тебѣ потомъ расскажу...

— Впрочемъ, знаете, дядюшка, у меня на этотъ счетъ выработалась своя особая идея, перебилъ я, торопясь высказать мою идею. Да мы и оба какъ-то торопились. — Во-первыхъ, онъ былъ шуткомъ: это его огорчило, сразило, оскорбило его идеаль, и вотъ вышла натура озлобленная, болѣзненная, мстящая, такъ-сказать, всему человѣчеству... Но если примирить его съ человѣкомъ, если возвратить его самому-себѣ...

— Именно, именно! вскричалъ дядя въ восторгѣ — именно такъ! Благороднѣйшая мысль! И даже стыдно, неблагородно было бы намъ осуждать его! Именно!.. Ахъ, другъ мой, ты меня понимаешь; ты мнѣ отраду привезъ! Только-бы тамъ-то уладилось! Знаешь, я туда теперь и явиться боюсь. Вотъ ты прѣехалъ, и мнѣ непременно достанется!

— Дядюшка, если такъ началъ-было я, смутясь отъ такого признанія.

— Ни-ни-ни! ни за что въ свѣтъ! закричалъ онъ, схвативъ меня за руки. — Ты мой гость, и я такъ хочу!

Все это чрезвычайно меня удивляло.

— Дядюшка, скажите мнѣ сейчасъ же, началъ я настойчиво: — для чего вы меня звали? чего отъ меня надѣтесъ и, главное, въ чемъ передо мной виноваты?

— Другъ мой, и не спрашивай! послѣ, послѣ! все это послѣ объяснится! Я, можетъ-быть, и во многомъ виноватъ, но я хотѣлъ поступить какъ честный человѣкъ п... и... и ты на ней женишься! Ты женишься, если только есть въ тебѣ хоть капля благородства! прибавилъ онъ, весь покраснѣвъ отъ какого-то внезапнаго чувства, восторженно и крѣпко сжимая мою руку. — Но довольно, ни слова больше! все самъ скоро узнаешь. Отъ тебя же будетъ зависѣть... Главное, чтобъ ты теперь тамъ понравился, произвелъ впечатлѣніе. Главное, не сконфузься.

— Но, послушайте, дядюшка, кто жь у васъ тамъ? Я, признаюсь, такъ мало былъ въ обществѣ, что...

— Что немножко трусишь? прервалъ дядя съ улыбкою. — Э, ничего! все свои, ободрись! главное, ободрись, не бойся! Я все какъ-то боюсь за тебя. Кто тамъ у насъ, спрашиваешь? Да кто жь у насъ... Впервыхъ, мамаша, началъ онъ торопливо. — Ты помнишь мамашу или не помнишь? Добрѣйшая, благороднѣйшая старушка, безъ претензій — это можно сказать; стараго покроя немножко, да это и лучше. Ну, знаешь, иногда такія фантазїи, скажетъ этакъ какъ-то; на меня теперь сердится, да я самъ виноватъ... знаю, что виноватъ! Ну, наконецъ, она вѣдь, что называется *grande-dame*, генеральша... превосходнѣйшій человѣкъ былъ ея мужъ: впервыхъ, генераль, человѣкъ образованнѣйшій, состоянія не оставилъ, но за-то весь былъ израненъ; словомъ — стяжалъ уваженіе! Потомъ дѣвица Персепелицына. Ну эта... не знаю... въ послѣднее время она какъ-то того... характеръ такой... А впрочемъ, нельзя же всѣхъ и осуждать... Ну, да Богъ съ ней... Ты не думай, что она приживалка какая-нибудь. Она, братъ, сама подполковничья дочь. Наперсница маменьки, другъ! Потомъ, братъ, сестрица Прасковья Ильинична. Ну, про эту нечего много говорить: простая, добрая; хлопотунья немного, но за-то сердце какое; ты, главное, на сердце смотри — пожилая дѣвушка, но, знаешь, этотъ чудакъ Бахчеевъ, кажется, куры строить, хочетъ присвататься. Ты, однако, молчи; чуръ секретъ! Ну, кто же еще изъ нашихъ? про дѣтей не говорю: самъ увидишь. Илюшка завтра именинникъ... Да бишь! чуть не забылъ: гостить у насъ, видишь ли, уже цѣлый мѣсяцъ, Иванъ Ивановичъ Мизинчиковъ, тебѣ будетъ троюродный братъ, кажется; да, именно троюродный! онъ недавно въ отставку вышелъ изъ гусаровъ, поручикомъ; человѣкъ еще молодой. Благороднѣйшая душа! но, знаешь, такъ промотался, что ужъ я и не знаю, гдѣ онъ успѣлъ такъ промотаться. Впрочемъ, у него ничего почти и не было; но все-таки промотался, надѣлалъ долговъ... Теперь гостить у меня.

Я его до-сихъ-поръ и не зналъ совсѣмъ: самъ прѣхалъ, отрекомендовался. Милый, добрый, смиренный, почтительный. Слыхалъ ли отъ него здѣсь кто и слово? все молчить. Ома. въ насмѣшку, прозвалъ его «молчаливый незнакомецъ»—ничего: не сердится. Ома доволенъ; говоритъ про Ивана, что онъ не далекъ. Впрочемъ, Иванъ ему ни въ чемъ не противорѣчить и во всемъ поддакиваетъ. Гм! Забитый онъ такой... Ну, да Богъ съ нимъ! самъ увидишь. Есть городскіе гости: Павелъ Семенычъ Обноскинъ съ матерью; молодой человѣкъ, но высочайшаго ума человѣкъ; что-то зрѣлое, знаешь, незыблемое... Я вотъ только не умѣю выразиться; и, въ добавокъ, превосходной нравственности; строгая мораль! Ну, и наконецъ, гостить у насъ, видишь ли, одна Татьяна Ивановна, пожалуй, еще будетъ намъ дальняя родственница—ты ее не знаешь, дѣвица не молодая, въ этомъ можно признаться, но... съ пріятностями дѣвица; богата, братецъ, такъ-что два Степанчикова купить; недавно получила, а до-тѣхъ-поръ горе мыкала. Ты, братъ, Серѣжа, пожалуйста, остерегись: она такая болѣзненная... знаешь, что-то фантазмагорическое въ характерѣ. Ну, ты благороденъ, поймешь, испытала, знаешь, несчастья. Вдвое надо быть осторожнѣе съ человѣкомъ, испытаннымъ несчастьемъ! Ты, впрочемъ, не подумай чего-нибудь. Конечно, есть слабости: такъ иногда заторопится, скоро скажетъ, не то слово скажетъ, которое нужно, то-есть не лжетъ, ты не думай... все это, братъ, такъ-сказать, отъ чистаго, отъ благороднаго сердца выходитъ, то-есть если даже и солжетъ что-нибудь, то единственно, такъ-сказать, чрезъ излишнее благородство души, понимаешь?

Мнѣ показалось, что дядя ужасно сконфузился. Послушайте, дядюшка, сказалъ я, я васъ такъ люблю... простите откровенный вопросъ: женитесь вы на комъ-нибудь здѣсь, или нѣтъ?

— Да ты отъ кого слышалъ? отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ какъ ребенокъ. Вотъ видишь, другъ мой, я тебѣ все расскажу: вопервыхъ, я не женюсь. Маменька, отчасти сестрица и, главное, Ома Омичъ, котораго маменька обожаетъ и за

дѣло, за дѣло: онъ много для нея сдѣлалъ, всѣ они хотятъ, чтобъ я женился на этой самой Татьянѣ Ивановнѣ, изъ благо-разумія, то-есть, для всего семейства. Конечно, мнѣ же жа-лають добра, я вѣдь это понимаю; но я ни за что не же-нюсь, я ужь далъ себѣ такое слово. Несмотря на то, я какъ-то не умѣлъ отвѣчать: ни да, ни нѣтъ не сказалъ. Это ужь, братъ, со мной всегда такъ случается. Они и подумали, что я соглашаюсь, и непремѣнно хотятъ, чтобъ завтра, для се-мейнаго праздника, я объяснился. и потому завтра такіа хлопоты, что я даже не знаю что предпринять! Къ тому же Оома Оомичъ, неизвѣстно почему, на меня разсердился; ма-менька тоже. Я, братъ, признаюсь тебѣ, только ждалъ тебя да Коровкина... хотѣлъ пзлить, такъ-сказать...

— Да чѣмъ же тутъ поможетъ Коровкинъ, дядюшка?

— Поможетъ, другъ мой, поможетъ—это, братъ, ужь такой человекъ; одно слово: человекъ науки! Я на него какъ на каменную гору надѣюсь: побѣждающій человекъ! Про семей-ное счастье какъ говорить! Я, признаюсь, и на тебя тоже надѣялся; думалъ: ты ихъ урезонншь. Самъ разсуди: ну, положимъ, я виноватъ, дѣйствительно виноватъ — я понимаю все это; я не безчувственный. Ну да все же меня можно простить когда-нибудь! Тогда бы мы вотъ-какъ зажили!... Эхъ братъ, какъ выросла моя Сашурка, хотъ сейчасъ къ вѣнцу! Илюшка мой какой сталъ! завтра именинникъ. За Сашурку-то я боюсь — вотъ что!...

— Дядюшка! гдѣ мой чемоданъ? Я переодѣнусь и мигомъ явлюсь, а тамъ...

— Въ мезонинѣ, другъ мой, въ мезонинѣ. Я ужь такъ за-ранѣ велѣлъ, чтобъ тебя, какъ прїѣдешь, прямо вели въ мезонинъ, чтобъ никто не видалъ. Именно, именно пере-одѣнься! Это хорошо, прекрасно, прекрасно! а я, покажѣсть, тамъ всѣхъ понемногу приготовлю. Ну, и съ Богомъ! Знаешь, братъ, надо хитрить. Поневолѣ Талебраномъ сдѣлаешься. Ну, да ничего! Тамъ теперъ они чай пьютъ. У насъ рано чай пьютъ. Оома Оомичъ любить пить сейчасъ какъ проснется;

оно, знаешь и лучше... Ну, такъ я пойду, а ты ужь поскорѣй за мной, не оставляй меня одного: неловко, братъ, какъ-то мнѣ одному-то... Да! постой! вотъ еще къ тебѣ просьба: не кричи на меня тамъ, какъ давеча здѣсь кричалъ — а? развѣ ужь потомъ, если захочешь что замѣтить, такъ, наединѣ, здѣсь, и замѣтишь; а до-тѣхъ-поръ, какъ-нибудь скрѣпись, подожди! Я, видишь ли, тамъ ужь и такъ накутилъ. Они сердятся...

— Послушайте, дядюшка, изъ всего, что я слышалъ и видѣлъ, мнѣ кажется, что вы...

— Тюфякъ, что ли? да ужь ты договаривай, перебилъ онъ меня совсѣмъ неожиданно. Что жь, братъ, дѣлать! Я ужь и самъ это знаю. Ну, такъ ты придешь? Какъ-можно-скорѣе приходи, пожалуйста!

Взойдя навѣрхъ, я поспѣшно открылъ чемоданъ, помня приказаніе дяди сойдти внизъ какъ-можно-скорѣе. Одѣваясь, я замѣтилъ, что еще почти ничего не узналъ изъ того, что хотѣлъ узнать, хотя и говорилъ съ дядей цѣлый часъ. Это меня поразило. Одно только было для меня нѣсколько-ясно: дядя все еще настойчиво хотѣлъ, чтобъ я женился; слѣдовательно, всѣ противоположные слухи, именно: что дядя влюбленъ въ ту же особу самъ — неумѣстны. Помню, что я былъ въ большой тревогѣ. Между-прочимъ, мнѣ пришло на мысль, что я, пріѣздомъ моимъ и молчаніемъ передъ дядей, почти произнесъ обѣщаніе, далъ слово, связалъ себя навѣки. «Нетрудно, думалъ я, нетрудно сказать слово, которое свяжетъ потомъ навѣки по рукамъ и по ногамъ. А я еще не видалъ и невѣсты!» И опять-таки: съ чего эта вражда противъ меня цѣлаго семейства? Почему именно всѣ они должны смотрѣть на мой пріѣздъ, какъ увѣряетъ дядя, враждебно? И что за странную роль играетъ самъ дядя здѣсь, въ своемъ собственномъ домѣ? Отчего происходитъ его таинственность? отчего всѣ эти испуги и муки? Признаюсь, что все это представилось мнѣ вдругъ чѣмъ-то совершенно-безмысленнымъ; а романческія и героическія мечты мои совсѣмъ вылетѣли

изъ головы при первомъ столкновѣніи съ дѣйствительностью. Теперь только, послѣ разговора съ дадей, мнѣ вдругъ представилась вся нескладность, вся эксцентричность его предложенія, и я понялъ, что подобное предложеніе, и въ такихъ обстоятельствахъ, способенъ былъ сдѣлать одинъ только дядя. Понялъ я также, что и самъ я, прискакавъ сюда сломя-голову, по первому его слову, въ восторгѣ отъ его предложенія, очень походилъ на дурака. Я одѣвался поспѣшно, занятый тревожными монми сомнѣніями, такъ-что и не замѣтилъ сначала прислуживавшаго мнѣ слугу.

— Аделандина цвѣта изволите галстукъ надѣть, или этотъ, съ мелкими клѣтками? спросилъ вдругъ слуга, обращаясь ко мнѣ съ какою-то необыкновенною, приторною учтивостью.

Я взглянулъ на него, и оказалось, что онъ тоже достоинъ былъ любопытства. Это былъ еще молодой человѣкъ, для лакея одѣтый прекрасно, не хуже иного губернскаго франта. Коричневый фракъ, бѣлыя брюки, палевый жилетъ, лакированные полусапожки и розовый галстучекъ. подобраны были очевидно не безъ цѣли. Все это тотчасъ же должно было обратить вниманіе на деликатный вкусъ молодаго щеголя. Цѣпочка къ часамъ была выставлена напоказъ непремѣнно съ тою же цѣлью. Лицомъ онъ былъ блѣденъ и даже зеленоватъ; носъ имѣлъ большой, съ горбинкой, тонкій, необыкновенно-бѣлый, какъ-будто фарфоровый. Улыбка на тонкихъ губахъ его выражала какую-то грусть и, однакожь, деликатную грусть. Глаза, большіе, выпученные и какъ-будто стеклянные, смотрѣли необыкновенно-тупо, и, однакожь, все-таки просвѣчивалась въ нихъ деликатность. Тонкія, мягкія ушки были заложены, изъ деликатности, ватой. Длинные, бѣло-брысые и жидкіе волосы его были завиты въ кудри и напомажены. Ручки его были бѣленькія, чистенькія, вымытыя чуть-ли не въ розовой водѣ; пальцы оканчивались щеголеватыми, длиннѣйшими розовыми ногтями. Все это показывало баловня, франта и бѣлоручку. Онъ шепелявилъ и премодно не выговаривалъ букву р, подымалъ и опускалъ глаза, взды-

халь и нѣжничаль до невѣроятности. Отъ него пахло духами. Роста онъ былъ небольшого, дряблый и хилый и на ходу какъ-то особенно присѣдалъ, вѣроятно, находя въ этомъ самую высшую деликатность—словомъ, онъ весь былъ пропитанъ деликатностью, сублильностью и необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Последнее обстоятельство, неизвѣстно почему, мнѣ, сгоряча, не понравилось.

— Такъ этотъ галстухъ аделаидина цвѣта? спросилъ я, строго посмотрѣвъ на молодого лакея.

— Аделаидина-съ, отвѣчалъ онъ съ невозмутимою деликатностью.

— А аграфенина цвѣта нѣтъ?

— Нѣтъ-съ. Такого и быть не можетъ-съ.

— Это почему?

— Неприличное имя Аграфена-съ.

— Какъ неприличное? почему?

— Извѣстно-съ: Аделаида, по-крайней-мѣрѣ, иностранное имя, облагороженное-съ; Аграфеной могутъ называть всякую последнюю бабу-съ.

— Да ты съ ума сошелъ, или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, я при своемъ умѣ-съ. Все, конечно, воля ваша обзывать меня всяческими словами; но разговоромъ моимъ многіе генералы и даже нѣкоторые столичные графы оставались довольны-съ.

— Да тебя какъ зовутъ?

— Видоплясовъ.

— А! такъ это ты Видоплясовъ?

— Точно такъ-съ.

— Ну подожди же, братъ, я и съ тобой познакомлюсь.

«Однако здѣсь что-то похожее на Бедламъ» подумалъ я про-себя, сходя внизъ.

IV.

ЗА ЧАЕМЪ.

Чайная была та самая комната, изъ которой былъ выходъ на террасу, гдѣ я давеча встрѣтилъ Гаврилу. Таинственныя предвѣщанія дяди насчетъ пріема, меня ожидавшаго, очень меня беспокоили. Молодость иногда не въ мѣру самолюбива, а молодое самолюбіе почти-всегда трусливо. Вотъ почему мнѣ чрезвычайно-непріятно было, когда я, только-что войдя въ дверь и увидя за чайнымъ столомъ все общество, вдругъ запнулся за коверъ, пошатнулся и, спасая равновѣсіе, неожиданно вылетѣлъ на средину комнаты. Сконфузившись такъ, какъ-будто я разомъ погубилъ свою карьеру, честь и доброе имя, стоялъ я безъ движенія, покраснѣвъ, какъ ракъ, и бессмысленно смотря на присутствовавшихъ. Упоминаю объ этомъ происшествіи, совершенно по-себѣ ничтожномъ, единственно потому, что оно имѣло чрезвычайное вліяніе на мое расположеніе духа почти во весь тотъ день, а слѣдственно и на отношенія мои къ нѣкоторымъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разказа. Я попробовалъ-было поклониться, не докончилъ, покраснѣлъ еще болѣе, бросился къ дядѣ и схватилъ его за руку.

— Здравствуйте дядюшка, проговорилъ я, задыхаясь, желая сказать что-то совсѣмъ-другое, гораздо-остроумнѣе, но, совсѣмъ-неожиданно, сказавъ только: «здравствуйте».

— Здравствуй, здравствуй, братецъ, отвѣчалъ страдавшій за меня дядя: вѣдь мы ужъ здоровались. Да не конфузся, пожалуйста, прибавилъ онъ шопотомъ: это, братъ, со всѣми случается, да еще какъ. Бывало, хотъ провалиться въ ту жь

пору!... Ну, а теперь, маменька, позвольте вамъ рекомендовать: вотъ нашъ молодой человекъ; онъ немного сконфузился, но вы его вѣрно полюбите. Племянникъ мой Сергѣй Александровичъ, добавилъ онъ обращаясь ко всѣмъ вообще.

Но прежде чѣмъ буду продолжать рассказъ, позвольте, любезный читатель, представить вамъ попоменно все общество, въ которомъ я вдругъ очутился. Это даже необходимо для порядка разказа.

Вся компанія состояла изъ нѣсколькихъ дамъ и только двухъ мужчинъ, не считая меня и дяди. Оомы Оомпча — котораго я такъ желалъ видѣть и который, я уже тогда же чувствовалъ это, былъ полновластнымъ владыкою всего дома — не было: онъ блисталъ своимъ отсутствіемъ и какъ-будто унесъ съ собою свѣтъ изъ комнаты. Всѣ были мрачны и озабочены. Этого нельзя было не замѣтить съ перваго взгляда: какъ ни былъ я самъ въ ту минуту смущенъ и разстроенъ, однако я видѣлъ, что дядя, напримѣръ, разстроенъ чуть-ли не такъ же, какъ я, хотя онъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ скрыть свою заботу подъ видимою непринужденностью. Что-то тяжелымъ камнемъ лежало у него на сердцѣ. Одинъ изъ двухъ мужчинъ, бывшихъ въ комнатѣ, былъ еще очень молодой человекъ, лѣтъ двадцати-пяти, тотъ самый Обноскинъ, о которомъ давеча упоминалъ дядя, восхваляя его умъ и мораль. Этотъ господинъ мнѣ чрезвычайно не понравился: все въ немъ сбивалось на какой-то шикъ дурнаго тона; костюмъ его, несмотря на шикъ, былъ какъ-то потертъ и скуденъ; въ лицѣ его было что-то какъ-будто тоже потертое. Бѣлобрысые, тонкіе, тараканьи усы и несудавшаяся клочковатая бородѣнка, очевидно, предназначены были предъявлять человека независимаго и, можетъ-быть, вольнодумца. Онъ безпрестанно прищуривался, улыбался съ какою-то выдѣланною язвительностью, кобенился на своемъ стулѣ и помпнотно смотрѣлъ на меня въ лорнетъ; но когда я къ нему поворачивался, онъ немедленно опускалъ свое стеклышко и какъ-будто трусилъ. Другой господинъ, тоже еще человекъ моло-

дой, лѣтъ дватцати-восьми, былъ мой троюродный братецъ, Мизинчиковъ. Дѣйствительно, онъ былъ чрезвычайно-молчаливъ. За часомъ во все время онъ не сказалъ ни слова, не смѣялся, когда всѣ смѣялись; но я вовсе не замѣтилъ въ немъ ни какой «забитости», которую видѣлъ въ немъ дядя; напротивъ, взглядъ его свѣтлокарихъ глазъ выражалъ рѣшимость и какую-то опредѣленность характера. Мизинчиковъ былъ смугль, черноволосъ и довольно-красивъ; одѣтъ очень-прилично — на дядинъ счетъ, какъ узналъ я послѣ. Изъ дамъ я замѣтилъ прежде всѣхъ дѣвицу Перепелицыну, по ея необыкновенно-злomu, безкровному лицу. Она сидѣла возлѣ генеральши — о которой будетъ особая рѣчь впоследствии — но не рядомъ, а нѣсколько сзади, изъ почтительности; по минутно нагибалась и шептала что-то на-ухо своей покровительницѣ. Двѣ-три пожилыя приживалки, совершенно безъ рѣчей, сидѣли рядомъ у окна и почтительно ожидали чаю, вытаращивъ глаза на матушку-генеральшу. Заинтересовала меня тоже одна толстая, совершенно-расплывшаяся барыня, лѣтъ пятидесяти, одѣтая очень-безвкусно и ярко, кажется, нарумяненная и почти безъ зубовъ, вмѣсто которыхъ торчали какіе-то почернѣвшіе и обломанные кусочки; это, однакожъ, не мѣшало ей пицать, прищуриваться, модничать и чуть-ли не дѣлать глазки. Она была увѣшана какими-то цѣпочками и непрерывно наводила на меня лорнетку, какъ мсье Обноскинъ. Это была его маменька. Смирная Прасковья Ильична, моя тетушка, разливала чай. Ей, видимо, хотѣлось обнять меня послѣ долгой разлуки и, разумѣется, тутъ же расплакаться, но она не смѣла. Все здѣсь, казалось, было подъ какимъ-то запретомъ. Возлѣ нея сидѣла прехорошенькая, черноглазая, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, глядѣвшая на меня пристально, съ дѣтскимъ любопытствомъ — моя кузина Саша. Наконецъ и, можетъ-быть, всѣхъ болѣе, выдавалась на-видъ одна престранная дама, одѣтая пышно и чрезвычайно-юношесвенно, хотя она была далеко-немолодая, по-крайней-мѣрѣ лѣтъ тридцати-пяти. Лицо у нея было очень-худое, блѣдное

и высохшее, но чрезвычайно-одушевленное. Яркая краска поминутно появлялась на ея блѣдныхъ щекахъ, почти при каждомъ ея движеніи, при каждомъ волненіи. Волновалась же она непрерывно, вертѣлась на стулѣ и какъ-будто не въ состояніи была и минутки просидѣть въ покоѣ. Она всматривалась въ меня съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ, безпрестанно наклонялась пошептать что-то на-ухо Сашенькѣ, или другой сосѣдкѣ, и тотчасъ же принималась смѣяться самымъ простодушнымъ, самымъ дѣтски-веселымъ смѣхомъ. Но всѣ ея экецентричности, къ удивленію моему, какъ-будто не обращали на себя ничего вниманія, точно напередъ всѣ въ этомъ условились. Я догадался, что это была Татьяна Ивановна, та самая, въ которой, по выраженію дяди, было нѣчто фантазмагорическое, которую навязывали ему въ невѣсты, и за которой почти всѣ въ домѣ ухаживали за ея богатство. Мнѣ, впрочемъ, понравились ея глаза голубые и кроткіе; и хотя около этихъ глазъ уже виднѣлись морщинки, но взглядъ ихъ былъ такъ простодушенъ, такъ веселъ и добръ, что какъ-то особенно-пріятно было встрѣчаться съ нимъ. Объ этой Татьянѣ Ивановнѣ, одной изъ настоящихъ «героннь» моего разказа, я скажу послѣ подробнѣе: біографія ея примѣчательна. Минуть пять послѣ моего появленія въ чайной, вбѣжалъ изъ сада прехорошенькій мальчикъ, мой кузенъ Илюша, завтрашній именинникъ, у котораго теперь оба кармана были набиты бабками, а въ рукахъ былъ кубарь. За нимъ вошла молодая, стройная дѣвушка, немного-блѣдная и какъ-будто усталая, но очень хорошенькая. Она окинула всѣхъ пытливымъ, недовѣрчивымъ и даже робкимъ взглядомъ, пристально посмотрѣла на меня и сѣла возлѣ Татьяны Ивановны. Помню, что у меня невольно стукнуло сердце: я догадался, что это была та самая гувернантка... Помню тоже, что дядя, при ея появленіи, вдругъ бросилъ на меня быстрый взглядъ и весь покраснѣлъ, потомъ нагнулся, схватилъ на руки Илюшу и поднесъ его мнѣ поцаловать. Замѣтилъ я еще, что мадамъ Обноскина сперва пристально пос-

мотрѣла на дядю, а потомъ съ саркастической улыбкой навела свой лорнетъ на гувернантку. Дядя очень смутился и, не зная что дѣлать, вызвалъ-было Сашеньку, чтобъ познакомиться ее со мной, но та только привстала и молча, съ серьёзною важностью, мнѣ присѣла. Это, впрочемъ, мнѣ понравилось, потому-что къ ней шло. Въ ту же минуту добрая тетушка, Прасковья Ильинична, не вытерпѣла, бросила разливать чай и кинулась-было ко мнѣ лобызать меня; но я еще не успѣлъ ей сказать двухъ словъ, какъ тотчасъ же раздался визгливый голосъ дѣвicy Перепелицыной, пропищавшей, что «видно, Прасковья Ильинична забыли-съ маменьку-съ (генеральшу), что маменька-съ требовали чаю-съ, а вы и не наливаете-съ, а онѣ ждутъ-съ», и Прасковья Ильинична, оставивъ меня, со всѣхъ ногъ бросилась къ своимъ обязанностямъ.

Эта генеральша, самое важное лицо во всемъ этомъ кружкѣ и передъ которой всѣ ходили по стрункѣ, была тощая и злая старуха, вся одѣтая въ трауръ—злая, впрочемъ, больше отъ старости и отъ потери послѣднихъ (и прежде еще небогатыхъ) умственныхъ способностей. Прежде же она была вздорная. Генеральство сдѣлало ее еще глупѣе и надменнѣе. Когда она злилась, весь домъ походилъ на адъ. У ней были двѣ манеры злиться. Первая манера была молчаливая, когда старуха по цѣлымъ днямъ не разжимала губъ своихъ и упорно молчала, толкая, а иногда даже кидая на полъ все, что передъ ней ни поставили. Другая манера была совершенно противоположная: краснорѣчивая. Начиналось обыкновенно тѣмъ, что бабушка, — она, вѣдь, была мнѣ бабушка — погружалась въ необыкновенное уныніе, ждала разрушенія міра и всего своего хозяйства, предчувствовала впереди нищету и всевозможное горе, вдохновлялась сама своими предчувствіями, начинала по пальцамъ исчислять будущія бѣдствія, и даже приходила при этомъ счетѣ въ какой-то восторгъ, въ какой-то азартъ. Разумѣтся, открывалось, что она все давно ужъ заранѣе предвидѣла и только потому молчала, что принуждена

силою молчать въ «этомъ домѣ». «Но еслибъ только были къ ней почтительны, еслибъ только захотѣли ее заранѣе послушаться, то» и т. д. и т. д.; все это немедленно поддакивалось стаей приживалокъ, дѣвпцей Перепелицыной и, наконецъ, торжественно скрѣплялось Ѳомой Ѳомичемъ. Въ ту минуту, какъ я представлялся ей, она ужасно гнѣвалась и, кажется, по первому способу — молчаливому, самому страшному. Всѣ смотрѣли на нее съ боязнью. Одна только Татьяна Ивановна, которой спускалось рѣшительно все, была въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа. Дядя нарочно, даже съ нѣкоторымъ торжествомъ, подвелъ меня къ бабушкѣ; но та, сдѣлавъ кислую гримасу, со злостью оттолкнула отъ себя свою чашку.

Это тотъ вол-ти-жжѣръ? проговорила она сквозь зубы и нараспѣвъ, обращаясь къ Перепелицыной.

Этотъ глупый вопросъ окончательно сбилъ меня съ толку. Не понимаю, отчего она назвала меня вольтижоромъ? Но такіе вопросы ей были еще нипочемъ. Перепелицына нагнулась и пошептала ей что-то на-ухо; но старуха злобно махнула рукой. Я стоялъ съ разинутымъ ртомъ и вопросительно смотрѣлъ на дядю. Всѣ переглянулись, а Обноскинъ даже оскалилъ зубы, что ужасно мнѣ не понравилось.

— Она, братъ, иногда заговаривается, шепнулъ мнѣ дядя, тоже отчасти потерявшійся: — но это ничего, она это такъ, это отъ добраго сердца. Ты, главное, на сердце смотри.

— Дѣ, сердце! сердце! раздался внезапно звонкій голосъ Татьяны Ивановны, которая все время не сводила съ меня своихъ глазъ и отчего-то не могла спокойно усидѣть на мѣстѣ: вѣроятно, слово «сердце», сказанное шопотомъ, долетѣло до ея слуха.

Но она не договорила, хотя ей очевидно хотѣлось что-то высказать. Сконфузилась ли она, или что другое, только она вдругъ замолчала, покраснѣла ужасно, быстро нагнулась къ гувернанткѣ, пошептала ей что-то на ухо, и вдругъ, закрывъ ротъ платкомъ и откинувшись на спинку кресла, захохотала,

какъ-будто въ истерикѣ. Я оглядывалъ всѣхъ съ крайнимъ недоумѣніемъ; но, къ удивленію моему, всѣ были очень-серьёзны и смотрѣли такъ, какъ-будто ничего не случилось особеннаго. Я, конечно, понялъ кто была Татьяна Ивановна. Наконецъ, мнѣ подали чаю и я нѣсколько оправился. Не знаю почему, но мнѣ вдругъ показалось, что я обязанъ завести самый любезный разговоръ съ дамами.

— Вы правду сказали, дядюшка, началъ я, — предостерегая меня давеча, что можно сконфузиться. Я откровенно признаюсь — къ-чему скрывать? продолжалъ я, обращаясь съ заискивающей улыбкой къ мадамъ Обноскиной: — что до-сихъ-поръ совсѣмъ почти не зналъ дамскаго общества, и теперь, когда мнѣ случилось такъ неудачно войти, мнѣ показалось, что моя поза среди комнаты была очень смѣшна и отзывалась нѣсколько тюфякомъ — не правда ли? Вы читали «Тюфяка»? заключилъ я, теряясь все болѣе-и-болѣе, краснѣя за свою заискивающую откровенность и грозно смотря на мсьё Обноскина, который, скаля зубы, все еще оглядывалъ меня съ головы до ногъ.

— Именно, именно, именно! вскричалъ вдругъ дядя съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ, искренно-обрадовавшись, что разговоръ кое-какъ завязался и я поправляюсь. — Это, братъ, еще ничего, что ты говоришь, что можно сконфузиться. Ну, сконфузился, да и концы въ воду! А я, братъ, для перваго моего дебюта даже совралъ — вѣришь, иль нѣтъ? Нѣтъ, ей-Богу, Анфиса Петровна, это, я вамъ скажу, интересно прослушать. Только-что поступилъ въ юнкера, пріѣзжаю въ Москву, отправляюсь къ одной важной барынѣ съ рекомендательнымъ письмомъ — то-есть надменнѣйшая женщина была, но, въ-сущности, право, предобрая, что бѣ ни говорили. Вхожу — принимаютъ. Гостиная полна народу, преимущественно тузы. Раскланялся, сѣлъ. Со втораго слова она мнѣ: «А есть ли, батюшка, деревеньки?» То-есть, ни курицы не было — что отвѣчать? Сконфузился въ-прахъ. Всѣ на меня смотрятъ (ну, что, юнкериска!). Ну, почему бы не сказать:

нѣтъ ничего; и благородно бы вышло, потому-что правду бы сказалъ. Не выдержалъ! «Есть» говорю «сто-семнадцать душъ». И къ-чему я тутъ эти семнадцать приплелъ? ужь, коли врать, такъ ужь и вралъ бы круглымъ числомъ — не правда ли? Черезъ минуту по рекомендательному же моему письму, оказалось, что я голъ, какъ соколъ и, въ добавокъ, совралъ! Ну, чтò было дѣлать? Удралъ во всѣ лопатки и съ-тѣхъ-поръ ни ногой. Вѣдь у меня тогда еще ничего не было. Это все, что теперь: триста душъ отъ дядюшки Аванасья Матвѣича, да двѣсти душъ, съ Капитоновкой, еще прежде, отъ бабушки Акулины Панфиловны, и того пятьсотъ слишкомъ. Это хорошо! Только я съ-тѣхъ-поръ заклился врать и не вру.

— Ну, я бы, на вашемъ мѣстѣ, не закаясался. Богъ знаетъ, чтò можетъ случиться, замѣтилъ Обноскинъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Ну, да, это правда! Богъ знаетъ, чтò можетъ случиться, простодушно поддакнулъ дядя.

Обноскинъ громко захохоталъ, опрокинувшись на спинку кресла; его маменька улыбнулась; какъ-то особенно гадко захихикала и дѣвица Перепелицына; захохотала и Татьяна Ивановна, не зная чему, и даже забила въ ладони — словомъ, я видѣлъ ясно, что дядю въ его же домѣ считали ровно ни во чтò. Сашенька, злобно сверкая глазами, пристально смотрѣла на Обноскина. Гувернантка покраснѣла и потупилась. Дядя удивился.

— А чтò? чтò случилось? повторилъ онъ, съ недоумѣніемъ озирая всѣхъ насъ.

Во все это время братецъ мой, Мизинчиковъ, сидѣлъ по-одалъ, молча и даже не улыбнулся, когда всѣ засмѣялись. Онъ усердно пилъ чай, философически смотрѣлъ на всю публику и нѣсколько разъ, какъ-будто въ припадкѣ невыносимой скуки, порывался засвистать, вѣроятно, по старой привычкѣ, но во-время останавливался. Обноскинъ, задравшій дядю и покушавшійся на меня, какъ-будто не смѣлъ и взглянуть на Мизинчикова: я это замѣтилъ. Замѣтилъ я

тоже, что молчаливый братец мой часто посматривалъ на меня и даже съ видимымъ любопытствомъ, какъ-будто желая въ-точности опредѣлить, что́ я за человѣкъ.

— Я увѣрена, защебетала вдругъ мадамъ Обноскина: — я совершенно увѣрена, m-g Serge, — вѣдь такъ, кажется? — что вы, въ вашемъ Петербургѣ были небольшимъ обожателемъ дамъ. Я знаю, тамъ много, очень-много развелось теперь молодыхъ людей, которые совершенно чуждаются дамскаго общества. Но, по-моему, это все вольнодумцы. Я не иначе соглашаюсь на это смотрѣть, какъ на непростительное вольнодумство. И, признаюсь вамъ, меня это удивляетъ, удивляетъ, молодой человѣкъ, просто удивляетъ!...

— Совершенно не былъ въ обществѣ, отвѣчалъ я, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. — Но это... я, по-крайней-мѣрѣ, думаю, ничего-съ... Я жилъ, то-есть я, вообще, нанималъ квартиру... но это ничего, увѣряю васъ. Я буду знакомъ; а до-сихъ-поръ я все спдѣлъ дома.

— Занимался науками, замѣтилъ, пріосанившись, дядя.

— Ахъ, дядюшка, вы все съ своими науками!... Вообразите, продолжалъ я, съ необыкновенною развязностью, любовно осклабясь и обращаясь снова къ Обноскиной: — мой дорогой дядюшка до такой степени преданъ наукамъ, что откопалъ гдѣ-то на большой дорогѣ какого-то чудодѣйственнаго, практическаго философа, г. Коровкина; и первое слово сегодня ко мнѣ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, было, что онъ ждетъ этого феноменальнаго чудодѣя съ какимъ-то судорожнымъ, можно сказать, нетерпѣніемъ... изъ любви къ наукѣ, разумѣется...

И я захихикалъ, надѣясь вызвать всеобщій смѣхъ въ похвалу моему остроумію.

— Кто такой? про кого онъ? рѣзко проговорила генеральша, обращаясь къ Перепелицыной.

— Гостей-съ Егоръ Ильичъ наприглашали-съ, ученыхъ-съ; по большимъ дорогамъ ѣздятъ, ихъ собираютъ-съ, съ наслажденіемъ проищала дѣвица.

Дядя совсѣмъ растерялся.

— Ахъ, да! я и забылъ! вскричалъ онъ, бросивъ на меня взглядъ, въ которомъ выражался укоръ: — жду Коровкина. Человѣкъ науки, человѣкъ останется въ столѣтін...

Онъ осѣлся и замолчалъ. Генеральша махнула рукой и въ этотъ разъ такъ удачно, что задѣла за чашку, которая слетѣла со стола и разбилась. Произошло всеобщее волненіе.

— Это она всегда, какъ разсердится, возьметъ да и бросить что-нибудь на полъ, шепталь мнѣ сконфуженный дядя. Но это только когда разсердится... Ты, братъ, не смотри, не замѣчай, гляди въ сторону... Зачѣмъ ты объ Коровкинѣ-то заговорилъ?..

Но я и безъ того смотрѣлъ въ сторону: въ эту минуту я встрѣтилъ взглядъ гувернантки, и мнѣ показалось, что въ этомъ взглядѣ на меня былъ какой-то упрекъ, что-то даже презрительное; румянецъ негодованія ярко запылалъ на ея блѣдныхъ щекахъ. Я понялъ ея взглядъ и догадался, что малодушнымъ и гадкимъ желаніемъ моимъ сдѣлать дядю смѣшнымъ, чтобъ хоть немного снять смѣшнаго съ себя, я не очень выигралъ въ расположеніи этой дѣвицы. Не могу выразить, какъ мнѣ стало стыдно!

— А я съ вами все о Петербургѣ, задалась опять Аняфиса Петровна, когда волненіе, произведенное разбитой чашкой, утихло. Я съ такимъ, можно сказать, нас-лаж-деніемъ вспоминаю нашу жизнь въ этой очаровательной столицѣ... Мы были очень-близко знакомы тогда съ однимъ домомъ — помнишь, Польша? генералъ Половицынъ... Ахъ, какое очаровательное, о-ча-ро-вательное существо была генеральша! Ну, знаете, этотъ аристократизмъ, beau monde!... Скажите: вы, вѣроятно, встрѣчались... Я, признаюсь, съ нетерпѣніемъ ждала васъ сюда: я надѣялась отъ васъ многое, многое узнать о петербургскихъ друзьяхъ нашихъ...

— Мнѣ очень-жаль, что я не могу... извините... Я уже сказалъ, что очень-рѣдко былъ въ обществѣ и совершенно не знаю генерала Половицына; даже не слыхивалъ, отвѣчалъ я

съ нетерпѣніемъ, внезапно смѣнивъ мою любезность на чрезвычайно-досадливое и раздраженное состояніе духа.

— Занимался минералогіей! съ гордостью подхватилъ неисправимый дядя. — Это, братъ, что камушки тамъ разные разсматриваетъ, минералогія-то?

— Да, дядюшка, камни...

— Гм... Много есть наукъ, и все полезныхъ! А я, вѣдь, братъ, по правдѣ, и не зналъ, что такое минералогія! Слышу только, что звонять гдѣ-то на чужой колокольнѣ. Въ чемъ другомъ — еще такъ и сякъ, а въ наукахъ глупъ — откровенно каюсь!

— Откровенно каетесь? подхватилъ, ухмыляясь, Обноскинъ.

— Папочка! вскрикнула Саша, съ укоризной смотря на отца.

— Что, душка? Ахъ, Боже мой, я вѣдь все прерываю васъ, Анфиса Петровна, спохватился дядя, не понявъ восклицанія Сашеньки. — Извините, ради Христа!

— О, не беспокойтесь! отвѣчала съ кисленькою улыбочкой Анфиса Петровна. — Впрочемъ, я уже все сказала вашему племяннику и заключу развѣ тѣмъ, м-г Serge — такъ кажется? — что вамъ рѣшительно надо исправиться. Я вѣрю, что науки, искусства... ваяніе, напримѣръ... ну, словомъ, всѣ эти высокія идеи имѣютъ, такъ-сказать, свою о-ба-я-тельную сторону, но онѣ не замѣняютъ дамъ!.. Женщины, женщины, молодой человѣкъ, формируютъ васъ, и потому безъ нихъ невозможно, невозможно, молодой человѣкъ, не-воз-можно!

— Невозможно, невозможно! раздался снова нѣсколько-крикливый голосъ Татьяны Ивановны. — Послушайте, начала она, какъ-то дѣтски спѣша и, разумѣется, вся покраснѣвъ: — послушайте, я хочу васъ спросить...

— Что прикажите - съ? отвѣчалъ я, внимательно въ нее вглядываясь.

— Я хотѣла васъ спросить: надолго вы пріѣхали, или нѣтъ?

— Ей-Богу, не знаю-съ; какъ дѣла...

— Дѣла! Какія у него могутъ быть дѣла?... О, безумецъ!

И Татьяна Ивановна, краснѣя до-нельзя и закрываясь вѣ-

еромъ, нагнулась къ гувернанткѣ и тотчасъ же начала ей что-то шептать. Потомъ вдругъ засмѣялась и захлопала въ ладошки.

— Пойдите! пойдите! вскричала она, отрываясь отъ своей конфидантки и снова торопливо обращаясь ко мнѣ, какъ-будто боясь, чтобъ я не ушелъ: — послушайте, знаете, что я вамъ скажу? вы ужасно; ужасно похожи на одного молодого человѣка, о-ча-ро-ва-тельнаго молодого человѣка!... Сашенька, Настенька, помните! Онъ ужасно похожъ на того безумца — помнишь, Сашенька! еще мы катались и встрѣтили... верхомъ и въ бѣломъ жилетѣ... еще онъ навелъ на меня свой лорнетъ, безстыдникъ! Помните, я еще закрылась вуалью, но не утерпѣла, высунулась изъ коляски и закричала ему «безстыдникъ!» а потомъ бросила на дорогу мой букетъ... Помнишь, Настенька?

И полупомѣшанная на амурахъ дѣвица, вся въ волненіи, закрыла лицо руками; потомъ вдругъ вскочила съ своего мѣста, порхнула къ окну, сорвала съ горшка розу, бросила ее близь меня на полъ и убѣжала изъ комнаты. Только ее и видѣли! Въ этотъ разъ произошло даже нѣкоторое замѣшательство, хотя генеральша, какъ и въ первый разъ, была совершенно-спокойна. Анфиса Петровна, напримѣръ, была не удивлена, но какъ-будто чѣмъ-то вдругъ озабочена, и съ тоскою посмотрѣла на своего сына; барышни покраснѣли, а Польш Обноскинъ, съ какою-то непонятною тогда для меня досадою, всталъ со стула и подошелъ къ окну. Дядя началъ было дѣлать мнѣ знаки, но въ эту минуту новое лицо вошло въ комнату и привлекло на себя всеобщее вниманіе.

— А! вотъ и Евграфъ Ларионычъ! легокъ на поминѣ! закричалъ дядя, неліцемерно обрадовавшись. — Что, братъ, изъ города?

«Ну чудаки! ихъ какъ-будто нарочно собирали сюда!» подумалъ я про-себя, не понимая еще хорошенько всего, что происходило предъ моими глазами, не подозрѣвая и того, что

и самъ я, кажется, только увеличилъ коллекцію этихъ же чудиковъ, являсь между ними.

V.

Е ж е в и к н и ъ.

Въ комнату вошла или, лучше сказать, какъ-то протѣсилась (хотя двери были очень широкія) фигурка, которая, еще въ дверяхъ сгибалась, кланялась и скалила зубы, съ чрезвычайнымъ любопытствомъ оглядывая всѣхъ присутствовавшихъ. Это былъ маленькій старичокъ, рябой, съ быстрыми и вороватыми глазками, съ плѣшью и съ лысиной, и съ какой-то неопредѣленной, тонкой усмѣшкой на довольно-толстыхъ губахъ. Онъ былъ во фракѣ, очень - изношенномъ и, кажется, съ чужаго плеча. Одна пуговица висѣла на ниточкѣ; двухъ или трехъ совѣмъ не было. Дырявые сапоги и засаленная фуражка гармонировали съ его жалкой одеждой. Въ рукахъ его былъ бумажный клѣтчатый платокъ, весь засморканный, которымъ онъ обтиралъ потъ со лба и висковъ. Я замѣтилъ, что гувернантка немного покраснѣла и быстро взглянула на меня. Мнѣ показалось даже, что въ этомъ взглядѣ было что-то гордое и вызывающее.

— Прямо изъ города, благодѣтель! прямо оттуда, отецъ родной! все разскажу, только позвольте сначала честь заявить, проговорилъ вошедшій старичокъ и направился прямо къ генеральшѣ, но остановился на подорогѣ и снова обратился къ дядѣ.

— Вы ужь изволите знать мою главную черту, благодѣтель: подлець, настоящій подлець! Вѣдь я какъ вхожу, такъ ужь тотчасъ же главную особу въ домѣ ищу, къ ней первой и стопы направляю, чтобъ, такимъ-образомъ, съ перваго шагу милости и протекцію приобрѣсти. Подлець, батюшка, подлець, благодѣтель! Позвольте матушка, барыня, ваше превосходительство, платице ваше поцаловать, а то я губами-то ручку вашу, золотую, генеральскую, замараю.

Генеральша подала ему руку, къ удивленію моему, довольно-благосклонно.

— И вамъ, красавица наша, поклонъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ дѣвицѣ Перепелицыной. — Что дѣлать, сударыня-барыня: подлець! еще въ 1841 году было рѣшено, что подлець, когда изъ службы меня исключили, именно тогда, какъ Валентинъ Игнатьичъ Тихонцовъ въ высоблагодородные попалъ; ассессора дали; его въ ассессоры, а меня въ подлецы. А ужь я такъ откровенно созданъ, что во всемъ признаюсь. Что дѣлать! пробовалъ честно жить, пробовалъ, теперъ надо попробовать иначе. Александра Егоровна, яблочко наше наливное, продолжалъ онъ, обходя столъ и пробираясь къ Сашенькѣ — позвольте ваше платице поцаловать; отъ васъ, барышня, яблочкомъ пахнетъ и всякими деликатностями. Именнику наше почтеніе, дукъ и стрѣлу вамъ, батюшка, привезъ, самъ цѣлое утро дѣлалъ; ребятишки мои помогали; вотъ ужь и будемъ спускаться. А подростете, въ офицеры поступите, туркѣ голову срубите. — Татьяна Ивановна... ахъ, да ихъ нѣтъ, благодѣтельницы! а то бъ и у нихъ платице поцаловалъ. Прасковья Ильинична, матушка наша родная, протѣснитесь-то только къ вамъ не могу, а то бъ не только ручку, даже и ножку бы вашу поцаловалъ — вотъ какъ-съ! Анфиса Петровна, мое вамъ всяческое уваженіе свидѣтельствую. Еще сегодня за васъ Бога молилъ, благодѣтельница, на колѣнкахъ, со слезами, Бога молилъ и за сыночка вашего тоже, чтобъ ниспослалъ ему всякихъ чиновъ и талантовъ: особенно талантовъ! Кстати ужь и Ивану Иванычу Мизинчикову наше

всенижайшее. Пошли вамъ Господь все, что сами себѣ желаете. Потому-что и не разберешь, сударь, чего сами-то вы себѣ желаете: молчаливенькіе такіе-съ... Здравствуй, Настя; вся моя мелюзга тебѣ кланяется; каждый день о тебѣ поминуютъ. А вотъ теперь и хозяйну большой поклонъ. Изъ города, ваше высокоблагородіе, прямехонько изъ города. А это вѣрно племянничекъ вашъ, что въ ученомъ факультетѣ воспитывался? Почтеніе наше всенижайшее, сударь; пожалуйста ручку.

Раздался смѣхъ. Понятно было, что старикъ игралъ роль какого-то добровольнаго шута. Приходъ его развеселилъ общество. Многіе и не поняли его сарказмовъ, а онъ почти всѣхъ обошелъ. Одна гувернантка, которую онъ, къ удивленію моему, назвалъ просто, Настей, краснѣла и хмурилась. Я-было отдернулъ руку; того только, кажется, и ждалъ старикашка.

— Да вѣдь я только пожать ее у васъ просилъ батюшка, если только позволите, а не поцаловать. А вы ужь думали, что поцаловать? Нѣтъ, отецъ родной, покамѣстъ еще только пожать. Вы, благодѣтель, вѣрно меня за барскаго шута принимаете? проговорилъ онъ, смотря на меня съ насмѣшкою.

— Н.... нѣтъ, помидуйте, я....

— То-то, батюшка! Коли я шутъ, такъ и другой кто-нибудь шутъ! А вы меня уважайте: я еще не такой подлець, какъ вы думаете. Оно, впрочемъ, пожалуй, и шутъ. Я—рабъ, моя жена—рабыня, къ-тому же, польсти, польсти! вотъ оно что: всё-таки что-нибудь выиграешь, хоть ребятишкамъ на молочишко. Сахару, сахару-то побольше во все подсыпайте, такъ оно и здоровѣе будетъ. Это я вамъ, батюшка, по секрету говорю; можетъ, и вамъ понадобится. Фортуна заѣла, благодѣтель, оттого я и шутъ.

— Хи-хи-хи! Ахъ, проказникъ, этотъ старичокъ! вѣчно-то онъ разсмѣшитъ! пропицала Анфиса Петровна.

— Матушка моя, благодѣтельница, вѣдь дурачкомъ-то лучше на свѣтѣ проживешь! Зналъ бы, такъ съ ранняго молоду въ

дураки бѣ записался, авось теперь былъ бы умный. А то какъ рано захотѣлъ быть умникомъ, такъ вотъ и вышелъ теперь старый дуракъ.

— Скажите, пожалуйста, ввязался, Обноскинъ (которому, вѣрно не понравилось замѣчаніе про *таланты*), какъ-то особенно независимо развалился въ креслѣ и разсматривая старика въ свое стеклышко, какъ какую-нибудь козявку: — скажите, пожалуйста... все я забываю вашу фамилью... какъ-бишь васъ?...

— Ахъ, батюшка! да фамилья-то моя, пожалуй-что и Ежевикинъ, да что въ томъ толку? Вотъ ужъ девятый годъ безъ мѣста сижу — такъ и живу-себѣ, по законамъ природы. А дѣтей - то, дѣтей - то у меня, просто, семейство Холмскихъ! Точно какъ по пословицѣ: «у богатаго — телята, а у бѣднаго — ребята»...

— Ну, да... телята... это, впрочемъ, въ сторону. Ну, послушайте, я давно хотѣлъ васъ спросить: зачѣмъ вы, когда входите, тотчасъ назадъ оглядываетесь? Это очень-смѣшно.

— Зачѣмъ оглядываюсь? А все мнѣ кажется, батюшка, что меня сзади кто-нибудь хочетъ ладошкой прихлопнуть, какъ муху, оттого и оглядываюсь. Мономанъ я сталъ, батюшка.

Опять засмѣялись. Гувернантка привстала съ мѣста, хотѣла-было идти и снова опустилась въ кресло. Въ лицѣ ея было что-то больное, страдающее, несмотря на краску, заливавшую ея щеки.

— Это, братъ, знаешь кто? шепнулъ мнѣ дядя: — вѣдь это ея отецъ!

Я смотрѣлъ на дядю во всѣ глаза. Фамилья Ежевикинъ совершенно вылетѣла у меня изъ головы. Я геройствовалъ, всю дорогу мечталъ о своей предполагаемой суженой, строилъ для нея великодушныя планы и совершенно позабылъ ея фамилю или, лучше сказать, не обратилъ на это никакого вниманія съ самаго начала.

— Какъ, отецъ? отвѣчалъ я тоже шопотомъ. — Да вѣдь я думалъ, она сирота?

— Отецъ, братецъ, отецъ. И, знаешь, пречестнѣйшій, пре-
благороднѣйшій человѣкъ и даже не пьетъ, а только такъ изъ
себя шута строитъ. Бѣдность, братъ, страшная, восемь чело-
вѣкъ дѣтей! Настенькинымъ жалованьемъ и живутъ. Изъ
службы за язычокъ исключили. Каждую недѣлю сюда ѣздить.
Гордый какой — ни за что не возьметъ. Давалъ, много разъ
давалъ — не беретъ! Озлобленный человѣкъ!

— Ну, что, братъ, Евграфъ Ларионовичъ, что тамъ, у васъ,
новаго? спросилъ дядя и крѣпко ударилъ его по плечу, за-
мѣтивъ, что мнительный старикъ уже подслушивалъ нашъ
разговоръ.

— А что новаго, благодѣтель? Валентинъ Игнатьичъ вчера
объясненіе подавали-съ по Тришина дѣлу. У того въ бун-
тахъ недовѣсъ муки оказался. Это, барыня, тотъ самый Три-
шинъ, что смотрятъ на васъ, а самъ точно самоваръ раз-
дувается. Можетъ, изволите помнить? Вотъ Валентинъ-то
Игнатьичъ и пишетъ про Тришина: «Ужь если», говоритъ
онъ, «часто-поминаемый Тришинъ чести своей родной пле-
мянницы не могъ уберечь — а та съ офицеромъ прошлаго
года сбѣжала. — такъ гдѣ же, говоритъ, было ему уберечь
казенныя вещи?» Это онъ въ бумагѣ своей такъ и помѣ-
стилъ — ей-Богу, не вру-съ.

— Фи! Какія вы исторіи рассказываете! закричала Анфиса
Петровна.

— Именно, именно, именно! Зарапортовался ты, братъ
Евграфъ, поддакнулъ дядя.—Эй, пропадешь за языкъ! Чело-
вѣкъ ты прямой, благородный, благонравный — могу заявить,
да языкъ-то у тебя ядовитый! И удивляюсь я, какъ ты тамъ
съ ними ужиться не можешь! Люди они, кажется, добрые,
простые...

— Отецъ и благодѣтель! да простаго-то человѣка я и бо-
юсь! вскричалъ старикъ съ какимъ-то особеннымъ одуше-
вленіемъ.

Отвѣтъ мнѣ понравился. Я быстро подошелъ къ Ежеви-
кину и крѣпко пожалъ ему руку. По правдѣ, мнѣ хотѣлось

хоть чѣмъ-нибудь протестовать противъ всеобщаго мнѣнія, показавъ открыто старику мое сочувствіе. А можетъ-быть, кто знаетъ! можетъ-быть мнѣ хотѣлось поднять себя въ мнѣніи Настасьи Евграфовны. Но изъ движенія моего ровно ничего не вышло путнаго.

— Позвольте спросить васъ, сказалъ я, по обычаю моему покраснѣвъ и зоторопившись: — слыхали вы про іезуитовъ?

— Нѣтъ, отецъ родной, не слыхалъ; такъ развѣ, что-нибудь... да гдѣ намъ! А что-съ?

— Такъ... я-было, кстати, хотѣлъ рассказать... Впрочемъ, напомните мнѣ при случаѣ. А теперь, будьте увѣрены, что я васъ понимаю и... умѣю цѣнить...

И, совершенно смѣшавшись, я еще разъ схватилъ его за руку.

— Непремѣнно, батюшка, напомню, непременно напомню! Золотыми литерами запишу. Вотъ, позвольте, и узелокъ завяжу для памяти.

И онъ, дѣйствительно, завязалъ узелокъ, отыскавъ сухой кончикъ на своемъ грязномъ, табачномъ платкѣ.

— Евграфъ Ларіонычъ, берите чаю, сказала Прасковья Ильинична.

— Тотчасъ, красавица-барыня, тотчасъ, то-есть, принцесса, а не барыня! Это вамъ за чаекъ. Степана Алексѣича Бахчесва встрѣтилъ дорогою, сударыня. Такой развеселый, что на тебѣ! Я ужь подумалъ, не жениться ли собираются? Польсти, польсти! проговорилъ онъ полушопотомъ, пронося мимо меня чашку, подмигивая мнѣ и прищуриваясь.—А что же благодѣтеля то главнаго не видать, Оомы Оомича-съ? развѣ не придутъ къ чаю?

Дядя вздрогнулъ, какъ-будто его ужалили, и робко взглянулъ на генеральшу.

— Ужъ я, право, не знаю, отвѣчалъ онъ нерѣшительно, съ какимъ-то страннымъ смущеніемъ. Звали его, да онъ... Не знаю, право, можетъ-быть, не въ расположеніи духа. Я

уже посылалъ Видоплясова и... развѣ, впрочемъ, мнѣ самому сходить?

— Заходилъ я къ нимъ сейчасъ, таинственно проговорилъ Ежевикинъ.

— Можетъ ли быть? вскрикнулъ дядя въ испугѣ. — Ну, что жь?

— Напредъ всего заходилъ-съ, почтеніе свидѣтельствовавъ. Сказали, что они въ уединеніи чаю напьются, а потомъ прибавили, что они и сухой хлѣбной корочкой могутъ быть быты — да-съ.

Слова эти, казалось, поразили дядю настоящимъ ужасомъ.

— Да ты бѣ объяснилъ ему, Евграфъ Ларіонычъ, ты бѣ рассказалъ, проговорилъ, наконецъ, дядя, смотря на старика съ тоской и упрекомъ.

— Говорилъ-съ, говорилъ-съ

— Ну?

— Долго не позволили мнѣ отвѣчать-съ. За математической задачей какой-то сидѣли, опредѣляли что-то; видно, головоломная задача была. Пифагоровы штаны при мнѣ начертили — самъ видѣлъ. Три раза имъ повторялъ; ужь на четвертый тотъ только подняли головку и какъ-будто впервые меня увидали. «Не пойду, говорятъ: тамъ теперь *ученый* пріѣхалъ, такъ ужь гдѣ намъ быть подлѣ такого свѣтила». — Такъ и позволили выразиться, «что подлѣ свѣтила».

И старикашка искоса съ насмѣшкою взглянулъ на меня.

— Ну, такъ я и ждалъ! вскричалъ дядя, всплеснувъ руками, такъ я и думалъ! Вѣдь это онъ про тебя, Сергѣй, говоритъ, что «ученый». Ну, что теперь дѣлать?

— Признаюсь, дядюшка, отвѣчалъ я, съ достоинствомъ пожимая плечами: — по-мѣму, это такой смѣшной отказъ, что не стоить обращать и вниманія, и я, право, удивляюсь вашему смущенію.

— Охъ, братецъ, не знаешь ты ничего! вскрикнулъ онъ, энергически махнувъ рукой.

— Да ужь теперь нечего горевать-съ, ввязалась вдругъ

дѣвица Перепелицына: — коли всё причины злыя отъ васъ самихъ, съ первоначалу произошли-сь, Егоръ Ильичъ-сь. Снявши голову, по волосамъ не плачуть-сь. Послушали бы маменьку-сь, такъ теперь бы и не плакали-сь.

— Да чѣмъ же, Анна Николавна, я-то виновать? побойтесь Бога! проговорилъ дядя умоляющимъ голосомъ, какъ-будто напрашиваясь на объясненіе.

— Я Бога боюсь, Егоръ Ильичъ; а происходитъ все оттого, что вы эгоисты-сь и родительницу не любите-сь, съ достоинствомъ отвѣчала дѣвица Перепелицына. — Отчего вамъ было, съ первоначалу, воли чихъ не уважить-сь? Онѣ вамъ мать-сь. А я вамъ неправды не стану говорить-сь. Я сама подполковничья дочь, а не какая-нибудь-сь.

Мнѣ показалось, что Перепелицына ввязалась въ разговоръ единственно съ тою цѣлью, чтобъ объявить всеѣмъ намъ, въ особенно мнѣ, новоприбывшему, что она сама подполковничья дочь, а не какая-нибудь-сь.

— Оттого, что онъ оскорбляетъ мать свою, грозно проговорила, наконецъ, сама генеральша.

— Маменька, помилосердуйте! Гдѣ же я васъ оскорбляю?

— Оттого, что ты мрачный эгоистъ, Егорушка, продолжала генеральша, все болѣе-и-болѣе одушевляясь.

— Маменька, маменька! гдѣ же я мрачный эгоистъ? вскричалъ дядя почти въ отчаяніи: — пять дней, цѣлыхъ пять дней, вы сердитесь на меня и не хотите со мной говорить! А за что? за что? Пусть же судятъ меня, пусть цѣлый свѣтъ меня судить! Пусть, наконецъ, услышатъ и мое оправданіе! Я долго молчалъ, маменька; вы не хотѣли слушать меня: пусть же теперь люди меня услышатъ. Анфиса Петровна! Павелъ Семенычъ, благороднѣйшій Павелъ Семенычъ! Сергѣй, другъ мой! ты человѣкъ посторонній, ты, такъ-сказать, зритель, ты безпристрастно можешь судить..

— Успокойтесь, Егоръ Ильичъ, успокойтесь! вскрикнула Анфиса Петровна, не убивайте маменьку.

— Я не убью, маменьку, Анфиса Петровна; но вотъ грудь

моя — разите! продолжалъ дядя, разгоряченный до послѣдней степени, что бываетъ иногда съ людьми слабохарактерными, когда ихъ выведутъ изъ послѣдняго терпѣнія, хотя вся горячка ихъ походитъ на огонь отъ зажженной соломѣ: — я хочу сказать, Анфиса Петровна, что я никого не оскорблю. Я и начну съ того, что Ома Омичъ благороднѣйшій, честнѣйшій человѣкъ и, вдобавокъ, человѣкъ высшихъ качествъ, но... но онъ былъ несправедливъ ко мнѣ въ этомъ случаѣ.

— Гм! промычалъ Обноскинъ, какъ-будто желая подразнить еще болѣе дядю.

— Павелъ Семенычъ, благороднѣйшій Павелъ Семенычъ! неужели жъ вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что я, такъ-сказать, безчувственный столбъ? вѣдь я вижу, вѣдь я понимаю, со слезами сердца, можно сказать, понимаю, что всѣ эти недоразумѣнія отъ излишней любви *его* ко мнѣ происходятъ. Но, воля ваша, онъ, ей-Богу, несправедливъ въ этомъ случаѣ. Я все расскажу. Я хочу рассказать теперь эту исторію, Анфиса Петровна, во всей ея ясности и подробности, чтобъ видѣли, съ чего дѣло вышло и справедливо ли на меня сердится маменька, что я не угодилъ Омѣ Омичу. Выслушай и ты меня, Серѣжа, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, что дѣлалъ и во все продолженіе разсказа, какъ-будто боясь другихъ слушателей и сомнѣваясь въ ихъ сочувствіи: — выслушай и ты меня и рѣши правъ я, иль нѣтъ. Вотъ видишь, вотъ съ чего началась вся исторія: недѣлю назадъ — да, именно не больше недѣли — проѣзжаетъ черезъ нашъ городъ бывшій начальникъ мой, генералъ Русапетовъ, съ супругою и свояченицею. Останавливаются на-время. Я пораженъ. Спѣшу воспользоваться случаемъ, лечу, представляюсь и приглашаю къ себѣ на обѣдъ. Обѣщаль, если можно будетъ. То-есть, благороднѣйшій человѣкъ, я тебѣ скажу; блеститъ добродѣтелями и, вдобавокъ, вельможа! Свояченицу свою облагодѣтельствовалъ; одну сироту за-мужъ выдалъ за дивнаго молодого человѣка (теперь стряпчимъ въ Малиновѣ;

еще молодой человекъ, но съ какимъ-то, можно сказать, универсальнымъ образованіемъ!) — словомъ, изъ генераловъ генераль! Ну, у насъ, конечно, возня, трескотня, повара, фрикасеи; музыку выписываю. Я, разумѣется, радъ и смотрю именинникомъ. Не понравилось Ѳомѣ Ѳомичу, что я радъ и смотрю именинникомъ! Сидѣлъ за столомъ — помню еще подавали его любимый киселекъ со сливками — молчалъ-молчалъ, да какъ вскочить «Обижаютъ меня, обижаютъ!» Да чѣмъ же, говорю, тебя, Ѳома Ѳомичъ, обижаютъ? — «Вы теперь, говоритъ, мною пренебрегаете; вы генералами теперь занимаетесь; вамъ теперь генералы дороже меня!» Ну, разумѣется, я теперь все это вкратцѣ тебѣ передаю, такъ сказать, одну только сущность; но еслибъ ты зналъ, что онъ еще говорилъ. словомъ, потрясъ всю мою душу! Что ты будешь дѣлать? Я, разумѣется, падаю духомъ; фрапировало меня это, можно сказать, хожу, какъ мокрый пѣтухъ. Наступаетъ торжественный день, генераль присылаетъ сказать, что не можетъ; извиняется; значить, не будетъ. Я къ Ѳомѣ: «Ну, Ѳома, успокойся! не будетъ!» Что жь-бы ты думалъ? Не прощаетъ, да и только! «Обидѣли, говоритъ меня, да и только!» Я и такъ и сякъ. «Нѣтъ, говоритъ, ступайте къ своимъ генераламъ, вамъ генералы дороже меня; вы узы дружества, говоритъ, разорвали». Другъ ты мой! вѣдь я понимаю, за что онъ сердится. Я не столбъ, не баранъ, не тунеядецъ какой-нибудь! Вѣдь это онъ изъ излишней любви ко мнѣ, такъ-сказать, изъ ревности дѣлаетъ — онъ это самъ говоритъ — онъ ревнуетъ меня къ генералу, расположеніе мое боится потерять, испытываетъ меня, хочетъ узнать, чѣмъ я для него могу пожертвовать. «Нѣтъ, говоритъ, я самъ для васъ все-равно, что генераль, я самъ для васъ ваше превосходительство! Тогда помирюсь съ вами, когда вы мнѣ свое уваженіе докажете». — Чѣмъ же я тебѣ докажу мое уваженіе, Ѳома Ѳомичъ? «А называйте, говоритъ, меня цѣлый день: ваше превосходительство; тогда и докажете уваженіе». Упадаю съ облаковъ! Можешь представить себѣ мое удивленіе! «Да по-

служить это, говорить, вамъ урокомъ, чтобъ вы не восхищались впередъ генералами, когда и другіе люди, можетъ, еще почище вашихъ всѣхъ генераловъ!» Ну тутъ ужъ и я не вытерпѣлъ, каюсь! открыто каюсь! «Ома Омичъ, говорю, развѣ это возможное дѣло? Ну, могу ли я рѣшиться на это? Развѣ я могу, развѣ я въ правѣ произвести тебя въ генералы? Подумай, кто производитъ въ генералы? Ну, какъ я скажу тебѣ: ваше превосходительство? Да вѣдь это, такъ-сказать, посягновеніе на величіе судьбы! Да вѣдь генераль служить украшеніемъ отечеству; генераль воевалъ, онъ свою кровь на полѣ чести пролилъ! Какъ же я тебѣ-то скажу: ваше превосходительство?» Не унимаются, да и только! «Что хочешь, говорю, Ома, все для тебя сдѣлаю. Вотъ ты велѣлъ мнѣ сбрить бакенбарды потому что въ нихъ мало патриотизма — я сбрилъ, поморщился, а сбрилъ. Мало того, сдѣлаю все, что тебѣ будетъ угодно, только откажись отъ генеральскаго сана!» «Нѣтъ, говоритъ, не помирюсь до тѣхъ поръ, пока не скажутъ: ваше превосходительство!» «Это говоритъ, для нравственности вашей будетъ полезно: это смиритъ вашъ духъ, говоритъ!» И вотъ теперь ужъ недѣлю, цѣлую недѣлю говорить не хочетъ со мной; на всѣхъ, кто ни пріѣдетъ, сердится. Про тебя услыхалъ, что ученый — это я виноватъ: погорячился, разболталъ! — такъ сказалъ, что нога его въ домѣ не будетъ, если ты въ домъ войдешь. «Значить, говоритъ, ужъ я теперь для васъ неученый». Вотъ бѣда будетъ, какъ узнаетъ теперь про Коровкина! Ну, помилуй, ну, посуди, ну, чѣмъ же я тутъ виноватъ? Ну, неужели жъ рѣшиться сказать ему: «ваше превосходительство?» ну можно ли жить въ такомъ положеніи? Ну, за что онъ сегодня бѣдняка Бахчеева пзъ-за стола прогналъ? Ну, положимъ, Бахчеевъ не сочинилъ астрономіи; да, вѣдь и я не сочинилъ астрономіи, да вѣдь и ты не сочинилъ астрономіи... Ну, за что, за что?

— А за то, что ты завистливъ, Егорушка, проямлила опять генеральша.

— Маменька! вскричалъ дядя, въ совершенномъ отчаяніи: — вы сведете меня съ ума! Вы не свои, вы чужія рѣчи переговариваете, маменька! Я, наконецъ, столбомъ, тумбой, фонаремъ дѣлаюсь, а не вашимъ сыномъ!

— Я слышалъ, дядюшка, перебилъ я, изумленный до послѣдней степени разговоромъ: — я слышалъ отъ Бахчеева — не знаю, впрочемъ, справедливо или нѣтъ — что Оома Оомичъ позавидовалъ именинамъ Илюши и утверждаетъ, что и самъ онъ завтра именинникъ. Признаюсь, эта характеристическая черта такъ меня изумила, что я.

— Рожденье, братецъ, рожденье, не именины, а рожденье! скороговоркою перебилъ меня дядя. — Онъ не такъ только выразился, а онъ правъ: завтра его рожденье. Правда, братъ, прежде всего...

— Совсѣмъ не рожденье! крикнула Сашенька.

— Какъ не рожденье? вскрикнулъ дядя, оторопѣвъ.

— Вовсе не рожденье, папочка! Это вы просто неправду говорите, чтобъ самого себя обмануть, да Оомъ Оомичу угодить. А рожденье его въ мартѣ было, еще, помните, мы передъ этимъ на богомолье въ монастырь ѣздили, а онъ сидѣть никому не далъ покойно въ каретѣ: все кричалъ, что ему бокъ *раздавила* подушка, да щипался; тетушку, со злости, два раза ущипнулъ! А потомъ, когда въ рожденье мы пришли поздравлять, рассердился, зачѣмъ не было камелій въ нашемъ букетѣ. «Я, говоритъ, люблю камелии, потому-что у меня вкусъ высшего общества, а вы для меня пожалѣли въ оранжереѣ нарвать». И цѣлый день киснулъ да куксился, съ нами говорить не хотѣлъ..

Я думаю, еслибъ бомба упала среди комнаты, то это не такъ бы изумило и испугало всѣхъ, какъ это открытое возстаніе — и кого же? дѣвочки, которой даже и говорить не позволялось громко въ бабушкиномъ присутствіи. Генеральша, нѣмая отъ изумленія и отъ бѣшенства, привстала, выпрямилась и смотрѣла на дерзкую внучку свою, на вѣря глазамъ. Дядя обмеръ отъ ужаса.

— Экую волю даютъ! уморить хотятъ бабыньку-съ! крикнула Перепелицына.

— Саша, Саша, опомнись! что съ тобой, Саша! кричалъ дядя, бросаясь то къ той, то къ другой, то къ генеральшѣ, то къ Сашенькѣ, чтобъ остановить ее.

— Не хочу молчать, папочка! закричала Саша, вдругъ вскочивъ со стула, топая ножками и сверкая глазенками:— не хочу молчать! Мы всѣ долго терпѣли изъ-за Оомы Оомича, изъ-за сквернаго, изъ-за гадкаго вашего Оомы Оомича! Потому-что Оома Оомичъ всѣхъ насъ погубить, потому-что ему то-и-дѣло толкуютъ, что онъ умница, великодушный, благородный, ученый, смѣсь всѣхъ добродѣтелей, попури какое-то, а Оома Оомичъ, какъ дуракъ, всему и повѣрилъ! Столько сладкихъ блюдъ ему нанесли, что другому бы совѣстно стало, а Оома Оомичъ скушалъ все, что передъ нимъ ни поставили, да и еще просить. Вотъ вы увидите, всѣхъ насъ съѣсть, а виноватъ всему папочка! Гадкій, гадкій Оома Оомичъ, прямо скажу, никого, не боюсь! Онъ глупъ, капризень, замарашка, неблагодарный, жестосердый, тиранъ, сплетникъ, лгуншка... Ахъ, я бы непремѣнно, непремѣнно, сейчасъ же прогнала его со двора, а папочка его обожаетъ, а папочка отъ него безъ ума!..

— Ахъ!.. вскрикнула генеральша и покатицась, въ изнеможени, на диванѣ.

— Голубчикъ мой, Агаѣя Тимоѣевна, ангелъ мой! кричала Анфиса Петровна, возьмите мой флаконъ! Воды, скорѣе воды!

— Воды, воды! кричалъ дядя: — маменька, маменька, успокойтесь! на колѣняхъ умоляю васъ успокоиться!..

— На хлѣбъ на воду васъ посадить-съ да изъ темной комнаты не выпускать-съ... человѣкоубійцы вы этакія! прошипѣла на Сашеньку, дрожавшая отъ злости, Перепелицына.

— И сяду на хлѣбъ на воду, ничего не боюсь! кричала Сашенька, въ свою очередь, пришедшая въ какое-то самозабвеніе.

— Я папочку защищаю, потому-что онъ самъ себя защи-

тить не умѣть. Кто онъ такой, кто онъ, вашъ Оома Оомичъ, передъ папкою? У папочки хлѣбъ ѣсть, да папочку же и унижаетъ, неблагодарный! Да я бѣ его разорвала въ куски, вашего Оому Оомича! На дуэль бы его вызвала, да тутъ бы и убила изъ двухъ пистолетовъ...

— Саша, Саша! кричалъ въ отчаяніи дядя. — Еще одно слово — и я погибъ, безвозвратно погибъ!

— Папочка! вскричала Саша, вдругъ стремительно бросаясь къ отцу, заливаясь слезами, крѣпко обвивъ его своими ручками: — папочка! ну вамъ ли, доброму, прекрасному, веселому, умному, вамъ ли, вамъ ли, такъ себя погубить? Вамъ ли подчиняться этому скверному, неблагодарному человѣку, быть его игрушкой, на смѣхъ себя выставить? Папочка, золотой мой папочка!..

Она зарыдала, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты.

Началась страшная суматоха. Генеральша лежала въ обморокѣ. Дядя стоялъ передъ ней на колѣняхъ и цаловалъ ея руки. Дѣвица Перепелицына увивалась около нихъ и бросала на насъ злобные, но торжествующіе взгляды. Анфиса Петровна смачивала виски генеральши водою и возилась съ своимъ флакономъ. Прасковья Ильинична трепетала и заливалась слезами; Ежевкинъ искалъ уголка, куда бы забиться, а гувернантка стояла блѣдная, совершенно потерявшись отъ страха. Одинъ только Мизинчиковъ оставался совершенно попрежнему. Онъ всталъ, подошелъ къ окну и првнялся пристально смотрѣть въ него, рѣшительно не обращая вниманія на всю эту сцену.

Вдругъ генеральша приподнялась съ дивана, выпрямилась и обмѣрила меня грознымъ взглядомъ.

— Вонъ! крикнула она, притопнувъ на меня ногою.

Я долженъ признаться, что этого совершенно не ожидалъ.

— Вонъ! вонъ изъ дому; вонъ! Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? чтобъ и духу его не было! вонъ!

— Маменька! маменька, что вы! да вѣдь это Серѣжа, бор-

моталь дядя, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха. — Вѣдь онъ, маменька, къ намъ въ гости пріѣхаль.

— Какой Серѣжа? вздоръ! не хочу ничего слышать; вонъ! Это Коровкинъ. Я увѣрена, что это Коровкинъ. Меня предчувствіе не обманываетъ. Онъ пріѣхаль Оому Оомича выживать; его и выписали для этого. Мое сердце предчувствуетъ... Вонъ, негодяй!

— Дядюшка, если такъ, сказалъ я, захлебываясь отъ благороднаго негодованія:—если такъ, то я... извините меня... И я схватился за шляпу.

— Сергѣй, Сергѣй, что ты дѣлаешь?.. Ну вотъ теперь этотъ... Маменька! вѣдь это Серѣжа!.. Сергѣй, помилуй! кричалъ онъ, гоняясь за мной и сисясь отнять у меня шляпу:— ты мой гость, ты останешься — я хочу! Вѣдь это она только такъ, прибавилъ онъ шопотомъ: — вѣдь это она только когда разсердится... Ты только теперь, первое время, спрячься куда-нибудь, побудь гдѣ-нибудь — и ничего, все пройдетъ. Она тебя проститъ — увѣряю тебя! Она добрая, а только такъ заговаривается... Слышишь, она принимаетъ тебя за Коровкина, а потомъ проститъ, увѣряю тебя... Ты чего? закричалъ онъ, дрожавшему отъ страха Гаврилѣ, вошедшему въ комнату.

Гаврила вошелъ не одинъ; съ нимъ былъ дворовый паренъ, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, прехорошенькій собой, взятый во дворъ за красоту, какъ узналъ я послѣ. Звали его Оаалеємъ. Онъ былъ одѣтъ въ какой-то особенный костюмъ, въ красной шелковой рубашкѣ, обшитой по вороту позументомъ, съ золотымъ галуннымъ поясомъ, въ черныхъ плисовыхъ шараварахъ и въ козловыхъ сапожкахъ, съ красными отворотами. Этотъ костюмъ былъ затѣей самой генеральши. Мальчикъ прегорько рыдалъ и слезы, одна за другой, катились изъ большихъ, голубыхъ глазъ его.

— Это еще что? вскрикнулъ дядя: — что случилось? Да говори же, разбойникъ!

— Ома Омичъ велѣлъ быть сюда; сами во слѣдъ идутъ, отвѣчалъ скорбный Гаврила: — мнѣ на экзаментъ, а онъ...

— А онъ?

— Плясалъ-съ, отвѣчалъ Гаврила плачевнымъ голосомъ.

— Плясалъ! вскрикнулъ, въ ужасѣ, дядя.

— Пля-салъ! проревѣлъ Фалалей, всхлипывая.

— Комаринскаго?

— Ко-ма-ринскаго!

— А Ома Омичъ засталъ?

— Зас-талъ!

— Дорѣзали! вскрикнулъ дядя: — пропала моя голова! и обѣими руками схватилъ себя за голову.

— Ома Омичъ! возвѣстилъ Видоплясовъ, входя въ комнату.

Дверь отворилась, и Ома Омичъ самъ, своею собственною особою, предсталъ передъ озадаченной публикой.

VI.

ПРО БЛАГО БЫКА И ПРО КОМАРИНСКАГО МУЖИКА.

Но прежде, чѣмъ я буду имѣть честь лично представить читателю вошедшаго Ому Омича, я считаю совершенно-необходимымъ сказать нѣсколько словъ о Фалалей и объяснить, что именно было ужаснаго въ томъ, что онъ плясалъ комаринскаго, а Ома Омичъ засталъ его въ этомъ веселомъ занятіи. Фалалей былъ дворовый мальчикъ, сирота съ колыбели и крестникъ покойной жены моего дяди. Дядя его очень любилъ. Одного этого совершенно достаточно было,

чтобъ Оома Оомичъ, переселясь въ Степанчиково и покоривъ себѣ дядю, возненавидѣлъ любимца его Оалалея. Но мальчикъ какъ-то особенно понравился генеральшѣ и, несмотря на гнѣвъ Оомы Оомича, остался вверху, при господахъ; настояла въ этомъ сама генеральша, и Оома уступилъ, сохраняя въ сердцѣ свою обиду — онъ все считалъ за обиду — и, отминая за нее, ни въ чемъ невпноватому дядѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ. Оалалей былъ удивительно-хорошъ собой. У него было лицо дѣвичье, лицо красавицы деревенской дѣвушки. Генеральша холлила и нѣжила его, дорожила имъ, какъ хорошенькой, рѣдкой игрушкой; и еще неизвѣстно, кого она больше любила: свою ли маленькую, курчавенькую собачку Ами, или Оалалея? Мы уже говорили о его костюмѣ, который былъ ея изобрѣтеніемъ. Барышни выдавали ему помаду, а парикмахеръ Кузьма обязанъ былъ завивать ему по праздникамъ волосы. Этотъ мальчикъ былъ какое-то странное созданіе. Нельзя было назвать его совершеннымъ идиотомъ, или юродивымъ, но онъ былъ до того наивенъ, до того правдивъ и простодушенъ, что иногда дѣйствительно его можно было считать дурачкомъ. Приснился ли ему сонъ, онъ тотчасъ же идетъ къ господамъ рассказывать. Онъ вмѣшивается въ разговоръ господъ, не заботясь о томъ, что ихъ прерываетъ. Онъ рассказываетъ имъ такія вещи, которыя никакъ нельзя рассказывать господамъ. Онъ заливается самыми искренними слезами, когда барыня падетъ въ обморокъ, или когда ужь слишкомъ забраняетъ его барина. Онъ сочувствуетъ всякому несчастью. Иногда подходитъ къ генеральшѣ, цалуется ея руки и просить, чтобъ она не сердилась — и генеральша великодушно прощаетъ ему эти смѣлости. Онъ чувствителенъ до крайности, добръ и незлобивъ, какъ барашекъ, веселъ, какъ счастливый ребенокъ. Со стола ему подають подачку.

Онъ постоянно становится за стуломъ генеральши и ужадно любить сахаръ. Когда ему дадутъ сахарцу, онъ тутъ же сгрызаетъ его своими крѣпкими, бѣлыми, какъ молоко, зу-

бами и неописанное удовольствіе сверкаетъ въ его веселыхъ, голубыхъ глазахъ и на всемъ его хорошенькомъ личикѣ.

Долго гнѣвался Ома Омичъ; но, разсудивъ, наконецъ, что гнѣвомъ не возьмешь, онъ вдругъ рѣшился быть благодѣтелемъ Оалалею. Разбранивъ сперва дядю за то, что ему нѣтъ дѣла до образованія дворовыхъ людей, онъ рѣшилъ немедленно обучать бѣднаго мальчика нравственности, хорошимъ манерамъ и французскому языку. «Кѣкъ!» говорилъ онъ, защищая свою нелѣпую мысль (мысль, приходившую въ голову и не одному Омѣ Омичу, чему свидѣтелемъ пишушій эти строки): — кѣкъ! онъ всегда вверху, при своей госпожѣ: вдругъ она, забывъ, что онъ не понимаетъ по-французски, скажетъ ему, напримѣръ, доннѣ муа мон-мушваръ — онъ долженъ и тутъ найтись, и тутъ услужить!» Но оказалось, что не только нельзя было Оалалея выучить по-французски, но что поваръ Андронъ, его дядя, безкорыстно старавшійся научить его русской грамотѣ, давно уже махнулъ рукой и сложилъ азбуку на полку. Оалалей былъ до-того тупъ на книжное обученіе, что не понималъ рѣшительно ничего. Мало того: изъ этого даже вышла исторія. Дворовые стали дразнить Оалалея французомъ, а старикъ Гаврила, заслуженный камердинеръ дядюшки, открыто осмѣлился отрицать пользу изученія французской грамоты. Дошло до Омы Омича, и, разгнѣвавшись, онъ, въ наказаніе, заставилъ учиться по-французски самаго опонента, Гаврилу. Вотъ съ чего и взялась вся эта исторія о французскомъ языкѣ, такъ разсердившая г. Бахчеева. Насчетъ манеръ было еще хуже: Ома рѣшительно не могъ образовать посвѣдую Оалалея, который, несмотря на запрещеніе, приходилъ по утрамъ рассказывать ему свои сны, что Ома Омичъ, съ своей стороны, находилъ въ высшей степени неприличнымъ и фамильярнымъ. Но Оалалей упорно оставался Оалалеемъ. Разумѣется, за все это прежде всѣхъ доставалось дядѣ.

— Знаете ли, знаете ли, что онъ сегодня сдѣлалъ? кричитъ, бывало, Ома для большаго эффекта выбравъ время, когда

всѣ въ сборѣ. Знаете ли, полковникъ, до чего доходитъ ваше систематическое баловство? Сегодня онъ сожралъ кусокъ пирога, который вы ему дали за столомъ и, знаете ли, что онъ сказалъ послѣ этого? Поди сюда, поди сюда нелѣпая душа, поди сюда, идиотъ, румяная ты рожа!...

Фалалей подходитъ, плача, утирая обѣими руками глаза.

— Что ты сказалъ, когда сожралъ свой пирокъ? повтори при всѣхъ!

Фалалей не отвѣчаетъ и заливается горькими слезами.

— Такъ я скажу за тебя, коли-такъ. Ты сказалъ, треснувъ себя по своему набитому и неприличному брюху: «натрескался пирога, какъ Мартынъ мыла!» Помилуйте, полковникъ, развѣ говорятъ такими фразами въ образованномъ обществѣ, тѣмъ болѣе въ высшемъ? Сказалъ ты это, или нѣтъ? говори!

— Ска-заль!... подтверждаетъ Фалалей, всхлипывая.

— Ну, такъ скажи же мнѣ теперь: развѣ Мартынъ ѣстъ мыло? Гдѣ именно ты видѣлъ такого Мартына, который ѣстъ мыло? Говори же! дай мнѣ понятіе объ этомъ феноменальномъ Мартынѣ!

Молчаніе.

— Я тебя спрашиваю, пристаешь Фома:— кто именно этотъ Мартынъ? Я хочу его видѣть, хочу съ нимъ познакомиться. Ну, кто же онъ? Регистраторъ, астрономъ, пошехонецъ, поэтъ, каптенармусъ, дворовый человѣкъ — кто-нибудь долженъ же быть. Отвѣчай!

— Дво-ро-тый че-ло-вѣкъ, отвѣчаетъ, наконецъ, Фалалей, продолжая плакать.

— Чей? чьихъ господъ?

Но Фалалей не умѣетъ сказать чьихъ господъ. Разумѣется, кончается тѣмъ, что Фома, въ-сердцахъ, убѣгаетъ изъ комнаты и кричитъ, что его обидѣли; съ генеральшей начинаются припадки, а дядя клянеть часъ своего рожденія, просить у всѣхъ прощенія и всю остальную часть дня ходитъ на цыпочкахъ въ своихъ собственныхъ комнатахъ.

Какъ нарочно случилось такъ, что на другой же день, послѣ исторіи съ мартиновымъ мыломъ, Фалалей, принеся утромъ чай Оомѣ Оомичу и совершенно успѣвъ забыть и Мартына и все вчерашнее горе, сообщилъ ему, что видѣлъ сонъ про бѣлаго быка. Этого еще не доставало! Оома Оомичъ пришелъ въ неописанное негодование, немедленно призвалъ дядю и началъ распекать его за неприличіе сна, видѣннаго *его* Фалалеемъ. Въ этотъ разъ были приняты строгія мѣры: Фалалей былъ наказанъ; онъ стоялъ въ углу на колѣняхъ. Настрого запрѣтили ему видѣть такіе грубые, мужицкіе сны. «Я за чтò сержусь», говорилъ Оома, «кромѣ того, что онъ, по настоящему, не долженъ бы смѣть и подумать дѣзть ко мнѣ съ своими снами, тѣмъ болѣе съ бѣлымъ быкомъ; кромѣ этого — согласитесь сами, полковникъ — чтò такое бѣлый быкъ, какъ не доказательство грубости, невѣжества, мужичества вашего неотесаннаго Фалалея? Каковы мысли, таковы и сны. Развѣ не говорилъ я заранѣе, что изъ него ничего не выйдетъ и что не слѣдовало оставлять его вверху, при господахъ? Никогда, никогда не разовьете вы эту бессмысленную, простонародную душу во что-нибудь возвышенное, поэтическое. Развѣ ты не можешь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Фалалею, развѣ ты не можешь видѣть во снѣ что-нибудь изящное, нѣжное, облагороженное, какую-нибудь сцену изъ хорошаго общества, на примѣръ, хотъ господъ, играющихъ въ карты, или дамъ, прогуливающихся въ прекрасномъ саду?» Фалалей обѣщалъ непремѣнно увидать въ слѣдующую ночь господъ или дамъ, гуляющихъ въ прекрасномъ саду.

Ложась спать, Фалалей со слезами молилъ объ этомъ Бога и долго думалъ какъ бы сдѣлать такъ, чтобъ не видѣть проклятаго бѣлаго быка? Но надежды человѣческія обманчивы. Проснувшись на другое утро, онъ съ ужасомъ вспомнилъ, что опять всю ночь ему снилось про ненавистнаго бѣлаго быка и не приснилось ни одной дамы, гуляющей въ прекрасномъ саду. Въ этотъ разъ послѣдствія были особенныя. Оома Оомичъ

объявилъ рѣшительно, что не вѣрить возможности подобнаго случая, возможности подобнаго повторенія сна, а что Фалалей нарочно подученъ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ, а, можетъ-быть, и самимъ полковникомъ, чтобъ сдѣлать въ пику Фомѣ Фомичу. Много было крику, упрековъ и слезъ. Генеральша къ вечеру захворала; весь домъ повѣсилъ носъ. Оставалась еще слабая надежда, что Фалалей въ слѣдующую, то-есть въ третью ночь, непременно увидитъ что-нибудь изъ высшаго общества. Каково же было всеобщее негодованіе, когда цѣлую недѣлю сряду, каждую Божию ночь, Фалалей постоянно видѣлъ бѣлаго быка и одного только бѣлаго быка! О высшемъ обществѣ нечего было и думать.

Но всего интереснѣе было то, что Фалалей никакъ не могъ догадаться солгать: просто сказать, что видѣлъ не бѣлаго быка, а хоть, напримѣръ, карету, наполненную дамами и Фомой Фомичемъ; тѣмъ болѣе, что солгать, въ такомъ крайнемъ случаѣ, было даже и не такъ грѣшно. Но Фалалей былъ до-того правдивъ, что рѣшительно не умѣлъ солгать, еслибъ даже и захотѣлъ. Объ этомъ даже и не намекали ему. Всѣ знали, что онъ измѣнитъ себѣ въ первое же мгновеніе, и что Фома Фомичъ тотчасъ же поймаетъ его во жи. Чтѣ было дѣлать? Положеніе дяди становилось невыносимымъ: Фалалей былъ рѣшительно неисправимъ. Бѣдный мальчикъ даже сталъ худѣть отъ тоски. Ключница Маланья утверждала, что его испортили и спрыснула его съ уголька водою. Въ этой полезной операціи участвовала и сердобольная Прасковья Ильинична. Но даже и это не помогло. Ничего не помогало.

— Да пусто-бъ его взяло, треклятаго! рассказывалъ Фалалей: — каждую ночь снится! каждый разъ съ вечера молюсь: «сонъ не снись про бѣлаго быка, сонъ не снись про бѣлаго быка!» А онъ тутъ какъ тутъ, проклятый, стоитъ передо мной, большой съ рогами, тупогубый такой, у-у-у!

Дядя былъ въ отчаяніи. Но, къ-счастью, Фома Фомичъ вдругъ какъ-будто забылъ про бѣлаго быка. Конечно, никто

не вѣрилъ, что Ома Омичъ можетъ забыть о такомъ важномъ обстоятельстве. Всѣ со страхомъ полагали, что онъ приберегаетъ бѣлаго быка про запасъ и обнаружитъ его при первомъ удобномъ случаѣ. Впослѣдствіи оказалось, что Омѣ Омичу въ это время было не до бѣлаго быка: у него случились другія дѣла, другія заботы; другіе замыслы созрѣвали въ полезной и многодумной его головѣ. Вотъ почему онъ и далъ спокойно отдохнуть Оалалею. Вмѣстѣ съ Оалалеемъ и всѣ отдохнули. Парень повеселѣлъ, даже сталъ забывать о прошедшемъ; даже бѣлый быкъ началъ появляться рѣже-ирѣже, хотя все еще напоминалъ иногда о своемъ фантастическомъ существованіи. Словомъ, все бы пошло хорошо, еслибъ не было на свѣтѣ комаринскаго.

Надобно замѣтить, что Оалалей отлично плясалъ; это была его главная способность, даже нѣчто въ родѣ призванія; онъ плясалъ съ энергіей, съ неистощимой веселостью, но особенно любилъ онъ комаринскаго мужика. Не то, чтобъ ему ужъ такъ очень нравились легкомысленные и, во всякомъ случаѣ, необъяснимые поступки этого вѣтреннаго мужика — нѣтъ, ему нравилось плясать комаринскаго единственно потому, что слушать комаринскаго и не плясать подъ эту музыку было для него рѣшительно-невозможно. Иногда, по вечерамъ, два-три лакея, кучера, садовникъ, игравшій на скрипкѣ, и даже нѣсколько дворовыхъ дамъ собиравсь въ кружокъ, гдѣ-нибудь на самой задней площадкѣ барской усадьбы, подальше отъ Оомы Омича; начиналась музыка, танцы и, подъ-конецъ, торжественно вступалъ въ свои права и комаринскій. Оркестръ составляли двѣ балалайки, гитара, скрипка и бубень, съ которымъ отлично управлялся форейторъ Матюшка. Надо было посмотреть, что дѣлалось тогда съ Оалалеемъ: онъ плясалъ до забвенья самаго себя, до истощенія послѣднихъ силъ, поощряемый криками и смѣхомъ публики; онъ взвизгивалъ, кричалъ, хохоталъ, хлопалъ въ ладони; онъ плясалъ, какъ-будто увлекаемый постороннею, непостижимою силою, съ которой не могъ совладать, и упрямо

сиделся догнать все болѣе-и-болѣе учащаемый темпъ удалого мотива, выбивая по землѣ каблуками. Это были минуты истиннаго его наслажденія; и все бы это шло хорошо и весело, еслибъ слухъ о комаринскомъ не достигъ, наконецъ, Оомы Оомича.

Оома Оомпчъ обмеръ и тотчасъ же послалъ за полковникомъ.

— Я хотѣлъ отъ васъ только объ одномъ узнать, полковникъ, началъ Оома: — совершенно ли вы поклялись погубить этого несчастнаго идиота, или несовершенно? Въ первомъ случаѣ я тотчасъ же отстраняюсь; если же не совершенно, то я..

— Да что такое? что случилось? вскричалъ испуганный дядя.

— Какъ, что случилось? Да знаете ли вы, что онъ пляшетъ комаринскаго?

— Ну... ну, что жь?

— Какъ, ну, что жь? взвизгнулъ Оома. И говорите это вы— вы, ихъ баринъ и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, отецъ! Да имѣете ли вы, послѣ этого, здравое понятіе о томъ, что такое комаринскій? Знаете ли вы, что эта пѣсня изображаетъ одного отвратительнаго мужика, покусившагося на самый безнравственный поступокъ, въ пьяномъ видѣ? Знаете ли, на что посягнулъ этотъ развратный холопъ? Онъ попраля самыя драгоцѣнныя узы и, такъ сказать, притопталъ ихъ своими мужичьими сапожищами, привыкшими попирать только полъ кабака? Да понимаете ли, что вы оскорбили благороднѣйшія чувства мои своимъ отвѣтомъ? Понимаете ли, что вы лично оскорбили меня своимъ отвѣтомъ? Понимаете ли вы это, пль нѣтъ?

— Но, Оома... Да вѣдь это только пѣсня, Оома...

— Какъ, только пѣсня! И вы не постыдились мнѣ признаться, что знаете эту пѣсню — вы, членъ благороднаго общества, отецъ благонравныхъ и невинныхъ дѣтей и, вдобавокъ, полковникъ! Только пѣсня! Но я увѣренъ, что эта

пѣсня взята съ истиннаго событія! Только пѣсня! Но какой же порядочный человѣкъ можетъ, не сгорѣвъ отъ стыда, признаться, что знаетъ эту пѣсню, что слышалъ хоть когда-нибудь эту пѣсню? какой, какой?

— Ну, да вотъ ты же знаешь, Оома, коли спрашиваешь, отвѣчалъ, въ простотѣ души, сконфуженный дядя.

— Какъ! я знаю? я... я... то-есть я!... Обидѣли! вскричалъ вдругъ Оома, срываясь со стула и захлѣбываясь отъ злости. Онъ никакъ не ожидалъ такого оглушительнаго отвѣта.

Не стану описывать гнѣвъ Оомы Оомича. Полковникъ съ безславіемъ прогнанъ былъ съ глазъ блюстителя нравственности за неприличіе и *ненаходчивость* своего отвѣта. Но съ-этихъ-поръ Оома Оомичъ далъ себѣ клятву: поймать на мѣстѣ преступленія Оалалея, танцующаго комаринскую. По вечерамъ, когда всѣ полагали, что онъ чѣмъ-нибудь занятъ, онъ нарочно выходилъ потихоньку въ садъ, обходилъ огороды и забивался въ коноплю, откуда издали видна была площадка, на которой происходили танцы. Онъ сторожилъ бѣднаго Оалалея, какъ охотникъ птичку, съ наслажденіемъ представляя себѣ, какой трезвонъ задастъ онъ, въ случаѣ успѣха, всему дому, и въ-особенности полковнику. Наконецъ неусыпные труды его увѣнчались успѣхомъ: онъ засталъ комаринскаго! Понятно, послѣ этого, отчего дядя рвалъ на себѣ волосы, когда увидѣлъ плачущаго Оалалея и услышалъ, что Видоплясовъ возвѣстилъ Оому Оомича, такъ неожиданно и въ такую хлопотливую минуту представшаго передъ нами, своею собственною собою.

VIII.

Θομα Θομичъ.

Я съ напряженнымъ любопытствомъ разсматривалъ этого господина. Гаврила справедливо назвалъ его плюгавенькимъ человѣчкомъ. Θομα былъ малъ ростомъ, бѣлобрысый и съ просѣдью, съ горбатымъ носомъ и съ мелкими морщинками по всему лицу. На подбородкѣ его была большая бородавка. Лѣтъ ему было подъ-пятьдесятъ. Онъ вошелъ тихо, мѣрными шагами, опустивъ глаза внизъ. Но самая нахальная самоувѣренность изображалась въ его лицѣ и во всей его педантской фигурѣ. Къ удивленію моему, онъ явился въ шлафрокѣ, правда, иностраннаго покроя, но все-таки въ шлафрокѣ, и, въдобавокъ, въ туфляхъ. Воротничокъ его рубашки, неподвязанный галстухомъ, былъ отложенъ à l'enfant; это придавало Θομѣ Θομичу чрезвычайно-глупый видъ. Онъ подошелъ къ незанятому креслу, придвинулъ его къ столу и сѣлъ, не сказавъ никому ни слова. Мгновенно исчезла вся суматоха, все волненіе, бывшее за минуту назадъ. Все притихло такъ, что можно было слышать пролетѣвшую муху. Генеральша присмирѣла, какъ агнецъ. Все подобострастіе этой бѣдной идиотки передъ Θοмой Θοмичемъ выступило теперь наружу. Она не наглядѣлась на свое нещечко, впиалась въ него глазами. Дѣвица Перепелицына, ослабляясь, потирала свои ручки, а бѣдная Прасковья Ильинична замѣтно дрожала отъ страха. Дядя немедленно захопоталъ.

— Чаю, чаю, сестрица! Послаще только, сестрица, Θοма Θομичъ послѣ сна любить чай послаще. Вѣдь тебѣ послаще, Θοма?

— Не до чаю мнѣ вашего теперь! проговорилъ Оома, медленно и съ достоинствомъ, съ озабоченнымъ видомъ махнувъ рукой. Вамъ бы все, что послаще!

Эти слова и смѣшной до-нельзя, по своей педантской важности, входъ Оомы чрезвычайно заинтересовали меня. Мнѣ любопытно было узнать до чего, до какого забвенія приличій дойдетъ, наконецъ, наглость этого зазнавашагося господчика.

— Оома! крикнулъ дядя — рекомендую: племянникъ мой Сергѣй Александрычъ! сейчасъ пріѣхалъ.

Оома Оомичъ обмѣрилъ его съ ногъ до головы.

— Удивляюсь я, что вы всегда какъ-то систематически любите перебивать меня, полковникъ, проговорилъ онъ послѣ значительнаго молчанія, не обративъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Вамъ о дѣлѣ говорить, а вы Богъ-знаетъ о чемъ.. *трактуете...* Видѣли вы Фалалея?

— Видѣлъ, Оома...

— А, видѣли! Ну такъ я вамъ его опять покажу, коли видѣли. Можете полюбоваться на ваше произведеніе... въ нравственномъ смыслѣ. Поди сюда, идиотъ! поди сюда, голландская ты рожа! Ну же, иди! Не бойся!

Фалалей подошелъ, всхлипывая, раскрывъ ротъ и глотая слезы. Оома Оомичъ смотрѣвъ на него съ наслажденіемъ.

— Съ намѣреніемъ назвалъ я его голландской рожей, Павелъ Семенычъ, замѣтилъ онъ, развалясь въ креслѣ и слегка поворотясь къ сидѣвшему рядомъ Обноскину:— да и вообще, знаете, не нахожу нужнымъ смягчать свои выраженія ни въ какомъ случаѣ. Правда должна быть правдой. А чѣмъ ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью. Что жъ и трудиться, смягчать? себя и людей обманывать! Только въ глупой свѣтской башкѣ могла зародиться потребность такихъ бессмысленныхъ приличій. Скажите— беру васъ судьей— находите вы въ этой рожѣ прекрасное? Я разумѣю высокое, прекрасное, возвышенное, а не какую-нибудь красную харю?

Оома Оомичъ говоритъ тихо, мѣрно и съ какимъ-то величавымъ равнодушіемъ.

— Въ немъ прекрасное? отвѣчалъ Обноскинъ съ какою-то нахальною небрежностью. Миѣ кажется, это просто порядочный кусокъ ростбифа — и ничего больше...

— Подхожу сегодня къ зеркалу и смотрюсь въ него, продолжалъ Оома, торжественно пропуская мѣстоименіе я. Далеко не считаю себя красавцемъ, но по неволѣ пришелъ къ заключенію, что есть же что-нибудь въ этомъ сѣромъ глазѣ, что отличаетъ меня отъ какого-нибудь Оалалея. Это мысль, это жизнь, это умъ въ этомъ глазѣ! Не хвалюсь именно собою. Говорю вообще о нашемъ сословіи. Теперь, какъ вы думаете, можетъ ли быть хоть какой-нибудь клочокъ, хоть какой-нибудь отрывокъ души въ этомъ живомъ бифстексѣ? Нѣтъ, въ-самомъ-дѣлѣ, замѣтьте Павелъ Семенычъ, какъ у этихъ *людей*, совершенно-лишенныхъ мысли и идеала, и ѣдящихъ одну говядину, какъ у нихъ всегда отвратительно-свѣжъ цвѣтъ лица, грубо и глупо-свѣжъ! Угодно вамъ узнать степень его мышленія? Эй, ты, статья! подойди же поближе, дай на себя полюбоваться! Что ты ротъ разинулъ? кита, что ли, проглотить хочешь? Ты прекрасенъ? Отвѣчай: ты прекрасенъ?

— Прек-ра-сенъ! отвѣчалъ Оалалей, съ заглушенными рыданіями.

Обноскинъ покотился со смѣху. Я чувствовалъ, что начинаю дрожать отъ злости.

— Вы слышали? продолжалъ Оома, съ торжествомъ обращаясь къ Обноскину. — То ли еще услышите! Я пришелъ ему сдѣлать экзаменъ. Есть, видите ли, Павелъ Семенычъ, люди, которымъ желательно развратить и погубить этого жалкаго идиота. Можетъ-быть, я строго сужу, ошибаюсь; но я говорю изъ любви къ человѣчеству. Онъ плясалъ сейчасъ самый неприличный изъ танцевъ. Никому здѣсь до этого нѣтъ и дѣла. Но вотъ сами послушайте. — Отвѣчай, что ты дѣлалъ сейчасъ? отвѣчай же, отвѣчай немедленно — слышишь?

— Пля-салъ... проговорилъ Оалалей, усиливая рыданія.

— Что же ты плясалъ? какой танецъ? говори же!

— Комаринскаго...

— Комаринскаго! А кто этотъ комаринскій? Что такое комаринскій? Развѣ я могу понять что-нибудь изъ такого отвѣта? Ну же, дай намъ понятіе: кто такой твой комаринскій?

— Мужикъ...

— Мужикъ! только мужикъ? Удивляюеь! Значить, замѣчательный мужикъ! значить, это какой-нибудь знаменитый мужикъ, если о немъ уже сочиняются поэмы и танцы? Ну, отвѣчай же!

Тянуть жилы была потребность Омы. Онъ заигрывалъ съ своей жертвой, какъ кошка съ мышкой. Но Фалалей молчить, хнычетъ и не понимаетъ вопроса.

— Отвѣчай же! настаиваетъ Ома, — тебя спрашиваютъ: какой это мужикъ? говори же!... господскій ли, казенный ли, вольный, обязанный, экономическій? Много есть мужиковъ...

— Э-ко-но-ми-ческій...

— А, экономическій! Слышите, Павелъ Семенычъ? новый историческій фактъ: комаринскій мужикъ — экономическій. Гм!... Ну, что же сдѣлалъ этотъ экономическій мужикъ? за какіе подвиги его такъ воспѣваютъ и... выплясываютъ?

Вопросъ былъ щекотливый, а такъ-какъ относился къ Фалалею, то и опасный.

— Ну... вы... однакожь... замѣтилъ-было Обноскинъ, взглянувъ на свою маменьку, которая начинала какъ-то особенно повертываться на диванѣ. Но что было дѣлать? капризы Омы Омича считались законами.

— Помилуйте, дядюшка, если вы не уймете этого дурака, вѣдь онъ... Слышите до чего онъ добирается? — Фалалей что-нибудь совреть, увѣряю васъ... шепнулъ я дядѣ, который потерялся и не зналъ на что рѣшиться.

— Ты бы, однакожь, Ома... началъ онъ, — вотъ я рекомендую тебѣ, Ома, мой племянникъ, молодой человѣкъ, занимался минералогіей...

— Я васъ прошу, полковникъ, не перебивайте меня съ вашей минералогіей, въ которой вы, сколько мнѣ извѣстно,

ничего не знаете, а, можетъ-быть, и *другіе* тоже. Я не ребенокъ. Онъ отвѣтитъ мнѣ, что этотъ мужикъ, вмѣсто того, чтобъ трудиться для блага своего семейства, напился пьянъ, пропилъ въ кабакѣ полушубокъ и пьяный побѣждалъ по улицѣ. Въ этомъ, какъ извѣстно, и состоитъ содержаніе всей этой поэмы, восхваляющей пьянство. Не безпокойтесь, онъ *теперь* знаетъ, что ему отвѣчать. — Ну, отвѣчай же: что сдѣлалъ этотъ мужикъ? вѣдь я тебѣ подсказалъ, въ ротъ положилъ. Я именно отъ самого тебя хочу слышать, что онъ сдѣлалъ, чѣмъ прославился, чѣмъ заслужилъ такую безсмертную славу, что его уже воспѣваютъ трубадуры? Ну!

Несчастный Фалалей, въ тоскѣ, озирался кругомъ и, въ неудоумѣнны, что сказать, открывалъ и закрывалъ ротъ; какъ карась, вытасенный изъ воды на песокъ.

— Стыдно ска-зать! промычалъ онъ, наконецъ, въ совершенномъ отчаяніи.

— А! стыдно сказать! подхватилъ Оома торжествуя. — Вотъ, этого-то отвѣта я и добивался, полковникъ! Стыдно сказать, а не стыдно дѣлать? Вотъ нравственность, которую вы посяали, которая взошла и которую вы теперь... поливаете. Но нечего терять слова! Ступай теперь на кухню, Фалалей. Теперь я тебѣ ничего не скажу, изъ уваженія къ публикѣ; но сегодня же ты будешь жестоко и больно наказанъ. Если же нѣтъ, если и въ этотъ разъ меня на тебя промѣняютъ, то ты оставайся здѣсь и утѣшай своихъ господъ комаринскимъ, а я сегодня же выйду изъ этого дома! Довольно! Я сказалъ. Ступай!

— Ну, ужъ вы, кажется, строго... промямлилъ Обноскинъ.

— Именно, именно, именно!... крикнулъ-было дядя, но оборвался и замолчалъ. Оома мрачно на него покосился.

— Удивляюсь я, Павелъ Семенычъ, продолжалъ онъ: — что жъ дѣлаютъ послѣ этого всѣ эти современные литераторы, поэты, ученые, мыслители? Какъ не обратятъ они вниманія на то, какія пѣсни поетъ русскій народъ и подъ какія пѣсни пляшетъ русскій народъ? Что жъ дѣлали досихъ-поръ всѣ

эти Пушкины, Лермонтовы, Бороздны. Удивляюсь! Народъ пляшетъ комаринскаго, эту апопееозу пьянства, а они воспѣваютъ какія-то незабудочки! Зачѣмъ же не напишутъ они болѣе-благонравныхъ пѣсенъ для народнаго употребленія и не бросятъ свои незабудочки? Это социальный вопросъ! Пусть изобразятъ они мнѣ мужика, но мужика облагороженнаго, такъ-сказать, селянина, а не мужика. Пусть изобразятъ этого сельскаго мудреца въ простотѣ своей, пожалуй, хоть даже въ лаптяхъ — я и на это согласенъ — но преисполненнаго добродѣтелями, которымъ — я это смѣло говорю — можетъ позавидовать даже какой-нибудь слишкомъ-прославленный Александръ Македонскій. Я знаю Русь и Русь меня знаетъ: потому и говорю это. Пусть изобразятъ этого мужика, пожалуй, обремененнаго семействомъ и сѣдиною, въ душевной избѣ, пожалуй, еще голоднаго, но довольнаго, неропщущаго, но благословляющаго свою бѣдность и равнодушнаго къ золоту богача. Пусть самъ богачъ, въ умиленіи души, принесетъ ему, наконецъ, свое золото; пусть даже, при этомъ случаѣ, произойдетъ соединеніе добродѣтели мужика съ добродѣтелями его барина и, пожалуй, еще вельможи. Селянинъ и вельможа, столь-разъединенные на ступеняхъ общества, соединяются, наконецъ, въ добродѣтеляхъ — это высокая мысль! А то, что мы видимъ? Съ одной стороны незабудочки, а съ другой — выскочилъ изъ кабака и бѣжитъ по улицѣ въ растерзанномъ видѣ! Ну, что жь, скажите, тутъ поэтическаго? чѣмъ любоваться? гдѣ умъ? гдѣ грація? гдѣ нравственность? Недоумѣваю!

— Сто рублей я тебѣ долженъ, Ома Омичъ, за такія слова! проговорилъ Ежевикинъ съ восхищеннымъ видомъ.

— А вѣдь чорта лысаго съ меня и получить, прошепталъ онъ мнѣ потихоньку. — Польсти, польсти!

— Ну да... это вы хорошо изобразили, проямдилъ Обноскинъ.

— Именно, именно, именно! вскрикнулъ дядя, слушавшій съ глубочайшимъ вниманіемъ и глядѣвшій на меня съ торжествомъ.

— Тэма-то какая завязалась! шепнулъ онъ, потирая руки. — Многосторонній разговоръ, чортъ возьми! Ома Омичъ, вотъ мой племянникъ, прибавилъ онъ отъ избытка чувствъ. — Онъ тоже занимается литературой — рекомендую.

Ома Омичъ, какъ и прежде, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на рекомендацію дяди.

— Ради Бога не рекомендуйте меня болѣе! я васъ серьезно прошу, шепнулъ я дядѣ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Иванъ Ивановичъ! началъ вдругъ Ома, обращаясь къ Мизинчикову и пристально смотря на него: — вотъ, мы теперь говорили: какого вы мнѣнія?

— Я? вы меня спрашиваете? еъ удивленіемъ отозвался Мизинчиковъ съ такимъ видомъ, какъ-будто его только-что разбудили.

— Дѣ вы-съ. Спрашиваю васъ потому, что дорожу мнѣніемъ истинно-умныхъ людей, а не какихъ-нибудь проблематическихъ умниковъ, которые умны потому только, что ихъ *безпрестанно рекомендуютъ* за умниковъ, за *ученыхъ*, а иной разъ и нарочно выписываютъ, чтобъ показывать ихъ въ балаганѣ, или въ родѣ того.

Камень былъ пущенъ прямо въ мой огородъ. И, однакожъ, не было сомнѣнія, что Ома Омичъ, не обращавшій на меня никакого вниманія, завелъ весь этотъ разговоръ о литературѣ единственно для меня, чтобъ ослѣпить, уничтожить, раздавить съ перваго шага петербургскаго ученаго, умника. Я, по-крайней-мѣрѣ, не сомнѣвался въ этомъ.

— Если вы хотите знать мое мнѣніе, то я... я съ вашимъ мнѣніемъ согласенъ, отвѣчалъ Мизинчиковъ вяло и нѣхотя.

— Вы все со мной согласны! даже тошно становится, замѣтилъ Ома. — Скажу вамъ откровенно, Павелъ Семенычъ, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, снова обращаясь къ Обноскину: — если я и уважаю за что безсмертнаго Карамзина, то это не за исторію, не за «Марей-Посадницу», не за «старую и новую Россію», а именно за то, что онъ написалъ «Фрола Силина»: это высокій эпосъ! это произве-

деніе чисто-народное и не умереть во-вѣки-вѣковъ! Высочайшій эпосъ!

— Именно, именно, именно! высокая *эпоха!* Флоръ Силинъ благодѣтельный человѣкъ! Помню; читалъ, *еще* выкупилъ двухъ дѣвокъ, а потомъ смотрѣлъ на небо и плакалъ. Возвышенная черта, поддакнулъ дядя, сіяя отъ удовольствія.

Бѣдный дядя! онъ никакъ не могъ удержаться, чтобъ не ввязаться въ *ученый* разговоръ. Ома злобно улыбнулся, но промолчалъ.

— Впрочемъ, и теперь пишутъ занимательно, осторожно вмѣшалась Анѣиса Петровна. Вотъ, на примѣръ, «Брюссельскія тайны».

— Не скажу-съ, замѣтилъ Ома, какъ-бы съ сожалѣніемъ.— Читалъ я недавно одну изъ поэмъ.... Ну, что! «Незабудочки!» А если хотите, изъ новѣйшихъ мнѣ болѣе всѣхъ нравится «Переписчикъ» — легкое перо!

— «Переписчикъ!» вскрикнула Анѣиса Петровна: — это тотъ, который пишеть въ журналъ письма? Ахъ, какъ это восхитительно! какая игра словъ!

— Именно игра словъ. Онъ, такъ-сказать, играетъ перомъ. Необыкновенная легкость пера!

— Да; но онъ педантъ, небрежно замѣтилъ Обноскинъ.

— Педантъ, педантъ — не спорю; но милый педантъ, но граціозный педантъ! Конечно, ни одна изъ идей его не выдержитъ основательной критики; но увлекаешься легкостью! Пустословъ — согласенъ; но милый пустословъ, но граціозный пустословъ! Помните, на примѣръ, онъ объявляетъ публикѣ въ литературной статьѣ, что у него есть свои помѣстья?

— Помѣстья? подхватилъ дядя: — это хорошо! Которой губерніи?

Ома остановился, пристально посмотрѣлъ на дядю и продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Ну, скажите, ради здраваго — смысла: для чего мнѣ, читателю, знать, что у него есть помѣстья? Есть — такъ и поздравляю васъ съ этимъ! Но, какъ мило, какъ это шутивно

описано! Онъ блещеть остроуміемъ, онъ кипить! Это какой-то нарзанъ остроумія! Да, вотъ какъ надо писать! Миѣ, кажется, я бы именно такъ писалъ, еслибъ согласился писать въ журналахъ..

— Можетъ, и лучше еще-съ, почтительно замѣтилъ Ежовкинъ.

— Даже что-то мелодическое въ слогѣ! поддакнулъ дядя.—
 Ома Омичъ наконецъ не вытерпѣлъ.

— Полковникъ, сказалъ онъ, — нельзя ли васъ попросить — конечно, со всевозможною деликатностью — не мѣшать намъ и позволить намъ въ покоѣ докончить нашъ разговоръ. Вы не можете судить въ нашемъ разговорѣ — не можете! Не разстраивайте же нашей пріятной литературной бесѣды. Занимайтесь хозяйствомъ, пейте чай, но... оставьте литературу въ покоѣ. Она отъ этого не проиграетъ — увѣрю васъ!

Это уже превышало верхъ всякой дерзости! Я не зналъ, что подумать.

— Да вѣдь ты же самъ, Ома, говорилъ, что мелодическое, съ тоскою прознесъ сконфуженный дядя.

— Такъ-съ. Но я говорилъ съ знаніемъ дѣла, я говорилъ кстати, а вы?

— Да-съ, мы-то съ умомъ говорили-съ, подхватилъ Ежовкинъ, увиваясь около Омы Омича. Ума-то у насъ такъ немножко-съ, занимать приходится, развѣ-развѣ, что на два министерства хватить, а нѣтъ, такъ мы и съ третьимъ управимся — вотъ какъ у насъ!

— Ну, значитъ опять совралъ! заключилъ дядя и улыбнулся своей добродушной улыбкою.

— По-крайнѣй-мѣрѣ сознаетесь, замѣтилъ Ома.

— Ничего, ничего, Ома, я не сержусь. Я знаю, что ты, какъ другъ, меня останавливаешь, какъ родной, какъ братъ. Это я самъ позволилъ тебѣ, даже просилъ объ этомъ. Это дѣльно, дѣльно! это для моей же пользы! Благодарю и воспользуюсь!

Терпѣніе мое истощалось. Все, что я до-сихъ-поръ по слу-

хамъ зналъ о Томѣ Томичѣ, казалось мнѣ нѣсколько-преувеличеннымъ. Теперь же, когда я увидѣлъ все самъ, на-дѣлѣ, изумленію моему не было предѣловъ. Я не вѣрилъ себѣ; я понять не могъ такой дерзости, такого нахальнаго самовластія съ одной стороны и такого добровольнаго рабства, такого легко-вѣрнаго добродушія съ другой. Впрочемъ, даже и дядя былъ смущенъ такю дерзостью. Это было видно... Я горѣлъ желаніемъ какъ-нибудь связаться съ Томой, сразиться съ нимъ, какъ-нибудь нагробить ему, поазартиће — а тамъ что бы ни было! Эта мысль одушевила меня. Я искалъ случая и, въ ожиданіи, совершенно обломалъ полъ моей шляпы. Но случай не представлялся: Тома рѣшительно не хотѣлъ замѣчать меня.

— Правду, правду ты говоришь, Тома, продолжалъ дядя, всѣми силами стараясь понравиться и хоть чѣмъ-нибудь замѣять непріятность предыдущаго разговора. Это ты правду рѣжешь, Тома. Благодарю. Надо знать дѣло, а потомъ ужъ и разсуждать о немъ. Каюсь! Я уже не разъ бывалъ въ такомъ положеніи. Представь себѣ, Сергѣй, я одинъ разъ даже экзаменовалъ.... Вы смѣтаетесь! Ну, вотъ, подите! ей-Богу экзаменовалъ, да и только. Пригласили меня въ одно заведеніе на экзамень, да и посадили вмѣстѣ съ экзаменаторами, такъ, для почоту, лишнее мѣсто было. Такъ я, признаюсь тебѣ, даже струсилъ, страхъ какой-то напалъ: рѣшительно ни одной науки не знаю! Что дѣлать! Вотъ-вотъ, думаю, самого къ доскѣ потянуть! Ну, а потомъ ничего, обошлось; даже самъ вопросы задавалъ, спросилъ: кто былъ Ной? Вообще, превосходно отвѣчали; потомъ завтракали и за процвѣтаніе пили шампанское. Отличное заведеніе!

Тома Томичъ и Обноскинъ покатались со смѣху.

— Да я и самъ потомъ смѣялся, крикнулъ дяди, смѣясь добродушнѣйшимъ образомъ и радуясь, что всѣ развеселились. — Нѣтъ, Тома, ужъ куда ни шло! распотѣшу я васъ всѣхъ, разскажу, какъ я одинъ разъ срѣзался. Вообрази, Сергѣй, стояли мы въ Красногорскѣ...

— Позвольте васъ спросить, полковникъ, долго вы будете рассказывать вашу исторію? перебилъ Оома.

— Ахъ, Оома! да вѣдь это чудеснѣйшая исторія; просто лопнуть со смѣху нужно. Ты только послушай: это хорошо, ей-Богу хорошо. Я расскажу, какъ я сръзался.

— Я всегда съ удовольствіемъ слушаю ваши исторіи, когда онѣ въ этомъ родѣ, проговорилъ Обноскинъ, зѣвая.

— Нечего дѣлать, приходится слушать, рѣшилъ Оома.

— Да вѣдь, ей-Богу же, будетъ хорошо, Оома. Я хочу рассказать, какъ я одинъ разъ сръзался, Анфиса Петровна. Послушай и ты, Сергѣй, это поучительно даже. Стояли мы въ Красногорскѣ (началь дядя, сіяя отъ удовольствія, скороговоркой и торопясь, съ безчисленными вводными предложеніями, что было съ нимъ всегда, когда онъ начиналъ что-нибудь рассказывать для удовольствія публики). Только-что пришли, въ тотъ же вечеръ отправляюсь въ спектакль. Превосходнѣйшая актриса. была Куропаткина; потомъ еще съ штабъ-ротмистромъ Звѣрковымъ бѣжала и пьесы не доиграла; такъ занавѣсъ и опустили... То-есть бестія былъ этотъ Звѣрковъ, и попить и въ картины заняться, и не то чтобы пьяница, а такъ, готовъ съ товарищами раздѣлить минуту. Но какъ запеть настоящимъ образомъ, такъ ужь тутъ все забылъ: гдѣ живетъ, въ какомъ государствѣ, какъ самого зовутъ? — словомъ, рѣшительно все; но въ-сущности превосходнѣйшій малый... Ну-съ, сижу я въ театрѣ. Въ антрактѣ встаю и сталкиваюсь съ прежнимъ товарищемъ, Корноуховымъ... Я вамъ скажу, единственный малый. Лѣтъ, правда, шесть мы ужь тогда не видались. Ну, былъ въ кампаніи, увѣшанъ крестами; теперь, слышалъ, недавно, уже дѣйствительный статскій; въ статскую службу перешелъ, до большихъ чиновъ дослужился... Ну, разумѣется, обрадовался. То-да-се. А рядомъ съ нами въ ложѣ сидятъ три дамы; та, которая слѣва, рожа, какихъ свѣтъ не производилъ.... Послѣ узналъ, превосходнѣйшая женщина, мать семейства, осчастливила мужа... Ну-съ, вотъ я, какъ дуракъ, и брякъ Корноухову:

«Скажи, братъ, не знаешь ли, что это за чучело выѣхала?» — «Которая это?» — «Да эта.» — «Да это моя двоюродная сестра.» — Тѣфу, чортъ! Судите о моемъ положеніи! Я, чтобъ поправиться: — «Да нѣтъ, говорю, не эта. Экъ у тебя глаза! Вотъ та, которая оттуда сидитъ: кто эта?» — «Это моя сестра». — Тѣфу ты пропасть! А сестра его, какъ нарочно, розанчикъ-розанчикомъ, примилушка; такъ разодѣта: брошки, перчаточки, браслетики — словомъ сказать, сидитъ херувимчикомъ; послѣ вышла замужъ за превосходнѣйшаго человѣка, Пыхтина; она съ нимъ бѣжала, обвинялись безъ спросу; ну, а теперь все это какъ слѣдуетъ: и богато живутъ; отцы не нарадуются!... Ну-съ, вотъ: «Да нѣтъ!» кричу, а самъ не знаю куда провалиться — «не эта!» — «Вотъ въ серединѣ то которая?» — «Да, въ серединѣ.» — «Ну, братъ, это жена моя.»... Между нами: объяденіе, а недомочка! то-есть такъ бы и проглотилъ ее всю цѣликомъ отъ удовольствія.... — «Ну, говорю, видалъ ты когда-нибудь дурака? Такъ вотъ онъ, передъ тобой, и голова его тутъ же: руби, не жалѣй!» Смѣется. Послѣ спектакля меня познакомилъ и, должно быть, рассказалъ, проказникъ. Что-то очень смѣялись! И признаюсь никогда еще такъ весело не проводилъ время. Такъ вотъ какъ иногда, братъ, Оома, можно срѣзаться! Ха-ха-ха-ха!

Но напрасно смѣялся бѣдный дядя, тщетно обводилъ онъ кругомъ свой веселый и добрый взглядъ: мертвое молчаніе было отвѣтомъ на его веселую исторію. Оома Оомичъ сидѣлъ въ мрачномъ безмолвіи, а за нимъ и всѣ; только Обноскинъ слегка улыбался, предвидя гонку, которую зададутъ дядѣ. Дядя сконфузился и покраснѣлъ. Того-то и желалось Оомѣ.

— Кончили-ль вы? спросилъ онъ, наконецъ, съ важностью обращаясь къ сконфуженному рассказчику.

— Кончилъ, Оома.

— И рады?

— То-есть, какъ это радъ, Оома? съ тоскою отвѣчалъ бѣдный дядя.

— Легче ли вамъ теперь? Довольны ли вы, что разстроили

приятную литературную бесѣду друзей, прервавъ ихъ и тѣмъ удовлетворивъ мелкое свое самолюбіе?

— Да полно же, Оома! Я васъ же всѣхъ хотѣлъ развеселить, а ты.

— Развеселить? вскричалъ Оома, вдругъ необыкновенно разгораясь: — но вы способны навести уныніе, а не развеселить. Развеселить! Но знаете ли, что ваша исторія была почти безнравственна? я уже не говорю: неприлична — это само-собой... Вы объявили сейчасъ, съ рѣдкою грубостью чувствъ, что смѣялись надъ невинностью, надъ благородной дворянкой, оттого только, что она не имѣла чести вамъ понравиться. И насъ же, насъ, хотѣли вы заставить смѣяться, то-есть поддакивать вамъ, поддакивать грубому и неприличному поступку, и все потому только, что вы хозяинъ этого дома! Воля ваша, полковникъ, вы можете сыскать себѣ прихлебателей, лизоблюдовъ, партнёровъ, можете даже ихъ выписывать изъ дальнихъ странъ и тѣмъ усиливать свою свиту, въ ущербъ прямодушію и откровенному благородству души; но никогда Оома Опискинъ не будетъ ни льстецомъ, ни лизоблюдомъ, ни прихлебателемъ вашимъ! Въ чемъ другомъ, а ужъ въ этомъ я васъ завѣряю!..

— Эхъ, Оома! не понялъ ты меня, Оома!

— Нѣтъ, полковникъ, я васъ давно раскусилъ; я васъ насквозь понимаю! Васъ гложетъ самое неограниченное самолюбіе; вы съ претензіями на недостижимую остроту ума, и забываете, что острота тупится о претензію. Вы..

— Да полно же, Оома, ради Бога! Постыдись хоть людей!..

— Да вѣдь грустно же видѣть все это, полковникъ, а видя, невозможно молчать. Я бѣденъ, я *проживаю* у вашей родительницы. Пожалуй, еще подумаютъ, что я лъщу вамъ моимъ молчаніемъ; а я не хочу, чтобъ какой-нибудь *молокососъ* могъ принять меня за вашего прихлебателя! Можетъ-быть, я, входя сюда давеча, даже нарочно усилилъ мою правдивую откровенность, нарочно принужденъ былъ дойти даже до грубости, именно потому, что вы сами ставите меня

въ такое положеніе. Вы слишкомъ надменны со мной, полковникъ. Меня могутъ счесть за вашего раба, за приживальщика. Ваше удовольствіе унижать меня передъ *незнакомыми*, тогда, какъ я вамъ равенъ, слышите ли? равенъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Можетъ-быть, даже я вамъ дѣлаю одолженіе тѣмъ, что живу у васъ, а не *вы* мнѣ. Меня унижаютъ; слѣдственно, я самъ долженъ себя хвалить—это естественно! Я не могу не говорить, долженъ немедленно протестовать, и потому прямо и просто объявляю вамъ, что вы феноменально завистливы! Вы видите, напримѣръ, что человѣкъ въ простомъ, дружескомъ разговорѣ невольно выказалъ свои познанія, начитанность, вкусъ: такъ вотъ ужъ вамъ и досадно, вамъ и неймется. «Дай же и я свои познанія и вкусъ выкажу!» А какой у васъ вкусъ, съ позволенія сказать? Вы въ изящномъ смыслите столько — извините меня полковникъ — сколько смыслить, напримѣръ, хотъ быкъ въ говядинѣ! Это рѣзко, грубо — сознаюсь, по крайней мѣрѣ, прямодушно и справедливо. Этого не услышите вы отъ вашихъ льстецовъ, полковникъ.

— Эхъ, Оома!

— То-то: «эхъ, Оома!» Видно, правда не пуховикъ. Ну, хорошо; мы еще потомъ поговоримъ объ этомъ, а теперь позвольте и мнѣ немного повеселить публику. Не все же вамъ однимъ отличаться. Павелъ Семеновичъ! видѣли ли вы это чудо морское въ человѣческомъ образѣ? Я ужъ давно его наблюдаю. Вглядитесь въ него вѣдь онъ съѣсть меня хочетъ, такъ-таки живьемъ, цѣликомъ!

Дѣло шло о Гаврилѣ. Старый слуга стоялъ у дверей и дѣйствительно съ прискорбіемъ смотрѣлъ, какъ распекали его барина.

— Хочу и я васъ потѣшить спектаклемъ, Павелъ Семеновичъ. — Эй, ты, ворона, пошелъ сюда! Да удостойте подвинуться поближе, Гаврила Игнатьичъ! — Это, вотъ видите ли, Павелъ Семеновичъ, Гаврила; за грубость и въ наказаніе изучаетъ французскій діалектъ. Я, какъ Орфей, смягчаю

здѣшніе нравы, только не пѣснями, а французскимъ діалектомъ. — Ну, французъ, мусью шематонъ — терпѣть не можетъ, когда говорятъ ему: мусью шематонъ — знаешь урокъ?

— Вытвердилъ, отвѣчалъ, повѣсивъ голову, Гаврила.

— А парлэ-ву-франсэ?

— Вуй мусье, же-ле-парль-эн-пе.

Не знаю, грустная ли фигура Гаврилы, при произношеніи французской фразы, была причиною, или предугадывалось всѣми желаніе Оомы, чтобъ всѣ засмѣялись, но только всѣ такъ и покатались со-смѣху, лишь только Гаврила пошевелилъ языкомъ. Даже генеральша изволила засмѣяться. Ан-фиса Петровна, упавъ на спинку дивана, взвизгивала, закрываясь вѣеромъ. Смѣшнѣе всего показалось то, что Гаврила, видя во что превратился экзамень, не выдержалъ, плюнулъ и съ укоризною произнесъ: «Вотъ до какого сраму дожилъ на старости лѣтъ!»

Оома Оомичъ встрепенулся.

— Чтѣ? чтѣ ты сказалъ? Грубіянить вздумалъ?

— Нѣтъ, Оома Оомичъ, съ достоинствомъ отвѣчалъ Гаврила: — не грубіянство слова мои и не слѣдъ мнѣ, холопу, передъ тобой, природнымъ господиномъ, грубіянить. Но всякъ человѣкъ образъ Божій на себѣ носитъ, образъ его и подобіе. Мнѣ уже шестьдесятъ-третій годъ отъ роду. Отецъ мой Пугачева-изверга помнитъ, а дѣда моего, вмѣстѣ съ бариномъ, Матвѣемъ Никитичемъ — дай Богъ имъ царство небесное — Пугачъ на одной осинѣ повѣсилъ, за что родитель мой отъ покойнаго барина, Афанася Матвѣича, не въ примѣръ другимъ, былъ почтенъ: камардиномъ служилъ и дворецкимъ свою жизнь скончалъ. Я же, сударь, Оома Оомичъ, хотя и господскій холопъ, а такого сраму, какъ теперь, отродясь надъ собой не видывалъ!

И съ послѣднимъ словомъ Гаврила развелъ руками и склонилъ голову. Дядя слѣдилъ за нимъ съ беспокойствомъ.

— Ну, полно, полно, Гаврила! вскричалъ онъ: — нѣчего распространяться, полно!

— Ничего, ничего, проговорилъ Оома, слегка поблѣднѣвъ и улыбаясь съ науги. — Пусть поговорить; это вѣдь все ваши плоды.

— Все расскажу, продолжалъ Гаврила съ необыкновеннымъ одушевленіемъ: — ничего не потаю! Руки свяжутъ, языкъ не завяжутъ! Ужь на что я, Оома Оомичъ, гнусный передъ тобою выхожу человѣкъ, одно слово: рабъ, а и мнѣ въ обиду! Услугой и подобострастьемъ я передъ тобой завсегда обязанъ, для того, что рабски рожденъ и всякую обязанность во страхъ и трепетъ происходить долженъ. Книжку сочинять сядешь, я докучнаго обязанъ къ тебѣ не допускать, для того это настоящая должность моя выходить. Прислужить что понадобится — съ моимъ полнымъ удовольствіемъ сдѣлаю. А то, что на старости лѣтъ, по-заморски лаять, да передъ людьми сраму набираться! Да я въ людскую теперь не могу сойти: «французъ ты, говорятъ, французъ!» Нѣтъ, сударь, Оома Оомичъ, не одинъ я, дуракъ, а ужь и добрые люди начали говорить въ одинъ голосъ, что вы какъ есть злющій человѣкъ теперь стали, а что баринъ нашъ передъ вами все одно, что малый ребенокъ; что вы хоть породой и енеральскій сынъ и сами, можетъ, немного до енерала не дослужили, но такой злющій, какъ, то-есть, долженъ быть настоящій фурій.

Гаврила кончилъ. Я былъ внѣ себя отъ восторга. Оома Оомичъ сидѣлъ блѣдный отъ ярости, среди всеобщаго замѣшательства, и какъ-будто не могъ еще опомниться отъ неожиданнаго нападенія Гаврилы; какъ-будто онъ въ эту минуту еще соображалъ: въ какой степени должно ему разсердиться? Наконецъ воспослѣдовалъ взрывъ.

— Какъ! онъ смѣлъ обругать меня — меня! да это бунтъ! завизжалъ Оома и вскочилъ со стула.

За нимъ вскочила генеральша и всплеснула руками. Началась суматоха. Дядя бросился выталкивать преступнаго Гаврилу.

— Въ кандалы его, въ кандалы! кричала генеральша. —

Сейчасъ же его въ городъ и въ солдаты отдай, Егорушка! Не то не будетъ тебѣ моего благословенія. Сейчасъ же на него колодку набей и въ солдаты отдай!

— Какъ, кричалъ Оома: — рабъ! халдей! хамлетъ! осмѣлился обругать меня! онъ, онъ, обтирка моего сапога! онъ осмѣлился назвать меня фуріей!

Я выступилъ впередъ съ необыкновенною рѣшимостью.

— Признаюсь, что я въ этомъ случаѣ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Гаврилы, сказалъ я, смотря Оомѣ Оомичу прямо въ глаза и дрожа отъ волненія.

Онъ былъ такъ пораженъ этой выходкой, что въ первую минуту, кажется, не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Это еще что? воскликнулъ онъ, наконецъ, накидываясь на меня, въ изступленіи, и впиваясь въ меня своими маленькими, налитыми кровью глазами. — Да ты кто такой?

— Оома Оомичъ... заговорилъ-было совершенно потерявшіяся дядя: — это Сережа, мой племянникъ...

— Ученый! завопилъ Оома: — такъ это онъ-то, ученый? Либертѣ-эгалитѣ-фратернитѣ! журналъ-де-дебà! Нѣтъ, братъ, врешь! въ саксоніи не была! Здѣсь не Петербургъ, не надуешь! Да плевать мнѣ на твой де-дебà! У тебя де-дебà, а по нашему выходитъ: «нѣтъ, братъ, слаба!» Ученый! Да ты сколько знаешь, я всемеро столько забылъ! вотъ какой ты ученый!

Еслибъ не удержали его, онъ, мнѣ кажется, бросился бы на меня съ кулаками.

— Да онъ пьянъ, проговорилъ я, съ недоумѣніемъ озираясь кругомъ.

— Кто? я? прикрикнулъ Оома, не своимъ голосомъ.

— Да, вы!

— Пьянъ?

— Пьянъ.

Этого Оома не могъ вынести. Онъ взвизгнулъ, какъ-будто его начали рѣзать, и бросился вонъ изъ комнаты. Генеральша хотѣла, кажется, упасть въ обморокъ, но рассудила лучше

бѣжать за Оомой Оомичомъ. За ней побѣжали и всѣ, а за всѣми дядя. Когда я опомнился и оглядѣлся, то увидѣлъ въ комнатѣ одного Ежевика. Онъ улыбался и потиралъ себѣ руки.

— Про іезуитика-то давеча общались, проговорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Чтò? спросилъ я, не понимая въ чемъ дѣло.

— Про іезуитика давеча рассказать общались... анекдотецъ-сь...

Я выбѣжалъ на террасу, а оттуда въ садъ. Голова моя шла кругомъ.

VIII.

Объясненіе въ любви.

Съ четверть часа бродилъ я по саду, раздраженный и крайне-недовольный собой, обдумывая, чтò мнѣ теперь дѣлать? Солнце садилось. Вдругъ, на поворотѣ въ одну темную аллею, я встрѣтился лицомъ-къ-лицу съ Настенькой. Въ глазахъ ея были слезы, въ рукахъ платокъ, которымъ она утирала ихъ.

— Я васъ искала, сказала она.

— А я васъ, отвѣчалъ я ей. — Скажите: я въ сумасшедшемъ домѣ, или нѣтъ?

— Вовсе не въ сумасшедшемъ домѣ, проговорила она обидчиво, пристально взглянувъ на меня.

— Но если такъ, такъ чтò жь это дѣлается? Ради самого Христа подайте мнѣ какой-нибудь совѣтъ! Куда теперь ушелъ

дядя? Можно мнѣ туда идти? Я очень-радъ, что васъ встрѣтилъ: можетъ-быть, вы меня въ чемъ-нибудь и наставите.

— Нѣтъ, лучше не ходите. Я сама ушла отъ нихъ

— Да гдѣ они?

— А кто знаетъ? Можетъ-быть, опять въ огородъ побѣжали, проговорила она раздражительно.

— Въ какой огородъ?

— Это Оома Оомичъ на прошлой недѣлѣ закричалъ, что не хочетъ оставаться въ домѣ и вдругъ побѣжалъ въ огородъ, досталъ въ шалашѣ заступъ и началъ гряды копать. Мы всѣ удивилось: не съ ума ли сошелъ? «Вотъ, говорить, чтобъ не попрекнули меня потомъ, что я даромъ хлѣбъ ѣлъ, буду землю копать и свой хлѣбъ, что здѣсь ѣлъ, заработаю, а потомъ и уйду. Вотъ до чего меня доведи!» А тутъ-то всѣ плачутъ и передъ нимъ чуть не на колѣняхъ стоятъ, заступъ у него отнимаютъ; а онъ-то копаетъ; всю рѣпу только перекопалъ. Сдѣлали разъ поблажку — вотъ онъ, можетъ-быть, и теперь повторяетъ. Отъ него станется.

— И вы... и вы рассказываете это такъ хладнокровно! вскричалъ я въ сильнѣйшемъ негодованіи.

Она взглянула на меня сверкавшими глазами.

— Простите мнѣ; я ужъ и не знаю что говорю! Послушайте, вамъ извѣстно зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?

— Н...нѣтъ, отвѣчала она покраснѣвши, и какое-то тягостное ощущеніе отразилось въ ея миломъ лицѣ.

— Вы извините меня, продолжалъ я:—я теперь разстроены, я чувствую, что не такъ бы слѣдовало мнѣ начать говорить объ этомъ... особенно съ вами... Но все-равно! По-моему, откровенность въ такихъ дѣлахъ лучше всего. Признаюсь... то-есть я хотѣлъ сказать... вы знаете намѣреніе дядюшки? Онъ приказалъ мнѣ искать вашей руки...

— О, какой вздоръ! Не говорите этого, пожалуйста! сказала она, поспѣшно перебивая меня и вся вспыхнувъ.

Я былъ озадаченъ.

— Какъ вздоръ? Но, онъ вѣдь писалъ ко мнѣ.

— Такъ онъ-таки вамъ писалъ спросила она съ живостью. Ахъ, какой! Какъ же онъ общался, что не будетъ писать! Какой вздоръ! Господи, какой это вздоръ!

— Простите меня, пробормоталъ я, не зная, что говорить:— можетъ-быть, я поступилъ неосторожно, грубо... но вѣдь такая минута! Сообразите: мы окружены Богъ-знаетъ чѣмъ...

— Охъ, ради Бога, не извиняйтесь! Повѣрьте, что мнѣ и безъ того тяжело это слушать, а между-тѣмъ судите: я и сама хотѣла заговорить съ вами, чтобъ узнать что-нибудь... Ахъ, какая досада! такъ онъ-таки вамъ написалъ! Вотъ этого-то я пуще всего боялась! Боже мой, какой это человекъ! А вы и повѣрили и прискакали сюда, сломя голову? Вотъ, надо было!

Она не скрывала своей досады. Положеніе мое было непривлекательно.

— Признаюсь, я не ожидалъ, проговорилъ я въ самомъ полномъ смущеніи: — такой оборотъ... я, напротивъ, думалъ...

— А, такъ вы думали? произнесла она съ легкой ироніей, слегка закусывая губу. — А знаете, вы мнѣ покажите это письмо, которое онъ вамъ писалъ?

— Хорошо-съ.

— Да вы не сердитесь, пожалуйста, на меня, не обижайтесь; и безъ того много горя! сказала она просящимъ голосомъ, а между-тѣмъ насмѣшливая улыбка слегка мелькнула на ея хорошенькихъ губкахъ.

— Охъ, пожалуйста, не принимайте меня за дурака! вскричалъ я съ горячностью. — Но, можетъ-быть, вы предубѣждены противъ меня? можетъ-быть, вамъ кто-нибудь на меня насаждалъ? можетъ-быть, вы потому, что я тамъ теперь срѣзался? Но это ничего — увѣряю васъ. Я самъ понимаю, какъ-кимъ я теперь дуракомъ стою передъ вами. Не смѣйтесь, пожалуйста, надо мной! Я не знаю, что говорю... А все это оттого, что мнѣ эти проклятые двадцать-два года!

— О, Боже мой! Такъ что-жь?

— Какъ, такъ что-жь? Да вѣдь кому двадцать-два года, у

того это и на лбу написано, какъ у меня, напимѣръ, когда я, давеча, на средину комнаты выскочилъ, или какъ теперь передъ вами... Распроклятый возрастъ!

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Настенька, едва удерживаясь отъ смѣха. — Я увѣрена, что вы и добрый, и милый, и умный, и, право, я искренно говорю это! Но... вы только очень-самолюбивы. Отъ этого еще можно исправиться.

— Мнѣ кажется, я самолюбивъ, сколько нужно.

— Ну, нѣтъ. А давеча, когда вы сконфузились—и отчего жъ? оттого, что споткнулись при входѣ!.. Какое право вы имѣли выставить на-смѣхъ вашего добраго, вашего великодушнаго дядю, который вамъ сдѣлалъ столько добра? Зачѣмъ вы хотѣли свалить на него смѣшное, когда сами были смѣшны? Это было дурно, стыдно! Это не дѣлаетъ вамъ чести и, признаюсь вамъ, вы были мнѣ очень-противны въ ту минуту— вотъ вамъ!

— Это правда! Я былъ болванъ! даже больше,—я сдѣлалъ подлость! Вы примѣтили ее — и я уже наказанъ! Браните меня, смѣйтесь надо мной, но послушайте: можетъ-быть, вы перемѣните, наконецъ, ваше мнѣніе, прибавилъ я, увлскаемый какимъ-то страннымъ чувствомъ: — вы меня еще такъ мало знаете, что потомъ, когда узнаете больше, тогда... можетъ-быть...

— Ради Бога оставимъ этотъ разговоръ! вскричала Настенька съ видимымъ нетерпѣніемъ.

— Хорошо, хорошо, оставимте! Но... гдѣ я могу васъ видѣть?

— Какъ, гдѣ видѣть?

— Но вѣдь не можетъ же быть, чтобъ мы съ вами сказали послѣднее слово, Настасья Евграфовна! Ради Бога, назначьте мнѣ свиданье, хоть сегодня-же. Впрочемъ, теперь уже смеркается. Ну, такъ, если только можно, завтра утромъ пораньше. Знаете, тамъ, у пруда, есть бесѣдка. Я вѣдь помню; я знаю дорогу. Я вѣдь здѣсь жилъ маленькій.

— Свиданіе! Но зачѣмъ это? Вѣдь мы и безъ того теперь говоримъ.

— Но я теперь еще ничего не знаю, Настасья Евграфовна. Я сперва все узнаю отъ дядюшки. Вѣдь, долженъ же онъ, наконецъ, мнѣ все рассказать, и тогда я, можетъ-быть, скажу вамъ что-нибудь очень-важное...

— Нѣтъ, нѣтъ! ненадо, не надо! вскричала Настенька:— кончимте все разомъ теперь, такъ, чтобъ потомъ и помину не было. А въ ту бесѣдку и не ходите напрасно: увѣряю васъ, я не приду, и выкиньте, пожалуйста, изъ головы весь этотъ вздоръ — я серьезно прошу васъ...

— Такъ, значитъ, дядя поступилъ со мною, какъ сумасшедшій, вскричалъ я, въ припадкѣ нестерпимой досады.— Зачѣмъ-же онъ вызвалъ меня послѣ этого?.. Но слышите, что это за шумъ?

Мы были близко отъ дома. Изъ растворенныхъ оконъ раздавался визгъ и какіе-то необыкновенные крики.

— Боже мой! сказала она, поблѣднѣвъ: — опять! Я такъ и предчувствовала!

— Вы предчувствовали? Настасья Евграфовна, еще одинъ вопросъ. Я, конечно, не имѣю ни малѣйшаго права, но рѣшаюсь предложить вамъ этотъ послѣдній вопросъ для общаго блага. Скажите — и это умретъ во мнѣ—скажите откровенно: дядя влюбленъ въ васъ, или нѣтъ?

— Ахъ! выкиньте, пожалуйста, этотъ вздоръ изъ головы разъ навсегда! вскричала она, вспыхнувъ отъ гнѣва. — И вы тоже! Кабы былъ влюбленъ, не хотѣлъ бы выдать меня за васъ, прибавила она съ горькою улыбкою. — И съ чего, съ чего это взяли? Не-уже-ли не понимаете, о чемъ идетъ дѣло? Слышите эти крики?

— Но... это Ома Омичъ...

— Дѣ, конечно, Ома Омичъ; но теперь изъ-за меня идетъ дѣло, потому-что они то же говорятъ, что и вы, ту же бессмыслицу; тоже подозрѣваютъ, что онъ влюбленъ въ меня. А такъ-какъ я бѣдная, ничтожная, а такъ-какъ замарать

меня ничего не стоит, а они хотятъ женить его на другой, такъ вотъ и требуютъ, чтобъ онъ меня выгналъ домой, къ отцу, для безопасности. А ему когда скажутъ про это, то онъ тотчасъ же изъ себя выходитъ: даже Оому Омича разорвать готовъ. Вонъ они теперь и кричатъ объ этомъ; ужъ я предчувствую, что объ этомъ.

— Такъ это все правда! Такъ, значить, онъ непременно женится на этой Татьянѣ?

— На какой Татьянѣ?

— Ну, да на этой дурѣ.

— Вовсе не дурѣ! Она добрая. Не имѣете вы права такъ говорить! У нея благородное сердце, благороднѣе, чѣмъ у многихъ другихъ. Она невиновата тѣмъ, что несчастная.

— Простите. Положимъ, вы въ этомъ совершенно-правы; но не ошибаетесь ли вы въ главномъ? Какъ же, скажите, я замѣтилъ, что они хорошо принимаютъ вашего отца? Вѣдь, еслибъ они до такой ужъ степени сердились на васъ, какъ вы говорите, и васъ выгоняли, такъ и на него бы сердились и его бы худо принимали.

— А развѣ вы не видите, что дѣлаетъ для меня мой отецъ! Онъ шутомъ передъ ними вертится! Его принимаютъ именно потому, что онъ успѣлъ подольститься къ Оомѣ Омичу. А такъ-какъ Оома Омичъ самъ былъ шутомъ, такъ вотъ ему и лестно, что и у него теперь есть шуты. Какъ вы думаете: для кого это отецъ дѣлаетъ? Онъ для меня это дѣлаетъ, для меня одной. Ему не надо; онъ для себя никому не поклонится. Онъ, можетъ, и очень-смѣшонъ на чьи-нибудь глаза, но онъ благородный, благороднѣйшій человекъ! Онъ думаетъ, Богъ-знаетъ почему — и вовсе не потому, что я здѣсь жалованье хорошее получаю — увѣрю васъ; онъ думаетъ, что мнѣ лучше оставаться здѣсь, въ этомъ домѣ. Но теперь я совсѣмъ его разувѣрила. Я ему написала рѣшительно. Онъ и пріѣхалъ, чтобъ взять меня, и если крайность до того дойдетъ, такъ хоть завтра же, потому-что ужъ дѣло почти до всего дошло: они меня съѣсть хотятъ, и я

знаю навѣрно, что они тамъ теперь кричатъ опять обо мнѣ. Они разстерзаютъ *его* изъ-за меня, они погубятъ *его*! А онъ мнѣ все равно, что отецъ—слышите, даже больше, чѣмъ мой родной отецъ! Я не хочу дожидаться. Я знаю больше, чѣмъ другіе. Завтра, завтра же, уѣду! Кто знаетъ: можетъ чрезъ это они отложить, хоть на время, и свадьбу *его* съ Татьяной Ивановной... Вотъ я вамъ все теперь рассказала. Расскажите же это и ему, потому-что я теперь и говорить-то съ нимъ не могу: за нами слѣдятъ, и особенно эта Перепелицына. Скажите, чтобъ онъ не беспокоился обо мнѣ, что я лучше хочу ѣсть черный хлѣбъ и жить въ избѣ у отца, чѣмъ быть причиною *его* здѣшнихъ мученій. Я бѣдная и должна жить какъ бѣдная. Но, Боже мой, какой шумъ! какой крикъ! Что тамъ еще дѣлается? Нѣтъ, во что бы ни стало, сейчасъ пойду туда! Я выскажу имъ все въ глаза, сама, что бы ни случилось! Я должна это сдѣлать. Прощайте!

Она убѣжала. Я стоялъ на одномъ мѣстѣ, вполне сознавая все смѣшное въ той роли, которую мнѣ пришлось сейчасъ разыграть, и совершенно недоумѣвая, чѣмъ все это теперь разрѣшится. Мнѣ было жаль бѣдную дѣвушку, и я боялся за дядю. Вдругъ подлѣ меня очутился Гаврила. Онъ все еще держалъ свою тетрадку въ рукѣ.

— Пожалуйте къ дяденькѣ! проговорилъ онъ унылымъ голосомъ.

Я очнулся.

— Къ дядѣ? А гдѣ? Что съ нимъ теперь дѣлается?

— Въ чайной. Тамъ же, гдѣ чай изволили давеча кушать.

— Кто съ нимъ?

— Одни. Дожидаются.

— Кого? меня?

— За Ѳомой Ѳомичомъ послали. Прошли наши красные деньки! прибавилъ онъ, глубоко вздыхая.

— За Ѳомой Ѳомичомъ? Гм! А! гдѣ другіе? гдѣ барыня?

— На своей половинѣ. Въ омракъ упали, а теперь лежать въ безчувствіи и плачуть.

Разсуждая такимъ-образомъ, мы дошли до террасы. На дворѣ было уже почти совсѣмъ-темно. Дядя дѣйствительно былъ одинъ, въ той же комнатѣ, гдѣ произошло мое побойще съ Оомой Оомичомъ, и ходилъ по ней большими шагами. На столахъ горѣли свѣчи. Увидя меня, онъ бросился ко мнѣ и крѣпко сжалъ мои руки. Онъ былъ блѣденъ и тяжело переводилъ духъ; руки его тряслись, и нервическая дрожь пробѣгала, временемъ, по всему его тѣлу.

IX.

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО.

— Другъ мой! все кончено, все рѣшено! проговорилъ онъ какимъ-то трагическимъ полушопотомъ.

— Дядюшка, сказалъ я: — я слышалъ какіе-то крики.

— Крики, братецъ, крики; всякіе были крики! Маменька въ обморокъ, и все это теперь вверху ногами. Я рѣшился и настою на своемъ! Я теперь ужь никого не боюсь, Серѣжа. Я хочу показать имъ, что и у меня есть характеръ — и покажу! И вотъ нарочно послалъ за тобой, чтобъ ты помогъ мнѣ имъ показать... Сердце мое разбито, Серѣжа... но я долженъ, я обязанъ поступить со всею строгостью. Справедливость неумолима!

— Но что же такое случилось, дядюшка?

— Я расстаюсь съ Оомой, произнесъ дядя рѣшительнымъ голосомъ.

— Дядюшка! закричалъ я въ восторгѣ: — ничего лучше вы не могли выдумать! И если я хоть сколько-нибудь могу способствовать вашему рѣшенію, то. располагаете мною вовѣки вѣковъ.

— Благодарю тебя, братецъ, благодарю! Но теперь ужъ все рѣшено. Жду Оому; я уже послалъ за нимъ. Или онъ, или я! Мы должны разлучиться. Или же завтра Оома выйдетъ изъ этого дома, или, клянусь, бросаю все и поступаю опять въ гусары! Примутъ; дадутъ дивизионъ. Прочь всю эту систему! Теперь все поновому! На что это у тебя французская тетрадка? съ яростію закричалъ онъ, обращаясь къ Гаврилу. — Прочь ее! Сожги, растопчи, разорви! Я твой господинъ, и я приказываю тебѣ не учиться французскому языку. Ты не можешь, ты не смѣешь меня не слушаться, потому-что я твой господинъ, а не Оома Омичъ!

— Слава-те Господи! промормоталъ про-себя Гаврила — Дѣло очевидно шло не на шутку.

— Другъ мой! продолжалъ дядя съ глубокимъ чувствомъ: — они требуютъ отъ меня невозможнаго! Ты будешь судить меня; ты теперь станешь между нимъ и мною, какъ безпристрастный судья. Ты не знаешь, ты не знаешь, чего они отъ меня требовали, и, наконецъ, формально потребовали, все высказали! Но это противно человѣколюбію, благородству, чести... Я все расскажу тебѣ, но сперва...

— Я ужъ все знаю, дядюшка! вскричалъ я, перебивая его — я угадываю... Я сейчасъ разговаривалъ съ Настасьей Евграфовной.

— Другъ мой, теперь ни слова, ни слова объ этомъ! торопливо прервалъ онъ меня, какъ-будто испугавшись. — Потому я все самъ расскажу тебѣ, но покамѣсть... Что жъ? закричалъ онъ вошедшему Видоплясову: — гдѣ же Оома Омичъ?

Видоплясовъ явился съ извѣстіемъ, что Оома Омичъ «не желаютъ придти и находятъ требованіе явиться до несомнѣ-

стности грубымъ-съ, такъ-что Ома Омичъ очень пзволили этимъ обидѣться-съ».

— Веди его! тащи его! сюда его! силою притащи его! закричалъ дядя, топая ногами.

Видоплясовъ, никогда невидавшій своего барина въ такомъ гнѣвѣ, ретировался въ испугѣ. Я удивился.

«Надо же быть чему-нибудь слишкомъ-важному» подумалъ я, «если челоѣкъ съ такимъ характеромъ способенъ дойти до такого гнѣва и до такихъ рѣшеній.»

Нѣсколько минутъ дядя молча ходилъ по комнатѣ, какъ-будто въ борьбѣ самъ съ собою.

— Ты, впрочемъ, не рви тетрадку, сказалъ онъ, наконецъ, Гаврилѣ. — Подожди и самъ будь здѣсь: ты, можетъ-быть, еще понадобитсяъ. — Другъ мой! прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ — я, кажется, ужь слишкомъ сейчасъ закричалъ. Всякое дѣло надо дѣлать съ достоинствомъ, съ мужествомъ, но безъ криковъ, безъ обидъ. Именно такъ. Знаешь что, Сережа, не лучше ли будетъ, еслибъ ты ушелъ отсюда? Тебѣ все-равно. Я тебѣ потомъ все самъ расскажу — а? какъ ты думаешь? Сдѣлай это для меня, пожалуйста.

— Вы боитесь, дядюшка? вы раскаяваетесь? сказалъ я, пристально смотря на него.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, не раскаяваюсь! вскричалъ онъ съ удвоеннымъ одушевленіемъ.—Я ужь теперь ничего больше не боюсь. Я принялъ рѣшительныя мѣры, самыя рѣшительныя! Ты не знаешь, ты не можешь себѣ вообразить, чего они отъ меня потребовали! Не-уже-ли жь я долженъ былъ согласиться? Нѣтъ, я докажу! Я возсталъ и докажу! Когда-нибудь я долженъ же былъ доказать! Но знаешь, мой другъ, я раскаяваюсь, что тебя позвалъ: Омѣ, можетъ-быть, будетъ очень тяжело, когда и ты будешь здѣсь, такъ-сказать, свидѣтелемъ его униженія. Видишь, я хочу ему отказать отъ дома благороднымъ образомъ, безъ всякого униженія. Но, вѣдь, это я такъ только говорю, что безъ униженія. Дѣло-то оно, братъ, такое, что хоть медовыя рѣчи точи, а все-таки

будеть обидно. Я же грубъ, безъ воспитанія, пожалуй, еще такое тяпну, съ дуру-то, что и самъ потомъ не радъ буду. Все же онъ для меня много сдѣлалъ... Уйди, мой другъ... Но вотъ уже его ведутъ, ведутъ! Сережа, прошу тебя, выйдти! Я тебѣ все потомъ расскажу. Выйди, ради Христа!

И дядя вывелъ меня на террасу, въ то самое мгновеніе, когда Оома входилъ въ комнату. Но, каюсь: я не ушелъ, я рѣшился остаться на террасѣ, гдѣ было очень-темно и, слѣдственно, меня трудно было увидѣть изъ комнаты. Я рѣшился подслушивать.

Не оправдываю ничѣмъ своего поступка, но смѣло скажу, что, выстоявъ эти полчаса на террасѣ и не потерявъ терпѣнія, я считаю, что совершилъ подвигъ великомученичества. Съ моего мѣста я не только могъ хорошо слышать, но даже, могъ хорошо и видѣть: двери были стеклянные. Теперь прошу вообразить Оому Оомича, которому *приказали* явиться, угрожая силою, въ случаѣ отказа.

— Мои ли уши слышали такую угрозу, полковникъ?—возопилъ Оома, входя въ комнату.—Такъ ли мнѣ передано?

— Твой, твои, Оома, успокойся, храбро отвѣчалъ дядя.—Сядь; поговоримъ серьезно, дружески, братски. Садись же, Оома.

Оома Оомичъ торжественно сѣлъ на кресло. Дядя быстрыми и неровными шагами ходилъ по комнатѣ, очевидно затрудняясь съ чего начать рѣчь.

— Именно братски, повторилъ онъ. — Ты поймешь меня, Оома, ты не маленькій; я тоже не маленькій — словомъ, мы оба въ лѣтахъ... Гм! Видишь, Оома, мы не сходимся въ нѣкоторыхъ пунктахъ... да, именно въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и потому, Оома, не лучше ли, братъ, разстаться? Я увѣренъ, что ты благороденъ, что ты мнѣ желаешь добра, и потому.. Но что́ долго толковать! Оома, я твой другъ во-вѣки-вѣковъ и клянусь въ томъ всѣми свѣтилами! Вотъ 15,000 рублей серебромъ, это все, братъ, что есть за душой, послѣднія крохи наскребъ, своихъ обобралъ. Смѣло бери! Я долженъ, я

обязанъ тебя обезпечить! Тутъ все почти ломбардными и очень-немного наличными. Смѣло бери! Ты же мнѣ ничего не долженъ, потому-что и никогда не буду въ силахъ заплатить тебѣ за все, что ты для меня сдѣлалъ. Дѣ, да, именно, я это чувствую, хотя теперь, въ главнѣйшемъ-то пунктѣ, мы расходимся. Завтра или послѣ завтра... или когда тебѣ угодно... разъѣдемся. Поѣзжай-ка въ нашъ городишко, Оома, всего десять верстъ, тамъ есть домикъ, за церковью, въ первомъ переулкѣ, съ зелеными ставнями, премиленькій домикъ вдовы-попадъи; какъ-будто для тебя его и построили. Она продастъ. Я тебѣ куплю его сверхъ этихъ денегъ. Поселись-ка тамъ, подлѣ насъ. Занимайся литературой, науками; приобрѣтешь славу... Чиновники тамъ, всѣ до одного, благородные, радушные, безкорыстные; протопопъ ученый. Къ намъ будешь прїѣзжать гостить по праздникамъ — и мы заживемъ, какъ въ раю! Желаешь, нѣтъ?

«Такъ вотъ на какихъ условіяхъ изгоняли Оому!—подумалъ я, «дядя скрылъ отъ меня о деньгахъ».

Долгое время царствовало глубокое молчаніе. Оома сидѣлъ въ креслахъ, какъ-будто ошеломленный, и неподвижно смотрѣлъ на дядю, которому, видимо, становилось неловко отъ этого молчанія и отъ этого взгляда.

— Деньги! проговорилъ, наконецъ Оома, какимъ-то выдѣланно-слабымъ голосомъ: — гдѣ же онѣ, гдѣ эти деньги? да-вайте ихъ, давайте сюда скорѣе!

— Вотъ онѣ, Оома, послѣднія крохи, ровно пятнадцать, все, что было. Тутъ и кредитными и ломбардными — самъ увидишь... вотъ!

— Гаврила! возьми себѣ эти деньги, кротко проговорилъ Оома: — они, старикъ, могутъ тебѣ пригодиться. — Но нѣтъ! вскричалъ онъ вдругъ, съ прибавкою какого-то необыкновеннаго визга и вскакывая съ кресла: — нѣтъ! дай мнѣ ихъ сперва, эти деньги, Гаврила! дай мнѣ ихъ! дай мнѣ ихъ! дай мнѣ эти миллионы, чтобъ я притопталъ ихъ моими ногами, дай, чтобъ я разорвалъ ихъ, оплевалъ ихъ, разбросалъ ихъ,

осквернилъ ихъ, обезчестилъ ихъ!.. Мнѣ, мнѣ предлагають деньги! подкупають меня, чтобъ я вышелъ изъ этого дома! Я ли это слышалъ? я ли дожидъ до этого послѣдняго безчестія? Вотъ, вотъ они, ваши милльоны! Смотрите: вотъ, вотъ, вотъ, и вотъ! Вотъ какъ поступаетъ Оома Оппскинъ, если вы до-сихъ-поръ этого не знали, полковникъ!

И Оома разбросалъ всю пачку денегъ по комнатѣ. Замѣчательно, что онъ не разорвалъ и не оплевалъ ни одного билета, какъ похвалялся сдѣлать; онъ только немного помялъ ихъ, но и то довольно-осторожно. Гаврила бросился собирать деньги съ полу и потомъ, по уходѣ Оомы, бережно передалъ своему барину.

Поступокъ Оомы произвелъ на дядю настоящій столбнякъ. Въ свою очередь, онъ стоялъ теперь передъ нимъ неподвижно, бессмысленно, съ разинутымъ ртомъ. Оома, между-тѣмъ, помѣстился опять въ кресло и пыхтѣлъ, какъ-будто отъ невыразимаго волненія.

— Ты возвышенный человѣкъ, Оома! вскричалъ, наконецъ, дядя, очнувшись: — ты благороднѣйшій изъ людей!

— Это я знаю, отвѣчалъ Оома слабымъ голосомъ, но съ невыразимымъ достоинствомъ.

— Оома, прости меня! Я подлець передъ тобой, Оома!

— Дѣ, передо мной, поддакнулъ Оома.

— Оома! не твоему благородству я удивляюсь, продолжалъ дядя, въ восторгѣ: — но тому, какъ могъ я быть до такой степени грубъ, слѣпъ и подлъ, чтобъ предложить тебѣ деньги при такихъ условіяхъ? Но, Оома, ты въ одномъ ошибся: я вовсе не покупалъ тебя, не платилъ тебѣ, чтобъ ты вышелъ изъ дома, а просто-за-просто, я хотѣлъ, чтобъ и у тебя были деньги, чтобъ ты не нуждался, когда отъ меня выйдешь. Клянусь въ этомъ тебѣ! На колѣняхъ, на колѣняхъ, готовъ просить у тебя прощенія, Оома, и если хочешь, стану се йчасъ передъ тобой на колѣни... если только хочешь...

— Не надо мнѣ вашихъ колѣнъ, полковникъ!..

— Но, Боже мой! Оома, посуди, вѣдь я былъ разгоряченъ,

фрапированъ, я былъ виѣ себя... Но назови же, скажи, чѣмъ могу, чѣмъ въ состояніи я загладить эту обиду? Научи, изреки...

— Ничѣмъ, ничѣмъ, полковникъ! И будьте увѣрены, что завтра же я отрясу прахъ съ моихъ сапоговъ на порогѣ этого дома.

И Оома началъ подыматься съ кресла. Дядя, въ ужасѣ, бросился его снова усаживать.

— Нѣтъ, Оома, ты не уйдешь, увѣрю тебя! кричалъ дядя.— Нечего говорить про прахъ и про сапоги, Оома! Ты не уйдешь, или я пойду за тобой на край свѣта, и все буду идти за тобой, до-тѣхъ-поръ, покамѣсть ты не простишь меня!.. Клянусь, Оома, я такъ сдѣлаю!

— Васъ простить? вы виноваты? сказалъ Оома. — Но понимаете ли вы еще вину-то свою передо мною? Понимаете ли, что вы стали виноваты теперь передо мной даже тѣмъ, что давали мнѣ здѣсь кусокъ хлѣба? Понимаете ли вы, что теперь одной минутой вы отравили ядомъ всѣ тѣ прошедшіе куски, которые я употребилъ въ вашемъ домѣ? Вы прекнули меня сейчасъ этими кусками, каждымъ глоткомъ этого хлѣба, уже съѣденнаго мною; вы мнѣ доказали теперь, что я жилъ, какъ рабъ, въ вашемъ домѣ, какъ лакей, какъ обтирка вашихъ лакированныхъ сапоговъ! А между-тѣмъ, я, въ чистотѣ моего сердца, думалъ до-сихъ-поръ, что обитаю въ вашемъ домѣ какъ другъ и какъ братъ! Не сами ль, не сами ль вы змѣинными рѣчами вашими тысячу разъ увѣряли меня въ этой дружбѣ, въ этомъ братствѣ? Зачѣмъ же вы таинственно сплетали мнѣ эти сѣти, въ которыя я попалъ, какъ дуракъ? Зачѣмъ же во мракѣ копали вы мнѣ эту волчью яму, въ которую теперь вы сами втокнули меня? Зачѣмъ не поразили вы меня разомъ еще прежде, однимъ ударомъ этой дубины? Зачѣмъ въ самомъ началѣ не свернули вы мнѣ головы, какъ какому-нибудь пѣтуху, за то... ну, хоть, на-примѣръ, только за то, что онъ не несетъ яицъ? Да, именно такъ! Я стою за это сравненіе, полковникъ, хотя оно и взято

изъ провинціального быта и напоминаетъ собою тривіальный тонъ современной литературы; потому стою за него, что въ немъ видна вся безсмыслица обвиненій вашихъ; ибо я столько же виноватъ передъ вами, какъ и этотъ предполагаемый пѣтухъ, неугодившій своему легкомысленному владѣльцу несенсеньемъ яицъ! Помплуйте, полковникъ! развѣ платятъ другу или брату деньги — и за что же? главное, за что же? «На, дескать, возлюбленный братъ мой, я обязанъ тебѣ: ты даже спасалъ мнѣ жизнь: на тебѣ нѣсколько іудинныхъ сребренниковъ, но только убирайся отъ меня съ глазъ долой!» Какъ наивно! какъ грубо вы поступили со мною! Вы думали, что я жажду вашего золота, тогда какъ я питалъ одни райскія чувства составить ваше благополучіе. О, какъ разбили вы мое сердце! Благороднѣйшими чувствами моими вы играли, какъ какой-нибудь мальчишка въ какую-нибудь свайку! Давно-давно, полковникъ, я уже предвидѣлъ все это — вотъ почему я уже давнымъ-давно задыхаюсь отъ вашего хлѣба, давлюсь этимъ хлѣбомъ! вотъ почему меня давили ваши перины, давили, а не делѣли! вотъ почему вашъ сахаръ, ваши конфекты были для меня кайенскимъ перцемъ, а не конфектами! Нѣтъ, полковникъ! живите одинъ, благоденствуйте одинъ и оставьте Оому идти своею скорбною дорогою, съ мѣшкомъ на спинѣ. Такъ и будетъ, полковникъ!

— Нѣтъ, Оома, нѣтъ! такъ не будетъ, такъ не можетъ-быть! простоналъ совершенно-уничтоженный дядя.

— Да, полковникъ, да! именно такъ будетъ, потому-что такъ должно быть. Завтра же ухожу отъ васъ. Разсыпьте ваши милліоны, устелите весь путь мой, всю большую дорогу вплоть до Москвы кредитными билетами — и я гордо, презрительно пройду по вашимъ билетамъ; эта самая нога, полковникъ, растопчетъ, загрязнитъ, раздавитъ эти билеты и Оома Опискинъ будетъ сытъ однимъ благородствомъ своей души! Я сказалъ и доказалъ! Прощайте, полковникъ. Прощай-те, полковникъ!..

И Оома началъ вновь подыматься съ кресла.

— Прости, прости Оома! забудь!... повторялъ дядя умоляющимъ голосомъ.

— «Прости!» Но къ чему вамъ мое прощеніе? Ну, хорошо, положимъ, что я васъ и прощу: я христіанинъ: я не могу не просить; я и теперь уже почти васъ протилъ. Но рѣшите же сами: сообразно ли будетъ хоть сколько-нибудь съ здравымъ смысломъ и благородствомъ души, если я хоть на одну минуту останусь теперь въ вашемъ домѣ? Вѣдь вы выгоняли меня!

— Сообразно, сообразно, Оома! увѣряю тебя, что сообразно!

— Сообразно? Но равны ли мы теперь между собою? Не уже-ли вы не понимаете, что я, такъ-сказать, раздавилъ васъ своимъ благородствомъ, а вы раздавили сами себя своимъ унизительнымъ поступкомъ? Вы раздавлены, а я вознесенъ: гдѣ же равенство? А развѣ можно быть друзьями безъ такого равенства? Говорю это, испуская сердечный вопль, а не торжествуя, не возносясь надъ вами, какъ вы, можете-быть, думаете.

— Но я и самъ испускаю сердечный вопль, Оома—увѣряю тебя...

— И это тотъ самый человѣкъ, продолжалъ Оома, перемѣняя суровый тонъ на блаженный-тотъ самый человѣкъ, для котораго я столько разъ не спалъ по ночамъ! Сколько разъ, бывало, въ безсонныя ночи мои, я вставалъ съ постели, зажигалъ свѣчу и говорилъ себѣ: «Теперь онъ спитъ спокойно, надѣясь на тебя. Не спи же ты, Оома, бодрствуй за него, авось выдумаешь еще что-нибудь для благополучія этого человѣка». Вотъ какъ думалъ Оома въ свои безсонныя ночи, полковникъ! и вотъ какъ заплатилъ ему этотъ полковникъ! Но довольно, довольно!...

— Но я заслужу, Оома, я заслужу опять твою дружбу—клянусь тебѣ!

— Заслужите? а гдѣ же гарантія? Какъ христіанинъ, я прощу и даже буду любить васъ; но, какъ человѣкъ, и

овѣкъ благородный, я поневолѣ буду васъ презирать. Я долженъ, я обязанъ васъ презирать; я обязанъ во имя нравственности, потому-что — повторяю вамъ это — вы опозорили себя, а я сдѣлалъ благороднѣйшій изъ поступковъ. Ну, кто изъ *вашихъ* сдѣлаетъ подобный поступокъ? Кто изъ нихъ откажется отъ такого несмѣтнаго числа денегъ, отъ которыхъ отказался, однакожь, нищій, презираемый всѣми Оома, изъ любви къ величію? Нѣтъ, полковникъ, чтобъ сравниться со мной, вы должны совершить теперь цѣлый рядъ подвиговъ. А на какой подвигъ способны вы, когда не можете даже сказать мнѣ *вы*, какъ своему ровнѣ, а говорите *ты*, какъ слугѣ?..

— Оома, но, вѣдь, я по дружбѣ говорилъ тебѣ *ты!* возопилъ дядя.— Я не зналъ, что тебѣ неприятно... Боже мой! но еслибъ я только зналъ...

— Вы, продолжалъ Оома — вы, который не могли, или, лучше сказать, не хотѣли исполнить самую пустѣйшую, самую ничтожнѣйшую изъ просьбъ, когда я васъ просилъ сказать мнѣ, какъ генералу, ваше превосходительство...

— Но, Оома, вѣдь это уже было, такъ-сказать, высшее посягновеніе, Оома.

— Высшее посягновеніе! Затвердили какую-то книжную фразу да и повторяете ее, какъ попугай! Но знаете ли вы, что вы осрамили, обезчестили меня отказомъ сказать мнѣ «ваше превосходительство», обезчестили тѣмъ, что, не понимая причинъ моихъ, выставили меня капризнымъ дуракомъ, достойнымъ желтаго дома! Ну, не уже ли я не понимаю, что я бы самъ былъ смѣшонъ, еслибъ захотѣлъ именоваться превосходительствомъ, я, который презираю всѣ эти чины и земныя величія, ничтожныя сами-по-себѣ, если они не освящаются добродѣтелью? За миллионъ не возьму генеральскаго чина безъ добродѣтели! А между-тѣмъ, вы считали меня за безумнаго! Для вашей же пользы я пожертвовалъ моимъ самолюбіемъ и допустилъ, что вы, *вы* могли считать меня за безумнаго, вы и ваши *ученые!* Единственно для-

того, чтобъ просвѣтить вашъ умъ, развить вашу нравственность и облить васъ лучами новыхъ идей, рѣшился я требовать отъ васъ генеральскаго титула. Я именно хотѣлъ, чтобъ вы не почитали впредь генераловъ самыми высшими свѣтилами на всемъ земномъ шарѣ; хотѣлъ доказать вамъ, что чинъ — ничто безъ великодушія и что нѣчего радоваться прїѣзду вашего генерала, когда, можетъ-быть, и возлѣ васъ стоятъ люди, озаренные добродѣтелью! Но вы такъ постоянно чванились предо мною своимъ чиномъ полковника, что вамъ уже трудно было сказать мнѣ: «ваше превосходительство». Вотъ гдѣ причина! вотъ гдѣ искать ее, а не въ посягновеніи какихъ-то судебъ! Вся причина въ томъ, что вы полковникъ, а я просто Ома....

— Нѣтъ, Ома, нѣтъ! увѣряю тебя, что это не такъ. Ты ученый, ты не просто Ома.... я почитаю....

— Почитаете! хорошо. Такъ скажите же мнѣ, если почитаете, какъ по вашему мнѣнію: достоинъ я, или нѣтъ генеральскаго сана? Отвѣчайте рѣшительно и немедленно: достоинъ, или нѣтъ? Я хочу посмотрѣть вашъ умъ, ваше развитіе.

— За честность, за безкорыстіе, за умъ, за высочайшее благородство души — достоинъ! съ гордостью повторилъ дядя.

— А если достоинъ, такъ для чего же вы не скажете мнѣ «ваше превосходительство?»

— Ома, я, пожалуй, скажу....

— А я требую! А я теперь требую, полковникъ, настаиваю и требую! Я вижу, какъ вамъ тяжело это, потому-то и требую. Эта жертва съ вашей стороны будетъ первымъ шагомъ вашего подвига, потому-что — не забудьте это — вы должны сдѣлать цѣлый рядъ подвиговъ, чтобъ сравняться со мною; вы должны пересилить самага себя, и тогда только я увѣрю въ вашу искренность...

— Завтра же скажу тебѣ, Ома, «ваше превосходительство!»

— Нѣтъ, не завтра, полковникъ, завтра само-собою. Я тре-

бую, чтобъ вы теперь, сейчасъ же, сказали мнѣ «ваше превосходительство».

— Изволь, Оома, я готовъ.... Только какъ же это такъ, сейчасъ, Оома?...

— Почему же не сейчасъ? или вамъ стыдно? Въ такомъ случаѣ мнѣ обидно, если вамъ стыдно.

— Ну, да пожалуй, Оома, я готовъ.... я даже горжусь.... Только какъ же это, Оома, ни съ того, ни съ сего: «здравствуйте, ваше превосходительство»? Вѣдь это нельзя...

— Нѣтъ, не «здравствуйте, ваше превосходительство», это уже обидный тонъ; это похоже на шутку, на фарсъ. Я не позволю съ собой такихъ шутокъ. Опомнитесь, немедленно опомнитесь, полковникъ! перемѣните вашъ тонъ!

— Да ты не шутишь, Оома?

— Во первыхъ, я не *ты*, Егоръ Ильичъ, *вы*—не забудьте это; и не Оома, а Оома Оомичъ.

— Да ей-Богу же, Оома Оомичъ, я радъ! Я всѣми силами радъ.... Только, что жъ я скажу?

— Вы затрудняетесь, что прибавить къ слову: «ваше превосходительство» — это понятно. Давно бы вы объяснились! Это даже извинительно, особенно, если человѣкъ *не сочинитель*, если выразиться поучтивѣе. Ну, я вамъ помогу, если вы не сочинитель. Говорите за мной: «ваше превосходительство!...»

— Ну, «ваше превосходительство».

— Нѣтъ, не: «ну, ваше превосходительство», а просто: «ваше превосходительство!» Я вамъ говорю, полковникъ, перемѣните вашъ тонъ! Надѣюсь также, что вы не оскорбитесь, если я предложу вамъ слегка поклониться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, склонить впередъ корпусъ. Съ генераломъ говорятъ склоня впередъ корпусъ, выражая такимъ-образомъ почтительность и готовность, такъ-сказать, летѣть по его порученіямъ. Я самъ бывалъ въ генеральскихъ обществахъ и все это знаю.... Ну-съ: «ваше превосходительство».

— Ваше превосходительство....

— Какъ я несказанно-обрадованъ, что имѣю, наконецъ, случай, просить у васъ извиненія въ томъ, что съ перваго раза не узналъ души вашего превосходительства. Смѣю увѣрить, что впредь не пощажу слабыхъ силъ моихъ на пользу общую.... Ну, довольно съ васъ!

Бѣдный дядя! Онъ долженъ былъ повторить всю эту галиматью фразу за фразой, слово за словомъ! Я стоялъ и краснѣлъ, какъ виноватый. Злость душила меня.

— Ну, не чувствуете ли вы теперь, проговорилъ истязатель:— что у васъ вдругъ стало легче на сердцѣ, какъ-будто въ душу къ вамъ слетѣлъ какой-то ангелъ?... Чувствуете ли вы присутствіе этого ангела? отвѣчайте мнѣ!

— Да, Оома, дѣйствительно какъ-то легче сдѣлалось, отвѣчалъ дядя.

— Какъ-будто сердце ваше послѣ того, какъ вы побѣдили себя, такъ-сказать окунулось въ какомъ-то елеѣ?

— Да, Оома, дѣйствительно, какъ-будто по маслу пошло.

— Какъ-будто по маслу? Гм.... Я, впрочемъ, не про масло вамъ говорилъ.... Ну, да все-равно! Вотъ что значитъ, полковникъ, исполненный долгъ! Побѣждайте же себя, Вы самолюбивы, необъятно-самолюбивы!

— Самолюбивъ, Оома, вижу, вижу, со вздохомъ отвѣчалъ дядя.

— Вы эгоистъ и даже мрачный эгоистъ....

— Эгоистъ-то я эгоистъ, правда, Оома, и это вижу; съ тѣхъ-поръ, какъ тебя узналъ, такъ и это узналъ.

— Я вамъ говорю теперь, какъ отецъ, какъ нѣжная мать... вы отбиваете всѣхъ отъ себя и забываете, что ласковый теленокъ двѣ матки сосеть.

— Правда и это, Оома!

— Вы грубы. Вы такъ грубо толкаетесь въ человѣческое сердце, такъ самолюбиво напрашиваетесь на вниманіе, что порядочный человѣкъ отъ васъ за тридевять земель убѣжать готовъ!

Дядя еще разъ глубоко вздохнулъ.

— Будьте же нѣжнѣе, внимательнѣе, любовнѣе къ другимъ; забудьте себя для другихъ, тогда вспомнить и о васъ. Живи и жить давай другимъ—вотъ мое правило! Терпи, трудись, молись и надѣйся—вотъ истины, которыя бы я желалъ внушить разомъ всему человѣчеству! Подражайте же имъ, и тогда я первый раскрою вамъ мое сердце, буду плакать на груди вашей.... если понадобится... А-то я, да я, да милость моя! Да вѣдь надоѣсть же, наконецъ, ваша милость, съ позволенія сказать.

«Сладкогласный человѣкъ!» проговорилъ въ благоговеніи, Гаврила.

— Это правда, Оома; я все это чувствую, поддакнулъ разстроганный дядя. — Но не во всемъ же и я виноватъ, Оома: такъ ужъ меня воспитали; съ солдатами жилъ. А клянусь тебѣ, Оома, и я умѣлъ чувствовать. Прощался съ полкомъ, такъ всѣ гусары, весь мой дивизионъ, просто плакали, говорили, что такого, какъ я, не найдешь!... Я и подумалъ тогда, что и я, можетъ-быть, еще не совсѣмъ человѣкъ погибшій.

— Опять эгоистическая черта! опять я ловлю васъ на самолюбіи! Вы хвалились и, мимоходомъ, попрекнули меня слезами гусаръ. Что жъ я не хвалюсь ничѣмъ слезами? А было бы чѣмъ; а было бы, можетъ-быть, чѣмъ.

— Это такъ съ языка сорвалось, Оома, не утерпѣлъ, вспомнилъ старое хорошее время.

— Хорошее время не съ неба падаетъ, а мы его дѣлаемъ; оно заключается въ сердцѣ нашемъ, Егоръ Ильичъ. Отчего же я всегда счастливъ и, несмотря на страданія, доволенъ, спокоенъ духомъ и никому не надоѣдаю, развѣ однимъ дуракамъ, верхоплясамъ, *ученымъ*, которыхъ не щажу и не хочу щадить. Не люблю дураковъ! И что такое эти ученые? «Человѣкъ науки!» — да наука-то выходитъ у него надувательная штука, а не наука. Ну что *онъ* давеча говорилъ? Давайте его сюда! давайте сюда всѣхъ ученыхъ! Все могу

опровергнуть и всё положенія ихъ могу опровергнуть! Я ужъ не говорю о благородствѣ души....

— Конечно, Оома, конечно. Кто жъ сомнѣвается?

— Давича, напимѣрь, я высказалъ умъ, талантъ, колоссальную начитанность, знаніе сердца человѣческаго, знаніе современныхъ литературъ; я показадъ и блестящимъ образомъ развернулъ, какъ изъ какого-нибудь комаринскаго можетъ вдругъ составиться высокая тѣма для разговора у человѣка талантливаго. Что жъ? Оцѣнилъ ли кто-нибудь изъ нихъ меня по достоинству? Нѣтъ, отворотились! Я вѣдь увѣренъ, что онъ уже говорилъ вамъ, что я ничего не знаю. А тутъ, можетъ-быть, самъ Макиавель, или какой-нибудь МеркадANTE передъ нимъ сидѣлъ, и только тѣмъ виноватъ, что бѣденъ и находится въ неизвѣстности.... Нѣтъ, это имъ не пройдетъ!... Слышу еще про Коровкина. Это чтó за гусь?

— Это, Оома, человѣкъ умный, человѣкъ науки.... Я его жду. Это вѣрно ужъ будетъ хорошій, Оома!

— Гм! сомнѣваюсь. Вѣроятно какой-нибудь современный осель, навьюченный книгами. Души въ нихъ нѣтъ, полковникъ, сердца въ нихъ нѣтъ! А чтó и ученость безъ добродѣтели?

— Нѣтъ, Оома, нѣтъ! Какъ о семейномъ счастіи говорилъ! такъ сердце и вникаетъ само-собою, Оома!

— Гм! Посмотримъ, проэкзамнуемъ и Коровкина. Но довольно, заключилъ Оома, подымаясь съ кресла. Я не могу еще васъ совершенно простить, полковникъ: обида была кровавая; но я помолюсь, и, можетъ-быть, Богъ ниспошлетъ миръ оскорбленному сердцу. Мы поговоримъ еще завтра объ этомъ, а теперь, позвольте ужъ мнѣ уйти. Я усталъ и ослабъ...

— Ахъ, Оома! захопоталъ дядя, вѣдь ты, въ-самомъ-дѣлѣ, усталъ! Знаешь что? не хочешь ли подкрѣпиться, закусить чего-нибудь? Я сейчасъ прикажу.

— Закусить! Ха-ха-ха! Закусить! отвѣчалъ Оома, съ презрительнымъ хохотомъ. Сперва напоить тебя ядомъ, а потомъ

спрашиваютъ, не хочешь ли закусить? Сердечныя раны хотятъ заѣчь какими-нибудь отварными грибками, или мочеными яблочками! Какой вы жалкій матеріалистъ, полковникъ!

— Эхъ, Оома, я, вѣдь, ей-Богу, отъ чистаго сердца...

— Ну хорошо. Довольно объ этомъ. Я ухожу, а вы немедленно идите къ вашей родительницѣ, падите на колѣни, рыдайте, плачьте, но вымолите у нея прощеніе — это вашъ долгъ, ваша обязанность!

— Ахъ, Оома, я все время объ этомъ только и думалъ; даже теперь, съ тобой говоря, объ этомъ же думалъ. Я готовъ хоть до разсвѣта простоять передъ ней на колѣняхъ. Но подумай, Оома, чего же отъ меня и требуютъ? Вѣдь это несправедливо, вѣдь это жестоко, Оома! Будь великодушень въполнѣ, осчастливь меня совершенно, подумай, рѣши — тогда... тогда... клянусь!...

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, нѣтъ, это не мое дѣло, отвѣчалъ Оома. Вы знаете, что я во все это ни мало не вмѣшиваюсь, то-есть вы, положимъ, и убѣждены, что я всему причиною, но, увѣряю васъ, съ самага начала этого дѣла я устранилъ себя совершенно. Тутъ одна только воля вашей родительницы, а она, разумѣется, вамъ желаетъ добра... Ступайте же, спѣшите, летите и поправьте обстоятельства своимъ послушаніемъ. Да не зайдетъ солнце во гнѣвъ вашемъ! а я... а я буду всю ночь молиться за васъ. Я давно уже не знаю, что такое сонъ, Егоръ Ильичъ. Прощайте! Прощаю и тебя, старикъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Гаврилѣ. Знаю, что ты не своимъ умомъ дѣйствовалъ. Прости же и ты мнѣ, если я обидѣлъ тебя... Прощайте, прощайте, прощайте всѣ и благослови васъ Господь!...

Оома вышелъ. Я тотчасъ же бросился въ комнату.

— Ты подслушивалъ? вскричалъ дядя.

— Дà, дядюшка, я подслушивалъ! И вы, и вы могли сказать ему «ваше превосходительство»!...

— Что жъ дѣлать, братецъ? Я даже горжусь... Это ничего для высокаго подвига; но какой благородный, какой безко-

рыстный, какой великій человекъ! Сергѣй — ты вѣдь слышалъ... И какъ могъ я тутъ соваться съ этими деньгами, то есть просто не понимаю! Другъ мой! я былъ увлеченъ; я былъ въ ярости; я не понималъ его; я его подозрѣвалъ, обвинялъ... но нѣтъ! онъ не могъ быть моимъ противникомъ — это я теперь вижу... А помнишь, какое у него было благородное выраженіе въ лицѣ, когда онъ отказался отъ денегъ?

— Хорошо, дядюшка, гордитесь же сколько угодно, а я ѣду; терпѣнія нѣтъ больше! Послѣдній разъ говорю, скажите: чего вы отъ меня требуете? зачѣмъ вызвали и чего ожидаете? И если все кончено и я бесполезенъ вамъ, то я ѣду. Я не могу выносить такихъ зрѣлищъ! Сегодня же ѣду!

— Другъ мой... засуетился, по обыкновенію своему дяди: — подожди только двѣ минуты: я, братъ, иду теперь къ маменькѣ... тамъ надо кончить... важное, великое, громадное дѣло! А ты, покажѣсть, уйди къ себѣ. Вотъ Гаврила тебя и отведетъ въ лѣтній флигель. Знаешь лѣтній флигель? это въ самомъ саду. Я ужъ распорядился, и чемоданъ твой туда перенесли. А я буду тамъ, вымолю прощеніе, рѣшусь на одно дѣло — я теперь ужъ знаю, какъ сдѣлать — и тогда мигомъ къ тебѣ, и тогда все, все, все до послѣдней черты тебѣ расскажу, всю душу выложу предъ тобою. И... и... и наступятъ же когда-нибудь и для насъ счастливые дни! Двѣ минуты, только двѣ минуты, Сергѣй!

Онъ пожалъ мнѣ руку и поспѣшно вышелъ. Нечего было дѣлать, пришлось опять отправляться съ Гаврилой.

X

Мизинчиковъ.

Флигель, въ который привелъ меня Гаврила, назывался «новымъ флигелемъ» только по старой памяти, но выстроенъ былъ уже давно, прежними помѣщиками. Это былъ хорошенькій, деревянный домикъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стараго дома, въ самомъ саду. Съ трехъ сторонъ его обступали высокія старыя лицы, касавшіяся своими вѣтвями кровли. Всѣ четыре комнаты этого домика были недурно-меблированы и предназначались къ пріѣзду гостей. Войдя въ отведенную мнѣ комнату, въ которую уже перенесли мой чемоданъ, я увидѣлъ на столикѣ, предъ кроватью листъ почтовой бумаги, великолѣпно-исписанный разными шрифтами, отдѣланный гирляндами, парафами и росчерками. Заглавныя буквы и гирлянды разрисованы были разными красками. Все вмѣстѣ составляло премиленькую каллиграфскую работу. Съ первыхъ словъ, прочитанныхъ мною, я понималъ, что это было просительное письмо, адресованное ко мнѣ, и въ которомъ я именовался «просвѣщеннымъ благодѣтелемъ». Въ заглавіи стояло: «Вопли Видоплясова». Сколько я ни напрягалъ вниманія, стараясь, хоть что-нибудь понять изъ написаннаго — всѣ труды мои оставались тщетными: это былъ самый напыщенный вздоръ, писанный высокимъ лакейскимъ слогомъ. Догадался я только, что Видоплясовъ находится въ какомъ-то бѣдственномъ положеніи, проситъ моего содѣйствія, въ чемъ-то очень на меня надѣется, «по причинѣ моего просвѣщенія» и, въ-заключеніе, проситъ похлопотать въ мою пользу у дядюшки и подѣйствовать на него «моею машиною», какъ буквально изображено было въ концѣ

этого посланія. Я еще читалъ его, какъ отворилась дверь, и вошелъ Мизинчиковъ.

— Надѣюсь, что вы позволите мнѣ съ вами познакомиться, сказалъ онъ развязно, но чрезвычайно-вѣжливо. и подавая мнѣ руку. Давеча я не могъ вамъ сказать двухъ словъ, а между тѣмъ, съ перваго взгляда почувствовалъ желаніе узнать васъ короче.

Я тотчасъ же отвѣчалъ, что и самъ радъ, и проч., хотя и находился въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа. Мы сѣли.

— Чтò это у васъ? сказалъ онъ, взглянувъ на листъ, который я держалъ еще въ рукѣ. Ужь не вопли ли Видоплясова? Такъ и есть! Я увѣренъ былъ, что Видоплясовъ и васъ атакуеть. Онъ и мнѣ подавалъ такой же точно листъ, съ тѣми же воплями; а васъ онъ уже давно ожидаетъ и, вѣроятно, заранѣе приготовлялся. Вы не удивляйтесь здѣсь много страннаго и, право, есть надъ чѣмъ посмѣяться.

— Только посмѣяться?

— Ну, да неужели же плакать? Если хотите, я вамъ расскажу біографію Видоплясова и увѣренъ, что вы посмѣтесь.

— Признаюсь, теперь мнѣ не до Видоплясова, отвѣчалъ я съ досадою.

Мнѣ очевидно было, что и знакомство господина Мизинчикова и любезный его разговоръ — все это предпринято имъ съ какою-то цѣлю, и что господинъ Мизинчиковъ, просто, во мнѣ нуждается. Давеча онъ сидѣлъ нахмуренный и серьезный; теперь же былъ веселый, улыбающійся и готовый рассказывать длинныя исторіи. Видно было съ перваго взгляда, что этотъ человекъ отлично владѣлъ собой и, кажется, зналъ людей.

— Проклятый Оома! сказалъ я, со злостью стукнувъ кулакомъ по столу. Я увѣренъ, что онъ источникъ всякаго здѣшняго зла и во всемъ замѣшанъ! Проклятая тварь!

— Вы, кажется, ужь слишкомъ на него разсердились, замѣтилъ Мизинчиковъ.

— Слишкомъ разсердился! вскрикнулъ я, мгновенно разгорячившись. — Конечно, я давеча, слишкомъ увлекся и такимъ образомъ далъ право всякому осуждать меня. Я очень хорошо понимаю, что я выскочилъ и срѣзался на всѣхъ пунктахъ, и, я думаю, нечего было это мнѣ объяснять!.. Понимаю тоже, что такъ не дѣлается въ порядочномъ обществѣ; но, сообразите, была ли какая возможность не увлечься? Вѣдь это сумасшедшій домъ, если хотите знать! и... и... наконецъ... я просто уѣду отсюда — вотъ что!

— Вы курите? спокойно спросилъ Мизинчиковъ.

— Да.

— Такъ, вѣроятно, позволите и мнѣ закурить. Тамъ не позволяютъ, и я почти стосковался. Я согласенъ, продолжалъ онъ, закуривъ папироску: — что все это похоже на сумасшедшій домъ, но будьте увѣрены, что я не позволю себѣ осуждать васъ, именно потому, что, на вашемъ мѣстѣ, я, можетъ, втрое бы разгорячился и вышелъ изъ себя, чѣмъ вы.

— А почему же вы не вышли изъ себя, если дѣйствительно были тоже раздосадованы? Я, напротивъ, припоминаю васъ очень хладнокровнымъ, и, признаюсь, мнѣ даже странно было, что вы не заступились за бѣднаго дядю, который готовъ благодарствовать... всѣмъ и каждому!

— Ваша правда: онъ многимъ благодарствовалъ; но заступаться за него я считаю совершенно бесполезнымъ; во-первыхъ, это и для него бесполезно и даже унижительно какъ-то; а во-вторыхъ, меня бы завтра же выгнали. А я вамъ откровенно скажу: мои обстоятельства такого рода, что я долженъ дорожить здѣшнимъ гостепріимствомъ.

— Но я нисколько не претендую на вашу откровенность насчетъ обстоятельствъ... Мнѣ бы, впрочемъ, хотѣлось спросить, такъ-какъ вы здѣсь уже мѣсяцъ живете...

— Сдѣлайте одолженіе, спрашивайте: я къ вашимъ услугамъ, торопливо отвѣчалъ Мизинчиковъ, придвигая стулъ.

— Да вотъ, напримѣръ, объясните: сейчасъ, Ома Омичъ

отказался отъ 15.000 серебромъ, которыя уже были въ его рукахъ — я видѣлъ это собственными глазами.

— Какъ это? Неужели? вскрикнулъ Мизинчиковъ. — Разскажите, пожалуйста!

Я разсказалъ, умолчавъ о «вашемъ превосходительствѣ». Мизинчиковъ слушалъ съ жаднымъ любопытствомъ, онъ даже какъ-то преобразился въ лицѣ, когда дошло до пятнадцати тысячъ.

— Ловко! сказалъ онъ, выслушавъ разсказъ. Я даже не ожидалъ отъ Оомы.

— Однакожь, отказался отъ денегъ! Чѣмъ объяснить? Неужели благодетельствомъ души?

— Отказался отъ пятнадцати тысячъ, чтобъ взять потомъ тридцать. Впрочемъ, знаете что? прибавилъ онъ, подумавъ:— я сомнѣваюсь, чтобъ у Оомы былъ какой-нибудь расчетъ. Это человѣкъ непрактическій; это тоже, въ своемъ родѣ, какой-то поэтъ. Пятнадцать тысячъ... гм! Видите ли: онъ и взялъ бы деньги, да не устоялъ передъ соблазномъ погримасничать, порисоваться. Это, я вамъ скажу, такая кислотина, такая слезливая размазня, и все это при самомъ неограниченномъ самолюбіи!

Мизинчиковъ даже рассердился. Видно было, что ему очень досадно, даже какъ-будто завидно. Я съ любопытствомъ вглядывался въ него.

— Гм! Надо ожидать большихъ переменъ, прибавилъ онъ, задумываясь. — Теперь Егоръ Ильичъ готовъ молиться Оомѣ. Чего добраго, пожалуй и женится, изъ умиленія души, прибавилъ онъ сквозь зубы.

— Такъ вы думаете, это непременно состоится — этотъ гнусный, противоестественный бракъ, съ этой помѣшанной дурой?

Мизинчиковъ пытливо взглянулъ на меня.

— Подлецы! вскричалъ я запальчиво.

— Впрочемъ, у нихъ идея довольно-основательная: они

утверждаютъ, что онъ долженъ же что-нибудь сдѣлать для семейства.

— Мало онъ для нихъ сдѣлалъ! вскричалъ я, въ негодованіи. И вы, и вы можете говорить, что это основательная мысль — жениться на пошлой дурѣ!

— Конечно, и я согласенъ съ вами, что она дура... Гм! Это хорошо, что вы такъ любите дядюшку; я самъ сочувствую... хотя на ея деньги можно бы славно округлить имѣніе! Впрочемъ, у нихъ и другіе резоны: они боятся, чтобъ Егоръ Ильичъ не женился на той гувернанткѣ... помните, еще такая интересная дѣвушка?

— А развѣ... развѣ это вѣроятно? спросилъ я въ волненіи. — Мнѣ кажется, это клевета. Скажите ради Бога, меня это крайне интересуетъ.

— О, влюбленъ по уши! Только, разумѣется, скрываетъ.

— Скрываетъ! Вы думаете, онъ скрываетъ? Ну, а она? Она его любитъ?

— Очень можетъ быть, что и она. Впрочемъ, вѣдь ей всѣ выгоды за него выйдти: она очень-бѣдна.

— Но какія данныя вы имѣете для вашей догадки, что они любятъ другъ друга?

— Да вѣдь этого нельзя не замѣтить; притомъ же они, кажется, имѣютъ тайныя свиданія. Утверждали даже, что она съ нимъ въ непозволительной связи. Вы только, пожалуйста, не рассказывайте. Я вамъ говорю подъ секретомъ.

— Возможно-ли этому повѣрить? вскричалъ я:—и вы, и вы признаетесь, что этому вѣрите?

— Разумѣется, я не вѣрю вполнѣ, я тамъ не былъ. Впрочемъ, очень можетъ и быть.

— Какъ, можетъ быть! Вспомните благородство, честь дяди!

— Согласенъ; но можно и увлечься съ тѣмъ, чтобъ непременно потомъ завершить законнымъ бракомъ. Такъ часто увлекаются. Впрочемъ, повторяю, я нисколько не стою за совершенную достовѣрность этихъ извѣстій, тѣмъ болѣе, что

ее здѣсь очень ужь размарали; говорили даже, что она была въ связи съ Видоплясовымъ.

— Ну, вотъ видите! вскричалъ я: — съ Видоплясовымъ! Ну, возможно ли это? Ну, не отвратительно ль даже слышать это? Неужели жь вы и этому вѣрите?

— Я вѣдь вамъ говорю, что я этому несовсѣмъ вѣрю, спокойно отвѣчалъ Мизинчиковъ: — а, впрочемъ, могло и случиться. На свѣтѣ все можетъ случиться. Я же тамъ не былъ, и, пригомъ, я считаю, что это не мое дѣло. Но такъ-какъ я вижу, вы берете во всемъ этомъ большое участіе, то считаю себя обязаннымъ прибавить, что дѣйствительно мало вѣроятія насчетъ этой связи съ Видоплясовымъ. Это все продѣлки Анны Николавны, вотъ этой Перепелицыной; это она распустила здѣсь эти слухи, изъ зависти, потому-что сама прежде мечтала выйдти замужъ за Егора Ильича — ей-Богу!

— на томъ основаніи, что она подполковничья дочь. Теперь она разочаровалась и ужасно бѣсится. Впрочемъ, я, кажется, ужь все рассказалъ вамъ объ этихъ дѣлахъ и, признаюсь, ужасно не люблю сплетенъ, тѣмъ болѣе, что мы только теряемъ драгоцѣнное время. Я, видите ли, пришелъ къ вамъ съ небольшой просьбой.

— Съ просьбой? помилуйте, все, чѣмъ могу быть полезенъ

— Понимаю и даже надѣюсь васъ нѣсколько заинтересовать, потому-что, вижу, вы любите вашего дядюшку и принимаете большое участіе въ его судьбѣ насчетъ брака. Но, передъ этой просьбой, я имѣю къ вамъ еще другую просьбу, предварительную.

— Какую же?

— А вотъ какую: можетъ-быть, вы и согласитесь исполнить мою главную просьбу, можетъ-быть, и нѣтъ; но, во всякомъ случаѣ, прежде изложенія я бы попросилъ васъ покорнѣйше сдѣлать мнѣ величайшее одолженіе, дать мнѣ честное и благородное слово дворянина и порядочнаго человѣка, что все, услышанное вами отъ меня, останется между нами въ

глубочайшей тайнѣ, и что вы ни въ какомъ случаѣ, ни для какого лица не измѣните этой тайнѣ и не воспользуетесь для себя такой идеей, которую я теперь нахожу необходимымъ вамъ сообщить. Согласны, или нѣтъ?

Предисловіе было торжественное. Я далъ согласіе.

— Ну-съ?... сказалъ я.

— Дѣло въ-сущности очень-простое, началъ Мизинчиковъ.— Я, видите ли, хочу увезти Татьяну Ивановну и жениться на ней; словомъ, будетъ нѣчто похожее на Гретна-Гринтъ—понимаете?

Я посмотрѣлъ господину Мизинчикову прямо въ глаза и въ некоторое время не могъ выговорить слова.

— Признаюсь вамъ, ничего не понимаю, проворилъ я, наконецъ: — и, кромѣ-того, продолжалъ я: — ожидая, что имѣю дѣло съ человѣкомъ благоразумнымъ, я, съ своей стороны, никакъ не ожидалъ...

— Ожидая не ожидали, перебилъ Мизинчиковъ:— въ переводѣ это будетъ, что я и намѣреніе мое глупы—не правда ли?

— Вовсе нѣтъ-съ... но...

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь въ вашихъ выраженіяхъ! Не безпокойтесь; вы мнѣ даже сдѣлаете этимъ большое удовольствие, потому-что этакъ ближе къ цѣли. Я, впрочемъ, согласенъ, что все это съ перваго взгляда можетъ показаться даже нѣсколько-страннымъ. Но смѣю утвердить васъ, что мое намѣреніе не только неглупо, но даже въ высшей степени благоразумно; и если вы будете такъ добры, выслушаете всѣ обстоятельства...

— О, помилуйте! я съ жадностью слушаю.

— Впрочемъ, рассказывать почти нечего. Видите ли: я теперь въ долгахъ и безъ копѣйки. У меня есть, кромѣ-того, сестра, дѣвица; лѣтъ девятнадцати, сирота круглая, живетъ въ людяхъ и безъ всякихъ, знаете, средствъ. Въ этомъ виновать отчасти и я. Получили мы въ наслѣдство сорокъ душъ. Нужно же, чтобъ меня, именно въ это время, произвели въ корнеты. Ну, сначала, разумѣется, заложилъ, а потомъ про-

кутилъ и остальнымъ образомъ. Жилъ глупо, задавалъ тону, корчилъ Бурцова, игралъ, пилъ — словомъ, глупо, даже и вспоминать стыдно. Теперь одумался и хочу совершенно измѣнить образъ жизни. Но для этого мнѣ совершенно-необходимо имѣть сто тысячъ ассигнаціями. А такъ-какъ я не достану ничего службой, самъ же по-себѣ ни на чтоъ неспособенъ и не имѣю почти никакого образованія, то, разумѣется, остается только два средства: или украсть, или жениться на богатой. Пришелъ я сюда почти безъ сапогъ, пришелъ, а не пріѣхалъ. Сестра дала мнѣ свои послѣдніе три цѣлковыхъ, когда я отправился изъ Москвы. Здѣсь я увидѣлъ эту Татьяну Ивановну и тотчасъ же у меня родилась мысль. Я немедленно рѣшился пожертвовать собой и жениться. Согласитесь, что все это не что иное, какъ благоразуміе. Къ - тому же, я дѣлаю это болѣе для сестры... ну, конечно, и для себя...

— Но, позвольте, вы хотите сдѣлать формальное предложеніе Татьянѣ Ивановнѣ?

— Боже меня сохрани! Меня отсюда тотчасъ бы выгнали, да и она сама не пойдетъ; а если предложить ей увозъ, побѣгъ, то она тотчасъ пойдетъ. Въ томъ - то и дѣло: только чтобъ было что-нибудь романическое и эффектное. Разумѣется, все это немедленно завершится между нами законнымъ бракомъ. Только бы выманить-то ее отсюда!

— Да почему жь вы такъ увѣрены, что она непременно съ вами убѣжитъ?

— О, не беспокойтесь! въ этомъ я совершенно увѣренъ. Въ томъ-то и состоитъ основная мысль, что Татьяна Ивановна способна завести амурное дѣло рѣшительно со всякимъ встрѣчнымъ, словомъ, со всякимъ, кому только придетъ въ голову ей отвѣчать. Вотъ почему я и взялъ съ васъ предварительно честное слово, чтобъ вы тоже не воспользовались этой идеей. Вы же, конечно, поймете, что мнѣ бы даже грѣшно было не воспользоваться такимъ случаемъ, особенно при моихъ обстоятельствахъ.

— Такъ, стало-быть, она совсѣмъ сумасшедшая... ахъ! из-

вините, прибавилъ я, спохватившись. — Такъ-какъ вы теперь имѣете на нее виды, тож.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, я уже просилъ васъ. Вы спрашиваете совсѣмъ-ли она сумасшедшая? Какъ вамъ отвѣтить? Разумѣется, несумасшедшая, потому-что еще не сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ; притомъ же, въ этой маніи къ амурнымъ дѣламъ я, право, не вижу особеннаго сумасшествія. Она же, несмотря ни на что, дѣвушка честная. Видите ли: она до прошлаго года была въ ужасной бѣдности, съ самаго рожденія жила подъ гнѣтомъ у благодѣтельница. Сердце у ней необыкновенно-чувствительное; замужъ ее никто не просилъ — ну, понимаете, мечты, желанія, надежды, пылъ сердца, который надо было всегда укрощать, вѣчныя муки отъ благодѣтельница — все это, разумѣется, могло довести до разстройства чувствительный характеръ. И вдругъ, она получаетъ богатство: согласитесь сами, это хоть кого перевернетъ. Ну, разумѣется, теперь въ ней ищутъ, за ней волочатся и всѣ надежды ея воскресли. Давеча она рассказала про франта въ бѣломъ жилетѣ: это фактъ, случившійся буквально такъ, какъ она говорила. По этому факту можете судить и объ остальномъ. На вздохи, на записочки, на стишки вы ее тотчасъ приманите; а если, ко всему этому, намекнете на шелковую лѣстницу, на испанскія серенады и на всякій этотъ вздоръ, то вы можете сдѣлать съ ней все, что угодно. Я ужъ сдѣлалъ пробу, и тотчасъ же добился тайнаго свиданія. Впрочемъ, теперь я, покамѣсть, приостановился до благопріятнаго времени. Но дня черезъ три, черезъ четыре, надо ее увезти, непременно. Наканунѣ я начну подпускать ласы, вздыхать; я недурно играю на гитарѣ и пою. Ночью свиданье въ бесѣдкѣ, а къ разсвѣту коляска будетъ готова, я ее выманю, сядемъ и уѣдемъ. Вы понимаете, что тутъ никакого риска: она совершеннолѣтняя и, кромѣ того, во всемъ ея добрая воля. А ужъ если она разъ бѣжала со мной, то ужъ, конечно, значитъ, вошла со мной въ обязательства... Привезу я ее въ благородный, но бѣдный домъ — здѣсь есть, въ сорока вер-

стахъ — гдѣ до свадьбы ее будутъ держать въ рукахъ и никого до нея не допустить; а между-тѣмъ, я времени терять не буду: свадьбу уладимъ въ три дня — это можно. Разумѣется, прежде нужны деньги; но я рассчиталъ, нужно не болѣе пятисотъ серебромъ на всю интермедію, и въ этомъ я надѣюсь на Егора Ильича: онъ дастъ, конечно, не зная, въ чемъ дѣло. Теперь поняли?

— Понимаю, сказалъ я, понявъ, наконецъ, все въ совершенствѣ. — Но, скажите, въ чемъ же я-то вамъ могу быть полезенъ?

— Ахъ, въ очень-многомъ, помилуйте! Иначе я бы и не просилъ. Я уже сказалъ вамъ, что имѣю въ виду одно почтенное, но бѣдное семейство. Вы же мнѣ можете помочь и здѣсь, и тамъ, и, наконецъ, какъ свидѣтель. Признаюсь, безъ вашей помощи я буду какъ безъ рукъ.

— Еще вопросъ: почему именно вы удостоили выбрать меня для вашей довѣренности, меня, котораго вы еще не знаете, потому-что я всего нѣсколько часовъ какъ пріѣхалъ?

— Вопросъ вашъ, отвѣчалъ Мизищниковъ, съ самою любезною улыбкою: — вопросъ вашъ, признаюсь откровенно, доставляетъ мнѣ много удовольствія, потому-что представляетъ мнѣ случай высказать мое особое къ вамъ уваженіе.

— О, много чести!

— Нѣтъ, видите ли, я васъ давеча нѣсколько изучалъ. Вы, положимъ, и пылки и... и... ну, и молоды, но вотъ въ чемъ я совершенно-увѣренъ: если ужъ вы дали мнѣ слово, что никому не расскажете, то ужъ, навѣрно, его сдержите. Вы не Обноскинъ — это первое. Въ вторыхъ, вы честны и не воспользуетесь моею идеей для себя, разумѣется, кромѣ того случая, если захотите вступить со мною въ дружелюбную сдѣлку. Въ такомъ случаѣ я, можетъ-быть, и согласенъ буду уступить вамъ мою идею, то-есть Татьяну Ивановну, и готовъ ревностно помогать въ похищеніи, но съ условіемъ, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы получить отъ васъ пятьдесятъ тысячъ ассигнаціями, въ чемъ, разумѣется, вы мнѣ заранѣе

дали бы обезпеченіе, въ видѣ заемнаго письма, безъ процентовъ.

— Какъ? вскричалъ я: — такъ вы ее ужъ и мнѣ предлагаете?

— Натурально я могу уступить, если надумаетесь, захотите. Я, конечно, теряю, но... идея принадлежитъ мнѣ, а вѣдь за идеи же берутъ деньги. Въ третьихъ, наконецъ, я потому васъ пригласилъ, что не изъ кого и выбирать. А долго медлить, взявъ въ соображеніе здѣшнія обстоятельства, невозможно. Къ-тому же скоро успѣнскій постъ и вѣнчать не стануть. Надѣюсь, вы теперь вполне меня понимаете?

— Совершенно, и еще разъ обязуюсь сохранить вашу тайну въ полной неприкосновенности; но товарищемъ вашимъ въ этомъ дѣлѣ я быть не могу, о чемъ и считаю долгомъ объявить вамъ немедленно.

— Почему жь?

— Какъ почему жь? вскричалъ я, давая наконецъ волю накопившимся во мнѣ чувствамъ. — Да не-уже-ли вы не понимаете, что такой поступокъ даже неблагороденъ? Положимъ, вы рассчитываете совершенно-вѣрно, основываясь на слабоуміи и на несчастной маніи этой дѣвицы; но вѣдь ужъ это одно и должно было бы удержать васъ, какъ благороднаго человѣка! Сами же вы говорите, что она достойна уваженія, несмотря на то, что смѣшна. И вдругъ, вы пользуетесь ея несчастьемъ, чтобъ вытянуть отъ нея сто тысячъ! Вы, конечно, не будете ея настоящимъ мужемъ, исполняющимъ свои обязанности: вы непременно ее покинете... Это такъ неблагородно, что, извините меня, я даже не понимаю, какъ вы рѣшились просить меня въ ваши сотрудники!

— Фу, ты, Боже мой, какой романтизмъ! вскричалъ Мизинчиковъ, глядя на меня съ неподдѣльнымъ удивленіемъ. — Впрочемъ, тутъ даже и не романтизмъ, а вы просто, кажется, не понимаете, въ чемъ дѣло. Вы говорите, что это неблагородно, а между-тѣмъ всѣ выгоды не на моей, а на ея сторонѣ... Разсудите только!

— Конечно, если смотрѣть съ вашей точки зрѣнія, то, пожалуй, выйдетъ, что вы сдѣлаете самое великодушное дѣло, женись на Татьянѣ Ивановнѣ, отвѣчалъ я съ саркастической улыбкою.

— А то какъ же? именно такъ, именно самое великодушное дѣло! вскричалъ Мизинчиковъ, разгорячаясь въ свою очередь. — Разсудите только: вопервыхъ, я жертвую собой и соглашаюсь быть ея мужемъ — вѣдь это же стѣдуетъ чего-нибудь? Вотвторыхъ, несмотря на то, что у ней есть вѣрныхъ тысячъ сто серебромъ, несмотря на это, я беру только сто тысячъ ассигнаціями и уже далъ себѣ слово не брать у ней ни копѣйки больше во всю мою жизнь, хотя бы и могъ — это опять чего-нибудь стѣдуетъ! Наконецъ, вникните, ну, можетъ ли она прожить свою жизнь спокойно? Чтобъ ей спокойно прожить, нужно отобрать у ней деньги и посадить ее въ сумасшедшій домъ, потому-что каждую минуту надо ожидать, что къ ней подвернется какой-нибудь бездѣльникъ, прощальга, спекулянтъ, съ эспаньолкой и съ усиками, съ гитарой и съ серенадами, въ родѣ Обноскина, который сманитъ ее, женится на ней, оберетъ ее дочиста и потомъ броситъ гдѣ нибудь на большой дорогѣ. Вотъ здѣсь, на примѣръ, и честнѣйшій домъ, а вѣдь и держатъ ее только потому, что спекулируютъ на ея денежки. Отъ этихъ шансовъ ее нужно избавить, спасти. Ну, а понимаете, какъ только она выйдетъ за меня — всѣ эти шансы исчезли. Ужь я обязуюсь въ томъ, что какое несчастье до нея не коснется. Вопервыхъ, я ее тотчасъ же помѣщаю въ Москвѣ, въ одно благородное, но бѣдное семейство — это не то, о которомъ я говорилъ: это другое семейство; при ней будетъ постоянно находиться моя сестра; за ней будутъ смотрѣть въ оба глаза. Денегъ у ней останется тысячъ двѣсти-пятьдесятъ, а, можетъ, и триста ассигнаціями: на это можно, знаете, какъ прожить! Всѣ удовольствія ей будутъ доставлены, всѣ развлечения, балы, маскарады, концерты. Она можетъ даже мечтать объ амурахъ; только, разумѣется, я себя на этотъ счетъ обезпечу: мечтай

сколько хочешь, а на дѣлѣ ни-ни! Теперь, на примѣръ, каждый можетъ ее обидѣть, а тогда никто: она жена моя, она Мизинчикова, а я свое имя на поруганье не отдамъ-съ! Это одно чего стоить? Натурально, я съ нею не буду жить вмѣстѣ. Она въ Москвѣ, а я гдѣ-нибудь въ Петербургѣ. Въ этомъ я сознаюсь, потому что съ вами веду дѣло на чистоту. Но что жъ до этого, что мы будемъ жить врознь? Сообразите, приглядитесь къ ея характеру: ну способна ли она быть женой и жить вмѣстѣ съ мужемъ? Развѣ возможно съ ней постоянство? Вѣдь это легкомысленнѣйшее созданіе въ свѣтѣ! Ей необходима непрерывная перемѣна; она способна на другой же день забыть, что вчера вышла замужъ и сдѣлалась законной женой. Да я сдѣлаю ее несчастною въ-конецъ, если буду жить вмѣстѣ съ ней и буду требовать отъ нея строгаго исполненія обязанностей. Натурально, я буду къ ней пріѣзжать разъ въ годъ, или чаще, и не за деньгами — увѣряю васъ. Я сказалъ, что болѣе ста тысячъ ассигнаціями у ней не возьму, и не возьму! Въ денежномъ отношеніи я поступаю съ ней въ высшей степени благороднымъ образомъ. Пріѣзжая дня на два, на три, я буду доставлять даже удовольствіе, а не скуку: я буду съ ней хохотать, буду рассказывать ей анекдоты, повезу на балъ, буду съ ней амурничать, дарить сувенирчики, пѣть романсы, подарю собачку, разстанусь съ ней романически и буду вести съ ней потомъ любовную переписку. Да она въ восторгѣ будетъ отъ такого романическаго, влюбленнаго и веселаго мужа! По-моему это рационально: такъ бы и всѣмъ мужьямъ поступать. Мужья тогда только и драгоценны женамъ, когда въ отсутствіи, и, слѣдуя моей системѣ, я займу сердце Татьяны Ивановны сладчайшимъ образомъ на всю ея жизнь. Чего жъ ей больше желать? скажите. Да вѣдь это рай, а не жизнь!

Я слушалъ молча и съ удивленіемъ. Я понялъ, что оспаривать господина Мизинчикова невозможно. Онъ фанатически увѣренъ былъ въ правотѣ и даже въ величій своего проекта и говорилъ о немъ съ восторгомъ изобрѣтателя. Но оста-

валось одно щекотливѣйшее обстоятельство, и разъяснить его было необходимо.

— Вспомнили ли вы, сказалъ я: — что она почти уже не-вѣста дяди? Похитивъ ее, вы сдѣлаете ему большую обиду; вы увезете ее почти наканунѣ свадьбы, и сверхъ того, у него же возьмете займы для совершенія этого подвига!

— А вотъ тутъ-то я васъ и ловлю! съ жаромъ вскричалъ Мизинчиковъ. — Не безпокойтесь; я предвидѣлъ ваше возраженіе. Но, во-первыхъ и главное, дядя еще предложенія не дѣлалъ; слѣдственно, я могу и не знать, что ее готовятъ ему въ невѣсты; притомъ же, прошу замѣтить, что я еще, три недѣли назадъ, замыслилъ это предпріятіе, когда еще ничего не зналъ о здѣшнихъ намѣреніяхъ; а потому, я совершенно правъ передъ нимъ въ моральномъ отношеніи и даже, если строго судить, не я у него, а онъ у меня отбиваетъ невѣсту, съ которой — замѣтите это — я ужъ имѣлъ тайное ночное свиданіе въ бесѣдкѣ. Наконецъ, позвольте, не вы ли сами сейчасъ были въ изступленіи, что дядюшку вашего заставляють жениться на Татьянѣ Ивановнѣ, а теперь вдругъ заступаетесь за этотъ бракъ, говорите о какой-то фамильной обидѣ, о чести! Да я, напротивъ, дѣлаю вашему дядюшкѣ величайшее одолженіе: спасаю его — вы должны это понять! Онъ съ отвращеніемъ смотритъ на эту женитьбу и къ тому же любитъ другую дѣвицу! Ну, какая ему жена Татьяна Ивановна? да и она съ нимъ будетъ несчастна, потому что, какъ хотите, а вѣдь ее нужно же будетъ тогда ограничить, чтобъ она не бросала розанцами въ молодыхъ людей. А вѣдь когда я увезу ее ночью, такъ ужъ тутъ никакая генеральша, никакой Ома Омичъ ничего не сдѣлають. Возвратить такую невѣсту, которая бѣжала изъ-подъ вѣнца, будетъ ужъ слишкомъ зазорно. Развѣ это не одолженіе, не благодареніе Егору Ильичу?

Признаюсь, это послѣднее разсужденіе на меня сильно по-дѣйствовало.

— А что, если онъ завтра сдѣлаетъ предложеніе? сказалъ

я: — вѣдь ужь тогда будетъ нѣсколько поздно: она будетъ формальная невѣста его.

— Натурально, поздно! Но тутъ-то и надо работать, чтобъ этого не было. Для чего жь я и прошу вашего содѣйствія? Одному мнѣ трудно, а вдвоемъ мы уладимъ дѣло и настаивимъ, чтобъ Егоръ Ильичъ не дѣлалъ предложенія. Надобно помѣшать всѣми силами, пожалуй, въ крайнемъ случаѣ, поколотить Оому Оомича и тѣмъ отвлечь всеобщее вниманіе, такъ что имъ будетъ не до свадьбы. Разумѣется, это только въ крайнемъ случаѣ; я говорю для примѣра. Въ этомъ-то я на васъ и надѣюсь.

— Еще одинъ, послѣдній вопросъ: вы никому, кромѣ меня, не открывали вашего предпріятія?

Мизинчиковъ почесалъ въ затылкѣ и скорчилъ самую кислую гримасу.

— Признаюсь вамъ, отвѣчалъ онъ: — этотъ вопросъ для меня хуже самой горькой пилюли. Въ томъ-то и штука, что я уже открылъ мою мысль. словомъ, сваялъ ужаснѣйшаго дурака! И какъ бы вы думали, кому? Обноскину! такъ что я даже самъ не вѣрю себѣ. Не понимаю, какъ и случилось! Онъ все здѣсь вертѣлся; я еще его хорошо не зналъ, и когда осѣнило меня вдохновеніе, я, разумѣется, былъ какъ-будто въ горячкѣ; а такъ, какъ я тогда же понялъ, что мнѣ нуженъ помощникъ, то и обратился къ Обноскину. Непростительно, непростительно!

— Ну, что жь Обноскинъ?

— Съ восторгомъ согласился, а на другой же день, рано утромъ, исчезъ. Дня черезъ три является опять, съ своей маменькой. Со мной ни слова, и даже избѣгаетъ, какъ-будто боится. Я тотчасъ же понялъ въ чемъ штука. А маменька его такая прощальга, просто, черезъ всѣ мѣдныя трубы прошла. Я ее прежде знавалъ. Конечно, онъ ей все рассказалъ. Я молчу и жду; они шпионятъ, и дѣло находится немного въ натянутомъ положеніи. Оттого-то я и тороплюсь.

— Чего жь именно вы отъ нихъ опасаетесь?

— Многого, конечно, не сдѣлають, а что напакостятъ — такъ это навѣрно. Потребують денеть за молчаніе и за помощь: я того и жду... Только я много не могу имъ дать, и не дамъ — ужь рѣшился больше трехъ тысячъ ассигнаціями невозможно. Разсудите сами: три тысячи сюда, пять-сотъ серебромъ свадьба, потому что дядѣ все сполна нужно отдать; потомъ старые долги; ну, сестрѣ хоть что-нибудь, такъ, хоть, что-нибудь. Много-ль изъ ста-то тысячъ останется? Вѣдь это разоренье! Обноскины, впрочемъ, уѣхали.

— Уѣхали? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Сейчасъ послѣ чаю; да и чортъ съ ними! А завтра, увидите, опять явятся. Ну такъ какъ же, согласны?

— Признаюсь, отвѣчалъ я, съезживаясь: — не знаю, какъ и сказать. Дѣло щекотливое. Конечно, я сохраню все въ тайнѣ; я не Обноскинъ; но.. кажется, вамъ на меня надѣяться нечего.

— Я вижу, сказалъ Мизинчиковъ, вставая со стула:—что вамъ еще не надоѣли Ома Омичъ и бабушка, и что вы, хоть и любите вашего добраго, благороднаго дядю, но еще недостаточно вникли, какъ его мучать. Вы же человекъ новый... Но, терпѣніе! Побудете завтра, посмотрите, и къ вечеру согласитесь. Вѣдь, иначе вашъ дядюшка пропасть—понимаете? Его непременно заставятъ жениться. Не забудьте, что, можетъ-быть, завтра онъ сдѣлаеть предложеніе. Поздно будетъ; надо бы сегодня рѣшится!

— Право, я жалею вамъ всякаго успѣха, но помогать... не знаю какъ-то...

— Знаемъ! Ну, подождемъ до завтра, рѣшилъ Мизинчиковъ, улыбаясь насмѣшливо. — *La nuit porte conseil*. До свиданія. Я приду къ вамъ пораньше утромъ, а вы подумайте...

Онъ повернулся и вышелъ, что-то насвистывая.

Я вышелъ, почти вслѣдъ за нимъ, освѣжиться. Мѣсяцъ

еще не всходилъ; ночь была темная, воздухъ теплый и удушливый. Листья на деревьяхъ не шевелились. Несмотря на страшную усталость, я хотѣлъ-было походить разсѣяться, собраться съ мыслями, но не прошелъ и десяти шаговъ, какъ вдругъ услышалъ голосъ дяди. Онъ съ кѣмъ-то всходилъ на крыльцо флигеля и говорилъ съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ. Я тотчасъ же воротился и окликнулъ его. Дядя былъ съ Видоплясовымъ.

XI.

Крайнее недоумѣніе.

— Дядюшка! сказалъ я: — наконецъ-то я васъ дождался.

— Другъ мой, я и самъ-то рвался къ тебѣ. Вотъ только кончу съ Видоплясовымъ, и тогда наговоримся . до-сыта. Много надо тебѣ рассказать.

— Какъ, еще съ Видоплясовымъ! Да бросьте вы его, дядюшка.

— Еще только какихъ-нибудь пять или десять минутъ, Сергѣй, и я совершенно твой. Видишь. дѣло.

— Да онъ, вѣрно, съ глупостями, проговорилъ я съ до-садою.

— Да что сказать тебѣ, другъ мой? Вѣдь найдетъ же человекъ, когда лѣзть съ своими пустяками! Точно ты, братъ Григорій, не могъ ужъ и времени, другаго найти для своихъ жалобъ? Ну, что я для тебя сдѣлаю? Пожалѣй хоть ты меня, братецъ. Вѣдь я, такъ-сказать, изнуренъ вами, сѣденъ живьемъ, цѣликомъ! — Мочи моей нѣтъ съ ними, Сергѣй.

И дядя махнулъ обѣими руками съ глубочайшей тоски.

— Да что за важное такое дѣло, что и оставить нельзя? А мнѣ бы такъ нужно, дядюшка...

— Эхъ, братъ, ужь и такъ кричатъ, что я о нравственности моихъ людей не забочусь! Пожалуй, еще завтра пожалуется на меня, что я не выслушалъ, и тогда...

И дядя опять махнулъ рукой.

— Ну, такъ кончайте же съ нимъ поскорѣе! Пожалуй, и я помогу. Взойдемте наверхъ. Что онъ такое? чего ему? сказалъ я, когда мы вошли въ комнаты.

— Да вотъ, видишь, другъ мой, не нравится ему своя собственная фамилія, перемѣнить просить. Каково тебѣ это покажется?

— Фамилія! Какъ такъ?... Ну, дядюшка, прежде, чѣмъ я услышу, что онъ самъ скажетъ, позвольте вамъ сказать, что только у васъ въ домѣ могутъ совершаться такія чудеса, проговорилъ я, разставивъ руки отъ изумленія.

— Эхъ, братъ! этакъ-то и я разставить руки умѣю, да толку то мало! съ досадою проговорилъ дядя.—Поди-ка, поговори-ка съ нимъ самъ, попробуй. Ужь онъ два мѣсяца пристааетъ ко мнѣ...

— Неосновательная фамилья-съ! отозвался Видоплясовъ.

— Да почему жь неосновательная? спросилъ я его съ удивленіемъ.

— Такъ-съ. Изображаетъ собою всякую гнусность-съ.

— Да почему же гнусность? Да и какъ ее перемѣнить? Кто перемѣняетъ фамилія?

— Помилуйте, бываютъ ли у кого такія фамильи-съ?

— Я согласенъ, что фамилья твоя отчасти странная, продолжалъ я въ совершенномъ недоумѣніи: — но вѣдь что жь теперь дѣлать? Вѣдь и у отца твоего была такая жь фамилья?

— Это подлинно-съ, что чрезъ родителя моего я такимъ-образомъ пошелъ на вѣки страдать-съ, такъ-какъ суждено мнѣ моимъ именемъ многія насмѣшки принять и многія горести произойти-съ, отвѣчалъ Видоплясовъ.

— Бьюсь объ закладъ, дядюшка, что тутъ не безъ **Θомы** **Θомича!** вскричалъ я съ досадою.

— Ну, нѣтъ, братецъ, ну, нѣтъ; ты ошибся. Дѣйстви- тельно, **Θома** ему благодѣтельствуеть. Онъ взялъ его къ себѣ въ секретари; въ этомъ и вся его должность. Ну, разу- мѣется, онъ его развилъ, наполнилъ благородствомъ души, такъ-что онъ даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, прозрѣлъ... Вотъ, видишь, я тебѣ все расскажу;.

— Это точно-съ, перебилъ Видоплясовъ: — что **Θома** **Θо- мичъ** мои истинные благодѣтели-съ, и бымши истинные мнѣ благодѣтели, они меня вразумили моему ничтожеству, каковъ я есмь червякъ на землѣ, такъ-что чрезъ нихъ я въ первый разъ свою судьбу предузналъ-съ.

— Вотъ видишь, Серѣжа, вотъ видишь, въ чемъ все дѣло, продолжалъ дядя, заторопившись, по своему обыкновенію. — Жилъ онъ сначала въ Москвѣ, съ самыхъ почти дѣтскихъ лѣтъ, у одного учителя чистописанія въ услуженіи. Посмот- рѣлъ бы ты, какъ онъ у него научился писать: и красками, и золотомъ, и кругомъ, знаешь, купидоновъ наставить — словомъ, артистъ! **Илюша** у него учится; полтара цѣлко- выхъ за урокъ плачу. **Θома** самъ опредѣлилъ полтора цѣл- ковыхъ. Къ окрестнымъ помѣщикамъ въ три дома ѣздитъ; тоже платять. Видишь, какъ одѣвается! Къ тому же, еще пи- шеть стихи.

— Стихи! Этого еще недоставало!

— Стихи, братецъ, стихи, и ты не думай, что я шучу, нас- тоящіе стихи, такъ-сказать, ферсификація, и такъ знаешь, складно, на всѣ предметы, тотчасъ же всякій предметъ сти- хами опишетъ. Настоящій талантъ! **Маменькѣ** къ именинамъ такую рацею соорудилъ, что мы только рты разинули: и изъ мнѣолдгїи тамъ у него, и музы летаютъ, такъ-что даже, знаешь, видна эта... какъ-бишь ее? округленность формъ — словомъ, совершенно въ рифму выходитъ. **Θома** поправлялъ. Ну я, конечно, ничего, и даже радъ съ моей стороны. Пусть-себѣ сочиняетъ, только бъ не накуролесилъ чего-нибудь.

—Я, братъ Григорій, тебѣ, вѣдь, какъ отецъ говорю.—Провѣдалъ объ этомъ Ома, просмотрѣлъ стихи, поощрилъ и опредѣлилъ къ себѣ чтецомъ и переписчикомъ — словомъ образовалъ. Это онъ правду говорить, что облагодѣтельствовалъ. Ну, этакъ, знаешь, у него и благородный романтизмъ въ головѣ появился и чувство независимости — мнѣ все это Ома объяснялъ, да я ужь, правда, и позабылъ; только я, признаюсь, хотѣлъ и безъ Омы его на волю отпустить. Стыдно, знаешь какъ-то!... Да Ома противъ этого; говорить, что онъ ему нуженъ, полюбилъ онъ его; да сверхъ-того, говорить: «мнѣ же, барину, больше чести, что у меня, между собственными людьми, стихотворцы; что такъ какіе-то бароны гдѣ-то жили и что это en grand.» Ну, en grand, такъ en-grand! Я, братецъ, ужь сталъ его уважать — понимаешь?... Только Богъ-знаетъ какъ онъ повелъ себя. Всего хуже, что онъ до-того передъ всей дворней послѣ стиховъ носъ задралъ, что ужь и говорить съ ними не хочетъ. — Ты не обижайся, Григорій, я тебѣ, какъ отецъ, говорю — Обѣщался онъ еще прошлой зимой жениться: есть тутъ одна дворовая дѣвушка Матрёна, и премилая, знаешь, дѣвушка. честная, работающая, веселая. Такъ вотъ нѣтъ же, теперь: не хочу, да и только; отказался. Возмечталъ ли онъ о себѣ; или рассудилъ сначала прославиться, а потомъ ужь въ другомъ мѣстѣ искать руки...

— Болѣе по совѣту Омы Омича-съ, замѣтилъ Видоплясовъ:—такъ-какъ они истинные мои доброжелатели-съ...

— Ну да ужь какъ можно безъ Омы Омича! вскричалъ я невольно.

— Эхъ, братецъ, не въ томъ дѣло! послѣшно прервалъ меня дядя; только видишь: ему теперь и проходу нѣтъ. Та дѣвка бойкая, задорная, всѣхъ противъ него подняла: дразнятъ, уськаютъ, даже мальчишки дворовые его вмѣсто шута почитаютъ...

— Болѣе черезъ Матрену-съ, замѣтилъ Видоплясовъ: — потому что Матрена истинная дура-съ, и бывши истинная

дура-съ, притомъ же невоздержная характеромъ женщина, черезъ нее я такимъ манеромъ-съ пошолъ жизнію моею претерпѣвать-съ.

— Эхъ, братъ Григорій, говорилъ я тебѣ, продолжалъ дядя, съ укоризною посмотрѣвъ на Видоплясова. Сложили они, видишь, Сергѣй, какую-то пакость въ рифму на его фамилію. Онъ ко мнѣ, жалуется, просить нельзя ли какъ-нибудь перемѣнить его фамилію, и что онъ давно ужъ страдалъ отъ неблагозвучія.

— Необлагороженная фамилія-съ, ввернулъ Видоплясовъ.

— Ну, да ужъ ты молчи, Григорій! Ома тоже одобрилъ... то-есть не то, чтобъ одобрилъ, а видишь, какое соображеніе: что если, на случай, придется стихи напечатать, такъ-какъ Ома прожектируетъ, то такая фамилія, пожалуй, и повредитъ — не правда ли?

— Такъ онъ стихи напечатать хочетъ, дядюшка?

— Печатать, братецъ. Это ужъ рѣшено — на мой счетъ, и будетъ выставлено на заглавномъ листѣ: крѣпостной челоуѣкъ такого-то, а въ предисловіи Омѣ отъ автора благодарность за образованіе. Посвящено Омѣ. Ома самъ предисловіе пишетъ. Ну такъ представь себѣ, если на заглавномъ-то листѣ будетъ написано: «Сочиненія Видоплясова»...

— «Вопли Видоплясова-съ», поправилъ Видоплясовъ.

— Ну, вотъ видишь, еще и вопли! Ну что за фамилія Видоплясовъ? Даже деликатность чувствъ возмущаетъ; такъ и Ома говорилъ. А всѣ эти критики, говорятъ, такіе задорные, насмѣшники; Брамбеусъ, напимѣръ. Имъ вѣдь все ни почемъ! Просмѣютъ за одну только фамилію; такъ, пожалуй, отчешутъ бока, что только почесывайся — не правда ли? Вотъ я и говорю: по мнѣ пожалуй, какую хочешь поставь фамилію на стихахъ — псевдонимъ, что ли, называется — ужъ не помню какой-то *нимъ*. Да вѣтъ, говорить, прикажите по всей дворнѣ, чтобъ меня ужъ и здѣсь навѣки новымъ именемъ звали, такъ, чтобъ у меня, сообразно таланту, и фамилія была благородная...

— Бьюсь объ закладъ, что вы согласились, дядюшка.

— Я, братъ Серёжа, чтобъ ужъ только съ ними не спорить: пускай себѣ! Знаешь, тогда между нами недоразумѣніе такое было съ Ѳомой. Вотъ у насъ и пошло съ тѣхъ поръ, что недѣля, то фамилія, и все такія нѣжныя выбираетъ: Олеандровъ, Тюльпановъ... Подумай, Григорій, сначала ты просилъ, чтобъ тебя называли «Вѣрный» — «Григорій Вѣрный»; потомъ тебѣ же самому не понравилось, потому что какой-то балбесъ прибралъ на это рифму «скверный». Ты жаловался; балбеса наказали. Ты двѣ недѣли придумывалъ новую фамилію — сколько ты ихъ перебралъ — наконецъ надумался, пришелъ просить, чтобъ тебя звали «Улановъ». Ну, скажи мнѣ, братецъ, ну, что можетъ-быть глупѣе Уланова? Я и на это согласился: вторичное приказаніе отдалъ о перемѣнѣ твоей фамиліи въ Уланова. Такъ только, братецъ, прибавилъ дядя, обращаясь ко мнѣ: — чтобъ ужъ только отвязаться. Три дня ходилъ ты «Улановъ». Ты всѣ стѣны, всѣ подоконники въ бесѣдкѣ перепортилъ, расчеркивая карандашомъ: «Улановъ». Вѣдь ее потомъ перекрашивали. Ты цѣлую дестъ голландской бумаги извелъ на подписи: «Улановъ, проба пера; Улановъ, проба пера». Наконецъ и тутъ неудача: прибрали тебѣ рифму: «болвановъ». Не хочу болванова — опять перемѣна фамиліи! Какую ты тамъ еще прибралъ, я ужъ и позабылъ?

— Танцевъ-съ, отвѣчалъ Видоплясовъ. Если ужъ мнѣ суждено черезъ фамилію мою плясуна собою изображать-съ, такъ ужъ пусть было бы облагорожено поиностранному: Танцевъ-съ.

— Ну да, Танцевъ; согласился я, братъ Сергѣй, и на это. Только ужъ тутъ они такую ему подыскали рифму, что и сказать нельзя! Сегодня опять приходитъ, опять выдумалъ что-то новое. Бьюсь объ закладъ, что у него есть наготовѣ новая фамилія. Есть или нѣтъ, Григорій, признавайся!

— Я дѣйствительно давно ужъ хотѣлъ повергнуть къ вашимъ стопамъ новое имя-съ, облагороженное-съ.

— Какое?

— Эсбукетовъ.

— И не стыдно, и не стыдно тебѣ, Григорій? фамилія съ помадной банки! А еще умный человѣкъ называешься! Думаль-то, должно-быть, сколько надъ ней! Вѣдь это на духахъ написано.

— Помилуйте, дядюшка, сказалъ я полупшопотомъ: — да вѣдь это просто дуракъ, набитый дуракъ!

— Что жь дѣлать, братецъ? отвѣчалъ тоже шопотомъ дядя: — увѣряють кругомъ, что умень и что это все въ немъ благородныя свойства играютъ. . .

— Да развяжитесь вы съ нимъ, ради Бога!

— Послушай, Грѣгорій! вѣдь мнѣ, братецъ, некогда, помилуй! началъ дядя какимъ-то просительнымъ голосомъ, какъ-будто боялся даже и Видоплясова. Ну, разсуди, ну, гдѣ мнѣ жалобами твоими теперь заниматься! Ты говоришь, что тебя опять они чѣмъ-то обидѣли? Ну, хорошо, вотъ тебѣ честное слово даю, что завтра все разберу, а теперь ступай съ Богомъ. . . Пстой! что́ Ома Омичъ?

— Почивать ложились-съ. Сказали, что если будетъ кто объ нихъ спрашивать, такъ отвѣчать, что они на молитвѣ сію ночь долго стоять намѣрены-съ.

— Гм! Ну, ступай, братецъ, ступай! Видишь, Серѣжа, вѣдь онъ всегда при Омѣ, такъ что даже его я боюсь. Да и дворня-то его потому не любить, что онъ все о нихъ Омѣ переноситъ. Вотъ теперь ушелъ, а, пожалуй, завтра и нафискалитъ о чемъ-нибудь! А ужъ я, братецъ, тамъ все такъ уладилъ, даже спокоенъ теперь. . . Къ тебѣ слѣшилъ. Наконецъ-то я опять съ тобой! проговорилъ онъ съ чувствомъ, пожимая мнѣ руку. А вѣдь я думалъ, братъ, что ты совѣмъ разсердился и непременно улизнешь. Стеречь тебя посылалъ. Ну, слава Богу, теперь! А давича-то, Гаврила-то, каково? да и Фалалей, и ты — и все одно къ одному! Ну, слава Богу, слава Богу! наконецъ-то наговорюся

съ тобой до-сыта. Сердце открою тебѣ. Ты Серѣжа, не уѣзжай: ты одинъ у меня, ты и Коровкинъ.

— Но, позвольте, что жъ вы тамъ такое уладили, дядюшка, и чего мнѣ тутъ ждать послѣ того, что случилось? Признаюсь, вотъ, у меня просто голова трещить!

— А у меня цѣла, что ли? Она, братъ, у меня, ужъ полгода теперь вальсируетъ, голова-то моя! Но, слава Богу! теперь все уладилось. Во-первыхъ, меня простили, совершенно простили, съ разными условіями, конечно; но я ужъ теперь почти совсѣмъ ничего не боюсь. Сашурку тоже простили. Саша-то, Саша-то, давича-то. . . горячее сердечко! увлеклась немного, но золотое сердечко! Я горжусь этой дѣвочкой, Серѣжа! Да будетъ надъ нею всегдашнее благословеніе Божіе. Тебя тоже простили и даже, знаешь какъ? Можешь дѣлать все, что тебѣ угодно, ходить по всѣмъ комнатамъ, и въ саду и даже при гостяхъ — словомъ, все что угодно; но только подъ однимъ условіемъ, что ты ничего не будешь завтра самъ говорить при маменькѣ и при Омѣ Омичѣ — это непремѣнное условіе, то-есть рѣшительно ни полслова—я ужъ общался за тебя — а только будешь слушать, что старшіе... то-есть, я хотѣлъ сказать, что другіе будутъ говорить. Они сказали, что ты молодъ. Ты, Сергѣй, не обижайся; вѣдь ты и въ самомъ дѣлѣ еще молодъ. Такъ и Анна Ниловна говорить.

Конечно, я былъ очень молодъ и тотчасъ же доказалъ это, закипѣвъ негодованіемъ при такихъ обидныхъ условіяхъ.

— Послушайте, дядюшка, вскричалъ я, чуть не задыхался: — скажите мнѣ только одно и успокойте меня: я въ настоящемъ сумасшедшемъ домѣ, или нѣтъ?

— Ну вотъ, братецъ, ужъ ты сейчасъ и въ критику! Ужъ и не можешь никакъ утерпѣть, отвѣчалъ опечаленный дядя. Вовсе не въ сумасшедшемъ, а такъ только, погорячились съ обѣихъ сторонъ. Но вѣдь, согласишься, и ты, братецъ, какъ ты-то самъ велъ себя? Помнишь, что ты ему отмочилъ, человѣку, такъ сказать, почтенныхъ лѣтъ?

— Такіе люди не имѣютъ почтенныхъ лѣтъ , дядюшка.

— Ну ужь это ты, братъ, перескакнулъ ! Это ужь вольнодумство ! Я, братъ, и самъ отъ разсудительнаго вольнодумства не прочь , но ужь это , братъ , изъ мѣрки выскочило, то-есть удивилъ ты меня, Сергѣй.

— Не сердитесь, дядюшка, я виноватъ, но виноватъ передъ вами. Чтò же касается до вашего *Θомы Θомпча* . . .

— Ну вотъ ужь и *вашего* Эхъ, братъ Сергѣй, не суди его строго : мизантропическій человѣкъ — и больше ничего, болѣзненный ! Съ него нельзя строго спрашивать. Но за то какой благородный, то-есть просто благороднѣйшій изъ людей ! Да, вѣдь, ты самъ давеча былъ свидѣтелемъ, просто сіялъ. А что фокусы-то эти иногда отмачиваетъ, такъ на это нѣчего смотрѣть. Ну, съ кѣмъ этого не случается ?

— Помилуйте, дядюшка, напротивъ, съ кѣмъ же это случается ?

— Эхъ, наладилъ одно ! Добродушія въ тебѣ мало, Сережа; простить не умѣешь ! . .

— Ну, хорошо, дядюшка, хорошо ! Оставимъ это. Скажите, видѣли вы Настасью Евграфовну ?

— Эхъ, братъ, о ней-то все дѣло шло. Вотъ чтò, Серёжа, и, во-первыхъ, самое важное : мы всѣ рѣшили его завтра, непремѣнно, поздравить съ днемъ рожденія, *Θому-то*, потому что завтра дѣйствительно его рожденіе. Сашурка добрая дѣвочка, но она ошибается; такъ-таки и пойдёмъ всѣмъ кагаломъ, еще передъ обѣдней, пораньше. Илюша ему стихи произнесетъ, такъ что ему какъ-будто масломъ по сердцу-то — словомъ польститъ. Ахъ, кабы и ты его, Серёжа, вмѣстѣ съ нами, тутъ же, поздравилъ ! Онъ, можетъ-быть, совершенно простилъ бы тебя. Какъ бы хорошо было, еслибъ вы помирились ! Забудь, братъ, обиду, Серёжа, вѣдь ты и самъ его обидѣлъ . . . напостояннѣйшій человѣкъ !

— Дядюшка ! дядюшка ! вскричалъ я, теряя послѣднее терпѣніе : — я съ вами о дѣлѣ хочу говорить, а вы . . . Да знаете

ли вы, повторяю опять, знаете ли вы, что дѣлается съ Настасьей Евграфовной?

— Какъ-же, братецъ, что ты! чего ты кричишь? Изъ-за нея-то и поднялась давеча вся эта исторія. Она, впрочемъ, и не давеча поднялась, она давно поднялась. Я тебѣ только не хотѣлъ говорить объ этомъ заранѣе, чтобъ тебя не пугать, потому-что они ее, просто, выгнать хотѣли, ну и отъ меня требовали, чтобъ я ее отослалъ. Можешь представить себѣ мое положеніе... Ну, да слава Богу! теперь все это уладилось. — Они, видишь ли, ужъ признаюсъ тебѣ во всемъ, думали, что я самъ въ нее влюбленъ и жениться хочу; словомъ, стремлюсь къ погибели, потому-что дѣйствительно это было бы стремленіемъ къ погибели: они это мнѣ тамъ объяснили... такъ вотъ, чтобъ спасти меня, и рѣшились-было ее изгнать. Все это маменька, а пуще всѣхъ Анна Ниловна. Она, покаместъ, молчитъ. Но теперь я ихъ всѣхъ разувѣрилъ, и признаюсъ тебѣ, уже объявилъ, что ты формальный женихъ Настеньки, что затѣмъ и пріѣхалъ. Ну, это ихъ отчасти успокоило и теперь она остается, хоть не совсѣмъ, такъ, еще только для пробы, но все-таки остается. Даже и ты поднялся въ общемъ мнѣніи, когда я объявилъ, что сватаешься. По-крайней-мѣрѣ, маменька какъ будто успокоилась. Анна Ниловна одна всё еще ворчитъ! Ужъ и не знаю, что выдумать, чтобъ ей угодить. И чего это ей хочется, право, этой Аннѣ Ниловнѣ?

— Дядюшка, въ какомъ вы заблужденіи, дядюшка! Да знаете ли, что Настасья Евграфовна завтра же ѣдетъ отсюда, если ужъ теперь не уѣхала? Знаете ли, что отецъ нарочно и пріѣхалъ сегодня съ тѣмъ, чтобъ ее увезти? что ужъ это совсѣмъ рѣшено, что она сама лично объявила мнѣ сегодня объ этомъ, и въ заключеніе, велѣла вамъ кланяться—знаете ли вы это, иль нѣтъ?

Дядя какъ былъ, такъ и остался передо мной, съ разинутымъ ртомъ. Мнѣ показалось, что онъ вздрогнулъ и стонъ вырвался изъ груди его.

Не теряя ни минуты, я послѣшилъ разказать ему весь мой разговоръ съ Настенькой, мое сватовство, ея рѣшительный отказъ, ея гнѣвъ на дядю за то, что онъ смѣлъ меня вызвать письмомъ; объяснилъ, что она надѣется его спасти, своимъ отъѣздомъ, отъ брака съ Татьяной Ивановной — словомъ, не скрылъ ничего, даже нарочно преувеличилъ все, что было неприятнаго въ этихъ извѣстіяхъ. Я хотѣлъ поразить дядю, чтобъ допытаться отъ него рѣшительныхъ мѣръ, и дѣйствительно поразилъ. Онъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову.

— Гдѣ она, не знаешь ли? гдѣ она теперь? проговорилъ онъ, наконецъ, поблѣднѣвъ отъ испуга. — А я-то, дуракъ, шелъ сюда совсѣмъ ужь спокойный, думалъ, что все ужь уладилось, прибавилъ онъ въ отчаяніи.

— Не знаю, гдѣ теперь, только давеча, какъ начались эти крики, она пошла къ вамъ; она хотѣла все это выразить вслухъ, при всѣхъ. Вѣроятно, ее не допустили.

— Еще бы допустили! Чтò бъ она тамъ надѣлала! Ахъ, горячая, гордая головка! И куда она пойдетъ, куда? куда? А ты-то, ты-то хорошъ! Да почему жь она тебѣ отказала? Вздоръ! Ты долженъ былъ понравиться. Почему жь ты ей не понравился? Да отвѣчай же, ради Бога, чего жь ты стоишь?

— Помилосердуйте, дядюшка! да развѣ можно задавать такіе вопросы?

— Но вѣдь невозможно жь и это! Ты долженъ, долженъ на ней жениться. Зачѣмъ же я тебя и тревожилъ изъ Петербурга? Ты долженъ составить сея счастье! Теперь ее гонять отсюда, а тогда она твоя жена, моя родная племянница — не прогонять. А то куда она пойдетъ? Чтò съ ней будетъ? Въ гувернантки? Но, вѣдь, это только безсмысленный вздоръ, въ гувернантки-то! Вѣдь, пока, мѣсто найдетъ, чѣмъ дома жить? У старика ихъ девятеро на плечахъ; сами голодомъ сидятъ. Вѣдь она ни гроша не возьметъ отъ меня, если выйдетъ черезъ эти пакостные наговоры; и она, и отецъ. Да и каково такимъ образомъ выйти — ужасъ! Здѣсь ужь будетъ скандалъ —

я знаю. А жалованье ея ужь давно впередъ забрано на семейныя нужды: вѣдь она ихъ питаетъ. Ну, положимъ, я рекомендую ея въ гувернантки, найду такую честную и благородную фамилію... да вѣдь чорта съ два! гдѣ ихъ возьмешь благородныхъ-то, настоящихъ-то благородныхъ людей? Ну, положимъ, и есть, положимъ, и много даже, что Бога гнѣвить! но, другъ мой, вѣдь опасно: можно ли положиться на людей? Къ тому же, бѣдный человѣкъ подозрителенъ: ему такъ и кажется, что его заставляютъ платить за хлѣбъ и за ласку униженіями! Они оскорбятъ ее; она гордая, и тогда... да ужь что тогда? А что, если ко всему этому какой-нибудь мерзавецъ-обольститель подвернется?.. Она плюнетъ на него, я знаю, что плюнетъ, но вѣдь онъ ее все-таки оскорбитъ, мерзавецъ! все-таки на нее можетъ пасть безславіе, тѣнь, подозрѣніе, и тогда... Голова трещитъ на плечахъ! Ахъ ты, Боже мой!

— Дядюшка! простите меня за одинъ вопросъ, сказалъ я торжественно: — не сердитесь на меня, поймите, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ многое разрѣшить; я даже отчасти въ правѣ требовать отъ васъ отвѣта, дядюшка!

— Что, что такое? Какой вопросъ?

— Скажите, какъ передъ Богомъ, откровенно и прямо: не чувствуете ли вы, что вы сами немного влюблены въ Настасью Евграфовну и желали бы на ней жениться? Подумайте, вѣдь изъ-за этого-то ее здѣсь и гонятъ.

Дядя сдѣлалъ самый энергическій жестъ самаго судорожнаго нетерпѣнія.

— Я? влюбленъ? въ нее? Да они всѣ бѣлены объѣлись, или сговорились противъ меня. Да для чего жь я тебя-то выписывалъ, какъ не для того, чтобъ доказать имъ всѣмъ, что они бѣлены объѣлись? Да для чего же я тебя-то къ ней сватаю? Я? влюбленъ? въ нее? Ряхнулись онѣ всѣ, да и только!

— А если такъ, дядюшка, то позвольте ужь мнѣ все высказать. Объявляю вамъ торжественно, что я рѣшительно

ничего не нахожу дурнаго въ этомъ предположеніи. Напротивъ, вы бы ей счастье сдѣлали, если ужь такъ ее любите и—и дай Богъ этого! дай вамъ Богъ любовь и совѣтъ!

— Но, помилуй, что ты говоришь! вскричалъ дядя почти съ ужасомъ. — Удивляюсь, какъ ты можешь это говорить хладнокровно... и... вообще ты, братъ, все куда-то торопишься — я замѣчаю въ тебѣ эту черту! Ну, не бессмысленно ли, что ты сказалъ? Какъ, скажи, я женюсь на ней, когда я смотрю на нее какъ на дочь, а не иначе? Да мнѣ даже стыдно было бы на нее смотрѣть иначе, даже грѣшно! Я старикъ, а она — цвѣточекъ! Даже Оома это мнѣ объяснилъ именно въ такихъ выраженіяхъ. У меня отеческой любовью къ ней сердце горитъ, а ты тутъ съ супружествомъ! Она, пожалуй, изъ благодарности, и не отказала бы, да вѣдь она презирать меня потомъ будетъ за то, что ея благодарностью воспользовался. Я загублю ее, привязанность ея потеряю! Да я бы душу мою ей отдалъ, дѣточка она моя! Все-равно какъ Сашу люблю, даже больше, признаюсь тебѣ. Саша мнѣ дочь по праву, по закону; а эту я любовью моею себѣ дочерью сдѣлалъ. Я ее изъ бѣдности взялъ, воспиталъ. Ее Катя, мой ангелъ покойный, любила; она мнѣ ее какъ дочь завѣщала. Я образованіе ей далъ: и пофранцузски говорить, и на фортепьяно, и книги, и все... Улыбочка какая у ней! замѣтилъ ты, Серѣжа? какъ-будто смѣется надъ тобой, а межъ-тѣмъ вовсе не смѣется; а, напротивъ, любить... Я вотъ и думалъ, что ты пріѣдешь, сдѣлаешь предложеніе; они и увѣрятъ, что я не имѣю видовъ на нее; и перестанутъ всѣ эти пакости распускать. Она и осталась бы тогда съ нами въ тишинѣ, въ покоѣ, и какъ бы мы тогда были счастливы! Вы оба дѣти мои, почти оба сиротки, оба на моемъ попеченіи выросли... я бы васъ такъ любилъ, такъ любилъ! жизнь бы вамъ отдалъ, не разстался бы съ вами; всюду за вами! Ахъ, какъ бы мы могли быть счастливы! И зачѣмъ это люди все злятся, все сердятся, ненавидятъ другъ друга? Такъ бы, такъ бы взялъ да и растолковалъ бы имъ все!

Такъ бы и выложилъ передъ ними всю сердечную правду!
Ахъ ты Боже мой!

— Да, дядюшка, да, это все такъ, а только она вотъ п отказала мнѣ.

— Отказала! Гм!... А знаешь, я какъ-будто предчувство-валъ, что она откажетъ тебѣ, сказалъ онъ въ задумчивости. Но, нѣтъ! вскрикнулъ онъ: — я не вѣрю! это невозможно! Но вѣдь въ такомъ случаѣ все разстроится! Да ты вѣрно какъ-нибудь неосторожно съ ней началъ, оскорбилъ еще, можетъ-быть; пожалуй, еще комплименты пустился отмачи-вать... Расскажи мнѣ, еще разъ, какъ это было, Сергѣй!

Я повторилъ еще разъ все въ совершенной подробности. Когда дошло до того, что Настенька удаленіемъ своимъ на-дѣялась спасти дядю отъ Татьяны Ивановны, тотъ горько улыбнулся.

— Спасти! сказалъ онъ: — спасти до завтрашняго утра!

— Но вы не хотите сказать, дядюшка, что женитесь на Татьянѣ Ивановнѣ? вскричалъ я въ испугѣ.

— А чѣмъ же я и купилъ, чтобъ Настю не выгнали зав-тра? Завтра же дѣлаю предложеніе; формально обѣщался.

— И вы рѣшились, дядюшка?

— Чтò жь дѣлать, братецъ, чтò жь дѣлать! Это раздраетъ мнѣ сердце, но я рѣшился. Завтра предложеніе; свадьбу по-ложили сыграть тихо, по-донашнему; оно, братъ, и лучше, по домашнему-то. Ты, пожалуй, шаферомъ. Я ужь намекнулъ о тебѣ, такъ - что они до времени никакъ тебя не прогонятъ. Чтò жь дѣлать, братецъ? Они говорятъ: «для дѣтей богат-ство!» Конечно; для дѣтей чего не сдѣлаешь? вверхъ ногами вертѣться пойдешь, тѣмъ болѣе, что, въ-сущности, оно, по-жалуй, и справедливо. Вѣдь долженъ я хоть что-нибудь сдѣ-лать для семейства. Не все же тунеядцемъ сидѣть!

— Но, дядюшка, вѣдь она сумасшедшая! вскричалъ я, за-бывшись, и сердце мое болѣзненно сжалось.

— Ну, ужь и сумасшедшая! Вовсе не сумасшедшая, а такъ, испытала, знаешь, несчастія... Чтò жь дѣлать, братецъ, и радъ

бы съ умомъ... А впрочемъ, и съ умомъ-то какія бываютъ! А какая она добрая, еслибъ ты зналъ, благородная какая!

— Но, Боже мой! онъ ужь и мирится съ этой мыслью! сказалъ я въ отчаяніи.

— А что жь и дѣлать-то, какъ не такъ? Вѣдь для моего же блага стараются, да и, наконецъ, ужь я предчувствовалъ, что, рано ли, поздно ли, а не отвертись: заставятъ жениться. Такъ ужь лучше теперь, чѣмъ еще ссору изъ - за этого затѣвать. Я тебѣ, братъ, Серёжа, все откровенно скажу: я даже отчасти и радъ. Рѣшился, такъ ужь рѣшился, по-крайней-мѣрѣ, съ плечъ долой; спокойнѣе какъ-то. Я, вотъ, и шелъ сюда почти совсѣмъ ужь спокойный. Такова ужь видно звѣзда моя! А главное, въ выигрышѣ то, что Настя при насъ остается. Я вѣдь и согласился съ этимъ условіемъ... А тутъ она сама бѣжать хочетъ! Да не будетъ же этого! вскрикнулъ дядя топнувъ ногою. — Послушай, Сергѣй, прибавилъ онъ, съ рѣшительнымъ видомъ: — подожди меня здѣсь, никуда не ходи; я мигомъ къ тебѣ ворочусь.

— Куда вы, дядюшка?

— Можетъ-быть, я ее увижу, Сергѣй: все объяснится, по-вѣрью, что все объяснится, и . женишься же ты на ней — даю тебѣ честное слово!

Дядя быстро вышелъ изъ комнаты и поворотилъ въ садъ, а не къ дому. Я слѣдилъ за нимъ изъ окна.

ХП.

К а т а с т р о ф а .

Я остался одинъ. Положеніе мое было нестерпимое: мнѣ отказали, а дядя хотѣлъ женить меня чуть не насильно. Я

сбивался и пугался въ мысляхъ. Мизинчиковъ и его предложеніе не выходили у меня изъ головы. Во что бы ни стало, дядю надо было спасти! Я даже думалъ пойти сыскать Мизинчикова и рассказать ему все. Но куда, однакожь, пошелъ дядя? Онъ самъ сказалъ, что идетъ отыскивать Настеньку, а между-тѣмъ, повернулъ въ садъ. Мысль о тайныхъ свиданіяхъ промелькнула въ моей головѣ, и пренепріятное чувство ущемило мое сердце. Я вспомнилъ слова Мизинчикова про тайную связь... Подумавъ съ минуту, я съ негодованіемъ отбросилъ все мои подозрѣнія. Дядя не могъ обманывать: это очевидно. Безпокойство мое возрастало каждую минуту. Безсознательно вышелъ я на крыльцо и пошелъ въ глубину сада, по той самой аллеѣ, въ которой исчезъ дядя. Мѣсяцъ начиналъ входить. Я зналъ этотъ садъ вдоль и поперекъ и не боялся заблудиться. Дойдя до старой бесѣдки, уединенно стоявшей на берегу одряхлѣвшаго, покрытаго тиной пруда, я вдругъ остановился, какъ вкопанный, мнѣ послышались въ бесѣдкѣ голоса. Не могу выразить, какое странное чувство досады овладѣло мной! Я былъ увѣренъ, что это дядя и Настенька, и продолжалъ подходить, успокаивая на всякій случай свою совѣсть тѣмъ, что иду прежнимъ шагомъ и не стараюсь подкрадываться. Вдругъ раздался ясно звукъ поцалуя, потомъ звуки какихъ-то одушевленныхъ словъ, и тотчасъ же вслѣдъ за этимъ — пронзительный женскій крикъ. Въ то же мгновеніе женщина, въ бѣломъ платьѣ, выбѣжала изъ бесѣдки и промелькнула мимо меня, какъ ласточка. Мнѣ показалось даже, что она закрывала руками лицо, чтобъ не быть узнавшею, вѣроятно, меня замѣтили изъ бесѣдки. Но каково же было мое изумленіе, когда, въ вышедшемъ, вслѣдъ за испуганной дамой, кавалеръ я узналъ Обноскина. Обноскина, который, по словамъ Мизинчикова давно ужъ уѣхалъ! Съ своей стороны, и Обноскинъ, увидавъ меня, чрезвычайно смутился: все нахальство его исчезло.

— Извините меня, но... я никакъ не ожидалъ съ вами встрѣтиться, проговорилъ онъ, улыбаясь и заикаясь.

— А я съ вами, отвѣчалъ я насмѣшливо: — тѣмъ болѣе, что я слышалъ, вы ужь уѣхали.

— Нѣтъ-съ... это такъ... я проводилъ только недалеко маменьку. Но могу ли я обратиться къ вамъ, какъ къ благороднѣйшему человѣку въ мірѣ.

— Съ чѣмъ это?

— Есть случаи — и вы сами согласитесь съ этимъ — когда истинно - благородный человѣкъ принужденъ обратиться ко всему благородству чувствъ другаго, истинно - благороднаго человѣка... Надѣюсь, вы понимаете меня...

— Не надѣйтесь: ничего рѣшительно не понимаю.

— Мы видѣли даму, которая находилась вмѣстѣ со мной въ бесѣдкѣ?

— Видѣлъ, но не узналъ.

— А, не узнали!... Эту даму я назову скоро моею женою.

— Поздравляю васъ. Но чѣмъ же я могу быть вамъ полезенъ?

— Только однимъ: сохранивъ глубочайшую тайну о томъ, что вы меня видѣли съ этой дамой.

«Кто жь бы это? подумалъ я, ужь не...»

— Право, не знаю-съ, отвѣчалъ я Обноскину, — Надѣюсь, вы извините, что не могу вамъ дать слова...

— Нѣтъ, ради Бога, пожалуйста, умолялъ Обноскинъ. Поймите мое положеніе; это секретъ. Вы тоже можете быть женихомъ, тогда и я, съ своей стороны...

— Те! кто-то идетъ!

— Гдѣ?

Дѣйствительно шагахъ въ тридцати отъ насъ, чуть приметно, промелькнула тѣнь проходившаго человѣка.

— Это... это вѣрно Ома Омичъ! прошепталъ Обноскинъ, трепеща всѣмъ тѣломъ. — Я узнаю его по походкѣ. Боже мой! и еще шаги съ другой стороны! Слышите... Прощайте! благодарю васъ и... умоляю васъ...

Обноскинъ скрылся. Черезъ минуту передо мной очутился дядя, какъ-будто выросъ изъ-подъ земли.

— Это ты? окрикнулъ онъ меня. — Все пропало, Серёжа! все пропало!

Я замѣтилъ, что онъ тоже дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Чтò пропало, дядюшка?

— Пойдемъ! сказалъ онъ, задыхаясь и, крѣпко схвативъ меня за руку, потащилъ за собою. Но всю дорогу, до флигеля, онъ не сказалъ ни слова, не давалъ и мнѣ говорить. Я ожидалъ чего-нибудь сверхъестественнаго и почти не обманулся. Когда мы вошли въ комнату, съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвый. Я немедленно спрыснулъ его водою. «Вѣроятно, случилось что-нибудь очень-ужасное, думалъ я, когда съ такимъ человѣкомъ дѣлается обморокъ».

— Дядюшка, чтò съ вами? спросилъ я его, наконецъ.

— Все пропало. Серёжа! Ома засталъ меня въ саду вмѣстѣ съ Настенькой въ ту самую минуту, когда я поцаловалъ ее!

— Поцаловали! въ саду! вскричалъ я, смотря въ изумленіи на дядю

— Въ саду, братецъ. Богъ попуталъ! Пошелъ я, чтобъ непремѣнно ее увидеть. Хотѣлъ ей все высказать, урезонить ее, насчетъ тебя, то - есть. А она меня ужъ цѣлый часъ дожидалась, тамъ, у сломанной скамейки, за прудомъ... Она туда часто приходитъ, когда надо поговорить со мной.

— Часто, дядюшка?

— Часто, братецъ! Последнее время почти каждую ночь сряду сходились. Только они насъ, вѣрно, и выслѣдили — я ужъ знаю, что выслѣдили, и знаю, что тутъ Анна Ниловна все работала; а вотъ сегодня опять понадобилось. Самъ ты видѣлъ, какая нужда была: безъ этого какъ же бы я ей сказалъ? Прихожу, въ надеждѣ застать, а она ужъ тамъ цѣлый часъ сидитъ, меня дожидается, тоже надо было кое-что сообщить...

— Боже мой, какая неосторожность! вѣдь вы знали, что за вами слѣдятъ?

— Да вѣдь критическій случай, Серёжа; многое надо было взаимно сказать. Днемъ-то я и смотрѣть на нее не смѣю:

она въ одинъ уголь , а я въ другой нарочно смотрю, какъ-будто и не замѣчаю, что она есть на свѣтѣ. А ночью сойдемся, да и наговоримся...

— Ну, что жь, дядюшка?

— Не успѣлъ я двухъ словъ сказать, знаешь, сердце у меня заколотилось, изъ глазъ слезы выступили; сталъ я ее уговаривать, чтобъ за тебя вышла; а она мнѣ: «вѣрно, вы меня не любите, вѣрно, вы ничего не видите» и вдругъ какъ бросится мнѣ на шею, обвила меня руками, заплакала, зарыдала! «Я, говоритъ, одного васъ люблю и не за кого не выйду. Я васъ ужь давно люблю, только и за васъ не выйду, а завтра уѣду и въ монастырь пойду».

— Боже мой! не-уже-ли она такъ и сказала? Ну, что жь дальше, дальше, дядюшка?

— Смотрю, а передъ нами Оома! и откуда онъ взялся? Не-уже-ли за кустомъ сидѣлъ да этого грѣха выжидалъ?

— Подлецъ!

— Я обмеръ. Настенька бѣжать, а Оома Оомичъ молча прошелъ мимо насъ, да пальцемъ мнѣ и погрозилъ — понимаешь, Сергѣй, какой трезвонъ завтра будетъ?

— Ну, да ужь какъ не понять!

— Понимаешь ли ты, вскричалъ онъ въ отчаяніи, вскакивая со стула: — понимаешь ли ты, что они хотятъ ее погубить, осрамить, обезчестить; ищутъ предлога, чтобъ безчестіе на нее всклепать и за это выгнать ее; а вотъ, теперь и нашелся предлогъ! Вѣдь, они говорили, что она со мной гнусныя связи имѣетъ! вѣдь они, подлецы, говорили, что она съ Видоплясовымъ имѣетъ! Это все Анна Ниловна говорила. Что теперь будетъ? что завтра будетъ? Не-уже-ли расскажетъ Оома?

— Непремѣнно расскажетъ, дядюшка.

— А если расскажетъ, если только расскажетъ.... проговорилъ онъ, закусывая губу и сжимая кулаки: — но, нѣтъ, не вѣрю! онъ не расскажетъ, онъ пойметъ.... это чловѣкъ высочайшаго благородства! Онъ пощадить ее....

— Пощадить плъ не пощадить, отвѣчалъ я рѣшительно:— но, во всякомъ случаѣ, ваша обязанность завтра же сдѣлать предложеніе Настасьѣ Евграфовнѣ.

Дядя смотрѣлъ на меня неподвижно.

— Помните ли вы, дядюшка, что обезчестите дѣвушку, если разнесется эта исторія? Понимаете ли вы, что вамъ надо предупредить бѣду какъ-можно-скорѣе; что вамъ надо смѣло и гордо посмотрѣть всѣмъ въ глаза, гласно сдѣлать предложеніе, плюнуть на ихъ резоны и стереть Ѳому въ порошокъ, если онъ заикнется противъ нее?

— Другъ мой! вскричалъ дядя: — я объ этомъ думалъ, идя сюда!

— И какъ же рѣшили?

— Неизмѣнно! Я ужъ рѣшился, прежде чѣмъ началъ тебѣ рассказывать!

— Bravo дядюшка!

И я бросился обнимать его.

Долго мы говорили. Я выставилъ передъ нимъ всѣ резоны, всю неумолимую необходимость жениться на Настенькѣ, что, впрочемъ, онъ самъ понималъ еще лучше меня. Но красно-рѣчіе мое было возбуждено. Я радовался за дядю. Долгъ подстрекалъ его, иначе бы онъ никогда не поднялся. Передъ долгомъ же, передъ обязанностью онъ благоговѣлъ. Но не смотря на то, я рѣшительно не понималъ, какъ устроится это дѣло. Я зналъ и слѣпо вѣрилъ, что дядя ни за что не отступитъ отъ того, что разъ призналъ своею обязанностью; но мнѣ какъ-то не вѣрилось, чтобъ у него достало силы возстать противъ своихъ домашнихъ. И потому я старался какъ-можно-болѣе подстрекнуть и направить его и работалъ со всею юношескою горячностью.

— Тѣмъ-болѣе, тѣмъ-болѣе, говорилъ я: — что теперь ужъ все рѣшено и послѣднія сомнѣнія наши исчезли! Случилось то, чего вы не ожидали, хотя въ-сущности всѣ это видѣли и всѣ прежде васъ замѣтили: Настасья Евграфовна васъ лю-

бить! Не-уже-ли же вы попустите, кричалъ я: — чтобъ эта чистая любовь обратилась для нея въ стыдъ и позоръ?

— Никогда! Но, другъ мой, не-уже-ли жь я буду, наконецъ, такъ счастливъ? вскричалъ дядя, бросаясь ко мнѣ на шею. И какъ это она полюбила меня, и за что? за что? Кажется, во мнѣ нѣтъ ничего такого... Я старикъ передъ нею: вотъ ужь неожиданъ-то! ангелъ мой, ангелъ!.. Слушай, Сережа, давеча ты спрашивалъ, не влюбленъ ли я въ нее: имѣлъ ты какую-нибудь идею?

— Я видѣлъ только, дядюшка, что вы ее любите такъ, какъ больше любить нельзя: любите и, между-тѣмъ, сами про это не знаете. Помилуйте! выписываете меня, хотите женить меня на ней, единственно для того, чтобъ она вамъ стала племянницей и чтобъ имѣть ее всегда при себѣ...

— А ты... а ты прощаешь меня, Сергѣй?

— Э, дядюшка!...

И онъ снова обнялъ меня.

— Смотрите же, дядюшка: все противъ васъ: надо возстать и пойти противъ всѣхъ, и не далѣе какъ завтра.

— Да... да, завтра! повторилъ онъ нѣсколько-задумчиво: — и знаешь, примемъ за дѣло съ мужествомъ, съ истиннымъ благородствомъ души, съ силой характера... именно съ силой характера!

— Не сробѣйте, дядюшка!

— Не сробѣю, Сережа! Одно: не знаю, какъ начать, какъ приступить!

— Не думайте объ этомъ, дядюшка. Завтрашній день все рѣшить. Успокойтесь сегодня. Чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже. А если Ома заговоритъ — немедленно его выгнать изъ дому и стереть его въ порошокъ.

— А нельзя ли не выгонять? Я, братъ, такъ рѣшилъ: завтра же пойду къ нему рано, чѣмъ-свѣтъ, все расскажу, вотъ какъ съ тобой говорилъ: не можетъ быть, чтобъ онъ не понялъ меня; онъ благороденъ, онъ благороднѣйшій изъ людей! Но, вотъ, что меня беспокоитъ: что, если маменька

предувѣдомила сегодня Татьяну Ивановну о завтрашнемъ предложеніи? Вѣдь, это уже худо!

— Не беспокойтесь о Татьянѣ Ивановнѣ, дядюшка.

И я рассказалъ ему сцену въ бесѣдкѣ съ Обноскинымъ. Дядя былъ въ чрезвычайномъ удивленіи. Я ни слова не упомянулъ о Мизинчиковѣ.

— Фантазмагорическое лицо! истинно-фантазмагорическое лицо! вскричалъ онъ. Бѣдная! Они подѣзжаютъ къ ней, хотятъ воспользоваться ею простотою! Не-уже-ли Обноскинъ? Да вѣдь онъ уже уѣхалъ.... Странно, ужасно странно! Я пораженъ, Серѣжа.... Это завтра же надо изслѣдовать и принять мѣры.... Но, увѣренъ ли ты совершенно, что это была Татьяна Ивановна?

Я отвѣчалъ, что хотя и не видалъ въ лицо, но по нѣкоторымъ причинамъ совершенно увѣренъ, что это Татьяна Ивановна.

— Гм! Не интрижка ли съ кѣмъ-нибудь изъ дворовыхъ, а тебѣ показалось, что Татьяна Ивановна? Не Даша ли, садовника дочь? пролазливая дѣвочка! Замѣчена, потому и говорю, что замѣчена. Анна Ниловна ее выслѣдила.... Да нѣтъ же, однако! Вѣдь, онъ говорилъ, что жениться хочетъ. Странно! странно!

Наконецъ, мы разстались. Я обнялъ и благословилъ дядю. «Завтра, завтра» повторялъ онъ «все рѣшится прежде, чѣмъ ты встанешь, рѣшится. Пойду къ Омѣ и поступлю съ нимъ по-рыцарски, открою ему все, какъ родному брату, всѣ изгибы сердца, всю внутренность. Прощай, Серѣжа. Ложись, ты усталъ; а я уже вѣрно во всю ночь глазъ не сомкну».

Онъ ушелъ. Я тотчасъ же легъ, усталый и измученный до нельзя. День былъ трудный. Нервы мои были разстроены, и прежде чѣмъ заснуть, я нѣсколько разъ вздрагивалъ и просыпался. Но, какъ ни странны были мои впечатлѣнія при отходѣ къ сну, все-таки странность ихъ почти ничего не значила передъ оригинальностью моего пробужденія на другое утро.

СЕЛО
СТЕПАНЧИНОВО

И

ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

Изъ записокъ неизвѣстнаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

П о г о н я.

Я спалъ крѣпко, безъ сновъ. Вдругъ я почувствовалъ, что на мои ноги налегла десяти-пудовая тяжесть. Я вскрикнулъ и проснулся. Былъ уже день; въ окно ярко заглядывало солнце. На кровати моей, или, лучше сказать, на моихъ ногахъ, сидѣлъ г. Бахчевъ.

Сомнѣваться было невозможно: это былъ онъ. Высвободивъ кое-какъ ноги, я приподнялся на постели и смотрѣлъ на него съ тупымъ недоумѣніемъ едва-проснушагося человѣка.

— Онъ еще и смотреть! вскричалъ толстякъ. Да ты что на меня уставился? Вставай, батюшка, вставай! полчаса бужу; продирай глаза-то?

— Да что случилось? — Который часъ?

— Часъ, батюшка, еще ранній, а Февронья-то наша и свѣту не дождалась, улепетнула. Вставай, въ погоню ѣдемъ!

— Какая Февронья?

— Да наша-то, блаженная-то! улепетнула! еще до свѣту улепетнула! Я къ вамъ, батюшка, на минутку, только васъ

разбудить, да вотъ и возись съ тобой два часа! Вставайте, батюшка, васъ и дядюшка ждетъ. Дождались праздника! прибавилъ онъ съ какимъ-то злораднымъ раздраженіемъ въ голосъ.

— Да про кого и про что вы говорите? сказалъ я съ нетерпѣніемъ, начиная, впрочемъ, догадываться. — Ужь не Татьяна-ль Ивановна?

— А какъ же? она и есть! Я говорилъ, предрекалъ — не хотѣли слушать! Вотъ она тебя и поздравила теперь съ праздникомъ! На амуръ помѣшана, а амуръ-то у нея крѣпко въ головѣ засѣлъ! Тѣфу! А тотъ-то, тотъ-то каковъ? съ бородежкой-то?

— Не-ужели съ Мизинчиковымъ?

— Тѣфу ты пропасть! Да ты, батюшка, протри глаза-то, отрезвись хоть маленько, хоть для великаго божьяго праздника! Знать, тебя еще за ужиномъ вчера укачало, коли теперь еще бродить! Съ какимъ Мизинчиковымъ? Съ Обноскинымъ, а не съ Мизинчиковымъ. А Иванъ Ивановичъ Мизинчиковъ человекъ благонравный, и теперь съ нами же въ погоню собирается.

— Что вы говорите? вскричалъ я, даже привскакнувъ на постели: не-уже-ли съ Обноскинымъ?

— Тѣфу ты, досадный человекъ! отвѣчалъ толстякъ, вскакивая съ мѣста: — я къ нему, какъ къ образованному человеку, пришелъ оказію сообщить, а онъ еще сомнѣвается! Ну, батюшка, если хочешь съ нами, такъ вставай, напяливай свои штанишки, а мнѣ нѣчего съ тобой языкомъ стучать: и безъ того золотое время съ тобой потерялъ!

И онъ вышелъ въ чрезвычайномъ негодованіи.

Пораженный извѣстіемъ, я вскочилъ съ кровати, поспѣшно одѣлся и сбѣжалъ внизъ. Думая отыскать дядю въ домѣ, гдѣ, казалось, всѣ еще спали и ничего не знали о происшедшемъ, я осторожно поднялся на парадное крыльцо и въ сѣняхъ встрѣтилъ Настеньку. Одѣга она была нѣско-ро, въ какомъ-то утреннемъ пеньюарѣ, или шрафрокѣ. Волосы

ея были въ безпорядкѣ: видно было, что она только-что вскочила съ постели и какъ-будто поджидала кого-то въ сѣняхъ.

— Скажите, правда ли, что Татьяна Ивановна уѣхала съ Обноскинымъ? торопливо спросила она прерывавшимся голосомъ, блѣдная и испуганная.

— Говорятъ, что правда. Я ищу дядюшку; мы хотимъ въ погоню.

— О! привезиге, привезите ее скорѣе! Она погибнетъ, если вы ее не воротите.

— Но гдѣ же дядюшка?

— Вѣрно тамъ, у конюшенъ; тамъ коляску закладываютъ. Я его здѣсь поджидала. Послушайте, скажите ему отъ меня, что я непременно хочу ѣхать сегодня же; я совсѣмъ рѣшилась. Отецъ возьметъ меня; я ѣду сейчасъ, если можно будетъ. Все погибло теперь! все потеряно!

Говоря это, она сама глядѣла на меня, какъ потерянная, и вдругъ залилась слезами. Съ ней, кажется, начиналась истерика.

— Успокойтесь! умолялъ я ее: — вѣдь это все къ лучшему — вы увидите... Что съ вами, Настасья Евграфовна?

— Я... я не знаю, что со мною, говорила она, задыхаясь и бессознательно сжимая мои руки. — Скажите ему...

Въ эту минуту за дверью направо раздавался какой-то шумъ. Она бросила мою руку и, испуганная, не договоривъ, убѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

Я нашелъ всю компанію, то есть дядю, Бахчеева и Миничикова, на заднемъ дворѣ, у конюшенъ. Въ коляску Бахчеева впрягали свѣжихъ лошадей. Все было готово къ отъѣзду; ждали только меня.

— Вотъ и онъ! закричалъ дядя при моемъ появленіи. — Слышалъ, братъ? прибавилъ онъ, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Испугъ, растерянность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-будто надежда выражались въ его взглядахъ, голосѣ и движеніяхъ.

Онъ сознавалъ, что въ судьбѣ его совершился капитальный переворотъ.

Тотчасъ же посвятили меня во всѣ подробности Г. Бахчеевъ, проведя самую скверную ночь, на разсвѣтѣ выѣхалъ изъ своего дома, чтобъ поспѣть къ ранней обѣднѣ въ монастырь, находящійся верстахъ въ пяти отъ его деревни. На самомъ поворотѣ съ большой дороги въ обитель, онъ вдругъ увидѣлъ тарантасъ, мчавшійся во всю прыть, а въ тарантасѣ Татьяну Ивановну и Обноскина. Татьяна Ивановна, заплаканная и какъ-будто испуганная, вскрикнула и притянула къ г. Бахчееву руки, какъ-бы умоляя его о защитѣ — такъ, по крайнеймѣрѣ, выходило изъ его разказа. «А тотъ-то, подлецъ, съ бородежкой-то, прибавлялъ онъ: ни живъ, ни мертвъ сидитъ, спрятался; да только врешь, братъ, не спрячешься!» дорогу не думая, Степанъ Алексѣевичъ поворотилъ опять на Долго и прискакалъ въ Степанчиково; разбудилъ дядю, Мизинчикова, наконецъ и меня. Рѣшили тотчасъ же пуститься въ погоню.

— Обноскинъ-то, Обноскинъ-то... говорилъ дядя, пристально смотря на меня, какъ-будто желая сказать мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то другое: — кто бы могъ ожидать!

— Отъ этого низкаго человѣка всегда можно было ожидать всякой пакости! вскричалъ Мизинчиковъ съ самымъ энергическимъ негодованіемъ и тотчасъ же отвернулся, избѣгая моего взгляда.

— Что жъ мы, ѣдемъ иль вѣтъ? Али до ночи будемъ стоять, да сказки рассказывать? прервалъ г. Бахчеевъ, влѣзая въ коляску.

— Ёдемъ, ѣдемъ! подхватилъ дядя.

— Все къ-лучшему, дядюшка, шепнулъ я ему. — Видите, какъ все это, теперь, отлично уладилось?

— Полно, братъ, не грѣши... Ахъ, другъ мой! они теперь просто выгонять *ее* въ наказанье, что не удалось — понимаешь? Ужасъ, сколько я предчувствую!

— Да что жъ Егоръ Ильичъ, шептаться, аль ѣхать? вскри-

чалъ въ другой разъ г. Бахчеевъ. — Али ужь отложить лошадокъ, да закуску подать — какъ вы думаете, не выпить ли водочки?

Слова эти были произнесены съ такимъ яростнымъ сарказмомъ, что не было никакой возможности не удовлетворить тотчасъ же г. Бахчеева. Всѣ немедленно сѣли въ коляску и лошади поскакали.

Нѣкоторое время мы всѣ молчали. Дядя значительно посматривалъ на меня, но говорить со мной при всѣхъ не хотѣлъ. Онъ часто задумывался; потомъ, какъ-будто пробуждаясь, вздрагивалъ и, въ волненіи, осматривался кругомъ. Мизинчиковъ былъ, повидимому, спокоенъ, курилъ сигару и смотрѣлъ съ достоинствомъ несправедливо-обиженнаго человека. За то Бахчеевъ горячился за всѣхъ. Онъ ворчалъ себѣ подъ-нось, глядѣлъ на всѣхъ и на все съ рѣшительнымъ негодованіемъ, краснѣлъ, пыхтѣлъ, непрерывно плевалъ на сторону и никакъ не могъ успокоиться.

— Увѣрены ли вы, Степанъ Алексѣичъ, что они поѣхали въ Мишино? спросилъ вдругъ дядя. — Это, братъ, двадцать верстъ отсюда, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, маленькая деревенька, въ тридцать душъ; недавно пріобрѣтена отъ прежнихъ владельцев однимъ бывшимъ губернскимъ чиновникомъ. Сутяга, какихъ свѣтъ не производилъ! Такъ, по крайней-мѣрѣ, о немъ говорятъ; можетъ-быть, и ошибочно. Степанъ Алексѣичъ увѣряетъ, что Обноскинъ именно туда ѣхалъ и что этотъ чиновникъ теперь ему помогаетъ.

— А то какъ же? вскричалъ Бахчеевъ, встрепенувшись. — Ужь я говорю, что въ Мишино. Только теперь его, въ Мишинѣ-то, можетъ, ужь Мптькой звали, Обноскина-то! Еще бы три часа на дворѣ попусту прокалякали!

— Нѣ беспокойтесь, замѣтилъ Мизинчиковъ: — застанемъ.

— Дá, застанемъ! Небось, онъ тебя дожидаться будетъ. Шкатулка-то въ рукахъ; былъ да сплылъ!

— Успокойся, Степанъ Алексѣичъ, успокойся, догонимъ,

сказалъ дядя. — Они еще ничего не успѣли сдѣлать — увидишь, что такъ.

— Не успѣли сдѣлать! злобно переговорилъ г. Бамчеевъ. — Чего она не успѣетъ надѣлать, даромъ-что тихонькая! «Тихонькая, говорятъ, тихонькая!» прибавилъ онъ тоненькимъ голоскомъ, какъ-будто кого-то передразнивая — «Испытала несчастья.» Вотъ она намъ теперь пятки и показала, несчастная-то! и гоняйся за ней по большимъ дорогамъ, высуня языкъ, ни свѣтъ, ни заря! Помолиться человѣку не дадутъ для божьяго праздника. Тьфу!

— Да вѣдь она, однакожь, не малолѣтная, замѣтилъ я: — подъ опекой не состоитъ. Воротить ее нельзя, если сама не захочетъ. Какъ же мы будемъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ дядя: — но она захочетъ — увѣрю тебя. Это она теперь только такъ... только увидитъ насъ, тотчасъ воротится — отвѣчаю. Нельзя же, братъ, оставить ее такъ, на произволь судьбы, въ жертву; это, такъ-сказать, долгъ...

— Подъ опекой не состоитъ! вскрикнулъ Бахчеевъ, немедленно на меня накидываясь. — Дура она, батюшка, набитая дура, а не то, что подъ опекой не состоитъ. Я тебѣ о ней и говорить не хотѣлъ вчера, а наемдни ошибкой зашелъ въ ея комнату: смотрю, а она одна передъ зеркаломъ руки въ боки, экоссеизъ выплясываетъ! Да вѣдь какъ разодѣта: просто журналъ! Плюнулъ да и отошелъ. Тогда же все предузналъ, какъ по писанному!

— Къ-чему жь такъ обвинять? замѣтилъ я съ нѣкоторою робостью. — Извѣстно, что Татьяна Ивановна... не въ полномъ своемъ здоровьѣ... или, лучше сказать, у ней такая манія... Миѣ, кажется, виноватъ одинъ Обноскинъ, а не она.

— Не въ полномъ своемъ здоровьѣ! ну вотъ подите вы съ нимъ! подхватилъ толстякъ, весь побагровѣвъ отъ злости. — Вѣдь поклялся же бѣсить человѣка! Со вчерашняго дня клятву такую далъ! Дура она, отецъ мой, повторяю тебѣ, капитальная дура, а не то, что не въ полномъ своемъ здоровьѣ; съ изма-

лѣтства на купидонѣ помѣшана! Вотъ и довелъ ее теперь купидонъ до послѣдней точки. А про того, съ бородежкой-то, и поминать нечего! Небось, задуваетъ теперь по всѣмъ по тремъ, съ денежками, динь-динь-динь, да посмѣивается.

— Такъ не-уже-ли же, вы, въ-самомъ-дѣлѣ, думаете, что онъ тотчасъ и броситъ ее?

— А то какъ же? Небось, таскать съ собой станетъ такое сокровище? Да на что она ему? оберетъ ее, да и посадитъ гдѣ-нибудь подъ кустъ, на дорогѣ — и былъ таковъ, а она и сиди-себѣ подъ кустомъ да нюхай цвѣточки!

— Ну, ужъ это ты увлекся, Степанъ, не такъ это будетъ! вскричалъ дядя. — Впрочемъ, чего жъ ты такъ сердишься? Дивлюсь я на тебя, Степанъ: тебѣ-то чего?

— Да вѣдь я человѣкъ, али нѣтъ? Вѣдь зло беретъ; вчужѣ беретъ. Вѣдь я, можетъ, ее же любя говорю... Эхъ, прокисай все на свѣтѣ! Ну зачѣмъ я пріѣхалъ сюда? ну зачѣмъ я сворачивалъ? мнѣ-то какое дѣло? мнѣ-то какое дѣло?

Такъ сѣтовалъ г. Бахчевъ; но я уже не слушалъ его и задумался о той, которую мы теперь догнали — о Татьянѣ Ивановнѣ. Вотъ краткая ея біографія, собранная мною, впоследствии, по самымъ вѣрнѣйшимъ источникамъ, и которая необходима для поясненія ее приключеній. Бѣдный ребенокъ-сиротка, выросшій въ чужомъ, негостепріимномъ домѣ, потомъ бѣдная дѣвушка, потомъ бѣдная дѣва и, наконецъ, бѣдная перезрѣлая дѣва, Татьяна Ивановна, во всю свою бѣдную жизнь испила полную до краевъ чашу горя, сиротства, униженій, попрековъ и вполне извѣдала всю горечь чужаго хлѣба. Отъ природы характера веселаго, воспріимчиваго въ высшей степени и легкомысленнаго, она вначалѣ кое-какъ еще переносила свою горькую участь и даже могла подчасъ и смѣяться самымъ веселымъ, баззаботнымъ смѣхомъ; но съ годами судьба взяла, наконецъ, свое. Мало-по-малу, Татьяна Ивановна стала желтѣть и худѣть, сдѣлалась раздражительна, болѣзненно-воспріимчива и впала въ самую неограниченную, безпредѣльную мечтательность, часто прерываемую истери-

ческими слезами, судорожными рыданиями. Чѣмъ менѣе благъ земныхъ оставляла ей на долю дѣйствительность, тѣмъ болѣе она обольщала и утѣшала себя воображеніемъ. Чѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ безвозвратнѣе гибли и, наконецъ, погибли совсѣмъ послѣднія существенныя надежды ея, тѣмъ упорнѣе становились ея мечты, никогда-неосуществимыя. Богатства неслыханныя, красота неувидаемая, женихи изящные, богатые, знатные, все князья и генеральскія дѣти, сохранившія для нея свои сердца въ дѣвственной чистотѣ и умирающія у ногъ ея отъ безпредѣльной любви и, наконецъ, *онъ* — *онъ*, идеалъ красоты, совмѣщающій въ себѣ всевозможныя совершенства, страстный и любящій, художникъ, поэтъ, генеральскій сынъ — все вмѣстѣ, или поочередно, все это начинало ей представляться не только во снѣ, но даже почти и наяву. Разсудокъ ея уже начиналъ слабѣть и не выдерживать пріемовъ этого опіума таинственныхъ, непрерывныхъ мечтаній... И вдругъ судьба подшутила надъ ней окончательно. Въ самой послѣдней степени униженія, среди самой грустной, подавляющей сердце дѣйствительности, въ компаньйонкахъ у одной старой, беззубой и брюзгливѣйшей барыни въ мірѣ, виноватая во всемъ, упрекаемая за каждый кусокъ хлѣба, за каждую тряпку изношенную, обиженная первымъ желающимъ, незащищенная никѣмъ, измученная горемычнымъ житьемъ своимъ и, про-себя, утопающая въ нѣгѣ самыхъ безумныхъ распавшихся фантазій, она вдругъ получила извѣстіе о смерти одного своего дальняго родственника, у котораго давно уже (о чемъ она, по легкомыслію своему, никогда не справлялась) перемерли всѣ его близкіе родные, человѣка страннаго, жившаго затворникомъ, гдѣ-то за тридевять земель, въ захолусты, одиноко, угрюмо, неслышно, и занимавшагося черепословіемъ и ростовщичествомъ. И вотъ, огромное богатство вдругъ, какъ-бы чудомъ, упало съ неба и рассыпалось золотой розсыпью у ногъ Татьяны Ивановны: она оказалась единственной законной наслѣдницей умершаго родственника. Сто тысячъ рублей серебромъ досталось ей

разомъ. Эта насмѣшка судьбы доконала ее совершенно. Какъ же въ-самомъ-дѣлѣ, и безъ того уже ослабѣвшему разсудку не повѣрить мечтамъ, когда онѣ въ-самомъ-дѣлѣ начинали сбываться? И вотъ бѣдняжка окончательно распростилась съ оставшейся у ней послѣдней капелькой здраваго смысла. Замирая отъ счастья, она безвозвратно унеслась въ свой очаровательный мѣръ невозможныхъ фантазій и соблазнительныхъ призраковъ. Прочъ всѣ соображенія, всѣ сомнѣнія, всѣ преграды дѣйствительности, всѣ неизбѣжные и ясные, какъ дважды-два, законы ея! Тридцать-пять лѣтъ и мечта объ ослѣпляющей красотѣ, осенній грустный холодъ и вся роскошь безконечнаго блаженства любви, даже не споря между-собою, ужились въ ея существѣ. Мечты уже осуществились разъ въ жизни: отчего же и всему не сбыться? отчего же и *ему* не явиться? Татьяна Ивановна не разсуждала, а вѣрила. Но въ ожиданіи *его*, идеала — женихи и кавалеры, разныхъ орденовъ и простые кавалеры, военные и статскіе, армейскіе и кавалергарды, вельможи и просто поэты, бывшіе въ Парижѣ и бывшіе только въ Москвѣ, съ бородками и безъ бородокъ, съ эспаньолками и безъ эспаньолокъ, испанцы и не-испанцы (но преимущественно испанцы), начали представляться ей день и ночь, въ количествѣ ужасающемъ и возбуждавшемъ въ наблюдателяхъ серьезныя опасенія; оставался только шагъ до желтаго дома. Блестящую, упоенною любовью вереницей, толпились около нея всѣ эти прекрасные призраки. На яву, въ настоящей жизни, дѣло шло тѣмъ же самымъ фантастическимъ порядкомъ: на кого она ни взглянетъ — тотъ и влюбился; кто бы ни прошелъ мимо — тотъ и испанецъ; кто умеръ — непременно отъ любви къ ней. Все это, какъ нарочно, подтверждалось въ ея глазахъ еще и тѣмъ, что за ней, въ-самомъ-дѣлѣ, начали бѣгать такіе, на примѣръ, люди, какъ Обноскинъ, Мизинчиковъ и десятки другихъ, съ тѣми же цѣлями. Ей вдругъ стали всѣ угождать, стали баловать ее, стали льстить. Бѣдная Татьяна Ивановна и подозрѣвать не хотѣла, что все это изъ-за денегъ. Она совершенно была

увѣрена, что, по чьему-то мановенію, всѣ люди вдругъ исправились и стали, всѣ до одного, веселые, милые, ласковые, добрые. *Онъ* не являлся еще на-лицо; но хотя и сомнѣнія не было въ томъ, что *онъ* явится, теперешняя жизнь и безъ того была такъ недурна, такъ заманчива, такъ полна всякихъ развлеченій и угощеній, что можно было и подождать. Татьяна Ивановна кушала конфеты, срывала цвѣты удовольствія, читала романы. Романы еще болѣе распяляли ея воображеніе и бросались обыкновенно на второй страницѣ. Она не выносила далѣе чтенія, увлекаемая въ мечты самыми первыми строчками, самымъ ничтожнымъ намекомъ на любовь, иногда просто описаніемъ мѣстности, комнаты, туалета. Безпрерывно привозились новые наряды, кружева, шляпки, накладки, ленты, обрашки, выкройки, узоры, конфеты, цвѣты, собачонки. Три дѣвуши въ дѣвичей проводили цѣлые дни за шитьемъ, а барышня съ утра до ночи, и даже ночью, примѣряла свои лифы, оборки и вертѣлась передъ зеркаломъ. Она даже какъ то помолодѣла и похорошѣла послѣ наслѣдства. До-сихъ-поръ не знаю какимъ образомъ, она приходилась сродни покойному генералу Крахоткину. Я всегда былъ увѣренъ, что это родство — выдумка генеральши, желавшей овладѣть Татьяной Ивановной и, во что бы ни стало, женить дядю на ея деньгахъ. Г. Бахчеевъ былъ правъ, говоря о купидонѣ, доведемъ Татьяну Ивановну до послѣдней точки; а мысль дяди, послѣ извѣстія о ея побѣгѣ съ Обноскинымъ, бѣжать за ней и воротить ее, хоть насильно, была самая рациональная. Бѣдняжка неспособна была жить безъ опеки и тотчасъ же погибла бы, еслибъ попала къ недобрымъ людямъ.

Былъ часъ десятый, когда мы приѣхали въ Мишино. Это была бѣдная маленькая деревенька, верстахъ въ трехъ отъ большой дороги и стоявшая въ какой-то ямѣ. Шесть или семь крестьянскихъ избъ, закоптѣлыхъ, покривившихся на бокъ и едва прикрытыхъ почернѣвшею соломой какъ - то грустно и непривѣтливо смотрѣли на проѣзжаго. Ни садика, ни кустика,

не было кругомъ на четверть версты. Только одна старая ракета свѣсилась и дремала надъ зеленоватой лужей, называвшейся прудомъ. Такое новоселье, вѣроятно, не могло произвести отраднаго впечатлѣнія на Татьяну Ивановну. Барская усадьба состояла изъ новаго, длиннаго и узкаго сруба, съ шестью окнами въ рядъ и крытаго, на скорую руку, соломой. Чиновникъ-помѣщикъ только-что начиналъ хозяйничать. Даже дворъ еще не былъ огороженъ заборомъ, и только съ одной стороны начинался новый плетень, съ котораго еще не успѣли осыпаться высохшіе, орѣховые листья. У плетня стоялъ тарантасъ Обноскина. Мы упали на виноватыхъ, какъ снѣгъ на голову. Изъ раскрытаго окна слышались крики и плачь.

Встрѣтившійся намъ въ сѣняхъ босоногій мальчикъ ударился отъ насъ бѣжать, сломя голову. Въ первой же комнатѣ, на ситцевомъ, длинномъ «турецкомъ» диванѣ, безъ спинки, возсѣдала заплаканная Татьяна Ивановна. Увидѣвъ насъ, она взвизгнула и закрылась ручками. Возлѣ нея стоялъ Обноскинъ, испуганный и сконфуженный до жалости. Онъ до того потерялся, что бросился пожимать намъ руки, какъ-будто обрадовавшись нашему приѣзду. Иза-за пріотворенной въ другую комнату двери выглядывало чье-то дамское платье: кто-то подслушивалъ и подглядывалъ въ незамѣтную для насъ щелочку. Хозяева не являлись: казалось, ихъ и въ домѣ не было: всѣ куда-то попрятались.

— Вонъ она, путешественница! еще и ручками закрывается! вскричалъ г. Бахчеевъ, вваливаясь за нами въ комнату.

— Остановите вашъ восторгъ, Степанъ Алексѣичъ! Это, наконецъ, неприлично. Имѣетъ право теперь говорить одинъ только Егоръ Ильичъ, а мы здѣсь совершенно-посторонніе, рѣзко замѣтилъ Мизинчиковъ.

Дядя, бросивъ строгій взглядъ на г. Бахчеева и какъ-будто совсѣмъ не замѣчая Обноскина, бросившагося къ нему съ рукопожатіями, подошелъ къ Татьянѣ Ивановнѣ, все еще закрывавшейся ручками, и самымъ мягкимъ голосомъ, съ самымъ непритворнымъ участіемъ, сказалъ ей:

— Татьяна Ивановна! мы всё такъ любимъ и уважаемъ васъ, что сами прѣехали узнать о вашихъ намѣреніяхъ. Угодно вамъ будетъ ѣхать съ нами въ Степанчиково? Илюша именинникъ. Маменька васъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, а Сашурка съ Настей ужъ вѣрно проплакали о васъ цѣлое утро...

Татьяна Ивановна робко приподняла голову, посмотрѣла на него сквозь пальцы и вдругъ, залившись слезами, бросилась къ нему на шею.

— Ахъ, увезите, увезите меня отсюда скорѣе! говорила она рыдая: — скорѣе, какъ-можно-скорѣе!

— Расскакалась да и сбрендила! прошипѣлъ Бахчевъ, подталкивая меня рукою.

— Значитъ, все кончено, сказалъ дядя, сухо обращаясь къ Обноскину и почти не глядя на него. — Татьяна Ивановна, пожалуйста вашу руку. Ёдемъ!

За дверьми послышался шорохъ: дверь скрипнула и пріотворилась еще болѣе.

— Однакожь, если судить съ другой точки зрѣнія, замѣтилъ Обноскинъ съ безпокойствомъ, поглядывая на пріотворенную дверь: — то посудите сами, Егоръ Ильичъ... вашъ поступокъ въ моемъ домѣ... и, наконецъ, я вамъ кланяюсь, а вы даже не хотѣли мнѣ и поклониться, Егоръ Ильичъ...

— Вашъ поступокъ въ *моемъ* домѣ, сударь, былъ скверный поступокъ, отвѣчалъ дядя, строго взглянувъ на Обноскина: — а то и домъ-то не вашъ. Вы слышали: Татьяна Ивановна не хочетъ оставаться здѣсь ни минуты. Чего же вамъ болѣе? Ни слова — слышите, ни слова больше, прошу васъ! Я чрезвычайно желаю избѣжать дальнѣйшихъ объясненій, да и вамъ это будетъ выгодноѣе.

Но тутъ Обноскинъ до того упалъ духомъ, что наговорилъ самой неожиданной дряни.

— Не призирайте меня, Егоръ Ильичъ: — началъ онъ полупотомъ, чуть не плача отъ стыда и поминутно оглядываясь на дверь, вѣроятно, изъ боязни, чтобъ тамъ не слышали: — это все не я, а маменька. Я не изъ интереса это

сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ; я только такъ это сдѣлалъ; я, конечно, и для интереса это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ... но я съ благородною цѣлью это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ: я бы употребилъ съ пользою капиталъ-съ... я бы помогалъ бѣднымъ. Я хотѣлъ тоже способствовать движенію современнаго просвѣщенія и мечталъ даже учредить стипендію въ университетъ... Вотъ какой оборотъ я хотѣлъ дать моему богатству, Егоръ Ильичъ; а не то, чтобъ что-нибудь, Егоръ Ильичъ...

Всѣмъ намъ вдругъ сдѣлалось чрезвычайно-совѣстно. Даже Мизинчиковъ покраснѣлъ и отвернулся, а дядя такъ сконфузился, что ужъ не зналъ, что и сказать.

— Ну, ну, полно, полно! проговорилъ онъ, наконецъ. — Успокойся, Павелъ Семенычъ. Что жъ дѣлать! Со всякимъ случается. Если хочешь, пріѣзжай, братъ, обѣдать... а я радъ, радъ...

Но не такъ поступилъ г. Бахчевъ.

— Стипендію учредить! заревѣлъ онъ съ яростью: — таковский, чтобъ учредилъ! Небось, самъ радъ сорвать со всякаго встрѣчнаго... Штанишекъ нѣтъ, а туда же, въ стипендію какую-то лѣзетъ! Ахъ ты лоскутникъ, лоскутникъ! Вотъ тебѣ и покорилъ нѣжное сердце! А гдѣ жъ она, родительница-то? али спряталась? Не я буду, если не сидитъ гдѣ-нибудь тамъ, за ширмами, али подъ кровать, со страха, залѣзла.

— Степанъ, Степанъ!... закричалъ дядя.

Обноскинъ вспыхнулъ и готовился-было протестовать; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ раскрыть ротъ, дверь открылась, и сама Анфиса Петровна, раздраженная, съ сверкавшими глазами, покраснѣвшая отъ злости, влетѣла въ комнату.

— Это что? закричала она: — что это здѣсь происходитъ? Вы, Егоръ Ильичъ, врываетесь въ благородный домъ съ своей ватагой, пугаете дамъ, распоряжаетесь!... Да на что это похоже? Я еще не выжила изъ ума, слава Богу, Егоръ Ильичъ! А ты, пентюхъ! продолжала она вопить, набрасываясь на сына: — ты ужъ и нюни распустилъ передъ ними! Твоей ма-

терп дѣлають оскорбленіе въ ея же домѣ, а ты ротъ разинулъ! Какой ты порядочный молодой человѣкъ, послѣ этого? Ты тряпка, а не молодой человѣкъ послѣ этого!

Ни вчерашняго нѣжинчанья, ни модничанья, ни даже лорнетки — ничего этого не было теперь у Анфисы Петровны. Это была настоящая фурія, фурія безъ маски.

Дядя, едва только увидѣлъ ее, поспѣшилъ схватить подъруку Татьяну Ивановну и бросился-было изъ комнаты; но Анфиса Петровна тотчасъ же перегородила ему дорогу.

— Вы такъ не выйдете, Егоръ Ильичъ! затрещала она снова. По какому праву вы уводите силой Татьяну Ивановну? Вамъ досадно, что она избѣжала вашихъ гнусныхъ сѣтей, которыми вы опутали ее вмѣстѣ съ вашей маменькой и съ дуракомъ Ѳомою Ѳомичомъ! Вамъ хотѣлось бы самому жениться изъ гнуснаго интереса. Извините-съ, здѣсь благороднѣе думаютъ! Татьяна Ивановна, видя, что противъ нея у васъ замышляютъ, что ее губятъ, сама ввѣрплась Павлушѣ. Она сама просила его, такъ-сказать, спасти ее отъ вашихъ сѣтей; она принуждена была бѣжать отъ васъ ночью — вотъ какъ-съ! вотъ вы до чего ее довели! Такъ ли, Татьяна Ивановна? А если такъ, то какъ смѣете вы врываться, цѣлой шайкой, въ благородный дворянскій домъ и силою увозить благородную дѣвицу, несмотря на ея крики и слезы? Я не позволю! не позволю! Я не сошла съ ума! Татьяна Ивановна останется, потому-что такъ хочетъ! Пойдемте, Татьяна Ивановна, нечего ихъ слушать: это враги ваши, а не друзья! Не робѣйте, пойдемте! Я ихъ тотчасъ же выпровожу!..

— Нѣтъ, нѣтъ! закричала испуганная Татьяна Ивановна: — я не хочу, не хочу! Какой онъ мужъ? Я не хочу выходить замужъ за вашего сына! Какой онъ мнѣ мужъ!

— Не хотите? взвизгнула Анфиса Петровна, задыхаясь отъ злости — не хотите? Приѣхали, да и не хотите? Въ такомъ случаѣ, какъ же смѣли обманывать насъ? Въ такомъ случаѣ, какъ же вы смѣли обѣщать ему, бѣжали съ нимъ ночью, сами навязывались, ввели насъ въ недоумѣніе, въ расходы?

Мой сынъ, можетъ-быть, благородную партію потерялъ изъ-за васъ! Онъ, можетъ-быть, десятки тысячъ приданого потерялъ изъ-за васъ!... Нѣтъ-съ! вы заплатите, вы должны теперь заплатить; мы доказательства имѣемъ; вы ночью бѣжали...

Но мы не дослушали этой тирады. Всѣ разомъ, сгруппировавшись около дяди, мы двинулись впередъ, прямо на Анфису Петровну, и вышли на крыльцо. Тотчасъ же подали коляску.

— Такъ дѣлаютъ одни только безчестные люди, одни подлецы! кричала Анфиса Петровна съ крыльца, въ совершенномъ изступленіи. Я бумагу подамъ! вы заплатите... вы ѣдете въ безчестный домъ, Татьяна Ивановна! вы не можете выйти замужъ за Егора Ильича; онъ подъ-носомъ у васъ держитъ свою гувернантку на содержаніи!...

Дядя задрожалъ, поблѣднѣлъ, закусилъ губу и бросился усаживать Татьяну Ивановну. Я зашелъ съ другой стороны коляски и ждалъ своей очереди садиться, какъ вдругъ очутился подлѣ меня Обноскинъ и схватилъ меня за руку.

— По-крайней-мѣрѣ, позвольте мнѣ искаать вашей дружбы! сказалъ онъ, крѣпко сжимая мою руку и съ какимъ-то отчаяннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Какъ это, дружбы? сказалъ я, заноса ногу на подножку коляски.

— Такъ-съ! Я еще вчера отличилъ въ васъ образованнѣйшаго человѣка. Не судите меня... Меня собственно обольстила маменька, а я тутъ совсѣмъ въ сторонѣ. Я болѣе имѣю склонности къ литературѣ — увѣрю васъ, а это все маменька...

— Вѣрю, вѣрю, сказалъ онъ: — прощайте!

Мы усѣлись, и лошади поскакали. Крики и проклятія Анфисы Петровны еще долго звучали намъ въ слѣдъ; а изъ всѣхъ оконъ дома вдругъ высунулись чьи-то неизвѣстные лица и смотрѣли на насъ съ дикимъ любопытствомъ.

Въ коляскѣ помѣщалось насъ теперь пятеро; но Мизинчиковъ пересѣлъ на козла, уступивъ свое прежнее мѣсто г.

Бахчеву, которому пришлось теперь сидѣть прямо противъ Татьяны Ивановны. Татьяна Ивановна была очень-довольна что мы ее увезли, но все еще плакала. Дядя, какъ могъ, утѣшалъ ее. Самъ же онъ былъ грустенъ и задумчивъ: видно было, что бѣшенныя слова Анфисы Петровны о Настенькѣ тяжело и больно отозвались въ его сердцѣ. Впрочемъ, обратный путь нашъ кончился бы безъ всякой тревоги, еслибъ только не было съ нами г. Бахчеева.

Усѣвшись напротивъ Татьяны Ивановны, онъ сталъ точно самъ не свой; онъ не могъ смотрѣть равнодушно; ворочался на своемъ мѣстѣ, краснѣлъ какъ ракъ, и страшно вращалъ глазами; особенно, когда дядя начиналъ утѣшать Татьяну Ивановну, толстякъ рѣшительно выходилъ изъ себя и ворчалъ какъ бульдогъ, котораго дразнить. Дядя съ опасеніемъ на него поглядывалъ. Наконецъ Татьяна Ивановна, замѣтивъ необыкновенное состояніе души своего виз-à-ви, стала пристально въ него всматриваться; потомъ посмотрѣла на насъ, улыбнулась и вдругъ, схвативъ свою омбрельку, граціозно ударила ею слегка г. Бахчеева по плечу.

— Безумецъ! проговорила она съ самой очаровательной игривостью, и тотчасъ же закрылась вѣеромъ.

Эта выходка была каплей, переполнившей сосудъ.

— Что-о-о? заревѣлъ толстякъ: — что такое, мадамъ? Такъ ты ужь и до меня добираешься!

— Безумецъ! безумецъ! повторяла Татьяна Ивановна и вдругъ захохотала и захопала въ ладони.

— Стой! закричалъ Бахчевъ кучеру: — стой!

Остановились. Бахчевъ отворилъ дверцу и поспѣшно началъ вылѣзть изъ коляски.

— Да что съ тобой, Степанъ Алексѣичъ? куда ты? вскричалъ изумленный дядя.

— Нѣтъ, ужь довольно съ меня! отвѣчалъ толстякъ, дрожа отъ негодованія: — прокисай все на свѣтѣ! Устарѣлъ я, мадамъ, чтобъ ко мнѣ съ амурами подъѣзжать. Я, матушка,

лучше ужь на большой дорогѣ помру! Прощай, мадамъ, комантъ-ву-порте-ву!

И онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, пошелъ пѣшкомъ. Коляска поѣхала за нимъ шагомъ.

— Степанъ Алексѣичъ! кричалъ дядя, выходи, наконецъ, изъ терпѣнія: — не дурачься, полно, садись! вѣдь домой пора!

— И-ну васъ! проговорилъ Степанъ Алексѣевичъ, задыхаясь отъ ходьбы, потому-что, по толстотѣ своей, совсѣмъ разучился ходить.

— Пошелъ во весь опоръ! закричалъ Мизинчиковъ кучеру.

— Чтò ты, чтò ты, постой!.. вскричалъ-было дядя, но коляска уже помчалась. Мизинчиковъ не ошибся: немедленно получились желаемые плоды.

— Стой! стой! раздался позади насъ отчаянный вопль—стой, разбойникъ! стой, душегубецъ ты этакой!..

Толстякъ, наконецъ, явился, усталый, полузадохшійся, съ каплями пота на лбу, развязавъ галстухъ и снявъ картузь. Молча и мрачно влѣзъ онъ въ коляску, и въ этотъ разъ я уступилъ ему свое мѣсто; по-крайней-мѣрѣ, онъ не сидѣлъ напротивъ Татьяны Ивановны, которая въ продолженіе всей этой сцены покатывалась со смѣху, била въ ладошки и во весь остальной путь не могла смотрѣть равнодушно на Степана Алексѣевича. Онъ же, съ своей стороны, до самаго дома, не промолвилъ ни единого слова и упорно смотрѣлъ, какъ вертѣлось заднее колесо коляски.

Былъ уже полдень, когда мы воротились въ Степанчиково. Я прямо пошелъ въ свой флигель, куда тотчасъ же явился Гаврила съ чаемъ. Я бросился-было спрашивать старика, но, почти вслѣдъ за нимъ, вошелъ дядя и тотчасъ же выслалъ его.

II

Н о в о с т и.

— Я, братъ, къ тебѣ на минутку, началъ онъ торопливо: — спѣшилъ сообщить... Я уже все разузналъ. Никто изъ нихъ сегодня даже у обѣдни не былъ, кромѣ Илюши, Саши, да Настеньки. Маменька, говорятъ, была въ судоргахъ. Оттирали; на-силу оттерли. Теперь положено собираться къ Оомъ и меня зовутъ. Не знаю только, поздравлять или вѣтъ Оому съ именинами-то — важный пунктъ! И наконецъ, какъ-то они примутъ весь этотъ пассажъ? Ужась, Серёжа, я ужъ предчувствую...

— Напротивъ, дядюшка, заспѣшилъ я, въ свою очередь: — все превосходно устроивается. Вѣдь ужъ теперь вамъ никакъ нельзя жениться на Татьянѣ Ивановнѣ — это одно чего стоитъ! Я вамъ еще дорогою это хотѣлъ объяснить.

— Такъ, такъ, другъ мой! Но все это не то; во всемъ этомъ, конечно, перстъ Божій, какъ ты говоришь; но я не про то... Бѣдная Татьяна Ивановна! какіе, однакожь, съ ней пассажи случаются!.. Подлецъ, подлецъ Обноскинъ! А впрочемъ, что жъ я говорю: подлецъ? я развѣ не тоже бы самое сдѣлалъ, женись на ней?.. Но, впрочемъ, я все не про то... Слышалъ ты, что кричала давеча, эта негодяйка, Анфиса, про Настю?

— Слышалъ, дядюшка. Догадались ли вы теперь, что надо спѣшить?

— Непремѣнно, и во что бы ни стало! отвѣчалъ дядя. — Торжественная минута наступила. Только мы, братъ, объ

одномъ вчера съ тобой не подумали, а я послѣ всю ночь продумалъ: пойдетъ ли она-то за меня — вотъ что

— Помилосердуйте, дядюшка! Когда сама сказала, что любить...

— Другъ ты мой, да вѣдь тутъ же прибавила, что «ни за что не выйду за васъ».

— Эхъ, дядюшка! это такъ только говорится; къ тому же, и обстоятельства сегодня не тѣ.

— Ты думаешь? Нѣтъ, братъ, Сергѣй, это дѣло деликатное, ужасно-деликатное! Гм!.. А знаешь, хоть и тосковалъ я, а какъ-то всю ночь сердце сосало отъ какого-то счастья!.. Ну, прощай, лечу. Идутъ; я ужъ и такъ опоздалъ. Только такъ забѣжалъ, слово съ тобой перебросить. Ахъ, Боже мой! вскричалъ онъ, возвращаясь: — главное-то я и забылъ! Знаешь, что: вѣдь я ему писалъ, Ѳомѣ-то!

— Когда?

— Ночью; а утромъ, чѣмъ-свѣтъ, и письмо отослалъ съ Видоплясовымъ. Я, братецъ, все изобразилъ, на двухъ листахъ, все рассказалъ, правдиво и откровенно — словомъ, что я долженъ, то-есть, непременно долженъ — понимаешь? сдѣлать предложеніе Настенькѣ. Я умолялъ его не разглашать о свиданіи въ саду и обращался ко всему благородству его души, чтобъ помочь мнѣ у маменьки. Я, братъ, конечно худо написалъ, но я написалъ отъ всего моего сердца и, такъ-сказать, облилъ моими слезами...

— И что жь? Никакого отвѣта?

— Покамѣстъ еще нѣтъ; только давеча, когда мы собирались въ погоню, встрѣтилъ его въ ~~шляпѣ~~ шляпѣ, поночному, въ туфляхъ и въ колпакѣ — онъ спитъ въ колпакѣ — куда-нибудь выходилъ. Ни слова не сказалъ, даже не взглянулъ. Я заглянулъ ему въ лицо, этакъ снизу — ничего!

— Дядюшка, не надѣйтесь на него: нагадитъ онъ вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не говори! вскричалъ дядя, махая руками: — я увѣренъ. Къ тому же, вѣдь, это ужъ послѣдняя надежда моя. Онъ пойметъ; онъ оцѣнитъ. Онъ брюзгливъ,

капризень -- не спору; но когда дѣло дойдетъ до высшаго благородства, тутъ-то онъ и засияетъ какъ перль... именно, какъ перль. Это ты все оттого, Сергѣй, что ты еще не видалъ его въ самомъ высшемъ благородствѣ... Но, Боже мой! если въ-самомъ-дѣлѣ разгласитъ вчерашнюю тайну, то... я ужъ и не знаю, что тогда будетъ, Сергѣй! Чему же останется и вѣрить на свѣтѣ? Но нѣтъ, онъ не можетъ быть такимъ подлецомъ. Я подметки его не стою! Не качай головой, братецъ: это правда -- не стою!

«Егоръ Ильичъ! маменька объ васъ беспокоятся-съ», раздался снизу неприятный голосъ дѣвицы Перепелициной, которая, вѣроятно, успѣла подслушать въ открытое окно весь нашъ разговоръ. «Васъ по всему дому ищутъ-съ и не могутъ найти-съ».

— Боже мой, опоздалъ! Бѣда! всполошился дядя. — Другъ мой, ради Христа, одѣвайся и приходи туда! Я вѣдь за этимъ и забѣжалъ къ тебѣ, чтобъ вмѣстѣ пойти... Бѣгу, бѣгу, Анна Ниловна, бѣгу!

Оставшись одинъ, я вспомнилъ о моей встрѣчѣ давеча съ Настенькой и былъ радъ, что не рассказалъ о ней дядѣ: я бы разстроилъ его еще болѣе. Предвидѣлъ я большую грозу и не могъ понять, какимъ образомъ дядя устроитъ свои дѣла и сдѣлаетъ предложеніе Настенькѣ. Повторяю: несмотря на всю вѣру въ его благородство, я поневолѣ сомнѣвался въ успѣхѣ.

Однакожь, надо было спѣшить. Я считалъ себя обязаннымъ помогать ему и тотчасъ же началъ одѣваться; но, какъ ни спѣшилъ, желая одѣтъя получше, замѣшался. Вошелъ Мизинчиковъ.

— Я за вами, сказалъ онъ: — Егоръ Ильичъ васъ проситъ немедленно.

— Идемъ!

— Я былъ уже совсѣмъ-готовъ. Мы пошли.

— Что тамъ новаго? спросилъ я дорогою.

— Всѣ у Оомы, въ сборѣ, отвѣчалъ Мизинчиковъ. — Оома

не капризничаетъ, что-то задумчивъ и мало говоритъ, сквозь зубы цѣдитъ. Даже поцаловалъ Илюшу, что, разумѣется, привело въ восторгъ Егора Ильича. Еще давеча черезъ Перепелицыну объявилъ, чтобъ не поздравляли его съ именинами и что онъ только хотѣлъ испытать... Старуха хоть и шюхаецъ спиртъ, но успокоилась, потому-что Ома покоенъ. О нашей исторіи никто ни полслова, какъ-будто ея и не было; молчатъ, потому-что Ома молчитъ. Онъ все утро не пускалъ къ себѣ никого, хотя старуха давеча безъ насъ всѣми святыми молила, чтобъ онъ къ ней пришелъ для совѣщаній, да и сама ломилась къ нему въ дверь; но онъ заперся и отвѣчалъ, что молится за родъ человѣческій, или что-то въ этомъ родѣ. Онъ что-то затѣваетъ: по лицу видно. Но такъ-какъ Егоръ Ильичъ ничего не въ-состояніи узнать по лицу, то и находится теперь въ полномъ восторгѣ отъ кротости Омы Омича: настоящій ребенокъ! Илюша какіе-то стихи приготовилъ, и меня послали за вами.

— А Татьяна Ивановна?

— Что Татьяна Ивановна?

— Она тамъ же? съ ними?

— Нѣтъ; она въ своей комнатѣ, сухо отвѣчалъ Мизинчиковъ. — Отдыхаетъ и плачетъ. Можетъ-быть, и стыдится. У ней, кажется, теперь эта... гувернантка. Что это? гроза, никакъ, собирается. Смотрите, на небѣ-то!

— Кажется, гроза, отвѣчалъ я, взглянувъ на чернѣвшую на краю неба тучу.

Въ это время мы всходили на террасу.

— А признайтесь, каковъ Обноскицъ-то — а? продолжалъ я, не могши утерпѣть, чтобъ не попытать на этомъ пунктѣ Мизинчикова.

— Не говорите мнѣ о немъ! Не поминайте мнѣ объ этомъ подлецѣ! вскричалъ онъ, вдругъ останавливаясь, покраснѣвъ и топнувъ ногою. — Дуракъ! дуракъ! Погубить такое превосходное дѣло, такую свѣтлую мысль! Послушайте: я, конечно, оселъ, что просмотрѣлъ его плутни — я въ этомъ торжественно

сознаюсь, и, можетъ-быть, вы именно хотѣли этого сознанія. Но, клянусь вамъ, еслибъ онъ сумѣлъ все это обдѣлать, какъ слѣдуетъ, я бы, можетъ-быть, и простилъ его! Дуракъ, дуракъ! И какъ держать, какъ терпять такихъ людей въ обществѣ! Какъ не ссылаютъ ихъ въ Сибирь, на поселеніе, на каторгу! Но врутъ! имъ меня не перехитрить! Теперь у меня, по-крайней-мѣрѣ, есть опытъ, и мы еще потягася. Я обдумываю теперь одну новую мысль... Согласитесь сами: не ужели жь терять свое потому только, что какой-то посторонній дуракъ укралъ вашу мысль и не умѣлъ взяться за дѣло? Вѣдь это несправедливо! И наконецъ, этой Татьянѣ непременно надо выйти замужъ — это ее назначеніе. И если ее до-сихъ-поръ еще никто не посадилъ въ домъ сумасшедшихъ, такъ это именно потому, что на ней еще можно было жениться. Я вамъ сообщу мою новую мысль...

— Но, вѣроятно, послѣ, прервалъ я его: — потому-что мы, вотъ, и пришли.

— Хорошо, хорошо, послѣ! отвѣчалъ Мизинчиковъ, искрививъ свой ротъ судорожной улыбкой... А теперь.. Но куда жь вы? Говорю вамъ: прямо къ Оомѣ Оомичу! Идите за мной; вы тамъ еще не были. Увидите другую комедію... такъ-какъ ужь дѣло пошло на комедію...

III.

Илюша именинникъ.

Оома занималъ двѣ большія и прекрасныя комнаты; онѣ были даже и отдѣланы лучше, чѣмъ всѣ другія комнаты въ домѣ. Полный комфортъ окружалъ великаго человѣка. Свѣжіе, красивые обои на стѣнахъ, шолковые пестрые занавѣсы у

оконъ, ковры, трюмо, кампнъ, мягкая, щегольская мебель — все свидѣтельствовало о пѣжной внимательности хозяевъ къ **Омѣ Омичу**. Горшки съ цвѣтами стояли на окнахъ и на мраморныхъ круглыхъ столикахъ передъ окнами. Посреди кабинета находился большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ, весь заложенный книгами и рукописями. Прекрасная бронзовая чернилица и куча перьевъ, которыми завѣдывалъ **Видоплясовъ** — все это вмѣстѣ должно было свидѣтельствовать о тугихъ умственныхъ работахъ **Омы Омича**. Скажу здѣсь кстати, что **Ома**, просидѣвъ здѣсь почти восемь лѣтъ, ровно ничего не сочинилъ путнаго. Впослѣдствіи, когда онъ отошелъ въ лучшую жизнь, мы разбирали оставшіяся послѣ него рукописи; все онъ оказался необыкновенною дрянью. Нашли, напримѣръ, начало историческаго романа, происходившаго въ Новгородѣ, въ VII столѣтіи, потомъ чудовищную поэму: «**Анахоретъ на кладбищѣ**», писанную бѣлыми стихами; потомъ, бессмысленное разсужденіе о значеніи и свойствѣ русскаго мужика и о томъ, какъ надо съ нимъ обращаться, и, наконецъ, повѣсть: «**Графиня Влонская**», изъ великосвѣтской жизни, тоже неоконченную. Больше ничѣго не осталось. А между-тѣмъ, **Ома Омичъ** заставлялъ дядю тратить ежегодно большія деньги на выпску книгъ и журналовъ. Но многіе изъ нихъ оставались даже неразрѣзанными. Я же, впослѣдствіи, не одинъ разъ, заставлялъ **Ому** за **Поль-де-Кокомъ**, котораго онъ пряталъ при людяхъ куда-нибудь подальше. Въ задней стѣнѣ кабинета находилась стеклянная дверь, которая вела во дворъ дома.

Насъ дожидался. **Ома Омичъ** сидѣлъ въ покойномъ креслѣ, въ какомъ-то длинномъ, до пятъ, сюртукѣ, но все-таки безъ галстука. Былъ онъ дѣйствительно молчаливъ и задумчивъ. Когда мы вошли, онъ слегка поднялъ брови и пытливо взглянулъ на меня. Я поклонился; онъ отвѣчалъ мнѣ легкимъ поклономъ, впрочемъ, довольно-вѣжливымъ. Бабушка, видя, что **Ома Омичъ** обошелся со мной благосклонно, съ улыбкою закивала мнѣ головою. Бѣдная и не ожидала поутру,

что ея нѣщечко такъ покойно приметъ извѣстіе о «пассаждѣ» съ Татьяной Ивановной, и потому теперь чрезвычайно развеселилась, хотя утромъ съ ней дѣйствительно происходили корчи и обмороки. За столомъ ея, по обыкновенію, стояла дѣвица Перепелицына, сложивъ губы въ ниточку, кисло и злобно улыбаясь и потирая свои костлявыя руки одну о другую. Возлѣ генеральши помѣщались двѣ постоянно - безмолвныя старухи-приживалки, изъ благородныхъ. Была еще какая-то забредшая утромъ монашенка и одна сосѣдка - помѣщица, пожилая и тоже безъ рѣчей, захвативъ отъ обѣдни поздравить матушку-генеральшу съ праздникомъ. Тетушка Прасковья Ильинична уничтожалась гдѣ-то въ уголку, съ безпокойствомъ смотря на Оому Омича и на маменьку. Дядя сидѣлъ въ креслѣ, и необыкновенная радость сіяла въ глазахъ его. Передъ нимъ стоялъ Илюша въ праздничной красной рубашечкѣ, съ завитыми кудряшками, хорошенькій, какъ ангельчикъ. Саша и Настенька тихонько отъ всѣхъ выучили его какимъ-то сихамъ, чтобъ обрадовать отца въ такой день успѣхами въ наукахъ. Дядя чуть не плакалъ отъ удовольствія: неожиданная кротость Оомы, веселость генеральши, именины Илюши, стихи — все это привело его въ настоящій восторгъ, и онъ торжественно просилъ послать за мной, чтобъ и я тоже поскорѣе раздѣлялъ всеобщее счастье и прослушалъ стихи. Саша и Настенька, вошедшая почти вслѣдъ за нами, стояли около Илюши. Саша поминутно смѣялась и въ эту минуту была счастлива, какъ дитя. Настенька, глядя на нее, тоже начала улыбаться, хотъ и вошла за минуту назадъ блѣдная и унылая. Она одна встрѣтила и успокоила Татьяну Ивановну, воротившуюся изъ путешествія, и до-сихъ-поръ просидѣла у ней наверху. Рѣзвый Илюша, какъ-будто тоже не могъ удержаться отъ смѣха, смотря на своихъ учительницъ. Казалось, они всѣ трое приготовили, какую-то пресмѣшную шутку, которую теперь и хотѣли разыграть... Я и забылъ про Бахчевева. Онъ сидѣлъ поодаль, на стулѣ, все еще сердитый и красный, молчалъ, дулся, сморкался и вообще игралъ довольно-

мрачную роль на семейномъ праздникѣ. Возлѣ него семениль Ежевкинъ; впрочемъ, онъ, семениль и вездѣ, цаловаль ручки у генеральши и у прѣзжей гостыи, нашептываль что-то дѣвицѣ Перепелипыной, ухаживаль за Ѳомой Ѳомичемъ — словомъ, поспѣваль вездѣ. Онъ тоже съ великимъ сочувствіемъ ожидалъ плюшиныхъ стиховъ и при входѣ моемъ бросился ко мнѣ съ поклонами, въ знакъ величайшаго уваженія и преданности. Вовсе не видно было, что онъ прѣхаль сюда зашитить дочь и взять ее совсѣмъ изъ Степанчикова.

— Вотъ и онъ! радостно вскричалъ дядя, увидѣвъ меня.— Илюша, братъ, стихи приготовиль — вотъ неожиданность, настоящій сюрпризъ! Я, братъ, пораженъ и нарочно за тобой послалъ, и стихи остановиль до прихода... Садись-ка возлѣ! Послушаемъ. Ѳома Ѳомичъ, да ты ужъ признайся, братецъ, вѣдь ужъ вѣрно ты ихъ всѣхъ надоумиль, чтобъ меня, старика, обрадовать? Присягну, что такъ!

Если ужъ дядя говорилъ въ комнатѣ Ѳомы такимъ тономъ и голосомъ, то казалось бы, все обстояло благополучно. Но въ томъ-то и бѣда, что дядя неспособенъ былъ ничего угадать по лицу, какъ выразился Мизинчиковъ; а взглянувъ на Ѳому, я, какъ-то невольно согласился, что Мизинчиковъ правъ и что надо было чего-нибудь ожидать.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, полковникъ, отвѣчалъ Ѳома слабымъ голосомъ, голосомъ человѣка, прощающаго врагамъ своимъ. — Сюрпризъ я, конечно, хвалю: это изображаетъ чувствительность и благоправіе вашихъ дѣтей. Стихи тоже полезны, даже для произношенія. Но я не стихами былъ занятъ это утро, Егоръ Ильичъ: я молился... вы это знаете... Впрочемъ, готовъ выслушать и стихи. — Между тѣмъ я поздравиль Илюшу и поцаловаль его.

— Именно, Ѳома, извини! Я забылъ. хоть и увѣренъ въ твоей дружбѣ, Ѳома! Да поцалуй его еще разъ, Серѣжа! Смотри, какой мальчуганъ! Ну, начинай Илюшка! Про что это? Вѣрно кака-нибудь ода торжественная, изъ Ломоносова что-нибудь?

И дядя пріосанился. Онъ едва сидѣлъ на мѣстѣ отъ не-терпѣнія и радости.

— Нѣтъ, папочка, не изъ Ломоносова, сказала Сашенька, едва подавляя свой смѣхъ: — а такъ-какъ вы были военный и воевали съ непріятелями, то Илюша и выучилъ стихи про военное. Осаду Памбы, папочка.

— Осада Памбы? а! не помню. Чтò это за Памба, ты знаешь, Серёжа? Вѣрно, что-нибудь героическое.

И дядя пріосанился въ другой разъ.

— Говори Илюша! скомандовала Сашенька.

Девять лѣтъ, какъ Педро Гóмецъ.

началь Илюша маленькимъ, ровнымъ и яснымъ голосомъ, безъ запятыхъ и безъ точекъ, какъ обыкновенно сказываютъ маленькія дѣти заученные стихи —

Девять лѣтъ, какъ Педро Гóмецъ
Осаждаетъ замокъ Памбу,
Молокомъ однимъ питаюсь,
И все войско дон-Педро,
Девять тысячъ кастильянцевъ,
Всѣ по данному обѣту
Ниже хлѣба не сѣдаютъ,
Пьютъ одно лишь молоко.

— Какъ! чтò? Чтò это за молоко? вскричалъ дядя, смотря на меня въ изумленіи.

— Читай дальше, Илюша, вскричала Сашенька.

Всякій день дон-Педро Гóмецъ
О своемъ безсилѣ плачетъ,
Закрываясь епанчею.
Настаетъ ужъ годъ десятый;
Злые мавры торжествуютъ;
А отъ войска дон-Педро
Всего-на-всего осталось
Девятнадцать человекъ

— Да это галиматья! вскричалъ дядя, съ безпокойствомъ: — вѣдь это невозможное жь дѣло! Девятнадцать человѣкъ отъ всего войска осталось, когда прежде былъ, даже и весьма значительный, корпусъ! Чтò жь это, братецъ, такое?

Но тутъ Саша не выдержала и залилась самымъ откровеннымъ и дѣтскимъ смѣхомъ; и хотъ смѣшнаго было вовсе немного, но не было возможности, глядя на нее, тоже не засмѣяться.

— Это, папочка, шуточные стихи, вскричала она, ужасно радуясь своей дѣтской затѣѣ: — это ужь нарочно такъ, самъ сочинитель сочинилъ, чтобъ всѣмъ смѣшно было, папочка.

— А! шуточные! вскричалъ дядя, съ просіявшимъ лицомъ: — комическіе, то-есть! То-то я смотрю... Именно, именно, шуточные! И пресмѣшно, чрезвычайно смѣшно: на молокъ всю армію поморилъ, по обѣту какому-то! Очень надо было давать такіе обѣты! Очень остроумно — не правда-ль, Оома? Это, видите, маменька, такіе комическіе стихи, которые иногда пишутъ сочинители — не правда ли, Сергѣй, вѣдь пишутъ? Чрезвычайно смѣшно! Ну, ну, Илюша, чтò жь дальше?

Девятнадцать человѣкъ!
 Ихъ собралъ дон-Педро Гомецъ
 И сказалъ имъ: «Девятнадцать!
 Разовьемъ свои знамена,
 Въ трубы громкія взыграемъ
 И, ударивши въ литавры,
 Прочь отъ Памбы мѣ отступимъ!
 Хотъ мы крѣпости не взяли,
 Но поклясться можемъ смѣло
 Передъ совѣстью и честью,
 Не нарушили ни разу
 Нами даннаго обѣта:
 Цѣлыхъ девять лѣтъ не ѣли,
 Ничего не ѣли ровно,
 Кромѣ только молока!»

— Экой фофанъ! чѣмъ утѣшается, прервалъ опять дядя: — что девять лѣтъ молоко пилъ! Да какая жь тутъ добродѣтель? Лучше бы по цѣлому барану ѣлъ, да людей не морилъ! Прекрасно, превосходно! Вижу, вижу теперь: это сатира, или. . . какъ это тамъ называется, аллегорія, что-ль? и; можетъ-быть, даже на какого-нибудь иностраннаго полководца, прибавилъ дядя, обращаясь ко мнѣ, значительно сдвинувъ брови и прищуриваясь: — а? какъ ты думаешь? Но только, разумѣется, невинная, благородная сатира, никого-необижающая! Прекрасно! и, главное, благородно! Ну, Илюшка, продолжай! Ахъ, вы, шалуньи, шалуньи! прибавилъ онъ, съ чувствомъ смотря на Сашу и украдкой на Настеньку, которая краснѣла и улыбалась.

Ободренные сей рѣчью
 Деятнадцать кастильянцевъ,
 Всѣ качаяся на сѣдлахъ,
 Въ голосъ слабо закричали
 «Санкто Яго Компостелло!
 Честь и слава дону-Педру!
 Честь и слава Льву Кастильи!»
 А капланъ его Діего
 Такъ сказалъ себѣ сквозь зубы:
 «Еслибъ я былъ полководцемъ,
 Я-бъ обѣтъ далъ ѣсть лишь мясо,
 Запивая сантуринскимъ!»

— Ну, вотъ! Не то же ли я говорилъ? вскричалъ дядя, чрезвычайно обрадовавшись. — Одинъ только человекъ во всей арміи благоразумный нашелся, да и тотъ какой-то Капланъ! Это кто жь такое, Сергѣй: капитанъ ихній, что ли?

— Монахъ, духовная особа, дядюшка.

— А, да, да! Капланъ, капеланъ? Знаю, помню! еще въ романахъ Радклифъ читалъ. Тамъ, вѣдь, у нихъ разные ордена, что ли? Бенедиктинцы, кажется. Есть Бенедиктинцы-то? .

— Есть, дядюшка.

— Гм!.. Я такъ и думалъ. Ну, Илюша, что жь дальше? Прекрасно, превосходно!

И, услышавъ то, донъ-Педро
Произнесъ со громкимъ смѣхомъ:
Подарить ему барана;
Онъ изрядно подшутить!»...

— Нашелъ время хохотать! Вотъ дуракъ-то! Самому, наконецъ, смѣшно стало! Барана! Стало-быть, были же бараны; чего жь онъ самъ-то не ѣлъ? Ну, Илюша, дальше! Прекрасно, превосходно! Необыкновенно-колко!

— Да ужь кончено, папочка!

— А! кончено! Въ самомъ дѣлѣ, чего жь больше оставалось и дѣлать — не правда-ль, Сергѣй? Превосходно, Илюша! Чудо, какъ хорошо! Поцалуй меня, голубчикъ! Ахъ ты мой милый! Да кто именно его надоумилъ: ты, Саша?

— Нѣтъ, это Настенька. Намѣдни мы читали. Она прочла, да и говоритъ: «Какіе смѣшные стихи! Вотъ, будетъ Илюша именинникъ: заставимъ его выучить, да рассказать. То-то смѣху будетъ!»

— Такъ это Настенька? Ну, благодарю, благодарю, про-бормоталъ дядя, вдругъ весь покраснѣвъ, какъ ребенокъ. — Поцалуй меня еще разъ, Илюша! Поцалуй меня и ты, шалунья, сказалъ онъ, обнимая Сашеньку и съ чувствомъ смотря ей въ глаза.

— Вотъ подожди, Сашурка, и ты будешь именинница, прибавилъ онъ, какъ-будто не зная, что и сказать больше, отъ удовольствія.

Я обратился къ Настенькѣ и спросилъ ее: чьи стихи?

— Дà, дà! чьи стихи? всполошился дядя. — Должно-быть, умный поэтъ написалъ — не правда-ль, Оома?

— Гм!.. промычалъ Оома подъ носъ.

Во все время чтенія стиховъ ѣдкая, насмѣшливая улыбка не покидала губъ его.

— Я право забыла, отвѣчала Настенька, робко взглядывая на Оому Оомича.

— Это господинъ Кузьма Прутковъ написалъ, папочка, въ «Современникѣ» напечатано, выскочила Сашенька.

— Кузьма Прутковъ! не знаю, проговорилъ дядя. Вотъ Пушкина такъ знаю!.. Впрочемъ, видно, что поэтъ съ достоинствами — не правда-ль, Сергѣй? и, сверхъ того, благороднѣйшихъ свойствъ человѣкъ — это ясно, какъ два пальца! Даже, можетъ-быть, изъ офицеровъ. Хвалю! А превосходный журналъ «Современникъ»! Непремѣнно надо подписываться, коли все такіе поэты участвуютъ. Люблю поэтовъ! славные ребята! все въ стихахъ изображаютъ! Помнишь, Сергѣй, я видѣлъ у тебя, въ Петербургѣ, одного литератора. Еще какой-то у него носъ особенный... право!.. Что ты сказалъ, Оома?

Оома Оомичъ, котораго разбирало все болѣе-и-болѣе, громко захихикалъ.

— Нѣтъ, я такъ... ничего-съ... проговорилъ онъ, какъ-бы съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха. — Продолжайте, Егоръ Ильичъ, продолжайте! Я послѣ мое слово скажу... Вотъ и Степанъ Алексѣичъ съ удовольствіемъ слушаетъ про знакомства ваши съ петербургскими литераторами...

Степанъ Алексѣевичъ, все время сидѣвшій поодаль, въ задумчивости, вдругъ поднялъ голову, покраснѣлъ и ожесточенно повернулъ въ креслѣ.

— Ты, Оома, меня не задирай, а въ покоѣ оставь! сказалъ онъ, гнѣвно смотря на Оому своими маленькими, налитыми кровью глазами. — Миѣ что твоя литература? Дай только Богъ миѣ здоровья, пробормоталъ онъ себѣ подъ-носъ, — а тамъ хоть бы всѣхъ... и съ сочинителями-то! волтерьянцы, только и есть!

— Сочинители волтерьянцы-съ? проговорилъ Ежевикинъ, немедленно очутившись подлѣ г. Бахчеева. — Совершенную правду изволили изложить, Степанъ Алексѣичъ. Такъ и Валентинъ Игнатьичъ отзываться намеренъ изволили. Меня са-

мого волтерьянцемъ обозвали—ей-Богу-съ; а вѣдь я, всеѣмъ извѣстно, такъ еще мало напсаль-съ.. То-есть крышка молока у бабы скиснетъ — все господинъ Вѳтеръ виноватъ! Все у насъ такъ-съ.

— Ну нѣтъ! замѣтилъ дядя, съ важностью: — это, вѣдь, заблужденіе! Вѳтеръ былъ только острый писатель; смѣялся надъ предубѣжденіями; а волтерьянцемъ никогда не бывалъ! Это все про него враги распустили. За что жь, въ-самомъ-дѣлѣ, все на него, бѣдняка?...

Снова раздалось ядовитое хихиканье Оомы Оомича. Дядя съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на него и примѣтно сконфузился.

— Нѣтъ я, видишь, Оома, все про журналы, проговорилъ онъ съ смущеніемъ, желая какъ-нибудь поправиться. — Ты, братъ, Оома, совершенно былъ правъ, когда, намереваясь, что надо подписываться. Я и самъ думаю, что надо! Гм... что жь, въ-самомъ-дѣлѣ, просвѣщеніе распространяютъ! Не то, какой же будешь сынъ отечества, если ужь на это не подписаться? не правда ль, Сергѣй? Гм!... да!... вотъ хоть «Современникъ»... Но, знаешь Серѣжа, самыя сильныя науки, по-моему, это въ томъ толстомъ журналѣ... какъ бишь его? еще въ желтой оберткѣ...

— «Отечественныя Записки», папочка.

— Ну, да, «Отечественныя Записки», и превосходное названіе, Сергѣй — не правда ли? такъ-сказать все отечество сидитъ да записывается... Благороднѣйшая цѣль! преподлезный журналъ! и какой толстый! Поди-ка, издай такой дилжансъ! А науки такія, что глаза изо лба чуть не выскочатъ... Намедни прохожу — лежитъ книга; взялъ, изъ любопытства, развернулъ, да три страницы разомъ и отмахалъ. Просто, братъ, родъ разинулъ! И, знаешь, обо всемъ толкованіе: что, напримѣръ, значитъ метла, лопата, чумичка, ухватъ? По-моему метла, такъ метла и есть; ухватъ, такъ и есть ухватъ! Нѣтъ, братъ, подожди! Ухватъ-то выходитъ, поученому, не ухватъ, а эмблема, или мнѳологія, что ли, какая-

то, ужь не помню что, а только что-то такое вышло... Вотъ оно какъ! До всего дошли!

Не знаю, что именно приготовлялся сдѣлать Оома послѣ этой новой выходки дяди, но въ эту минуту появился Гаврила и, понутивъ голову, сталъ у порога.

Оома Оомичъ значительно взглянулъ на него.

— Готово, Гаврила? спросилъ онъ слабымъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

— Готово-съ, грустно отвѣчалъ Гаврила и вздохнулъ.

— И узелокъ мой положилъ на телѣгу?

— Положилъ-съ.

— Ну, такъ и я готовъ! сказалъ Оома и медленно приподнялся съ кресла. Дядя въ изумленіи смотрѣлъ на него. Генеральша вскочила съ мѣста и съ безпокойствомъ озиралась кругомъ.

— Позвольте мнѣ теперь, полковникъ, съ достоинствомъ началъ Оома: — просить васъ оставить на время интересную тѣму о литературныхъ ухватахъ; вы можете продолжать ее безъ меня. Я же, *прощаясь съ вами на вѣки*, хотѣлъ бы вамъ сказать нѣсколько послѣднихъ словъ...

Испугъ и изумленіе оковали всѣхъ слушателей.

— Оома! Оома! да что это съ тобою? Куда ты собираешься? вскричалъ, наконецъ, дядя.

— Я собираюсь покинуть вашъ домъ, полковникъ, проговорилъ Оома самымъ спокойнымъ голосомъ. Я рѣшился идти куда глаза глядятъ, и потому нанялъ на свои деньги простую, мужичью телѣгу. На ней теперь лежитъ мой узелокъ; онъ не великъ: нѣсколько любимыхъ книгъ, двѣ перемѣны бѣлья — и только! Я бѣденъ, Егоръ Ильичъ, но ни за что на свѣтѣ не возьму теперь вашего золота, отъ котораго я еще и вчера отказался!...

— Но, ради Бога, Оома? что жъ значить? вскричалъ дядя, поблѣднѣвъ, какъ платокъ.

Генеральша взвизгнула и, въ отчаяніи, смотрѣла на Оому Оомича, протянувъ къ нему руки. Дѣвица Перепелицына

бросилась ее поддерживать. Приживалки окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Господинъ Бахчевъ тяжело поднялся со стула.

— Ну, началась исторія! прошепталъ подлѣ меня Мизинчиковъ.

Въ эту минуту послышались отдаленные раскаты грома: начиналась гроза.

IV.

ИЗГНАНІЕ.

— Вы, кажется, спрашиваете, полковникъ: «что́ это значитъ?» торжественно проговорилъ Ома, какъ-бы наслаждаясь всеобщимъ смущеніемъ. Удивляюсь вопросу! Разъясните же мнѣ, съ своей стороны, какимъ образомъ *вы* въ-состояніи смотрѣть теперь мнѣ прямо въ глаза? разъясните мнѣ эту послѣднюю психологическую задачу изъ человѣческаго безстыдства, и тогда я уйду, по-крайней-мѣрѣ, обогащенный новымъ познаніемъ объ испорченности человѣческаго рода.

Но дядя не въ-состояніи былъ отвѣчать; онъ смотрѣлъ на Оому испуганный и уничтоженный, раскрывъ ротъ, съ выкатившимися глазами.

— Господи! какія страсти-съ! простонала дѣвица Перепелицына.

— Понимаете ли, полковникъ, продолжалъ Ома: — что вы должны отпустить меня теперь, просто и безъ разспросовъ? Въ вашемъ домѣ даже я, человѣкъ пожилой и мыслящій, начинаю уже серьезно опасаться за чистоту моей нрав-

ственности. Повѣрьте, что ни къ чему не поведутъ разспросы, кромѣ вашего же посрамленія.

— Оома! Оома!... вскричалъ дядя, и холодный потъ показался на лбу его.

— И потому позвольте безъ объясненій сказать вамъ только нѣсколько прощальныхъ и напутственныхъ словъ, послѣднихъ словъ моихъ въ вашемъ, Егоръ Ильичъ, домѣ. Дѣло сдѣлано и его не воротишь! Я надѣюсь, что вы понимаете, про какое дѣло я говорю. Но, умоляю васъ на колѣняхъ: если въ сердцѣ вашемъ осталась хотя пскра нравственности, обуздайте стремленіе страстей своихъ! И если тлтворный ядъ еще не охватилъ всего зданія, то, по-возможности, потушите пожаръ!...

— Оома! увѣряю тебя, что ты въ заблужденіи! вскричалъ дядя, мало-по-малу приходя въ себя и съ ужасомъ предчувствуя развязку.

— Умѣрьте страсти свои, продолжалъ Оома тѣмъ же торжественнымъ тономъ, какъ-будто и не слыхавъ восклицанія дяди: — побѣждайте себя. «Если хочешь побѣдить весь міръ — побѣди себя!» вотъ мое всегдашнее правило. Вы помѣщикъ; вы должны бы сіять, какъ брильянтъ, въ своихъ помѣстьяхъ, и какой же гнусный примѣръ необузданности подаете вы здѣсь своимъ низшимъ! Я молился за васъ цѣлыя ночи и трепеталъ, стараясь отыскать ваше счастье. Я не нашелъ его, ибо счастье заключается въ добродѣтели...

— Но это невозможно же, Оома! снова прервалъ его дядя: — ты не такъ понялъ и не то совсѣмъ говоришь...

— И такъ, вспомните, что вы помѣщикъ, продолжалъ Оома, опять не слыхавъ восклицанія дяди. — Не думайте, чтобъ отдыхъ и сладострастіе были предназначеніемъ помѣщичьяго званія. Пагубная мысль! Не отдыхъ, а забота, и забота передъ Богомъ, царемъ и отчествомъ! Трудиться обязанъ помѣщикъ, и трудиться, какъ послѣдній изъ крестьянъ его!

— Чтѣ жъ, я пахать за мужика, что ли, стану? проворчалъ Бахчевъ: — вѣдь и я помѣщикъ...

— Къ вамъ теперь обращаюсь, домашніе, продолжалъ Оома, обращаясь къ Гаврилѣ и Фалалю, появившемуся у дверей: — любите господъ вашихъ и исполняйте волю ихъ подобострастно и съ кротостью. За это возлюбятъ васъ и господа ваши. А вы, полковникъ, будьте къ нимъ справедливы и, сострадательны. Тотъ же человекъ — образъ Божій, такъ сказать, малолѣтній, врученный вамъ, какъ дитя, царемъ и отечествомъ. Великъ долгъ, но велика и заслуга ваша!

— Оома Оомичъ! голубчикъ! что ты это задумалъ? въ отчаяніи, прокричала генеральша, готовая упасть въ обморокъ отъ ужаса.

— Ну, довольно, кажется? заключилъ Оома, не обращая вниманія даже и на генеральшу. — Теперь о подробностяхъ; положимъ, онѣ мелки, но необходимы. Егоръ Ильичъ! въ Харинской Пустоши у васъ до-сихъ-поръ сѣно не скошено. Не опоздайте: снесите и снесите скорѣй. Таковъ совѣтъ мой....

— Но, Оома....

— Вы хотѣли — я знаю это, рубить зыряновскій участокъ лѣсу; не рубите — другой совѣтъ мой. Сохраните лѣса: ибо лѣса сохраняютъ влажность на поверхности земли.... Жаль, что вы слишкомъ-поздно посѣяли яровое; удивительно, какъ поздно сѣяли вы яровое!...

— Но, Оома....

— Но, однакожь, довольно! Всего не передашь да и не время! Я пришлю къ вамъ наставленіе письменное, въ особой тетрадь. Ну, прощайте, прощайте, всѣ. Богъ съ вами, и да благословитъ васъ Господь! Благословляю и тебя, дитя мое, продолжалъ онъ, обращаясь къ Илюшѣ: — и да сохранитъ тебя Богъ отъ тлетворнаго яда будущихъ страстей твоихъ! Благословляю и тебя, Фалалей; забудь комаринскаго!... И васъ, и всѣхъ.... Помните Оому.... Ну, пойдѣмъ, Гаврила! Подвяди меня, старичокъ.

И Оома направился къ дверямъ. Генеральша взвизгнула и бросилась за нимъ

— Нѣтъ, Оома! я не пушу тебя такъ! вскричалъ дядя и, догнавъ его, схватилъ его за руку.

— Значить, вы хотите дѣйствовать насиліемъ? надменно спросилъ Оома.

— Да, Оома... и насиліемъ! отвѣчалъ дядя, дрожа отъ волненія. Ты слишкомъ-много сказалъ и долженъ разъяснить! Ты не такъ прочелъ мое письмо, Оома!...

— Ваше письмо! взвизгнувъ Оома, мгновенно воспламенился, какъ-будто именно ждалъ этой минуты для взрыва: — ваше письмо! Вотъ оно, ваше письмо! вотъ оно! Я рву это письмо, я плюю на это письмо! я топчу ногами своими ваше письмо и исполняю тѣмъ священнѣйшій долгъ человѣчества! Вотъ что я дѣлаю, если вы силой принуждаете меня къ объясненіямъ! Видите! видите! видите!...

И клочки бумаги разлетѣлись по комнатѣ.

— Повторяю, Оома, ты не понялъ! кричалъ дядя, блѣднѣя все болѣе-и-болѣе: — я предлагаю руку, Оома, я ищу своего счастья...

— Руку! Вы обольстили эту дѣвицу и надуваете меня, предлагая ей руку; ибо я видѣлъ васъ вчера съ ней ночью, въ саду, подъ кустами!

Генеральша вскрикнула и, въ изнеможеніи, упала въ кресло. Поднялась ужасная суматоха. Бѣдная Настенька сидѣла блѣдная, точно мертвая. Испуганная Сашенька, обхвативъ Илюшу, дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Оома! вскричалъ дядя въ изступленіи: — если ты распространяешь эту тайну, то ты сдѣлаешь самый подлѣйшій поступокъ въ мирѣ!

— Я распространю эту тайну, визжалъ Оома: — и сдѣлаю наиблагороднѣйшій изъ поступковъ! Я на то посланъ самимъ Богомъ, чтобъ изблечать весь міръ въ его пакостяхъ! Я готовъ взобраться на мужичью соломенную крышу и кричать оттуда о вашемъ гнусномъ поступкѣ всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ и всѣмъ проѣзжающимъ!... Да, знайте всѣ,

всѣ, что вчера, ночью, я засталъ его съ этой дѣвицей, имѣющей наивннѣйшій видъ, въ саду, подъ кустами!...

— Ахъ, какой срамъ-съ! пропищала дѣвица Перепелицна.

— Оома! не губи себя! кричалъ дядя, сжимая кулаки и сверкая глазами.

—А онъ, визжалъ Оома: — онъ, испугавшись, что я его увидѣлъ, осмѣлился завлекать меня лживымъ письмомъ, меня, честнаго и прямодушнаго, въ потворство своему преступленію — да, преступленію!... ибо изъ наивннѣйшей доселѣ дѣвицы вы сдѣлали!...

— Еще одно оскорбительное для нея слово, и — я убью тебя, Оома, клянусь тебѣ въ этомъ!...

— Я договарю это слово, ибо изъ наивнннѣйшей доселѣ дѣвицы вы успѣли сдѣлать развратнѣйшую изъ дѣвицъ!

Едва только произнесъ Оома послѣднее слово, какъ дядя схватилъ его за плечи, перевернулъ, какъ соломенку, и съ силою бросилъ его на стеклянную дверь! ведущую изъ кабинета во дворъ дома. Ударъ былъ такъ силенъ, что притворенныя двери растворились настезь, и Оома, слетѣвъ кубаремъ по семи каменнымъ ступенькамъ, растянулся на дворѣ. Разбитыя стекла съ дребезгомъ разлетѣлись по ступенямъ крыльца.

— Гаврила, подбери его! — вскричалъ дядя, блѣдный какъ мертвецъ: — посади его на телѣгу, и чтобъ черезъ двѣ минуты духу его не было въ Степанчиковѣ!

Что бы ни замышлялъ Оома Оомичъ, но ужь вѣрно не ожидалъ подобной развязки.

Не берусь описывать то, что было въ первыя минуты послѣ такого пассажа. Раздирающій душу вопль генеральши, покотившейся въ креслѣ; столбнякъ дѣвицы Перепелицыной передъ неожиданнымъ поступкомъ до-сихъ-поръ всегда покорнаго дяди; ахи и охи приживалокъ; испуганная до обморока Настенька, около которой увивался отецъ; обезумѣвшая отъ страха Сашенька; дядя, въ невыразимомъ волненіи шагавшій по комнатѣ и дожидавшійся, когда очнется мать;

наконецъ, громкій плачь Ѳалалея, оплакивавшаго господъ своихъ — все это составляло картину неизобразимую. Прибавлю еще, что въ эту минуту разразилась сильная гроза; удары грома слышались чаще-и-чаще, и крупный дождь застучалъ въ окна.

— Вотъ-те и праздничекъ! пробормоталъ г. Бахчевъ, нагнувъ голову и растопыривъ руки.

— Дѣло худо! шепнулъ я ему, тоже внѣ себя отъ волненія: — но, по-крайней-мѣрѣ, прогнали Ѳомича и ужь не воротятъ.

— Маменька! опомнились ли вы? легче ли вамъ? можете ли вы, наконецъ, меня выслушать? спросилъ дядя, остановясь передъ кресломъ старухи.

Та подняла голову, сложила руки и съ умоляющимъ видомъ смотрѣла на сына, котораго еще никогда въ жизни не видала въ такомъ гнѣвѣ.

— Маменька! продолжалъ онъ: — чаша переполнена, вы сами видѣли. Не такъ хотѣлъ я изложить это дѣло, но часъ пробилъ, и откладывать нечего! Вы слышали клевету, выслушайте же и оправданіе. Маменька, я люблю эту благороднѣйшую и возвышеннѣйшую дѣвицу, люблю давно и не разлюблю никогда. Она осчастливитъ дѣтей моихъ и будетъ для васъ самой почтительной дочерью, и потому теперь, при васъ, въ присутствіи родныхъ и друзей моихъ, я торжественно повергаю мою просьбу къ стопамъ ея и умоляю се сдѣлать мнѣ безконечную честь, согласившись быть моею женою!

Настенька вздрогнула, потомъ вся вспыхнула и вскочила съ кресла. Генеральша нѣкоторое время смотрѣла на сына, какъ-будто не понимая, что такое онъ ей говоритъ, и вдругъ съ пронзительнымъ воплемъ бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Егорушка, голубчикъ ты мой, воротн Ѳому Ѳомича! закричала она: — сейчасъ воротн! не то, я къ вечеру же помру безъ него!

Дядя остолбенѣлъ, видя старуху-мать, своевольную и капризную, передъ собой на колѣняхъ. Болѣзненное ощущеніе отразилось въ лицѣ его; наконецъ, опомнившись, бросился онъ подымать ее и усаживать опять въ кресло.

— Вороти Оому Оомича, Егорушка! продолжала вопить старуха: — вороти его, голубчика! Жить безъ него не могу!

— Маменька! горестно вскричалъ дядя: — или вы ничего не слышали изъ того, что я самъ сейчасъ говорилъ? Я не могу воротить Оому — поймите это! не могу и не въ правѣ, послѣ его низкой и подлѣйшей клеветы на этого ангела чести и добродѣтели. Понимаете ли вы, маменька, что я обязанъ, что честь моя повелѣваетъ мнѣ теперь возстановить добродѣтель! Вы слышали: я иду руки этой дѣвицы и умоляю васъ, чтобъ вы благословили союзъ нашъ.

Генеральша опять сорвалась съ своего мѣста и бросилась на колѣни передъ Настенькой.

— Матушка моя! родная ты моя! завизжала она; — не выходи за него замужъ! не выходи за него, а упроси его, матушка, чтобъ воротилъ Оому Оомича! Голубушка ты моя, Настасья Евграфовна! все тебѣ отдамъ, всѣмъ тебѣ пожертвую, коли за него не выйдешь. Я еще не все, старуха, прожила, у меня еще остались крохи послѣ моего покойничка. Все твое, матушка, всѣмъ тебя одарю, да и Егорушка тебя одаритъ, только не клади меня живую въ гробъ, упроси Оому Оомича воротить!

И долго бы еще выла и завиралась старуха, еслибъ Перепелицына и всѣ приживалки съ визгами и стenanіями не бросились бы ее подымать, негодуя, что она на колѣняхъ передъ нанятой гувернанткой. Настенька едва устояла на мѣстѣ отъ испуга, а Перепелицына даже заплакала отъ злости.

— Смертью уморите вы маменьку-съ, кричала она дядѣ: — смертью уморятъ-съ! А вамъ, Настасья Евграфовна, не слѣдовало бы ссорить маменьку-съ съ ихнимъ сыномъ-съ; это и Господь Богъ запрещаетъ-съ....

— Анна Ниловна, удержите языкъ! вскричалъ дядя. — Я довольно терпѣлъ!...

— Да и я довольно отъ васъ натерпѣлась-съ. Что вы сиротствомъ моимъ меня попрекаете-съ? Долго ли обидѣть сироту? Я еще не ваша раба-съ! Я сама подполковничья дочь-съ! Ноги моей не будетъ-съ въ вашемъ домѣ, не будетъ-съ... сегодня-же-съ!...

Но дяди не слушалъ: онъ подошелъ къ Настенькѣ и съ благоговѣніемъ взялъ ее за руку.

— Настасья Евграфовна! вы слышали мое предложеніе? проговорилъ онъ, смотря на нее съ тоскою, почти съ отчаяніемъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, нѣтъ! ужь оставимъ лучше отвѣчала Настенька, въ свою очередь, совершенно упавъ духомъ. Это все пустое, продолжала она, сжимая его руки и заливаясь слезами. — Это вы послѣ вчерашняго такъ... но не можете этого быть, вы сами видите. Мы ошиблись, Егоръ Ильичъ... А я о васъ всегда буду помнить, какъ о моемъ благодѣтелѣ и... и вѣчно, вѣчно буду молиться за васъ!..

Тутъ слезы прервали ея голосъ. Бѣдный дядя, очевидно, предчувствовалъ этотъ отвѣтъ; онъ даже и не думалъ возражать, настаивать... Онъ слушалъ, наклонясь къ ней, все еще держа ее за руку, безмолвный и убитый. Слезы показались въ глазахъ его.

— Я еще вчера сказала вамъ, продолжала Настя: — что не могу быть вашей женою. Вы видите: меня не хотятъ у васъ... а я все это давно, ужь заранѣе, предчувствовала, маменька ваша не дастъ намъ благословенія... *другіе* тоже. Вы сами, хоть и не раскаетесь потомъ, потому-что вы великодушнѣйшій человекъ, но все-таки будете несчастны изъ-за меня съ вашимъ добрымъ характеромъ...

— Именно съ *добрымъ характеромъ-съ!* именно *добренькіе-съ!* такъ Настенька, такъ! поддакнулъ старикъ-отецъ, стоявшій по другую сторону кресла: — именно, вотъ это-то вотъ словечко и надо было упомянуть-съ.

— Я не хочу чрезъ себя раздоръ поселять въ вашемъ домѣ, продолжала Настенька. — А обо мнѣ не безпокойтесь, Егоръ Ильичъ: меня никто не тронетъ, никто не обидитъ... я пойду къ папенькѣ... сегодня же... Лучше ужъ простимся, Егоръ Ильичъ...

И бѣдная Настенька опять залилась слезами.

— Настасья Евграфовна! не-уже-ли это послѣднее ваше слово? проговорилъ дядя, смотря на нее съ невыразимымъ отчаяніемъ. — Скажите одно только слово — и я жертвую вамъ всѣмъ!..

— Послѣднее, послѣднее, Егоръ Ильичъ-сь, подхватилъ опять Ежевкинъ: — и она вамъ такъ хорошо это все объяснила, что я даже, признаться, и не ожидалъ-сь. Наидобрѣйшій вы человекъ, Егоръ Ильичъ, именно наидобрѣйшій-сь и чести намъ много изволили оказать-сь! много чести, много чести-сь!.. А все-таки, мы вамъ не пара, Егоръ Ильичъ.— Вамъ нужно такую невѣсту, Егоръ Ильичъ-сь, чтобъ была и богатая, и знатная-сь, и красавица-сь, и съ голосомъ тоже была бы-сь, и чтобъ вся въ брилліантахъ, да въ страусовыхъ перьяхъ по комнатамъ вашимъ ходила-сь... Тогда и Ома Омичъ, можетъ, уступочку сдѣлаютъ-сь... и благословятъ-сь! А Омю-то Омича вы воротите-сь. Напрасно, напрасно изволили его такъ избидѣть-сь! онъ вѣдь изъ добродѣтели, отъ излишняго жару-сь такъ-наговорилъ-сь... Сами будете потомъ говорить-сь, что изъ добродѣтели — увидите-сь! Наидостойнѣйшій человекъ-сь. А вотъ теперъ перемокнетъ-сь... Ужъ лучше бы теперъ воротить-сь... потому-что вѣдь придется же воротить-сь...

— Вороти! вороти его! закричала генеральша: — онъ, голубчикъ мой, правду тебѣ говоритъ!..

— Да-сь, продолжалъ Ежевкинъ: — вотъ и родительница ваша убиваться изволить — понапрасну-сь... Воротите-ка-сь! А мы ужъ съ Настей тѣмъ временемъ и въ походъ-сь...

— Подожди, Евграфъ Ларіонычъ! вскричалъ дядя — умоляю! Еще одно слово будетъ, Евграфъ, одно только слово...

Сказавъ это, онъ отошелъ, сѣлъ въ углу, въ кресло, склонилъ голову и закрылъ руками глаза, какъ-будто что-то обдумывая.

Въ эту минуту страшный ударъ грома разразился чуть не надъ самымъ домомъ. Все зданіе потряслось. Генеральша закричала, Перепелцына тоже, приживалки крестились, оглуивъ отъ страха, а вмѣстѣ съ нимъ и г. Бахчевъ.

— Батюшка, Илья-пророкъ! прошептали пять или шесть голосовъ, всѣ вмѣстѣ, разомъ.

Вслѣдъ за городомъ пролился такой страшный ливень, что, казалось, цѣлое озеро опрокинулось вдругъ надъ Степанчиковымъ.

— А Ома-то Омичъ, что съ нимъ теперь въ полѣ-то будетъ-съ? пропущала дѣвица Перепелцына.

— Егорушка, вороти его! вскричала отчаяннымъ голосомъ генеральша и, какъ безумная, бросилась къ дверямъ. Ее удержали приживалки; онѣ окружили ее, утѣшали, хныкали, визжали. Содомъ былъ ужаснѣйшій!

— Въ одномъ сюртукѣ пошли-съ; хоть бы шинельку-то взяли съ собой-съ! продолжала Перепелцына. — Зонтика тоже не взяли-съ. Убьетъ ихъ теперь молоньей-то-съ!..

— Непремѣнно убьетъ! подхватилъ Бахчевъ: — да еще и дождемъ потомъ смочить.

— Хоть-бы вы-то молчали! прошепталъ я ему.

— Да вѣдь онъ человѣкъ, али нѣтъ? гнѣвно отвѣчалъ мнѣ Бахчевъ. — Вѣдь не собака. Небось, самъ-то не выйдешь на улицу. Ну-тка, иди, покупайся, для плезиру.

Предчувствуя развязку и опасаясь за нее, я подошелъ къ дядѣ, который какъ-будто оцѣпенѣлъ въ своемъ креслѣ.

— Дядюшка, сказалъ я, наклонясь къ его уху: — не-уже-ли вы согласитесь воротить Ому Омича? Поймите, что это будетъ верхъ неприличія, по-крайней-мѣрѣ, покамѣстъ здѣсь Настасья Евграфовна.

— Другъ мой, отвѣчалъ дядя, поднявъ голову и съ рѣшительнымъ видомъ смотря мнѣ въ глаза:—я судилъ себя въ эту

минуту и теперь знаю, что долженъ дѣлать! Не безпокойся, обиды Настѣ нѣ будетъ — я такъ устрою...

Онъ всталъ со стула и подошелъ къ матери.

— Маменька! сказалъ онъ, успокойтесь: я ворочу Оому Оомпча, я догоню его: онъ не могъ еще далеко отъѣхать. Но, клянусь, онъ воротится только на единственномъ условіи: здѣсь, публично, въ кругу всѣхъ свидѣтелей оскорбленія, онъ долженъ будетъ сознаться въ винѣ своей и торжественно просить прощенія у этой благороднѣйшей дѣвицы. Я достигну этого! я его заставлю!.. иначе, онъ не перейдетъ черезъ порогъ этого дома! клянусь вамъ тоже, маменька, торжественно: если онъ согласится на это самъ, добровольно, то я готовъ буду бросить къ ногамъ его и отдамъ ему все, все что могу отдать, не обижая дѣтей моихъ! Самъ же я съ сего же дня, отъ всего отстраняюсь, Закатилась звѣзда моего счастья! Я оставляю Степанчиково. Живите здѣсь все спокойно и счастливо. Я же ѣду въ полкъ и въ буряхъ брани, на полѣ битвы, проведу отчаянную судьбу мою Довольно! ѣду!

Въ эту минуту отворилась дверь, и Гаврила, весь измокшій, весь въ грязи, до-невозможности, предсталъ передъ смятенною публикой.

— Что съ тобой? откуда? Гдѣ Оома? вскричалъ дядя, бросаясь къ Гаврилѣ.

За ними бросились все и съ жаднымъ любопытствомъ окружили старика, съ котораго грязная вода буквально стекала ручьями. Визги, ахи, крики сопровождали каждое слово Гаврилы.

— У березника оставилъ, версты полторы отсюда, началъ онъ плачевнымъ голосомъ. — Лошадь молонья испужалась и въ канаву бросилась.

— Ну... вскричалъ дядя.

— Телѣга перевалилась...

— Ну... а Оома?

— Въ канаву упали-сь.

— Да ну-же, досказывай, истязатель!

— Бокъ отшибли-сь и заплакали-сь. Я лошадь выпрягъ да верхомъ и прибылъ сюда доложить-сь.

— А Оома тамъ остался?

— Всталъ и пошелъ-себѣ дальше съ палочкой, заключилъ Гаврила, потомъ вздохнулъ и понурилъ голову.

Слезы и рыданія дамскаго пола были неизобразимы.

— Полкана! закричалъ дядя и бросился вонъ изъ комнаты. Полкана подали; дядя вскочилъ на него, несѣдланнаго, и чрезъ минуту топотъ лошадиныхъ копытъ возвѣстилъ намъ о начавшейся погонѣ за Оомой Оомичемъ. Дядя усакалъ даже безъ фуражки.

Дамы побросались къ окнамъ. Среди аховъ и стонувъ слышались и совѣты. Толковали о немедленной теплой ваннѣ, объ растираніи Оомы Оомича спиртомъ, о грудномъ чаѣ, о томъ, что Оома Оомичъ крошечки хлѣбца-сь «съ утра въ ротъ не брали-сь, и что они теперь на тощакъ-сь». Дѣвица Перепелицына нашла забытые имъ очки, въ футлярѣ, и находка произвела необыкновенный эффектъ: генеральша бросилась на нихъ съ воплями и слезами и, не выпуская ихъ изъ рукъ, снова припала къ окну смотрѣть на дорогу. Ожиданіе дошло, наконецъ, до самой послѣдней степени напряженія... Въ другомъ углу Сашенька утѣшала Настю: онѣ обнялись и плакали. Настенька держала за руку Илюшу и поминутно цаловала его, прощаясь съ своимъ ученикомъ. Илюша плакалъ на-взрыдъ, еще самъ не зная чему. Ежевикинъ и Мизивчиковъ толковали о чемъ-то въ сторонѣ. Мнѣ показалось, что Бахчеевъ, смотря на дѣвицу, какъ-будто тоже приготовлялся захныкать. Я подошелъ къ нему.

— Нѣтъ, батюшка, сказалъ онъ мнѣ: — Оома-то Оомичъ пожалуй бы и удалился отсюда, да время еще тому не пришло: золоторогихъ быковъ еще подъ экипажъ ему не досталъ! Не безпокойтесь, батюшка, хозяевъ изъ дому выживетъ и самъ останется!

Гроза прошла, и г. Бахчеевъ видимо измѣнилъ свои убѣжденія.

Вдругъ раздалось: «ведутъ! ведутъ!» и дамы съ визгомъ побросались къ дверямъ. Не прошло еще десяти минутъ послѣ отъѣзда дяди: казалось, невозможно бы такъ скоро привезти Оому Омича; но загадка объяснилась потомъ очень просто: Оома Омичъ, отпустивъ Гаврилу, дѣйствительно «пошелъ-себѣ съ палочкой»; но, почувствовавъ себя въ совершенномъ уединеніи, среди бури, грома и ливня, пренемерно струсилъ, поворотилъ въ Степанчиково и побѣжалъ вслѣдъ за Гаврилой. Дядя захватилъ его уже на селѣ: Тотчасъ же остановили одну проѣзжавшую мимо телѣгу; сбѣжались мужики и посадили въ нее присмирѣвшаго Оому Омича. Такъ и доставили его прямо въ отверзтыя объятія генеральши, которая чуть не обезумѣла отъ ужаса, увидя въ какомъ онъ положеніи. Онъ былъ еще грязнѣе и мокрѣе Гаврилы. Суета поднялась ужаснѣйшая: хотѣли тотчасъ же тащить его наверхъ, чтобъ переменить бѣлье; кричали о бузинѣ и о другихъ крѣпительныхъ средствахъ, метались во все стороны безъ всякаго толку: говорили все за-разъ... Но Оома какъ-будто не замѣчалъ никого и ничего. Его ввели подѣ руки. Добравшись до своего кресла, онъ тяжело опустился въ него и закрылъ глаза. Кто-то закричалъ, что онъ умираетъ: поднялся ужаснѣйшій вой; но болѣе всехъ ревѣлъ Оалалай, стараясь пробиться сквозь толпу барынь къ Оомѣ Омичу, чтобъ немедленно поцаловать у него ручку...

V

Оома Омичъ создаетъ всеобщее счастье.

— Куда это меня привели? проговорилъ, наконецъ, Оома голосомъ умирающаго за правду человѣка.

— Проклятая размазня! прошепталъ подлѣ меня Мизинчиковъ: — точно не видить куда его привели. Вотъ ломаться-то теперь будетъ!

— Ты у насъ, Оома, ты въ кругу своихъ! вскричалъ дядя. Ободришь, успокоишь! И, право, перемѣнилъ бы ты теперь костюмъ, Оома, а то заболѣешь... Да не хочешь ли подкрѣпиться — а? такъ, этакъ... рюмочку маленькую чего-нибудь, чтобъ согрѣться...

— Малаги бы я выпилъ теперь, простоналъ Оома, снова закрывая глаза.

— Малаги? наврядъ ли у насъ и есть, сказалъ дядя, съ безпокойствомъ смотря на Прасковью Ильиничну.

— Какъ не быть! подхватила Прасковья Ильинична: — цѣлыя четыре бутылки остались, и тотчасъ же, гремя ключами, побѣжала за малагой, напутствуемая криками всѣхъ дамъ, облѣпившихъ Оому, какъ мухи варенье. За то г. Бахчеевъ былъ въ самой послѣдней степени негодованія.

— Малаги захотѣлъ! проворчалъ онъ, чуть не вслухъ. И вина-то такого спросилъ, что никто не пьетъ! Ну, кто теперь пьетъ малагу, кромѣ. такого же, какъ онъ, подлеца? Тьфу, вы, проклятые! Ну, я-то чего тутъ стою? чего я-то тутъ жду?

— Оома! началъ дядя, сбиваясь на каждомъ словѣ, вотъ теперь... когда ты отдохнулъ и опять вмѣстѣ съ нами... то-есть, я хотѣлъ сказать, Оома, что понимаю, какъ, давеча, обвинивъ, такъ-сказать, невиннѣйшее созданіе...

— Гдѣ, гдѣ она, моя невинность? подхватилъ Оома, какъ будто былъ въ жару и въ бреду: гдѣ золотые дни мои? гдѣ ты мое золотое дѣтство, когда я, невинный и прекрасный, бѣгалъ по полямъ за весенней бабочкой? гдѣ, гдѣ это время? Верните мнѣ мою невинность, верните ее!..

И Оома, растопыривъ руки, обращался ко всѣмъ поочередно, какъ-будто невинность его была у кого-нибудь изъ насъ въ карманѣ. Бахчеевъ готовъ былъ лопнуть отъ гнѣва.

— Экъ чего захотѣлъ! проворчалъ онъ, съ яростью. — Подайте

ему его невинность! Цаловаться, что ли, онъ съ ней хочетъ? Можетъ, и мальчишкой-то былъ ужъ такимъ же разбойникомъ, какъ и теперь! присягну, что былъ.

— Оома!.. началъ-было опять дядя.

— Гдѣ, гдѣ они, тѣ дни, когда я еще вѣровалъ въ любовь и любилъ человѣка? кричалъ Оома: — когда я обнимался съ человѣкомъ и плакалъ на груди его? а теперь гдѣ я? гдѣ я?

— Ты у насъ, Оома, успокойся! крикнулъ дядя: — а я вотъ что хотѣлъ тебѣ сказать, Оома...

— Хоть бы вы-то ужъ теперь помолчали-съ, прошипѣла Перепѣлицына, злобно сверкнувъ своими змѣиными глазами.

— Гдѣ я? продолжалъ Оома: — кто кругомъ меня? Это буйволы и быки, устремившіе на меня рога свои. Жизнь, что же ты такое? Живи, живи, будь обезчещенъ, опозоренъ, умаленъ, избитъ, и когда засыплютъ пескомъ твою могилу, тогда только опомнятся люди, и бѣдныя кости твои раздавятъ монументомъ!

— Батюшки, о монументахъ заговорилъ! прошепталъ Ежевикинъ, сплеснувъ руками.

— О, не ставьте мнѣ монумента! кричалъ Оома, не ставьте мнѣ его! Не надо мнѣ монументовъ! Въ сердцахъ своихъ воздвигните мнѣ монументъ, а болѣе ничего ненадо, ненадо! ненадо!

— Оома прервалъ дядя, полно! успокойся! нѣчего говорить о монументахъ. Ты только выслушай... Видишь, Оома, я понимаю, что ты, можетъ-быть, такъ-сказать, горѣлъ благороднымъ огнемъ, упрекая меня давеча; но ты увлекся, Оома, за черту добродѣтели — увѣряю тебя, ты ошибся Оома...

— Да перестанете ли вы-съ? запищала опять Перепѣлицына: — убить, что ли, вы несчастнаго человѣка хотите-съ, потому что они въ вашихъ рукахъ-съ?..

Вслѣдъ за Перепѣлицыной встрепенулась и генеральша, а за ней и вся ея свита; всѣ замахали на дядю руками, чтобъ онъ остановился.

— Анна Ниловна, молчите вы сами, а я знаю что говорю! съ твердостью отвѣчалъ дядя. Это дѣло святое! дѣло чести и справедливости. Ома! ты разсудителенъ, ты долженъ сей же часъ просить прощеніе у благороднѣйшей дѣвицы, которую ты оскорбилъ.

— У какой дѣвицы? какую дѣвицу я оскорбилъ? проговорилъ Ома, въ недоумѣніи обводя всѣхъ глазами, какъ-будто совершенно забывъ все происшедшее и не понимая о чемъ идетъ дѣло.

— Да, Ома, и если ты теперь самъ, своей волей, благородно сознаешься въ винѣ своей, то кланусь тебѣ, Ома, я паду къ ногамъ твоимъ, и тогда...

— Кого же это я оскорбилъ? вопилъ Ома: — какую дѣвицу? Гдѣ она? гдѣ эта дѣвица? Напомните мнѣ хоть что-нибудь объ этой дѣвицѣ!..

Въ эту минуту Настенька, смущенная и испуганная, подошла къ Егору Ильичу и дернула его за рукавъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, оставьте его, не надо извиненій! къ чему это все? говорила она умоляющимъ голосомъ. — Бросьте это!..

— А! теперь я припомню! вскричалъ Ома. — Боже! я припомню! О, помогите, помогите мнѣ припоминать! просилъ онъ, повидимому, въ ужасномъ волненіи. — Скажите: правда ли, что меня изгнали отсюда, какъ шелудивѣйшую изъ собакъ? Правда ли, что молнія поразила меня? Правда ли, что меня вышвырнули отсюда съ крыльца? Правда ли, правда ли это?

Плачь и вопли дамскаго пола были краснорѣчивѣйшимъ отвѣтомъ Омѣ Омичу.

— Такъ, такъ! твердилъ онъ, я припомню... я припомню теперь, что послѣ молніи и паденія моего я бѣжалъ сюда, преслѣдуемый громомъ, чтобъ исполнить свой долгъ и потомъ исчезнуть навѣки! Приподымите меня! Какъ ни слабъ я теперь, но долженъ исполнить свою обязанность.

Его тотчасъ приподняли съ кресла. Оома сталъ въ положеніе оратора и протянулъ свою руку.

— Полковникъ! вскричалъ онъ, теперь я очнулся совсѣмъ; громъ еще не убилъ во мнѣ умственныхъ способностей; осталась, правда, глухота въ правомъ ухѣ, происшедшая, можетъ-быть, не столько отъ грома, сколько отъ паденія съ крыльца... Но что до этого! И какое кому дѣло до праваго уха Оомы?

Послѣднимъ словамъ своимъ Оома придалъ столько печальной ироніи и сопровождалъ ихъ такою жалобною улыбкою, что стоны тронутыхъ дамъ раздались снова. Всѣ онѣ съ укоромъ, а инныя съ яростью смотрѣли на дядю, уже начинавшато понемногу уничтожаться передъ такимъ согласнымъ выраженіемъ всеобщаго мнѣнія. Мизинчиковъ плюнулъ и отошелъ къ окну. Бахчеевъ все сильнѣе и сильнѣе подталкивалъ меня локтемъ; онъ едва стоялъ на мѣстѣ...

— Теперь слушайте же всѣ мою исповѣдь! возопилъ Оома, обводя всѣхъ гордымъ и рѣшительнымъ взглядомъ: — а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшите судьбу несчастнаго Опискина. Егоръ Ильичъ! давно уже я наблюдаю за вами, наблюдаю съ замيرانіемъ моего сердца и видѣлъ все, все, тогда, какъ вы еще и не подозрѣвали, что я наблюдаю за вами. Полковникъ! я, можетъ-быть, ошибался; но я зналъ вашъ эгоизмъ, ваше неограниченное самолюбіе, ваше феноменальное сластолюбіе, и, кто обвинить меня, что я поневолѣ затрепеталъ о чести наивиннѣйшей изъ особъ?

— Оома, Оома!.. ты, впрочемъ, не очень распространяйся, Оома! вскричалъ дядя, съ безпокойствомъ смотря на страдальческое выраженіе въ лицѣ Настеньки.

— Не столько невинность и довѣрчивость этой особы, сколько ея неопытность смущала меня, продолжалъ Оома, какъ-будто и не слыжавъ предостереженія дяди. — Я видѣлъ, что нѣжное чувство расцвѣтаетъ въ ея сердцѣ, какъ вшняя роза, и невольно припоминалъ Петрарку, сказавшаго, что «невинность такъ часто бываетъ на волосокъ отъ гибели».

Я вздыхалъ, стоналъ, и хотя за эту дѣвицу, чистую какъ жемчужина, я готовъ былъ отдать всю кровь мою на поручи, но кто могъ мнѣ поручиться за васъ, Егоръ Ильичъ? Зная необузданное стремленіе страстей вашихъ, зная, что вы всѣмъ готовы пожертвовать для минутнаго ихъ удовлетворенія, я вдругъ погрузился въ бездну ужаса и опасеній насчетъ судьбы наиблагороднѣйшей изъ дѣвиць...

— Оома! не-уже-ли ты могъ это подумать? вскричалъ дядя.

— Съ замираніемъ моего сердца я слѣдилъ за вами. Если хотите узнать о томъ, какъ я страдалъ, спросите у Шекспира: онъ расскажетъ вамъ въ своемъ «Гамлетѣ» о состояніи души моей. Я сдѣлался мнителенъ и ужасенъ. Въ безпокойствѣ моемъ, въ негодованіи моемъ, я видѣлъ все въ черномъ цвѣтѣ, и это былъ не тотъ «черный цвѣтъ», о которомъ поется въ извѣстномъ романсѣ — будьте увѣрены! Оттого-то и видѣли вы мое тогдашнее желаніе удалить *ее* изъ этого дома: я хотѣлъ спасти *ее*; оттого-то и видѣли вы меня во все послѣднее время раздражительнымъ и злобствующимъ на весь родъ человѣческой. О! кто примиритъ меня теперь съ человѣчествомъ? Чувствую, что я, можетъ-быть, былъ взыскателенъ и несправедливъ къ гостямъ вашимъ, къ племяннику вашему, къ господину Бахчееву, требуя отъ него астрономіи; но кто обвинитъ меня за тогдашнее состояніе души моей? Ссылаясь опять на Шекспира, скажу, что будущность представлялась мнѣ, какъ мрачный омутъ невѣдомой глубины, на днѣ котораго лежалъ крокодилъ. Я чувствовалъ, что моя обязанность предупредить несчастіе, что я произведенъ для этого — и что же? вы не поняли наиблагороднѣйшихъ побужденій души моей и платили мнѣ во все это время злобой, неблагодарностью, насмѣшками, униженіями...

— Оома! если такъ... конечно, я чувствую... вскричалъ дядя въ чрезвычайномъ волненіи.

— Если вы дѣйствительно чувствуете, подковникъ, то бла-

говолите дослушать, а не прерывать меня. Продолжаю: вся вина моя, слѣдственно, состояла въ томъ, что я слишкомъ убивался о судьбѣ и счастья этого дитяти; ибо она еще дитя передъ вами. Высочайшая любовь къ человѣчеству сдѣлала меня въ это время какимъ-то бѣсомъ гнѣва и мнительности. Я готовъ былъ кидаться на людей и терзать ихъ. И знаете ли, Егоръ Ильичъ, что всѣ поступки ваши, какъ нарочно, поминутно подтверждали мою мнительность и удостовѣрили меня во всѣхъ подозрѣніяхъ моихъ? Знаете ли, что вчера, когда вы осыпали меня своимъ золотомъ, чтобъ удалить меня отъ себя, я подумалъ: «онъ удаляетъ отъ себя, въ лицѣ моемъ, свою совѣсть, чтобъ удобнѣе совершить преступленіе...»

— Ома, Ома! не-уже-ли ты это думалъ вчера? съ ужасомъ вскричалъ дядя: — Господи Боже, а я-то ничего и не подозрѣвалъ!

— Само небо внушило мнѣ эти подозрѣнія, продолжалъ Ома. И рѣшите сами, что могъ я подумать, когда слѣпой случай привелъ меня въ тотъ же вечеръ къ той роковой скамейкѣ въ саду? что почувствовалъ я въ эту минуту—о Боже! увидѣвъ, наконецъ, собственными своими глазами, что всѣ подозрѣнія мои оправдались, вдругъ, самымъ блистательнымъ образомъ? Но мнѣ еще оставалась одна надежда, слабая, конечно, но все же надежда — и что же? сегодня утромъ вы разрушаете ее сами въ прахъ и въ обломки! Вы присылаете мнѣ письмо ваше; вы выставяете намѣреніе жениться; умоляете не разглашать... «Но почему же» подумалъ я, «почему же онъ написалъ именно теперь, когда уже я засталъ его, а не прежде? Почему же, прежде, онъ не прибѣжалъ ко мнѣ, счастливый и прекрасный — ибо любовь украшаетъ лицо — почему не бросился онъ тогда въ мои объятія, не заплакалъ на груди моей слезами безпредѣльнаго счастья и не повѣдалъ мнѣ всего, всего?» Или я крокодилъ, который бы только сожралъ васъ, а не далъ бы вамъ полезнаго совѣта? или я какой-нибудь отвратительный жукъ, который бы только

укусилъ васъ, а не способствовалъ вашему счастью? «Другъ ли я его, или самое гнуснѣйшее изъ насѣкомыхъ?» — вотъ вопросъ, который я задалъ себѣ нынче утромъ! «Для чего, наконецъ» думалъ я «для чего же выписывалъ онъ изъ столицы своего племянника и сваталъ его къ этой дѣвицѣ, какъ не для того, чтобъ обмануть и насъ и *легкомысленнаго* племянника, а, между-тѣмъ, втайнѣ продолжать преступнѣйшее изъ намѣреній? Нѣтъ, полковникъ, если кто утвердилъ во мнѣ мысль, что взаимная любовь ваша преступна, то это вы сами, и одни только вы! Мало того, вы преступникъ и передъ этой дѣвицей, ибо ее, чистую и благонравную, черезъ вашу же неловкость и эгоистическую недовѣрчивость, вы подвергли клеветѣ и тяжкимъ подозрѣнiямъ!

Дядя молчалъ, склонивъ голову: краснорѣчiе Оомы видимо одержало верхъ надъ всѣми его возраженiями, и онъ уже сознавалъ себя полнымъ преступникомъ. Генеральша и ея общество, молча и съ благоговѣнiемъ слушали Оому, а Перепелицына съ злобнымъ торжествомъ смотрѣла на бѣдную Настеньку.

— Пораженный, раздраженный, убитый, продолжалъ Оома: — я заперся сегодня на ключъ и молился, да внушить мнѣ Богъ правыя мысли! Наконецъ, положилъ я въ послѣднiй разъ и публично испытать васъ. Я, можетъ-быть, слишкомъ горячо принялся, можетъ-быть, слишкомъ предался моему негодованiю; но за благороднѣйшiя побужденiя мои вы вышвырнули меня изъ окошка! Падая изъ окошка, я думалъ про себя: «вотъ такъ-то всегда на свѣтѣ вознаграждается добродѣтель!» Тутъ я ударился о-земь и затѣмъ едва помню, что со мною дальше случилось!

Визги и стоны прервали Оому Оомича при этомъ трагическомъ воспоминанiи. Генеральша бросилась-было къ нему, съ бутылкой малаги въ рукахъ, которую она только-что передъ этимъ вырвала изъ рукъ воротившейся Прасковьи Ильиничны, но Оома величественно отвелъ рукой и малагу и генеральшу.

— Остановитесь! вскричалъ онъ:—мнѣ надо кончить. Что случилось послѣ моего паденія—не знаю. Знаю только одно, что теперь, мокрый и готовый схватить лихорадку, я стою здѣсь, чтобъ составить ваше обоюдное счастье. Полковникъ! по многимъ признакамъ, которыхъ я не хочу теперь объяснять, я увѣрился, наконецъ, что любовь ваша была чиста и даже возвышена, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и преступно-недовѣрчива. Избитый, униженный, подозрѣваемый въ оскорбленіи дѣвицы, за честь которой я, какъ рыцарь среднихъ вѣковъ, готовъ былъ пролить до капли всю кровь мою — я рѣшаюсь теперь показать вамъ, какъ мститъ за свои обиды Оома Опискинъ. Протяните мнѣ вашу руку, полковникъ!

— Съ удовольствіемъ, Оома! вскричалъ дядя: — и такъ-какъ ты вполнѣ объяснился теперь о чести благороднѣйшей особы, то... разумѣется... вотъ тебѣ рука моя, Оома, вмѣстѣ съ моимъ раскаяніемъ...

И дядя съ жаромъ подалъ ему руку, и не подозрѣвая еще что изъ этого выйдетъ.

— Дайте и вы мнѣ вашу руку, продолжалъ Оома, слабымъ голосомъ, раздвигая дамскую сбившуюся около него толпу, и обращаясь къ Настенькѣ.

Настенька смутилась, смѣшалась и робко смотрѣла на Оому.

— Подойдите, подойдите, милое мое дитя! это необходимо для вашего счастья, ласково прибавилъ Оома, все еще продолжая держать руку дяди въ своихъ рукахъ.

— Что это онъ затѣваетъ? проговорилъ Мизинчиковъ.

Настя, испуганная и дрожащая, медленно подошла къ Оомѣ и робко протянула ему свою ручку.

Оома взялъ эту ручку и положилъ ее въ руку дяди.

— Соединяю и благословляю васъ, произнесъ онъ самымъ торжественнымъ голосомъ: — и если благословеніе убитаго горемъ страдальца можетъ послужить вамъ въ пользу, то будьте счастливы. Вотъ какъ мститъ Оома Опискинъ! Урра!

Всобщее изумленіе было безпредѣльно. Развязка была

такъ неожиданна, что на всѣхъ нашелъ какой-то столбнякъ. Генеральша, какъ была, такъ и осталась съ ризинутымъ ртомъ и съ бутылкой малаги въ рукахъ. Перепелицына поблѣднѣла и затряслась отъ ярости. Приживалки всплеснули руками и окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Дядя задрожалъ и хотѣлъ что-то проговорить, но не могъ. Настя поблѣднѣла, какъ мертвая, и робко проговорила «что это нельзя...» — но уже было поздно. Бахчевъ первый — надо отдать ему справедливость — подхватилъ ура Омы Омича, за нимъ я, за мною во весь свой звонкій голосокъ, Сашенька, тутъ же бросившаяся обнимать отца; потомъ Илюша, потомъ Ежовикинъ; послѣ всѣхъ ужъ Мизинчиковъ.

— Ура! крикнулъ другой разъ Ома, урра! И на колѣни, дѣти моего сердца, на колѣни передъ нѣжнѣйшею изъ матерей! Просите ея благословенія и, если надо, я самъ преклоню передъ нею колѣни, вмѣстѣ съ вами...

Дядя и Настя, еще не взглянувъ другъ на друга, испуганные и, кажется непонимавшіе, что съ ними дѣлается, упали на колѣни передъ генеральшей; всѣ столпились около нихъ; но старуха стояла какъ-будто ошеломленная, совершенно не понимая какъ ей поступить. Ома помогъ и этому обстоятельству: онъ самъ повергся передъ своей покровительницей. Это разомъ уничтожило всѣ ея недоумѣнія. Заливаясь слезами, она проговорила, наконецъ, что согласна. Дядя вскочилъ и стиснулъ Ому въ объятіяхъ.

— Ома, Ома!... проговорилъ онъ, но голосъ его осѣкся и онъ не могъ продолжать.

— Шампанскаго! заревѣлъ Степанъ Алексѣевичъ. — Урра!

— Нѣтъ-съ, не шампанскаго-съ, подхватила Перепелицына, которая уже успѣла опомниться и сообразить всѣ обстоятельства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдствія; — а свѣчку Богу зажечь-съ, образу помолиться, да образомъ и благословить-съ, какъ всѣми набожными людьми исполняется-съ...

Тотчасъ же всѣ бросились исполнять благоразумный совѣтъ; поднялась ужасная суетня. Надо было засвѣтить свѣчу. Сте-

панъ Алексѣвичъ подставилъ стулъ и полѣзъ прпставлять свѣчу къ образу, но тотчасъ же подломилъ стулъ и тяжело соскочилъ на полъ, удержавшись, впрочемъ, на ногахъ. Нисколько не разсердившись, онъ тутъ же съ почтеніемъ уступилъ мѣсто Перепелицыной. Тоненькая Перепелицына мигомъ обдѣлала дѣло: свѣча зажглась. Монашенка и приживалки начали креститься и класть земные поклоны. Сняли образъ Спасителя и поднесли генеральшѣ. Дядя и Настя снова стали на колѣни, и церемонія совершилась при набожныхъ наставленіяхъ Перепелицыной, поминутно-приговаривавшей: «въ ножки-то поклонитесь, къ образу-то приложитесь, ручку-то у мамы поцалуйте-съ!» Послѣ жениха и невѣсты къ образу почелъ себя обязаннымъ приложиться и г. Бахчевъ, причемъ, тоже поцаловалъ у матушки-генеральши ручку. Онъ былъ въ восторгѣ неописанномъ.

— Урра! закричалъ онъ снова. — Вотъ теперь такъ ужъ выпьемъ шампанскаго!

Впрочемъ, и всѣ были въ восторгѣ. Генеральша плакала, но теперь ужъ слезами радости: союзъ, благословенный Оомою, тотчасъ же сдѣлался въ глазахъ ея и приличнымъ и священнымъ, а, главное, она чувствовала, что Оома Оомичъ отличился и что теперь ужъ останется съ нею навѣки-вѣковъ. Всѣ приживалки, по-край-мѣрѣ съ виду, раздѣляли всеобщій восторгъ. Дядя то становился передъ матерью на колѣни и цаловалъ ея руки, то бросался обнимать меня, Бахчеву, Мизинчикова и Ежевикина. Илюшу онъ чуть-было не задушилъ въ своихъ объятіяхъ. Саша бросилась обнимать и цаловать Настеньку. Просковья Ильинична обливалась слезами. Г. Бахчевъ, замѣтивъ это, подошелъ къ ней къ ручкѣ. Старикашка Ежевикинъ расчувствовался и плакалъ въ углу, обтирая глаза своимъ клѣтчатымъ, вчерашнимъ платкомъ. Въ другомъ углу хныкалъ Гаврила и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Оому Оомича, а Оалалей рыдалъ во весь голосъ, подходилъ ко всѣмъ и тоже цаловалъ у всѣхъ руки. Всѣ были подавлены чувствомъ. Никто еще не начиналъ говорить, никто не объяснялся;

казалось, все уже было сказано; раздавались только радостныя восклицанія. Никто не понималъ еще, какъ это все вдругъ, такъ скоро и просто устроилось. Знали только одно, что все это сдѣлалъ Оома Омичъ, и что это фактъ насущный и непреложный.

Но еще и пяти минутъ не прошло послѣ всеобщаго счастья, какъ вдругъ между нами явилась Татьяна Ивановна. Какимъ образомъ, какимъ чутьемъ, могла она такъ скоро, сидя у себя наверху, узнать про любовь и про свадьбу? Она впорхнула съ сіяющимъ лицомъ, со слезами радости на глазахъ, въ обольстительно-изящномъ туалетѣ (наверху она-таки успѣла переодѣться) и прямо съ громкими криками бросилась обнимать Настеньку.

— Настенька, Настенька! ты любила его, а я и не знала, вскричала она. — Боже! они любили другъ друга, они страдали въ тишинѣ, втайнѣ! ихъ преслѣдовали! Какой романъ! Настя, голубчикъ мой, скажи мнѣ всю правду: неужели ты въ-самомъ-дѣлѣ любишь этого безумца?

Вмѣсто отвѣта, Настя обняла ее и поцаловала.

— Боже, какой очаровательный романъ! и Татьяна Ивановна захопала отъ восторга въ ладошки. — Слушай, Настя, слушай, ангелъ мой: всѣ эти мужчины, всѣ до единого неблагодарные, изверги и не стоятъ нашей любви. Но, можетъ-быть, онъ лучшій изъ нихъ. Подойди, ко мнѣ безумецъ! вскричала она, обращаясь къ дядѣ и хватая его за руку: — неужели ты влюбленъ? неужели ты способенъ любить? Смотри на меня: я хочу посмотрѣть тебѣ въ глаза; я хочу видѣть, лгутъ ли эти глаза, или нѣтъ? Нѣтъ, нѣтъ, они не лгутъ: въ нихъ сіяетъ любовь. О, какъ я счастлива! Настенька, другъ мой, послушай, ты не богата: я подарю тебѣ тридцать тысячъ. Возьми, ради Бога! Мнѣ ненадо, ненадо; мнѣ еще много останется. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала она и замахала руками, увидя, что Настя хочетъ отказываться. — Молчите и вы, Егоръ Ильичъ, это не ваше дѣло. Нѣтъ, Настя, я ужь такъ положила тебѣ подарить; я давно хотѣла тебѣ по-

дарить и только дождалась первой любви твоей... Я буду смотреть на ваше счастье. Ты обидишь меня, если не возьмешь; я буду плакать, Настя... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Татьяна Ивановна была въ такомъ восторгѣ, что, въ эту минуту, по-крайней-мѣрѣ, невозможно, даже жаль было ей возражать. На это и не рѣшились, а отложили до другаго времени. Она бросилась цаловать генеральшу, Перепелицыну — всѣхъ насъ. Бахчеевъ почтительнѣйшимъ образомъ протѣснился къ ней и попросилъ и у ней ручку.

— Матушка ты моя! голубушка ты моя! прости ты меня, дурака, за давнѣе: не зналъ я твоего золотого сердечка! — Безумецъ! я давно тебя знаю, съ восторженною игривостью пролепетала Татьяна Ивановна, ударила Степана Алексѣевича по носу перчаткой и порхнула отъ него, какъ зефиръ, задѣвъ его своимъ пышнымъ платьемъ. Толстякъ почтительно посторонился.

— Достойнѣйшая дѣвица! проговорилъ онъ съ умиленіемъ. — А носъ-то нѣмцу вѣдь подклеили! шепнулъ онъ мнѣ конфиденціально, радостно смотря мнѣ въ глаза.

— Какой носъ? какому нѣмцу? спросилъ я въ удивленіи.

— А вотъ, вышнему-то, что ручку-то у своей нѣмки целуетъ, а та слезу платкомъ вытираетъ. Евдокимъ у меня ночинилъ вчера еще; а давеча, какъ воротился съ погони, я и послалъ верховаго... Скоро привезутъ. Превосходная вещь!

— Ома! вскричалъ дядя, въ изступленномъ восторгѣ: — ты виновникъ нашего счастья! Чѣмъ могу я воздать тебѣ?

— Ничѣмъ, полковникъ, отвѣчалъ Ома съ постной миной. — *Продолжайте не обращать на меня вниманія* и будьте счастливы безъ Омы.

Онъ былъ, очевидно, пикированъ: среди всеобщихъ изліяній о немъ какъ-будто и забыли.

— Это все отъ восторга, Ома вскричалъ дядя. — Я, братъ, ужъ и не помню гдѣ и стою. Слушай, Ома: я обидѣлъ тебя. Всей жизни моей, всей крови моей не достанетъ, чтобъ удо-

влетворить твою обиду, и потому, я молчу, даже не извиняюсь. Но если когда-нибудь тебѣ понадобится моя голова, моя жизнь, если надо будетъ броситься за тебя въ разверзтую бездну, то повелѣвай и увидишь... Я больше ничего не скажу Оома.

И дядя махнулъ рукой, воплиѣ сознавая невозможность прибавить что-нибудь еще, чтобѣ спльнѣ могло выразить его мысль. Онѣ только глядѣлъ на Оому благодарными, полными слезѣ глазами.

— Вотѣ они какіе ангелы-сѣ! пропищала, въ свою очередь, въ похвалу Оомѣ дѣвица Перепелицына.

— Дѣ, да! подхватила Сашенька: — я и не знала, что вы такой хорошій человѣкъ, Оома Оомичѣ, и была къ вамѣ непочтительна. А вы простите меня, Оома Оомичѣ, и ужѣ будьте увѣрены, что я буду васѣ всѣмѣ сердцемѣ любить. Еслибѣ вы знали, какѣ я теперь васѣ почитаю!

— Дѣ, Оома! подхватилѣ Бахчеевѣ: — прости я ты меня, дурака! не зналъ я тебя, не зналъ! Ты, Оома Оомичѣ, не только ученый, но и, просто, герой! Весь домѣ мой къ твоимѣ услугамѣ. А лучше всего, приѣзжай-ка, братѣ, ко мнѣ послѣ-завтра, да ужѣ и сѣ матушкой-генеральшей, да ужѣ и сѣ женихомѣ и невѣстой — да чего тутѣ! всѣмѣ домомѣ ко мнѣ! то-есть вотѣ какѣ пообѣдаемѣ — заранѣ не похваляюсь, а одно скажу: только птичьего молока для васѣ не достану! Великое слово даю!

Среди этихѣ изліяній, подошла къ Оомѣ Оомичу и Настенька и, безѣ дальнихѣ словѣ, крѣпко обняла его и поцаловала.

— Оома Оомичѣ! сказала она: — вы нашѣ благодѣтель; вы столько для насѣ сдѣлали, столько сдѣлали, что я и не знаю чѣмѣ вамѣ заплатить за все это, а только знаю, что буду для васѣ самой нѣжной, самой почтительной сестрой...

Она не могла договорить: слезы заглушили слова ея. Оома поцаловалѣ ее въ голову и самѣ прослезилсѣ.

— Дѣти мои, дѣти моего сердца! сказалѣ онѣ: — живите,

цвѣтите и въ минуты счастья вспоминайте когда-нибудь про бѣднаго изгнанника! Про себя же скажу, что несчастье есть, можетъ-быть, мать добродѣтели. Это сказалъ, кажется, Гоголь, писатель легкомысленный, но у котораго бывають иногда зернистыя мысли. Изгнаніе есть несчастье! Скитальцемъ пойду я теперь по землѣ съ моимъ посохомъ, и, кто знаетъ? можетъ-быть, черезъ несчастья мои я стану еще добродѣтельнѣе! Эта мысль—единственное оставшееся мнѣ утѣшеніе!

— Но... куда же ты уйдешь, Ома? въ испугѣ вскричалъ дядя.

Всѣ вздрогнули и устремились къ Омѣ.

— Но, развѣ я могу оставаться въ вашемъ домѣ послѣ давишняго вашего поступка, полковникъ? спросилъ Ома съ необыкновеннымъ достоинствомъ.

Но ему не дали говорить: общіе крики заглушили слова его. Его усадили въ кресло; его упрашивали, его оплакивали, и ужь не знаю, что еще съ нимъ дѣлали. Конечно, и въ мысляхъ его не было выйдти изъ «этого дома», такъ же, какъ и давеча не было, какъ не было и вчера, какъ не было и тогда, какъ онъ копалъ въ огородѣ. Онъ зналъ, что его можно остановить, уцѣпляясь за него, особенно теперь, когда онъ всѣхъ осчастливилъ, когда всѣ въ него снова увѣровали, когда всѣ готовы были носить его на рукахъ и почтвать это за честь и за счастье. Но, вѣроятно, давшнее, малодушное его возвращеніе, когда онъ испугался грозы, нѣсколько щекотало его амбицію и подстрекало его еще какъ-нибудь погеройствовать; а главное: предстоялъ такой соблазнъ поматъся; можно было такъ хорошо поговорить, расписать, размазать, расхвалить самого себя, что не было никакой возможности противиться искушенію. Онъ и не противился; онъ вырывался отъ непускавшихъ его; онъ требовалъ своего посоха, молилъ, чтобъ отдали ему его свободу, чтобъ отпустили его на всѣ четыре стороны; что онъ въ «этомъ домѣ» былъ обезпеченъ, избитъ; что онъ воротился для того, чтобъ составить всеобщее счастье; что можетъ ли онъ, на-

конецъ, оставаться въ «домѣ неблагородности и ѣсть щи, хотя и сытныя, но приправленныя побоями?» Наконецъ, онъ пересталъ вырываться. Его снова усадили въ кресло; но краснорѣчіе его не прерывалось.

— Развѣ не обижали меня здѣсь? кричалъ онъ:—развѣ не дразнили меня здѣсь языкомъ? развѣ вы, вы сами, полковникъ, подобно невѣжественнымъ дѣтямъ мѣщанъ на городскихъ улицахъ, не показывали мнѣ ежечасно шиши и кукиши? Да, полковникъ! я стою за это сравненіе, потому-что, если вы и не показывали мнѣ ихъ физически, то все-равно, это были нравственные кукиши; а нравственные кукиши, въ иныхъ случаяхъ, даже обиднѣе физическихъ. Я уже не говорю о побояхъ..

— Оома, Оома! вскричалъ дядя — не убивай меня этимъ воспоминаніемъ! Я ужъ говорилъ тебѣ, что всей крови моей недостаточно, чтобъ омыть эту обиду. Будь же великодушень! забудь, прости и останься созерцать наше счастье! Твои плоды, Оома!..

— ... Я хочу любить, любить человѣка, кричалъ Оома: — а мнѣ не даютъ человѣка, запрещаютъ любить, отнимаютъ у меня человѣка! Дайте, дайте мнѣ человѣка, чтобъ я могъ любить его! Гдѣ этотъ человѣкъ? куда спрятался этотъ человѣкъ? Какъ Діогенъ съ фонаремъ, ищу я его всю жизнь и не могу найти, и не могу никого любить, доколѣ не найду этого человѣка. Горе тому, кто сдѣлалъ меня человѣконенавистникомъ! Я кричу: дайте мнѣ человѣка, чтобъ я могъ любить его, а мнѣ суютъ Оалалея! Оалалея ли я полюблю? Захочу ли я полюбить Оалалея? Могу ли я, наконецъ, любить Оалалея, еслибъ даже хотѣлъ? Нѣтъ; почему нѣтъ? Потому-что онъ Оалалей. Почему я не люблю человѣчества? Потому-что все, что ни есть на свѣтѣ — Оалалей или похоже на Оалалея! Я не хочу Оалалея, я ненавижу Оалалея, я плюю на Оалалея, я раздавлю Оалалея, и, еслибъ надо было выбирать, то я полюблю скорѣе Асмодѣя, чѣмъ Оалалея! Поди, поди, сюда, мой всегдашній истязатель, поди сюда! закри-

чалъ онъ, вдругъ обратившись къ Фалалею, самымъ невиннѣйшимъ образомъ выглядывавшему на цыпочкахъ изъ-за толпы, окружавшей Оому Омича: — поди сюда! Я докажу вамъ, полковникъ, кричалъ Оома, притягивая къ себѣ рукой Фалалея, обезпамятѣвшаго отъ страха:—я докажу вамъ справедливость словъ моихъ о всегдашнихъ насмѣшкахъ и кукншахъ! Скажи, Фалалей, и скажи правду: что видѣлъ ты во снѣ сегодняшнюю ночь? Вотъ, увидите, полковникъ, увидите ваши плоды! Ну, Фалалей, говори!

Бѣдный мальчикъ, дрожавшій отъ страха, обводилъ кругомъ отчаянный взглядъ, ища хоть въ комъ-нибудь своего спасенія; но всѣ только трепетали и, съ ужасомъ ждали его отвѣта.

— Ну же, Фалалей, я жду!

Вмѣсто отвѣта Фалалей сморщилъ лицо, растянулъ свой ротъ и заревѣлъ, какъ теленокъ.

— Полковникъ! видите ли это упорство? Не-уже-ли оно натуральное? Въ послѣдній разъ обращаюсь къ тебѣ, Фалалей, скажи: какой сонъ ты видѣлъ сегодня?

— Про...

— Скажи, что меня видѣлъ, подсказывалъ Бахчеевъ.

Про ваши добродѣтели-съ! подсказалъ на другое ухо Ежевикниъ.

Фалалей только оглядывался.

— Про... про ваши доб... про бѣлаго бы-ка! промычалъ онъ, наконецъ, и залился горячими слезамп.

Всѣ ахнули. Но Оома Омичъ былъ въ припадкѣ необыкновеннаго великодушія.

— По-крайней-мѣрѣ, я вижу твою искренность, Фалалей, сказалъ онъ—искренность, которой не замѣчаю въ другихъ. Богъ съ тобою! Если ты нарочно дразнишь меня этимъ сномъ, по навету другихъ, то Богъ воздастъ и тебѣ и другимъ. Если же нѣтъ, то уважаю твою искренность ибо даже въ послѣднемъ изъ созданий, какъ ты, я привыкъ различать

образъ и подобіе Божіе... Я прощаю тебя, Фалалей! Дѣти мои, обнимите меня, я остаюсь!..

«Остается!» вскричали всѣ съ восторгомъ.

— Остаюсь и прощаю. Полковникъ, наградите Фалалея сахаромъ: пусть не плачетъ онъ въ такой день всеобщаго счастья.

Разумѣется, такое великодушіе нашли пзумительнымъ. *Такъ* заботиться, въ *такую* минуту и, о комъ же? о Фалалей! Дядя бросился исполнять приказаніе о сахарѣ. Тотчасъ же, Богъ-знаетъ откуда, въ рукахъ Прасковьи Ильиничны явилась серебряная сахарница. Дядя вынулъ-было дрожавшею рукою два куска, потомъ три, потомъ уронилъ ихъ, наконецъ, видя, что ничего не въ состояніи сдѣлать отъ волненія.

— Э! вскричалъ онъ:—ужь для такого дня! Держи Фалалей! и высыпалъ ему за пазуху всю сахарницу.

— Это тебѣ за искренность, прибавилъ онъ, въ видѣ нравоученія.

— Господинъ Коровкинъ, доложилъ вдругъ появившійся въ дверяхъ Видоплясовъ.

Произошла маленькая суета. Посѣщеніе Коровкина было, очевидно, не кстати. Всѣ вопросительно посмотрѣли на дядю.

— Коровкинъ! вскричалъ дядя, въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. — Конечно, я радъ... прибавилъ онъ, робко взглядывая на Оому:—но ужь, право, не знаю, просить ли его теперь... въ такую минуту. Какъ ты думаешь, Оома?

— Ничего, ничего! благосклонно проговорилъ Оома:—пригласите и Коровкина; пусть и онъ участвуетъ во всеобщемъ счастьи.

Словомъ, Оома Оомичъ былъ въ ангельскомъ расположеніи духа.

— Почтительнѣйше осмѣлюсь доложить-съ, замѣтилъ Видоплясовъ: — что Коровкинъ изволятъ находиться не въ своемъ видѣ-съ.

— Не въ своемъ видѣ? какъ? Чтò ты врешь? вскричалъ дядя.

— Точно такъ-съ: не въ трезвомъ состояніи души-съ...

Но прежде чѣмъ дядя успѣлъ раскрыть ротъ, покраснѣть, испугаться и сконфузиться до послѣдней степени, послѣдовало и разрѣшеніе загадки. Въ дверяхъ появился самъ Коровкинъ, отвелъ рукой Видоплясова и предсталъ предъ изумленною публикой. Это былъ невысокій, но плотный господинъ, лѣтъ сорока, съ темными волосами и съ просѣдью, выстриженный подъ гребенку, съ багровымъ, круглымъ лицомъ, съ маленькими, налитыми кровью глазами, въ высококомъ волосяномъ галстухѣ, застегнутомъ сзади пряжкой, во фракѣ необыкновенно-истасканомъ, въ пуху и въ сѣнѣ и сильно-лопнувшемъ подъ-мышкой, въ pantalon impossible и при фуражкѣ, засаженной до невѣроятности, которую онъ держалъ на-отлетѣ. Этотъ господинъ былъ совершенно пьянъ. Выйдя на средину комнаты, онъ остановился, покачиваясь и тюкая впередъ носомъ, въ пьяномъ раздумьи; потомъ медленно во весь ротъ улыбнулся.

— Извините, господа, проговорилъ онъ: — я... того... (тутъ онъ щелкнулъ по воротнику) получилъ!

Генеральша немедленно приняла видъ оскорбленнаго достоинства. Ома, сидя въ креслѣ, проницески обмѣривалъ взглядомъ эксцентрическаго гостя. Бахчеевъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, сквозь которое проглядывало, однако, нѣкоторое сочувствіе. Смущеніе же дяди было невѣроятное; онъ всею душою страдалъ за Коровкина.

— Коровкинъ! началъ-было онъ: — послушайте!

— Атанде-съ, прервалъ Коровкинъ. — Рекомендуюсь: дитя природы... Но, что я вижу? Здѣсь дамы... А зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ, подлець, что у тебя здѣсь дамы? прибавилъ онъ, съ плутовскою улыбкою смотря на дядю: — ничего? не робѣй!.. представимся и прекрасному полу... Прелестныя дамы! началъ онъ, съ трудомъ ворочая языкъ и завязая на каждомъ словѣ: — вы видите несчастнаго, который... ну, да ужъ и такъ далѣе. Остальное не договаривается.. Музыканты! польку!

— А не хотите ли заснуть? спросилъ Мизинчиковъ, спокойно подходя къ Коровкину.

— Заснуть? Да вы съ оскорбленіемъ говорите?

— Нисколько. Знаете, съ дороги, полезно...

— Никогда! съ негодованіемъ отвѣчалъ Коровкинъ. — Ты думаешь, я пьянъ? — ни мало... А, впрочемъ, гдѣ у васъ спать?

— Пойдемте, я васъ сейчасъ проведу.

— Куда? въ сарай? Нѣтъ, братъ, не надуешь! Я ужъ тамъ ночевалъ... А, впрочемъ, веди... Съ хорошимъ человѣкомъ отчего не пойти?.. Подушки не надо; военному человѣку не надо подушки... А ты мнѣ, братъ, диванчикъ, диванчикъ сочини... Да слушай, прибавилъ онъ, останавливаясь: — ты, я вижу, малый теплый; сочини-ка ты мнѣ того... понимаешь? ромео, такъ только, чтобъ муху задавить... единственно, чтобъ муху задавить, одну, то есть рюмочку.

— Хорошо, хорошо! отвѣчалъ Мизинчиковъ.

— Хорошо... Да ты постой, вѣдь надо жъ проститься... Adieu mesdames и mesdemoiselles!... Вы, такъ-сказать, прозили... Ну да ужъ нечего! послѣ объяснимся... а только разбудите меня какъ начнется... или даже за пять минутъ до начала... а безъ меня не начинать! елышите? не начинать!...

И веселый господинъ скрылся за Мизинчиковымъ.

Всѣ молчали. Недоумѣніе еще продолжалось. Наконецъ, Оома началъ понемногу, молча и неслышно хихикать; смѣхъ его разростался все болѣе-и-болѣе въ хохоть. Видя это, повеселѣла и генеральша, хотя все еще выраженіе оскорбленнаго достоинства сохранялось въ лицѣ ея. Невольный смѣхъ начиналъ подыматься со всѣхъ сторонъ. Дядя стоялъ, какъ ошеломленный, краснѣя до слезъ и нѣкоторое время не въ состояніи вымолвить слова.

— Господи Боже! проговорилъ онъ, наконецъ: — кто жъ это зналъ? Но вѣдь... вѣдь это со всякимъ же можетъ случиться. Оома, увѣряю тебя, что это честнѣйшій, благород-

нѣйшій и даже чрезвычайно начитанный человѣкъ. Оома... вотъ ты увидишь!...

— Вижу-съ, вижу-съ, отвѣчалъ Оома, задыхаясь отъ смѣха: — необыкновенно начитанный, именно начитанный!

— Про желѣзныя дороги какъ говорить-съ! замѣтилъ, вполголоса, Ежевкинъ.

— Оома!.. вскричалъ-было дядя, но всеобщій хохотъ покрылъ слова его. Оома Оомичъ такъ и заливался. Видя это, разсмѣялся и дядя.

— Ну, да что тутъ! сказалъ онъ съ увлеченіемъ. — Ты великодушень, Оома, у тебя великое сердце: ты составилъ мое счастье... ты же простишь и Коровкинну.

Не смѣялась одна только Настенька. Полными любовью глазами смотрѣла она на жениха своего и какъ-будто хотѣла вымолвить:

«Какой ты, однакожь, прекрасный, какой добрый, какой благороднѣйшій человѣкъ и какъ я люблю тебя!»

VI.

З а к л ю ч е н і е .

Торжество Оомы было полное и непоколебимое. Дѣйствительно, безъ него ничего бы не устроилось и совершившійся фактъ подавлялъ всѣ сомнѣнія и возраженія. Благодарность осчастливленныхъ была безгранична. Дядя и Настенька такъ и замахали на меня руками, когда я попробовалъ-было слегка намекнуть, какимъ процессомъ получилось согласіе Оомы на ихъ

свадьбу. Сашенька кричала: «добрый, добрый Ома Омичъ; я ему подушку гарусомъ вышию!» и даже пристыдила меня за мое жестокосердіе. Новообращенный Степанъ Алексѣичъ, кажется, задушилъ бы меня, еслибъ мнѣ вздумалось сказать при немъ что-нибудь непочтительное про Ому Омича. Онъ теперь ходилъ за Омой, какъ собачка, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ и къ каждому слову его прибавлялъ: «благороднѣйшій ты человѣкъ, Ома! ученый ты человѣкъ, Ома!» Что жъ касается Ежевикина, то онъ былъ въ самой послѣдней степени восторга. Старикашка давнымъ-давно видѣлъ, что Настенька вскружила голову Егору Ильичу и съ-тѣхъ-поръ на яву и во снѣ только и грезилъ о томъ, какъ бы выдать за него свою дочку. Онъ тянулъ дѣло до послѣдней невозможности и отказался уже тогда, когда невозможно было не отказаться. Ома перестроилъ дѣло. Разумѣется, старикъ, несмотря на свой восторгъ, понималъ Ому Омича насквозь; словомъ, было ясно, что Ома Омичъ воцарился въ этомъ домѣ навѣки и что тиранству его теперь уже не будетъ конца. Извѣстно, что самые непріятнѣйшіе, самые капризпѣйшіе люди, хоть на-время, да укрощаются, когда удовлетворяютъ ихъ желаніямъ. Ома Омичъ, совершенно напротивъ, какъ-то еще больше глупѣлъ при удачахъ и задиралъ носъ все выше-и-выше. Передъ самымъ обѣдомъ, перемѣнивъ бѣлье и переодѣвшись, онъ усѣлся въ креслѣ, позвалъ дядю и въ присутствіи всего семейства сталъ читать ему новую проповѣдь.

— Полковникъ! началъ онъ: — вы вступаете въ законный бракъ. Понимаете ли вы ту обязанность...

Итакъ далѣе, итакъ далѣе; представьте себѣ десять страницъ, формата «Journal des Debats», самой мелкой печати, наполненныхъ самымъ дикимъ вздоромъ, въ которомъ не было ровно ничего объ обязанностяхъ, а были только самыя безстыдныя похвалы уму, кротости, великодушію, мужеству и безкорыстію его самаго, Омы Омича. Всѣ были голодны; всѣмъ хотѣлось обѣдать; но, несмотря на то, никто не смѣлъ

противорѣчить и всѣ съ благоговѣніемъ дослушали всю дичь до конца; даже Бахчевъ, при всемъ своемъ мучительномъ апетитѣ, просидѣлъ, не шелохнувшись, въ самой полной почтительности. Удовлетворившись собственнымъ краснорѣчіемъ, Ома Омичъ, наконецъ, развеселился и даже довольно-сильно подпилъ за обѣдомъ, превозглашая самые необыкновенные тосты. Онъ принялся острить и подшучивать, разумѣется, на счетъ молодыхъ. Всѣ хохотали и аплодировали. Но нѣкоторыя изъ шутокъ были до такой степени сальны и недвусмысленны, что даже Бахчевъ сконфузился. Наконецъ, Настенька вскочила изъ-за стола и убѣжала. Это привело Ому Омича въ неописанный восторгъ; но онъ тотчасъ же нашелся: въ краткихъ, но сильныхъ словахъ изобразилъ онъ достоинства Настеньки и провозгласилъ тостъ за здоровье отсутствующей. Дядя, за минуту сконфуженный и страдавшій, готовъ былъ теперь обнимать Ому Омича. Вообще женихъ и невѣста какъ-будто стыдились другъ друга и своего счастья; и я замѣтилъ: съ самаго благословія еще они не сказали межъ собою ни слова, даже какъ-будто избѣгали глядѣть другъ на друга. Когда встали изъ-за стола, дядя вдругъ исчезъ неизвѣстно куда. Отыскивая его, я забрелъ на террасу. Тамъ, сидя въ креслѣ, за кофеомъ, ораторствовалъ Ома, сильно-подкураженный. Около него были только Ежевикинъ, Бахчевъ и Мизинчиковъ. Я остановился послушать.

— Почему, кричалъ Ома: — почему я готовъ сейчасъ же идти на костеръ за мои убѣжденія? а почему изъ васъ никто не въ-состояніи пойти на костеръ? Почему, почему?

— Да вѣдь это ужъ и лишнее будетъ, Ома Омичъ, на костеръ-то-съ! трунилъ Ежевикинъ. — Ну, что толку? Вон первыхъ, больно-съ, а вот вторыхъ, сожгутъ — что останется?

— Что останется? Благородный пепель останется. Но гдѣ тебѣ понять, гдѣ тебѣ оцѣнить меня! Для васъ не существуетъ великихъ людей, кромѣ какихъ-то тамъ Цезарей, да Александровъ Македонскихъ! А что сдѣлали твои Цезари? кого осчастливили? Что сдѣлалъ твой хваленый Александръ Меке-

донскій? Всю землю-то завоевалъ? Да ты дай мнѣ такую же фалангу, такъ и я завоюю, и ты завоюешь, и онъ завоюетъ... За то, онъ убилъ добродѣтельнаго Клита, а я не убивалъ добродѣтельнаго Клита... Мальчишка! прохвость! розогъ бы задать ему, а не прославлять во всемірной исторіи... да ужь вмѣстѣ и Цезарю!

— Цезаря-то хоть пощадите, Оома Оомичъ.

— Не пощажу дурака!. кричалъ Оома.

— И не щади! съ жаромъ подхватилъ Степанъ Алексѣевичъ, тоже подпившій: — нечего ихъ щадить: всѣ они прыгуны, всѣ только бы на одной ножкѣ повертеться! колбасники! Вонъ одинъ, давѣча, стипендію какую-то хотѣлъ учредить. А что такое стипендія? Чортъ ее и знаетъ, что она значить! Объ закладъ побьюсь, какая-нибудь новая пакость. А тотъ, другой, довѣча-то, въ благородномъ обществѣ, вензеля пишетъ, да рому просить! Помоему, отчего не выпить? Да ты пей, пей, да и перегородку сдѣлай, а потомъ, пожалуй, и опять пей... Нечего ихъ щадить! всѣ мошенники! Одинъ только ты ученый, Оома!

Бахчевъ, если отдавался кому, то отдавался весь, безусловно и безо всякой критики.

Я отыскалъ дядю въ саду, у пруда, въ самъ уединенномъ мѣстѣ. Онъ былъ съ Настенькой. Увидя меня, Настенька стрѣльнула въ кусты, какъ-будто виноватая. Дядя пошелъ ко мнѣ на встрѣчу съ сіявшимъ лицомъ; въ глазахъ его стояли слезы восторга. Онъ взялъ меня за обѣ руки и крѣпко сжалъ ихъ.

— Другъ мой! сказалъ онъ: — я до-сихъ-поръ какъ-будто не вѣрю моему счастью... Настя тоже. Мы только дивимся и прославляемъ Всевышняго. Сейчасъ она плакала. Повѣришь ли, до-сихъ-поръ я какъ-то не опомнися, какъ-то растерялся весь: и вѣрю и не вѣрю! И за что это мнѣ? за что? что я сдѣлалъ? чѣмъ я заслужилъ?

— Если кто заслужилъ, дядюшка, то это вы, сказалъ я съ

увлеченіемъ. — Я еще не видалъ такого честнаго, такого прекраснаго, такого добрѣйшаго человѣка, какъ вы...

— Нѣтъ, Сережа, нѣтъ, это слишкомъ, отвѣчалъ онъ, какъ-бы съ сожалѣніемъ. — То-то и худо, что мы добры (то-есть я про-себя одного говорю), когда намъ хорошо; а когда худо, такъ и не подступайся близко! Вотъ мы только сейчасъ толковали объ этомъ съ Настей. Сколько ни сіялъ передо мною Оома, а повѣришь ли? я, можетъ-быть, до самаго сегодня несовѣмъ въ него вѣрилъ, хотя и самъ увѣрялъ тебя въ его совершенствѣ; даже вчера не увѣровалъ, когда онъ отказался отъ такого подарка! Къ стыду моему говорю! Сердце трепещетъ послѣ давшняго воспоминанія! Но я не владѣлъ собой... Когда онъ сказалъ давеча про Настю, то меня какъ-будто въ самое сердце что-то укусило. Я не понялъ и поступилъ, какъ тигръ...

— Что жъ, дядюшка, можетъ, это было даже естественно. Дядя замахалъ руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ, и не говори! А просто за просто, все это отъ испорченности моей природы, оттого, что я мрачный и сластолюбивый эгоистъ и безъ удержа отдаюсь страстямъ моимъ. Такъ и Оома говорить. (Что было отвѣчать на это?) Не знаешь ты; Сережа, продолжалъ онъ, съ глубокимъ чувствомъ: — сколько разъ я бывалъ раздражителенъ, безжалостенъ, несправедливъ, высокомеренъ, да и не къ одному Оомѣ! Вотъ теперь это все вдругъ пришло на память, и мнѣ какъ-то стыдно, что я до-сихъ-поръ ничего еще не сдѣлалъ, чтобъ быть достойнымъ такого счастья. Настя тоже сейчасъ говорила, хотя, право, не знаю, какіе на ней-то грѣхи, потому-что она ангелъ; а не человѣкъ! Она сказала мнѣ, что мы въ страшномъ долгу у Бога, что надо теперь стараться быть добрѣе, дѣлать все добрыя дѣла... И еслибъ ты слышалъ какъ она горячо, какъ прекрасно все это говорила! Боже мой, что за дѣвушка!

Онъ остановился въ волненіи. Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Мы положили, братъ, особенно делѣть Оому, маменьку и Татьяну Ивановну. А Татьяна-то Ивановна! какое благороднѣйшее существо! О, какъ я виноватъ передъ всѣми! Я и передъ тобой виноватъ.... Но если кто осмѣлится теперь обидѣть Татьяну Ивановну, о! тогда... Ну да ужъ нечего!... для Мизинчикова тоже надо что-нибудь сдѣлать.

— Дà, дядюшка, я теперь перемѣнилъ мое мнѣніе о Татьянѣ Ивановнѣ. Ее нельзя не уважать и не сострадать ей.

— Именно, именно! подхватилъ съ жаромъ дядя: — нельзя не уважать! Вѣдь, вотъ, напримѣръ, Коровкинъ, вѣдь ты ужъ навѣрно смѣшешься надъ нимъ, прибавилъ онъ, съ робостью заглядывая мнѣ въ лицо: — и всѣ мы давеча смѣялись надъ нимъ. А вѣдь это, можетъ-быть, непростительно... вѣдь это, можетъ-быть, превосходнѣйшій, предобрѣйшій человѣкъ, но судьба... испыталъ несчастя... Ты не вѣришь, а это, можетъ-быть, истинно такъ.

— Нѣтъ, дядюшка; почему же не вѣрить.

И я съ жаромъ началъ говорить о томъ, что въ самомъ падшемъ созданіи могутъ еще сохраниться высочайшія человѣческія чувства; что неизслѣдима глубина души человеческой; что нельзя презирать падшихъ, а, напротивъ, должно отыскивать и возстановлять; что невѣрна общепринятая мѣрка добра и нравственности, и проч. и проч. — словомъ, я воспламенился и рассказалъ даже о натуральной школѣ; въ-заключеніе же, прочелъ стихи

Когда изъ мрака заблужденья...

Дядя пришелъ въ необыкновенный восторгъ.

— Другъ мой, другъ мой! сказалъ онъ, растроганный: — ты совершенно понимаешь меня и еще лучше меня рассказалъ все, что я самъ хотѣлъ-было выразить. Такъ, такъ! Господи! почему это золь человѣкъ? почему я такъ часто бываю золь, когда такъ хорошо, такъ прекрасно быть добрымъ? Вотъ и Настя то же самое сейчасъ говорила... Но, посмотри, однакожь, какое здѣсь славное мѣсто, прибавилъ

онъ, оглядываясь вокругъ себя: — какая природа! какая картина! Экое дерево! посмотри: въ объёмъ человѣческой! Какой сокъ, какія листья! какое солнце! какъ послѣ грозы-то все вдругъ повеселѣло, обмылось!... Вѣдь, подумаешь, что и деревья понимаютъ тоже что-нибудь про-себя, чувствуютъ и наслаждаются жизнью.... Неужели жъ нѣтъ — а? какъ ты думаешь?

— Очень можетъ быть, дядюшка. По-своему, разумѣется.

— Ну, да, разумѣется, по-своему.... Дивный, дивный Творецъ!... А вѣдь ты долженъ хорошо помнить весь этотъ садъ, Серёжа: какъ ты тутъ игралъ и бѣгалъ, когда былъ маленькій! Я, вѣдь, помню, когда ты былъ маленькій, прибавилъ онъ, смотря на меня съ неизъяснимымъ выраженіемъ любви и счастья. Тебѣ только къ пруду не позволяли ходить одному. А помнишь, одинъ разъ, вечеромъ, Катя-покойница подозвала тебя и стала тебя ласкать.... Ты все бѣгалъ въ саду, передъ этимъ, и весь разумянился; волоски у тебя тогда были такіе свѣтленькіе, въ кудрячкахъ... Она ими играла-играла да и сказала: «это хорошо, что ты его, сиротку, къ намъ взялъ. Помнишь, нль нѣтъ?»

— Чуть-чуть, дядюшка.

— Тогда еще вечеръ былъ, и солнце на васъ обоихъ такъ свѣтило, а я сидѣлъ въ углу и трубку курилъ, да на васъ смотрѣлъ.... Я, Сережа, каждый мѣсяцъ къ ней на могилу, въ городъ, ѣзжу, прибавилъ онъ пониженнымъ голосомъ, въ которомъ слышались дрожаніе и подавляемая слезы. Я объ этомъ сейчасъ Настѣ говорилъ: она сказала, что мы оба вмѣстѣ будемъ къ ней ѣздить.

Дядя замолчалъ, стараясь подавить свое волненіе.

Въ эту минуту къ намъ подошелъ Водоплясовъ.

— Водоплясовъ! вскричалъ дядя, встретившись: — ты отъ Оомы Оомича?

— Нѣтъ-съ, я болѣе по своей надобности-съ.

— А ну и славно! вотъ и узнаемъ про Коровкина. А я, вѣдь, еще давеча хотѣлъ спросить.... Я ему, Сережа, ве-

лѣлъ тамъ наблюдать, Коровкина-то. — Въ чемъ дѣло, Видоплясовъ?

— Осмѣлюсь доложить, сказалъ Видоплясовъ: — что вчера вы изволили упомянуть-съ насчетъ моей просьбы-съ, и обѣщать мнѣ ваше высокое заступленіе отъ ежедневныхъ обидъ-съ.

— Не-уже-ли ты опять про фамилію? вскричалъ дядя въ испугѣ.

— Что-жъ дѣлать-съ? Ежечасныя обиды-съ....

— Ахъ, Видоплясовъ, Видоплясовъ! что мнѣ съ тобой дѣлать? сказалъ съ сокрушеніемъ дядя. Ну, какія тебѣ могутъ быть обиды? Вѣдь ты, просто, съ ума сойдешь, въ желтомъ домѣ жизнь кончишь!

— Кажется, я умою моимъ-съ.... началъ-было Видоплясовъ.

— Ну то-то, то-то, перебилъ дядя: — я, братецъ, это такъ говорю, не въ обиду тебѣ, а въ пользу. Ну какія тамъ у тебя обиды? Бьюсь объ закладъ какая-нибудь дрянъ?

— Проходу нѣтъ-съ.

— Отъ кого?

— Отъ всѣхъ-съ и преимущественно черезъ Матрену-съ. Черезъ нее я мою жизнью страдать пошелъ-съ. Извѣстно-съ, что всѣ отличительные люди-съ, кто съ измалѣтства еще меня видѣлъ, говорили, что я совсѣмъ на иностранца похожъ, преимущественно чертами лица-съ. Что же, сударь? Изъ-за этого мнѣ слѣдомъ кричатъ всякія дурныя слова-съ; даже ребятишки маленькіе-съ, которыхъ надо прежде всего розгами высѣчь-съ, и тѣ кричатъ-съ.... Вотъ и теперь, когда я сюда шелъ, кричали-съ.... Мѣчи нѣтъ-съ. Защитите, сударь, вашимъ покровомъ-съ!

— Ахъ, Видоплясовъ!... Ну да что жъ они такое кричатъ? Вѣрно, глупость какую-нибудь, на которую не надо и вниманія обращать.

— Неприлично будетъ сказать-съ.

— Да что именно?

- Омерзительно выговорить-сь.
- Да ужь говори!
- Гришка-голанецъ, съѣлъ померанецъ-сь.
- Фу, какой человѣкъ! Я думалъ и Богъ-знаеть, что! А ты плюнь, да мимо и пройди.
- Плеваль-сь: еще больше кричатъ-сь.
- Да послушайте, дядюшка, сказалъ я: — вѣдь онъ жалуется на то, что ему житья нѣтъ въ здѣшнемъ домѣ. Отправьте его, хоть на время, въ Москву, къ тому каллиграфу. Вѣдь онъ, вы говорили, у каллиграфа какого-то жилъ.
- Ну, братъ, тотъ тоже кончилъ трагически!
- А что?
- Они-сь, отвѣчалъ Видоплясовъ: — имѣли несчастье присвоить себѣ чужую собственность-сь, за что, несмотря на весь ихъ талантъ, были посажены въ острогъ-сь, гдѣ безвозвратно погибли-сь.
- Хорошо, хорошо, Видоплясовъ: ты теперь успокойся, а я все это разберу и улажу, сказалъ дядя: — общаю тебѣ! Ну что Коровкинъ? спитъ?
- Никакъ нѣтъ-сь, они сейчасъ изволили отѣхать-сь. Я съ тѣмъ и шелъ доложить-сь.
- Какъ отѣхать? Что ты? Да какъ же ты выпустилъ? вскричалъ дядя.
- По добродушію сердца-сь: жалостно было смотрѣть-сь. Какъ проснулись и вспомнили весь процессъ, такъ тотчасъ же ударили себя по головѣ и закричали благимъ матомъ-сь...
- Благимъ матомъ!...
- Почтительнѣе будетъ выразиться: многообразные вопли испускали-сь. Кричали: какъ они представятя теперь прекрасному полу-сь? а потомъ прибавили: «я недостойнъ рода человѣческаго!» и все такъ жалостно говорили-сь, въ отборныхъ словахъ-сь.
- Деликатнѣйшій человѣкъ! Я говорилъ тебѣ, Сергѣй... Да какъ же ты, Видоплясовъ, пустилъ, когда именно тебѣ же велѣлъ стеречь? Ахъ, Боже мой, Боже мой!

— Болѣе черезъ сердечную жалость-съ. Просили не говорить-съ. Ихъ же извозчикъ лошадей выкормилъ и запрегъ-съ. А за врученную, три дни назатъ, сумму-съ велѣли почтительнѣйше благодарить-съ и сказать, что вышлютъ долгъ, съ одною изъ первыхъ почтъ-съ.

— Какую это сумму, дядюшка?

— Они называли двадцать-пять рублей серебромъ-съ, сказали Видоплясовъ.

— Это я, братъ, ему тогда далъ взаймы, на станціи: у него не достало. Разумѣется, онъ вышлетъ съ первой же почтой... Ахъ, Боже мой, какъ мнѣ жаль! Не послать ли въ погоню, Серѣжа?

— Нѣтъ, дядюшка, лучше не посылайте.

— Я самъ то же думаю. Видишь, Серѣжа, я, конечно, не философъ, но я думаю, что во всякомъ человѣкѣ гораздо-болѣе добра, чѣмъ снаружи кажется. Такъ и Коровкинъ: онъ не вынесъ стыда... Но пойдѣмъ, однакожь, къ Оомѣ! Мы замѣшкались; можетъ оскорбиться неблагодарностью, невниманіемъ... Идемъ же! Ахъ, Коровкинъ, Коровкинъ!

Романъ конченъ. Любовники соединились, и гений добра безусловно воцарился въ домѣ въ лицѣ Оомы Омича. Тутъ можно бы сдѣлать очень-много приличныхъ объясненій; но, въ-сущности, всѣ эти объясненія теперь совершенно-лишнія. Таково, по-крайней-мѣрѣ, мое мнѣніе. Взамѣнъ всякихъ объясненій, скажу лишь нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ героевъ моего разсказа: безъ этого, какъ извѣстно, не кончается ни одинъ романъ, и это даже предписано правилами.

Свадьба «осчастливленныхъ» произошла спустя шесть недѣль

послѣ описанных мною происшествій. Сдѣлали все тихо, семейно безъ особенной пышности и безъ лишнихъ гостей. Я былъ шаферомъ Настеньки, Мизинчиковъ—со стороны дяди. Впрочемъ были и гости. Но самымъ первымъ, самымъ главнымъ человѣкомъ былъ, разумѣется, Ома Омичъ. За нимъ ухаживали: его носили на рукахъ. Но какъ-то случилось, что его одинъ разъ обнесли шампанскимъ. Немедленно произошла исторія, сопровождаемая упреками, воплями, криками. Ома убѣжалъ въ свою комнату, заперся на ключъ, кричалъ, что презираютъ его, что теперь ужь «новые люди» вошли въ семейство, и потому онъ ничто, не болѣе, какъ щепка, которую надо выбросить. Дядя былъ въ отчаяніи; Настенька плакала, съ генеральшей, по обыкновенію, сдѣлался судороги... Свадебный пиръ походилъ на похороны. И ровно семь лѣтъ такого сожительства, съ благодѣтелемъ, Омой Омичемъ, достались въ удѣлъ моему бѣдному дядѣ и бѣдненькой Настенькѣ. До самой смерти своей (Ома Омичъ умеръ въ прошломъ году) онъ киснулъ, кукснулся, ломался, сердился, бранился; но благоговеніе къ нему «осчастливленныхъ» не только не уменьшалось, но даже каждодневно возрастало, пропорціонально его капризамъ. Егоръ Ильичъ и Настенька до того были счастливы другъ съ другомъ, что даже боялись за свое счастье, считали, что это ужь слишкомъ послалъ имъ Господь; что не стоятъ они такой милости, и предполагали, что, можетъ-быть, впослѣствіи имъ назначено искупить свое счастье крестомъ и страданіями. Понятно, что Ома Омичъ могъ дѣлать въ этомъ смиренномъ домѣ все, что ему вздумается. И чего-чего онъ не надѣлалъ въ эти семь лѣтъ! Даже нельзя себѣ представить, до какихъ необузданныхъ фантазій доходила иногда его пресыщенная, праздная душа въ изобрѣтеніи самыхъ утонченныхъ, нравственно-лукулловскихъ капризовъ. Три года спустя послѣ дядюшкиной свадьбы, скончалась бабушка. Осиротѣвшій Ома былъ пораженъ отчаяніемъ. Даже и теперь въ домѣ дяди съ ужасомъ рассказываютъ о тогдашнемъ его положеніи. Когда засыпали могилу, онъ рвался

въ нее и кричалъ, чтобъ и его вмѣстѣ засыпали. Цѣлый мѣсяцъ не давали ему ни ножей, ни вилокъ, а одинъ разъ силою, вчетверомъ, раскрыли ему ротъ и вынули оттуда булавку, которою онъ хотѣлъ проглотить. Кто-то изъ постороннихъ свидѣтелей борьбы замѣтилъ, что Ома Омичъ тысячу разъ могъ проглотить эту булавку во время борьбы и, однакожъ, не проглатилъ. Но эту догадку выслушали всѣ съ рѣшительнымъ негодованіемъ, и тутъ же уличили догадчика въ жестоко-сердїи и неприличїи. Только одна Настенька хранила молчанїе и чуть-чуть улыбалась, причемъ дядя взглянулъ на нее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Вообще нужно замѣтить, что Ома хоть и куражился, хоть и капризничалъ въ домѣ дяди попрежнему, но прежнихъ, деспотическихъ и наглыхъ распеканцій, какія онъ позволялъ себѣ съ дядей, уже не было. Ома жаловался, плакалъ, укорялъ, попрекалъ, стыдилъ, но уже не бранился попрежнему—не было такихъ сценъ, какъ «ваше превосходительство», и это, кажется, сдѣлала Настенька. Она почти-непремѣнно заставила Ому кой-что уступить и кой-въ-чемъ покориться. Она не хотѣла видѣть униженїя мужа и настояла на своемъ желанїи. Ома ясно видѣлъ, что она его почти понимаетъ. Я говорю *почти*, потому-что Настенька тоже лелѣяла Ому и даже каждый разъ поддерживала мужа, когда онъ восторженно восхвалялъ своего мудреца. Она хотѣла заставить другихъ уважать все въ своемъ мужѣ, а потому гласно оправдывала и его привязанность къ Омѣ Омичу. Но я увѣренъ, что золотое сердечко Настеньки забыло всѣ прежнія обиды: она все простила Омѣ, когда онъ соединилъ ее съ дядей и, кромѣ-того, кажется, серьезно всѣмъ сердцемъ вошла въ идею дяди, что со «страдальца» и прежняго шута нельзя много спрашивать, а что надо, напротивъ, уврачевать сердце его. Бѣдная Настенька сама была изъ *униженныхъ*, сама страдала и помнила это. Черезъ мѣсяцъ Ома утихъ, сдѣлался даже ласковъ и кротокъ; но за-то, начались другїе самые неожиданныя припадки: онъ началъ впадать въ какой-то магнитическій сонъ, устрашавшїй всѣхъ

до послѣдней степени. Вдругъ, напимѣрь, страдалецъ что-нибудь говорить, даже смѣется, и въ одно мгновеніе окаменѣетъ, пменно въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ находился въ послѣднее мгновеніе передъ припадкомъ; если, напимѣрь, онъ смѣялся, то, такъ и оставался съ улыбкою на устахъ; если же держалъ что-нибудь, хоть вилку, то вилка такъ и остается въ поднятой рукѣ, на воздухѣ. Потомъ, разумѣется, рука опустится, но Ома Омичъ уже ничего не чувствуетъ и не помнитъ, какъ она опустилась. Онъ сидитъ, смотритъ, даже моргаетъ глазами, но не говоритъ ничего, ничего не слышитъ и не понимаетъ. Такъ продолжалось иногда по цѣлому часу. Разумѣется, всѣ въ домѣ чуть не умираютъ отъ страха, сдерживаютъ дыханіе, ходятъ на цыпочкахъ, плачутъ. Наконецъ, Ома проснется, чувствуя страшное изнеможеніе и увѣряетъ, что ровно ничего не слышалъ и не видалъ во все это время. Нужно же, чтобъ до такой степени ломался, рисовался человѣкъ, выдерживалъ цѣлые часы добровольной муки — и единственно для того, чтобъ сказать, потомъ: «смотрите на меня, я и чувствую-то краше, чѣмъ вы!» Наконецъ, Ома Омичъ проклялъ дядю за ежечасныя обиды и не почтительность и переѣхалъ жить къ г. Бахчеву. Степанъ Алексѣевичъ, который послѣ дядиной свадьбы еще много разъ ссорился съ Омой Омичемъ, но, однакожь, всегда кончалъ тѣмъ, что самъ же просилъ у него прощенія, въ этотъ разъ принялся за дѣло съ необыкновеннымъ жаромъ: онъ встрѣтилъ Ому съ энтузіазмомъ, накормилъ на-убой и тутъ же положилъ формально разсориться съ дядей и даже подать на него просьбу. У нихъ былъ гдѣ-то спорный клочокъ земли, о которомъ, впрочемъ, никогда и не спорили, потому что дядя вполне уступалъ его, безъ всякихъ споровъ, Степану Алексѣевичу. Не говоря ни слова г. Бахчевъ велѣлъ заложить коляску, поехалъ въ городъ, настрочилъ тамъ просьбу и подалъ, прося судъ присудить формальнымъ образомъ землю, съ вознагражденіями проторей и убытковъ, и такимъ образомъ казнить самоуправство и хищничество. Ме-

жду-тѣмъ, Оома, на другой день, соскучившись у г. Бахчева, простилъ дядю, прїѣхавшаго съ повинною и отправился обратно въ Степанчиково. Гнѣвъ г. Бахчева, возвратившагося изъ города и незаставшаго Оомы, былъ ужасенъ: но чрезъ три дня онъ явился въ Стѣпанчиково съ новинкою, со слезами просилъ прощенія у дяди и уничтожилъ свою просьбу. Дядя въ тотъ же день помирилъ его съ Оомой Оомичемъ и Степанъ Алексѣевичъ опять ходилъ за Оомой, какъ собачка, и попрежнему приговаривалъ къ каждому слову: «Умный ты человекъ, Оома! ученый ты человекъ, Оома!»

Оома Оомичъ лежитъ теперь въ могилѣ, подлѣ генеральши: надъ нимъ стоитъ драгоценный памятникъ изъ бѣлаго мрамора, весь испещренный плачевными цитатами и хвалебными надписями. Иногда Егоръ Ильичъ и Настенька благоговѣйно заходятъ, съ прогулки, въ церковную ограду поклониться Оомѣ. Они и теперь не могутъ говорить о немъ безъ особаго чувства; припоминаютъ каждое его слово, что онъ ѣлъ, что любилъ. Вещи его сберегаются, какъ драгоценность. Почувствовавъ себя совершенно-осиротѣвшими, дядя и Настя еще болѣе привязались другъ къ другу. Дѣтей имъ Богъ не далъ; они очень горюютъ объ этомъ, но роптать не смѣютъ. Сашенька давно уже вышла замужъ за одного прекраснаго молодаго человека. Илюша учится въ Москвѣ. Такимъ-образомъ, дядя и Настя живутъ одни и не надыхаются другъ на друга. Забота ихъ другъ о другѣ дошла до какой-то болѣзненности. Настя непрерывно молится. Если кто изъ нихъ первый умретъ, то другой, я думаю, не проживетъ и недѣли. Но дай Богъ имъ долго жить! Принимаютъ они всѣхъ съ полнымъ радушіемъ и готовы раздѣлить со всякимъ несчастнымъ все, что у нихъ имѣется. Настенька любитъ читать житія святыхъ и съ сокрушеніемъ говоритъ, что обыкновенныхъ добрыхъ дѣлъ еще мало, а что надо бы раздать все нищимъ и быть счастливыми въ бѣдности. Еслибъ не забота объ Илюшѣ и Сашенькѣ, дядя бы давно такъ и сдѣлалъ, потому-что онъ во всемъ вполнѣ согласенъ

съ женою. Съ ними живетъ Прасковья Ильинична и угождаетъ имъ во всемъ съ наслажденіемъ; она же ведетъ и хозяйство. Г. Бахчевъ сдѣлалъ ей предложеніе еще вскорѣ послѣ дяюшкиной свадьбы; но она на-отрѣзъ ему отказала. Заключили изъ этого, что она пойдетъ въ монастырь; но и этого не случилось. Въ натурѣ Прасковьи Ильиничны есть одно замѣчательное свойство: совершенно уничтожаться передъ тѣми, кого она полюбила, ежечасно исчезать передъ ними, смотрѣть имъ въ глаза, подчиняться всевозможнымъ ихъ капризамъ, ходить за ними и служить имъ. Теперь, по смерти генеральши, своей матери, она считаетъ своею обязанностью не разлучаться съ братомъ и угождать во всемъ Настенькѣ. Старикашка Ежевикинъ еще живъ и въ послѣднее время все чаще-и-чаще сталъ посѣщать свою дочь. Вначалѣ онъ приводилъ дядю въ отчаяніе тѣмъ, что почти совершенно отстранилъ себя и свою мелюзгу (такъ называлъ онъ дѣтей своихъ) отъ Степанчикова. Всѣ зазывы дяди не дѣйствовали на него: онъ былъ не столько гордъ, сколько щекотливъ и мнителенъ. Самолюбивая мнительность его доходила иногда до болѣзни. Мысль, что его, бѣдняка, будутъ принимать въ богатомъ домѣ изъ милости, сочтутъ назойливымъ и навязчивымъ, убивала его; онъ даже отказывался, иногда, отъ настинькиной помощи и принималъ только самое необходимое. Отъ дяди же онъ ничего рѣшительно не хотѣлъ принять. Настенька чрезвычайно ошиблась, говоря мнѣ тогда, въ саду, объ отцѣ, что онъ представляетъ изъ себя шута *для нея*. Правда, ему ужаено хотѣлось тогда выдать Настеньку замужъ; но корчилъ онъ изъ себя шута просто изъ внутренней потребности, чтобъ дать выходъ накопившейся злости. Потребность насмѣшки и *язычка* была у него въ крови. Онъ каррикутирилъ, напримѣръ, изъ себя самого подлаго, самого низкопоклоннаго льстеца; но въ то же время ясно выказывалъ, что дѣлаетъ это только для виду; и чѣмъ унижительнѣе была его лесть, тѣмъ язвительнѣе и откровеннѣе проглядывала въ ней насмѣшка. Такая ужъ была его манера. Всѣхъ дѣтей его удалось размѣстить въ лучшихъ учебныхъ

заведеніяхъ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и то только, когда Настенька ясно доказала ему, что все это сдѣлается на ея собственный счетъ, то-есть въ счетъ ея собственныхъ тридцати тысячъ, подаренныхъ ей Татьяной Ивановной. Эти тридцать тысячъ, по правдѣ, никогда и не брали у Татьяны Ивановны; а ее, чтобъ она не горевала и не обижалась, умиловали, общая ей при первыхъ неожиданныхъ семейныхъ нуждахъ обратиться къ ея помощи. Такъ и сдѣлали: для виду были произведены у ней въ разное время, два довольно-значительные займа. Но Татьяна Ивановна умерла скоропостижно, три года назадъ, и Настя все-таки получила свои тридцать тысячъ. Смерть бѣдной Татьяны Ивановны была скоропостижная. Все семейство собиралось на балъ къ одному изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и только-что успѣла она нарядиться въ свое бальное платье, а на голову надѣтъ очаровательный зѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, какъ вдругъ почувствовала дурноту, сѣла въ кресло и умерла. Въ этомъ вѣнкѣ ее и похоронили. Настя была въ отчаяніи. Татьяну Ивановну дѣлали въ домѣ и ходили за ней, какъ за ребенкомъ. Она удивила всѣхъ здравомыслиемъ своего завѣщанія: кромѣ настинькиныхъ тридцати тысячъ, все остальное, до трехъ-сотъ тысячъ ассигнаціями, назначалось для воспитанія бѣдными сиротокъ-дѣвочекъ и для награжденія ихъ деньгами, по выходѣ изъ учебныхъ заведеній. Въ годъ ея смерти вышла замужъ и дѣвица Перепелицына, которая, по смерти генеральши, осталась у дяди, въ надеждѣ подлизаться къ Татьянѣ Ивановнѣ. Между-тѣмъ, овдовѣлъ чиновникъ-помѣщикъ, владѣтель Мишина, той самой маленькой деревушки, въ которой у насъ происходила сцена съ Обноскинымъ и его маменькой, за Татьяну Ивановну. Чиновникъ этотъ былъ страшный сутяга и имѣлъ отъ первой жены шесть человекъ дѣтей. Подозрѣвая у Перепелицыной деньги, онъ началъ къ ней подсылать съ предложеніями, и та немедленно согласилась. Но Перепелицына была бѣдна, какъ курица: у ней всего-то было 300 руб. серебромъ, да и то подаренные ей Настенькой на свадьбу.

Теперь мужъ и жена грызутся съ утра до вечера. Она тербитъ за волосы его дѣтей и отсчитываетъ имъ колотушки; ему же (по-крайней мѣрѣ такъ говорятъ) царапаетъ лицо и поминутно коритъ его подполковничьимъ своимъ происхожденіемъ. Мизинчиковъ тоже пристроился. Онъ благоразумно бросилъ всѣ свои надежды на Татьяну Ивановну и началъ понемногу учиться сельскому хозяйству. Дядя рекомендовалъ его одному богатому графу, помѣщику, у котораго было три тысячи душъ, въ восьмидесяти верстахъ отъ Степанчикова, и который изрѣдка наѣзжалъ въ свои помѣстья. Замѣтивъ въ Мизинчиковѣ способности и взявъ во вниманіе рекомендацію, графъ предложилъ ему мѣсто управляющаго въ своихъ помѣстьяхъ, прогнавъ своего прежняго управителя-нѣмца, который, несмотря на прославленную нѣмецкою честность, обчищалъ своего графа, какъ липку. Черезъ пять лѣтъ, имѣнія узнать нельзя было: крестьяне разбогатѣли; завелись статьи по хозяйству, прежде невозможныя; доходы чуть-ли не удвоились—словомъ новой управитель отличился и прогремѣлъ на всю губернію хозяйственными своими способностями. Каково же было изумленіе и горе графа, когда Мизинчиковъ, ровно черезъ пять лѣтъ, несмотря ни на какія просьбы, ни на какія надбавки, рѣшительно отказался отъ службы и вышелъ въ отставку! Графъ думалъ, что его сманили сосѣди-помѣщики, или даже въ другую губернію. И какъ же всѣ удивились, когда вдругъ, два мѣсяца по выходѣ въ отставку, у Ивана Ивановича Мизинчикова явилось превосходнѣйшее имѣніе, во сто душъ, ровно въ сорока верстахъ отъ графскаго, купленное имъ у какого-то промотавшагося гусара, прежняго его пріятеля! Эти сто душъ онъ тотчасъ заложилъ, и черезъ годъ у него явилось еще шестьдесятъ душъ въ окрестностяхъ. Теперь, онъ самъ помѣщикъ, и хозяйство у него безподобное. Всѣ дивятся: гдѣ онъ вдругъ досталъ денегъ? другіе же только покачиваютъ головами. Но Иванъ Ивановичъ совершенно спокоинъ и чувствуетъ себя вполне въ своемъ правѣ. Онъ написалъ изъ Москвы свою сестру, ту самую, которая дала ему

свои послѣдніе три цѣлковыхъ на сапоги, когда онъ отправлялся въ Степанчиково — премилую дѣвушку, уже не первой молодости, кроткую, любящую, образованную, но чрезвычайно-запуганную. Она все время скиталась гдѣ—то въ Москвѣ, въ компаньонкахъ, у какой — то благодѣтельницы; теперь же благоговѣтъ предъ братомъ, хозяйничаетъ въ его домѣ, считаетъ его волю закономъ, а себя вполнѣ-счастливою. Братецъ не балуетъ ея и держитъ нѣсколько въ черномъ тѣлѣ; но она этого не замѣчаетъ. Въ Степанчиковѣ ее ужасно какъ полюбили, и, говорятъ, г. Бахчеевъ къ ней неравнодушенъ. Онъ и сдѣлалъ бы предложеніе, да боится отказа. Впрочемъ, о г. Бахчеевѣ мы надѣемся поговорить въ другой разъ, въ другомъ разсказѣ, подробнѣе.

Вотъ, кажется, и всѣ лица... да! забылъ. Гаврила очень постарѣлъ и совершенно разучился говорить пофранцузски. Изъ Фалалея вышелъ очень-порядочный кучеръ, а бѣдный Видоплясовъ давнымъ-давно въ желтомъ домѣ и, кажется тамъ и умеръ... На дняхъ поѣду въ Степанчиково и непременно справлюсь о немъ у дяди.

